ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ

НАУКА И ИСКУССТВО

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ

НАУКА И ИСКУССТВО

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ

НАУКА И ИСКУССТВО

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

БОЛГАРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
академик ТОДОР ПАВЛОВ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
професор, д.ф.н. Ф. Т. АРХИПЦЕВ
професор, д.ф.н. ПАНАЙОТ ГИНДЕВ
професор, д.ф.н. А. П. ШЕПТУЛИН

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ

«Наука и изкуство» София 1973

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИ

д.ф.н. ТОДОР ВЫЛОВ

профессор, д.ф.н. В. Ж. КЕЛЛЕ

к.т.н. Н. И. МАКЕШИН

профессор, к.ф.н. НИКОЛАЙ МИЗОВ

Труд создан коллективом видных советских и болгарских философов и выдающихся ученых-естественников к XV Всемирному философскому конгрессу (Варна, сентябрь 1973 г.). В нем подводятся определенные итоги уже проделанных многочисленных исследований в области теории отражения и намечаются важные направления дальнейшей работы в этой фундаментальной области диалектико-материалистической философии. Вместе с тем, в нем творчески ставится и решается ряд новых актуальных проблем теории отражения, выдвинутых развитием современного научного познания, развертывающейся научно-технической революцией, практикой строительства социализма и коммунизма, развитием мирового революционного движения и задачами идеологической борьбы с современными буржуазными и ревизионистскими философскими концепциями.

Труд состоит из трех книг, каждая из которых посвящена определенному аспекту ленинской теории отражения, представляющему интерес для того или иного круга читателей. Взятые же в целом три книги труда составляют систематическое изложение ленинской теории отражения в свете достижений современной науки. В них показано, что эта теория является основой решения ряда фундаментальных современных проблем марксистско-ленинской философии, что она оказывается весьма плодотворной в своих приложениях к осмыслению многих ключевых проблем современной науки.

Первая книга труда — «Отражение, познание, логика» — посвящена раскрытию основных положений и принципов теории отражения, имеющих общеметодологическое значение для решения как философских, так и конкретно-научных проблем. Наряду с этим здесь рассматривается ряд актуальных проблем теории отражения и теории познания.

Особое внимание уделено таким недостаточно разработанным проблемам теории отражения, как диалектика субъекта и объекта в теории отражения, активность отражения на всех уровнях движения материи и в частности активность человеческого познания как отражения действительности, специфика научного познания как отражения, научно-техническая революция как особая форма единства практики и познания, чисто теоретические термины в познании, логическая се-

мантика в свете теории отражения и др. Позитивной разработкой этих и других проблем теории отражения авторы данной книги показывают несостоятельность буржуазных и ревизионистских философских концепций, в которых ленинская теория отражения подвергается необоснованной критике.

Над первой книгой работали следующие авторы.

Предисловие к книге написал академик БАН *Тодор Павлов. Главу 1* «Идея В. И. Ленина об отражении как всеобщем свойстве материи» написали к.ф.н. *И. А. Якушовайте* (первый параграф) и профессор, д.ф.н. *Б. С. Украинцев* (второй параграф); *главу 2* «Субъект и объект в теории отражения» написал профессор, д.ф.н. *Ф. Т. Архипцев; главу 3* «Активность отражения» — старший научный сотрудник, д. ф. н. *Стефан Василев; главу 4* «Адекватность отражения» — профессор *Асен Кытов; главу 5* «Биологическое отражение действия фундаментальных законов неорганического мира» — академик АН СССР *П. К. Анохин; главу 6* «Сознание как высшая форма отражения действительности» профессор, д.ф.н. *Е. В. Шорохова; главу 7* «Исторические предшественники диалектико-материалистической теории познания» — старший научный сотрудник, к. ф. н. *Панчо Русев; главу 8* «Человеческое познание как отражение действительности» — профессор, д.ф.н. *Д. П. Горский; главу 9* «Эмпирическое и теоретическое как ступени человеческого отражения действительности» — старший научный сотрудник, к. ф. н. *Г. А. Давыдова; главу 10* «Диалектические противоречия познания» — старший научный сотрудник, к.ф.н. *Петр Велчев; главу 11* «Теоретический характер познания как отражения действительности» — академик АН СССР *Б. М. Кедров* (первый параграф) и профессор *Гиргин Гиргинов* (второй параграф); *главу 12* «Взаимосвязь практики и познания» — старший научный сотрудник, к.ф.н. *С. Н. Смирнов; главу 13* «Проблемы теории истины» — профессор, д. ф. н. *И. С. Нарский; главу 14* «Информация и познание» — *Митрю Янков* (первый параграф) и профессор, д.ф.н. *Е. К. Войшвилло* (второй параграф); *главу 15* «Проблема так называемых чисто теоретических терминов в познании» — старший научный сотрудник, к. ф. н. *Сава Петров; главу 16* «Образ и знак» — старший научный сотрудник, к. ф. н. *А. А. Ветров; главу 17* «Методы познания в свете теории отражения» — профессор, д. ф. н. *Ангел Бынков; главу 18* «Категории диалектики в свете теории отражения» — профессор, д. ф. н. *А. П. Шептулин* (первый и второй параграфы) и к. ф. н. *Недялка Михова* (третий параграф); *главу 19* «Теория отражения и логическая семантика» — к. ф. н. *Е. Д. Смирнова; главу 20* «Проблема значения в све-

ле теории отражения» — научный сотрудник *В. И. Локтионов; главу 21* «Математические абстракции как отображение реальности» — профессор *Светослав Славков* (первый параграф) и профессор, д. ф. н. *Г. И. Рузавин* (второй параграф); *главу 22* «Современные критики ленинской теории отражения» — профессор *Гиргин Гиргинов* и старший научный сотрудник, к. ф. н. *Деян Павлов.*

Во второй книге — «Теория отражения и современное естествознание» — раскрыто методологическое значение ленинской теории отражения для развития современного естествознания. Здесь показано, что эта теория, с одной стороны, впитывает в себя достижения современной науки, а с другой — помогает осмыслению многих важных вопросов научного познания в самых различных областях науки, становится все более действенной и плодотворной методологической основой решения проблем дальнейшего развития физики, биологии, химии, кибернетики и других естественных наук.

Вторая книга подготовлена следующими авторами.

Предисловие написал академик БАН *Тодор Павлов. Главу 1* «Проблема активности отображения» написал профессор, д. ф. н. *Б. С. Украинцев; главу 2* «Принцип причинности и теория отражения» — член-корреспондент БАН *Азари Поликаров; главу 3* «Логические структуры в процессе отражения» — доцент, к. ф. н. *С. М. Шалютин*; *главу 4* «Гипотеза в современной науке» — старший научный сотрудник, д. ф. н. *Л. Б. Баженов* и научный сотрудник, к. ф. н. *Б. Н. Пятницын; главу 5* «Теория отражения и математика» — академик АН УССР *Б. В. Гнеденко; главу 6* «Идея вероятности и проблемы отражения»—д. ф. н. *Ю. В. Сачков; главу 7 «Общенаучное значение принципа отражения»* — академик АН СССР *А. И. Берг,* профессор, д. ф. н. *Б. В. Бирюков,* старший научный сотрудник, д. ф. н. *И. Б. Новик; главу 8* «Квантовая механика и действительность» — старший научный сотрудник, к. ф. н. *Георги Братоев; главу 9* «Физическая реальность и ее отражение в понятиях квантовой физики» — старший научный сотрудник, к. ф. н. *Л. Г. Антипенко; главу 10* «Проблемы обоснования физического знания в свете теории отражения» — научный сотрудник, к. ф. н. *Е. А. Мамчур; главу 11* «Теория отражения и проблемы современной астрономии» — академик АН СССР *В. А. Амбарцумян* и старший научный сотрудник, к. ф. н. *В. В. Казютинский; главу 12* «Химия и проблема отражения» — доцент, к. ф. н. *Кирил Томов*; *главу 13* «О сущности явления наследственности» — академик АН СССР *Н. П. Дубинин; главу 14* «Биологические информационные гиперструктуры как формы отражения» — старший научный сотрудник, к. ф. н.

И. Кремянский; главу 15 «Активность биологического отражения» — старший научный сотрудник, к. ф. н. *Владимир Цонев*; *главу 16* «О некоторых проблемах адекватности биологического познания» — старший научный сотрудник, к. ф. н. *Р. С. Карпинская; главу 17* «Биологические ритмы в свете теории отражения» — к. ф. н. — *А. С. Кардашева; главу 18* «Эмоции, чувства и воля как формы отражения действительности» — профессор, д.м.н. *К. К. Платонов* и д.ф.н. *Георгий Шингаров; главу 19* «Отражение, информация, управление» — профессор, д. ф. н. *А. Д. Урсул; главу 20* «Кибернетическая теория опознания и теория отражения» — старший научный сотрудник, д.ф.н. *В.С.Тюхтин.*

В третьей книге — «Теория отражения и обществознание» — рассматривается специфика применения ленинской теории отражения к познанию социальных явлений. Здесь с точки зрения теории отражения раскрываются общие принципы методологии познания социальных явлений, проблема субъекта и объекта социального познания, и значение и функции познания социальных явлений.

Третья книга подготовлена следующими авторами.

Предисловие написал академик БАН *Тодор Павлов. Главу 1* «Основные направления развития современного обществоведения» — академик АН СССР *П. Н. Федосеев; главу 2* «Теория отражения и некоторые проблемы специфики социального познания» — профессор,д.ф.н. *Панайот Гиндев*;*главу 3* «Теория отражения и методология познания социальных явлений» — профессор, д.ф.н. *В. Ж. Келле* и к.т.н. *Н.И.Макешин*; *главу 4* «Социальное и биологическое в эволюции человека» — академик АН СССР *Н. П. Дубинин; главу 5* «Природа интересов и их роль в детерминации общественного сознания» — д. ф. н. *Стойко Попов; главу 6* «Превратная» идеология и принцип отражения» — к. ф. н. *Йово Элез; главу 7* «О методологии анализа структуры общественного сознания» — профессор, д .ф. н. *М. Я. Ковальзон; главу 8* «Общественная наука как объект социологического анализа» — к.т.н. *Н. И. Макешин; главу 9* «Сущность политического и правного сознания» — к.ф.н. *Диньо Гырдев* (первый параграф) и к. ф. н. *Георги Наумов* (второй параграф): *главу 10* «Некоторые философские вопросы теории права» — член-корр. АН СССР *Д. А. Керимов; главу 11* «Принцип отражения и регулятивные функции нравственного сознания» — к. ф. н. *Васил Момов; главу 12* «Теория отражения и искусство» — д. ф. н. *Стефан Василев* (первый параграф), к. ф. н. *Н. Л. Лейзеров* (второй и третий параграф), профессор *Атанас Стойков* (четвертый параграф);

главу 13 «Отражение и религия» — профессор *Николай Мизов; главу 14* «Значение и функции социального знания при социализме» — профессор, д. ф. н. *В. Ж. Келле; главу 15* «Соотношение теории и практики в строительстве социализма и коммунизма» — профессор, д. ф. н. *Г.Е.Глезерман; главу 16* «Место и роль социального познания в деятельности социального субъекта» — д. ф. н. *Тодор Вылов*; *главу 17* «О методологических основах научного управления обществом» — профессор, д. ф. н. *В. Г. Афанасьев; главу 18* «Теория отражения и прогнозирование» — к. ф. н. *Митрю Янков; главу 19* «Наука, организация, социальное управление» — д. ф. н. *Марко Марков.*

В литературном редактировании принимали участие к.ф.н. *Г. А. Давыдова и Е. И.Годунская.* Научно-техническая работа выполнена сотрудниками Института философии АН СССР *Р. И. Абдухановой, Н. И. Дисохадзе, А. А. Рябинкиной, Н. Н. Шаповаловой* и *Т. Я. Кордюковой,* и сотрудниками института философии БАН *Б. Шадовым* и *Б. Георгиевой.*

РАЗДЕЛ I

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ

ГЛАВА I

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Марксизм-ленинизм как живая, творческая теория постоянно развивается на основе революционной практики, глубокого анализа и обобщения актуальных проблем коммунистического строительства и вопросов международного развития, проблем мирового революционно-освободительного движения.

Развитие революционной теории — не удел одиночек, не плод субъективистских импровизаций, а коллективное творчество марксистов-ленинцев, важное и ответственное общепартийное дело. Главная задача ученых-обществоведов состоит в том, чтобы в тесном единстве с представителями естественных и технических наук активно участвовать в создании экономических, социально-политических и духовных основ коммунизма, находить пути все более полного использования преимуществ социалистического строя, ускорять общественный прогресс.

В свете решений XXIV съезда КПСС ясно выступают магистральные направления развития марксистско-ленинской теории, всех общественных наук. «Все более решительный поворот общественных наук в сторону разработки проблем, актуальных для настоящего и будущего»[1] — так выражено было на съезде главное требование к обществоведам.

Выдающимся теоретическим вкладом XXIV съезда КПСС в марксистско-ленинскую науку является анализ главнейших проблем коммунистического строительства, выдвигаемых современным этапом развития советского общества. В первую очередь следует выделить данную съездом характеристику развитого, или зрелого, социализма, основанную на глубоко научном обобщении опыта социалистического и коммунистического строительства в СССР, опыта других социалистических стран, на учете всех факторов, от которых зависит развитие общества. Эта характеристика имеет важное методологическое значение, ибо она позволяет, если так можно сказать, с естественнонаучной точностью определить реальное содержание нынешнего этапа, достигнутого нашим обществом, по сравнению с капитализмом, вскрыть диалектику перерастания социалистического общества в коммунистическое и на-

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 86—87.

метить главные направления теоретических исследований проблем социально-экономического и политического развития советского общества. *Разработка проблем развитого социалистического общества* — это коренная общая задача работников всех общественных наук. (См. вставку № 1.)

Отправляясь от этих выводов, мы имеем в виду сосредоточить внимание на главных направлениях исследовательской работы в области современного обществознания.

Одной из основных особенностей развития современного обществознания является необходимость комплексных исследований современных процессов развития общества для научного руководства социалистическим хозяйством и решения задач коммунистического строительства. Всесторонний комплексный подход всех общественных наук к решению актуальных теоретических проблем вытекает из существа диалектического метода и представляется решительным требованием времени.

1. Основные направления комплексных исследований

Наиболее общим, комплексным направлением, в котором перекрещиваются и соединяются исследовательские усилия работников всех областей общественных наук, является *разработка мировоззренческих основ коммунистического строительства и коммунистического воспитания.*

Мы — материалисты и исходим из того, что основой развития социалистического общества, как и всего исторического прогресса, является материальное производство. И все же рассмотрение основных задач общественных наук мы начинаем с идеологических проблем.

Для нас является аксиомой, что история делается людьми, что объем и глубина общественных преобразований тем больше, чем большее число людей участвует в историческом творчестве, чем сознательнее, активнее, убежденнее они действуют. Естественно, что в условиях социализма — первого в истории строя, развивающегося на основе сознательного руководства социальными процессами и вовлекающего в строительство нового общества огромные массы трудящихся, — духовные качества и созидательные усилия человека делаются фактором, от которого в значительной степени зависят характер и темпы общественного прогресса.

Необходимо ясно отдавать себе отчет в том, что рост производства, развитие науки и техники, повышение благосостояния людей лишь в сочетании с коммунистическим воспитанием и совершенствованием общественных отношений могут служить делу формирования нового духовного и нравственного облика человека и утверждению коммунистического образа жизни.

Отсюда понятно, какое основополагающее значение имеет формирование и утверждение мировоззрения современного человека — строителя коммунизма, в котором должны найти выражение отношения человека к миру, к другим людям, к общественной жизни во всем ее многообразии, к творческому труду и к духовным ценностям. Словом, речь идет о всесторонней разработке, если можно так выразиться, фи-

лософии строителя коммунизма, воплощающей его коммунистические убеждения, высокий интеллектуальный уровень и прочные нравственные устои, его видение современности. Обоснование такого мировоззрения может быть лишь плодом коллективных усилий представителей всех без исключения социальных наук — философии и политической экономии, научного коммунизма и социологии, истории и права, эстетики и этики. Это мировоззрение, естественно, должно включать научное понимание современной эпохи, глубокую убежденность в закономерности победы коммунизма над капитализмом. Социальная философия строителя коммунизма по своему существу непримирима к буржуазным и ревизионистским концепциям современности, к любым измышлениям идейных апологетов капитализма. Она требует принципиального классового, партийного подхода ко всем общественным явлениям.

Глубокое содержание общественного сознания в условиях развитого социализма с тем большим основанием можно образно определить как философию строителей коммунизма, что все выше становится уровень образования и культуры советского народа, все шире — его духовные интересы и запросы, все глубже те мировоззренческие проблемы, осмысление которых характеризует основные тенденции развития духовной жизни социалистического общества.

Дальнейшее развитие социалистического общественного сознания, всей духовной культуры, повышение мировоззренческого уровня, политической сознательности, нравственное развитие всех трудящихся являются одним из главных участков коммунистического строительства, а вместе с тем условием новых успехов в хозяйственном, социально-политическом и культурном прогрессе.

В центре всей работы по формированию и утверждению коммунистического мировоззрения стоит воспитание коммунистического отношения к труду. Маркс и Энгельс раскрыли решающую роль труда в становлении и развитии человека и человеческого общества. Они убедительно показали, что в известном смысле труд создал самого человека. Исходя из общего учения марксизма о роли труда, мы с полным основанием можем сказать, что коммунистический труд — основное средство создания коммунистических отношений и утверждения коммунистического мировоззрения. Определяя программу коммунистического воспитания молодого поколения, В. И. Ленин подчеркивал: «только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами»[2].

Именно коллективным трудом и активной общественной деятельностью формируется новый человек — человек коммунистического общества. Поэтому разработка проблем воспитания коммунистического отношения к труду, к общественному долгу — главная задача общественных наук в деле формирования и утверждения коммунистического мировоззрения, духовного облика строителя коммунизма.

---

[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 317.

Воспитание строителя коммунизма — это воспитание интернационалиста и патриота, готового поддерживать освободительное движение в других странах и всеми средствами защищать социалистическое оте, чество, идти на любые жертвы во имя его свободы и независимости. Молодое поколение должно научиться не только строить коммунизм, но и отстаивать новое общество от любых недругов.

Таким образом, коммунистическое мировоззрение в широком смысле — это не только взгляды на природу и общество в целом, не простая совокупность знаний, а общий духовный настрой людей. Это стройная система социально-экономических, политических идей и убеждений, эстетических воззрений и нравственных норм, которыми руководствуется строитель коммунизма и которые оказывают огромное воздействие на все стороны его познавательной и практической деятельности. Формирование коммунистического мировоззрения, коммунистического духовного настроя людей является тем узловым пунктом, где связываются воедино теория и практика, где научные принципы, законы становятся убеждениями, взглядами, нормами, придающими глубокий социальный смысл всей деятельности людей, где философские, экономические, социологические и прочие исследования непосредственно соединяются с жизнью и трудом масс, созидающих коммунистическое общество.

Основные черты коммунистического мировоззрения содержатся в марксистско-ленинском учении, в программных документах коммунистических партий, в моральном кодексе строителей коммунизма. Задача исследовательской работы состоит в том, чтобы всесторонне раскрыть содержание и роль коммунистического мировоззрения, его целостный характер, углубить понимание форм и методов развития коммунистической сознательности, политической и трудовой активности людей.

Именно в этом плане мы подчеркиваем принципиальное, мировоззренческое значение социально-экономической политики партии. Выдвигая в качестве главной задачи пятилетки значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда, партия рассматривает эту задачу не как временную меру, а как общую ориентацию экономического развития страны на длительную перспективу. Теоретическое осмысление этой задачи требует исследования и философского обобщения всех связанных с ней процессов и в первую голову проблем, выдвигаемых научно-технической революцией.

Следовательно, одним из основных направлений комплексных исследований должно стать *изучение социально-экономических и идеологических проблем научно-технической революции.*

Всесторонне раскрыть место научно-технической революции во всемирно-историческом процессе, ее роль в создании материально-технической базы коммунизма, ее воздействие на социальную, политическую, идеологическую, культурную сферы жизни, на развитие личности в

условиях социализма и капитализма—таковы основные задачи комплексного исследования научно-технической революции.

Весь опыт нашей страны и братских стран показал, что именно в условиях социалистического строя социальный и научно-технический прогресс действуют в одном направлении, причем роль научно-технического прогресса во всестороннем развитии социалистического общества непрерывно возрастает.

Исходя из достигнутого нашей страной высокого уровня развития производительных сил и высокой степени зрелости общественных отношений в качестве важнейшей задачи выдвигается органическое соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства. А это требует всестороннего исследования путей и форм наиболее эффективного использования научно-технического прогресса во всех сферах развитого социалистического общества в целях успешного строительства коммунизма.

Марксистско-ленинское учение рассматривает научно-техническую революцию как процесс, который развертывается в рамках определенных общественных отношений, взаимодействует с ними.

Углубленного исследования требует проблема использования научно-технической революции для развития и совершенствования социалистических производственных отношений. Здесь возникают вопросы, связанные с развитием социалистической собственности, с изменениями в сфере производства, обмена, распределения и потребления, со стиранием межклассовых и внутриклассовых различий, с усилением социальной однородности и социального равенства.

К числу центральных принадлежат вопросы прогнозирования научно-технического прогресса. Их решение на научной основе предполагает исследование закономерностей развития науки и техники, требует совместных усилий представителей естественных, технических и общественных наук. Остро ощущается потребность в научно-обоснованной методологии и методике определения основных направлений научно-технического прогресса. При этом нельзя упускать из виду то, что главным критерием его экономической эффективности является производительность труда. Не отдельные, пусть самые выдающиеся образцы новой техники и технологии, а темпы роста производительности труда во всем народном хозяйстве — наиболее верный показатель успехов в экономическом и научно-техническом соревновании с капитализмом.

Научно-техническая революция затрагивает все без исключения стороны жизни социалистического общества. Это диктует необходимость расширять и углублять изучение социологических, правовых, социально-психологических, образовательных аспектов.

Научно-техническая революция оказывает воздействие и на общественные науки, на их исследовательские средства и приемы. Проникновение математических методов, кибернетики в экономические и социологические исследования уже вызвало значительные преобразования в этих областях знания. Новые научно-технические средства берутся на вооружение и в других областях общественных наук. Науч-

но-техническая революция поставила новые гносеологические вопросы перед философией. Мы обрекли бы себя на отставание, если бы в научных исследованиях, в подготовке кадров не учитывали воздействие научно-технической революции на общественные науки.

Актуальным направлением научных исследований, тесно связанным с проблемами научно-технической революции, является *изучение изменяющегося соотношения сил в борьбе двух противоположных мировых систем.*

XXIV съезд КПСС всесторонне рассмотрел особенности нынешней фазы противоборства мирового социализма и капитализма, раскрыл основные направления и формы его воздействия на ход истории. Эти выводы съезда имеют принципиальное теоретическое значение, они служат методологической основой изучения современных международных проблем, указывают основные направления, по которым должны идти исследования в этой области.

Съезд подчеркнул всеобъемлющий, глобальный характер противоборства социализма и капитализма. Оно охватило все сферы общественной жизни и все регионы. Его влияние испытывают на себе международный рабочий класс, национально-освободительное движение, демократические, прогрессивные силы, все классы и слои населения, все политические и идейные течения.

Для нынешнего этапа борьбы социализма и капитализма характерен существенный рост влияния мировой системы социализма на общий ход развития, в том числе на несоциалистический мир. Это решительное изменение в соотношении сил в пользу социализма определяется вступлением его в такую фазу, когда новый общественный строй уверенно набирает темпы, когда его экономическая и политическая система, динамично развиваясь, все более полно и всесторонне раскрывает свои преимущества. Конечно, развитие мирового социализма не свободно от противоречий, трудностей и ошибок. Однако теперь уже очевидно, что для современной фазы его развития определяющим является крутой подъем экономики социалистических государств, совершенствование их социально-политической системы, расцвет науки и культуры, укрепление сплоченности и содружества.

Для мира капитализма характерны противоположные тенденции. Конец 60-х — начало 70-х годов оказались по существу началом новой фазы в общем кризисе капитализма, для которой характерно еще большее ослабление его экономических устоев, обострение противоречий как внутри капиталистических стран, так и между ними. Потерпела крах политика буржуазного реформизма и социальных маневров. Стрелка барометра мирового революционного процесса неуклонно движется к делению, возвещающему начало решающих классовых битв в цитаделях империализма.

Научно-техническая революция в условиях капитализма обостряет его старые противоречия и порождает новые. Прогресс науки и техники пробивает себе дорогу в странах капитала, но он же вызывает экономические и политические конфликты, ухудшает положение все более широких слоев трудящихся, порождает такие проблемы, затрагиваю-

щие интересы всего населения, как милитаризация экономики, увеличение степени эксплуатации рабочей силы и рост безработицы, загрязнение окружающей среды, отрицательные стороны безудержного роста городов.

Перед учеными-марксистами стоит задача еще глубже изучить все эти явления, обобщить их, вскрыть новые тенденции, процессы, противоречия и конфликты, порождаемые научно-технической революцией в условиях капитализма.

Значение этих исследований важно и с точки зрения критики буржуазно-апологетических, реформистских и ревизионистских концепций научно-технической революции и ее социальных последствий.

Апологеты капиталистического строя не оставляют попыток доказать, будто научно-техническая революция увековечивает капитализм, опровергает марксистско-ленинскую теорию, делает ненужной социалистическую революцию. Этой цели служат многочисленные технократические теории, появляющиеся на Западе в последние 10—15 лет. Их авторы Г. Кан, Э. Бжезиньский, Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, Р. Арон и другие, признавая остроту проблем, переживаемых современным капитализмом, тем не менее полагают, что они могут быть решены на базе научно-технической революции, путем совершенствования буржуазного общества.

С другой стороны, получают распространение и пессимистические теории, которые усматривают в научно-техническом прогрессе некую демоническую, разрушительную силу, несущую в себе угрозу гибели цивилизации и духовного разложения личности. Сторонники таких теорий не признают коренной разницы между капитализмом и социализмом в использовании достижений науки и техники и сеют неверие в возможность рационального их применения.

Такого рода реакционно-утопические теории не менее вредны, чем буржуазная апологетика. Они отрицают ту истину, что в противоположность капитализму именно социализм в условиях научно-технического прогресса и с его помощью в состоянии оберегать окружающую природу и обеспечить наиболее благоприятные условия человеческого бытия. А наивысшая ценность в нашем обществе — это человек. Отсюда и девиз партии: «Все для человека, все во имя человека». Социалистическое общество прививает людям любовь к технике и не в меньшей мере — любовь к природе, бережное заботливое отношение к ней.

Нам следует обратить пристальное внимание на разработку проблем, связанных, так сказать, с человеческими аспектами научно-технической революции, с ее воздействием на развитие личности. Безусловно, определенные проблемы и трудности имеются в этом деле и при социализме. Однако сейчас уже не вызывает сомнений, что общий ход исторического развития, тенденции научно-технической революции ведут в направлении реализации коммунистических идеалов и ценностей.

Социализм выигрывает битву с капитализмом на основе прогресса не одной какой-либо стороны жизни, например, производства, а одновременного, гармоничного совершенствования всех сторон общественной жизни,

направленного на благо каждого трудящегося человека. Это совершенно не под силу капитализму, природа которого дисгармонична и антигуманна, противостоит интересам людей труда.

Очевидным доказательством роста сил социализма и мира, их возрастающего влияния на международной арене можно считать кризис глобальной стратегии империализма.

В этих условиях особо важное значение имеет *научная разработка и пропаганда идей, заложенных в программе мира, которая была выдвинута XXIV съездом КПСС и получила признание и поддержку всего прогрессивного человечества.* Внешняя политика и внешнеполитическая деятельность социалистических стран должны занять достойное место в исследовательской, педагогической и воспитательной работе обществоведов. Империалистической стратегии агрессии и угнетения мы противопоставляем стратегию мира и социального прогресса.

В обстановке экономического и научно-технического соревнования двух систем все большее значение приобретает совершенствование руководства народным хозяйством, а вместе с тем *исследование проблем планирования и управления.*

Принципиальное значение имеет вопрос о соотношении политических и технико-организационных моментов в управленческой деятельности. Маркс в свое время предупреждал, что управленческая деятельность имеет четко выраженную социальную направленность и потому ее цели, а также отчасти и методы, определяются природой общественных отношений того строя, в котором она осуществляется.

Задача наших ученых — глубоко и всесторонне раскрыть качественную специфику системы руководства социалистическим обществом в целом, выявить заложенные в этой системе преимущества.

Ускорение научно-технического и социального прогресса в развитом социалистическом обществе требует постоянного повышения точности предсказаний и совершенствования форм и методов социального прогнозирования и планирования.

В связи с этими задачами необходимо глубже разрабатывать методологию комплексного народнохозяйственного, отраслевого и районного планирования с применением современных экономико-математических методов и электронно-вычислительных машин, развивать комплексные методы перспективного планирования и прогнозирования.

В ряду центральных проблем общественных наук находятся *закономерности мировой социалистической системы.*

Первостепенное теоретическое и политическое значение имеют общие закономерности социалистического строительства, определяющие черты социализма как общественного строя, идущего на смену капитализму.

Важной задачей является теоретическая разработка вопросов социалистической экономической интеграции, намеченных в Комплексной программе стран СЭВ, углубления и расширения политического и идеологического сотрудничества, путей и форм сближения социалистических наций и государств. При этом следует помнить ленинскую мысль о том, что такое сближение — длительный объективный процесс, в ко-

тором недопустимо какое-либо форсирование, забегание вперед, перепрыгивание через этапы.

Мировая социалистическая система является объектом пристального внимания не только тех, кто видит в социализме будущее своей страны и народа, кто хочет перенять наш опыт, но и наших противников, стремящихся воспользоваться любыми трудностями в ее развитии для подрыва позиций социализма, ослабления его авторитета и силы воздействия. В одном ряду с буржуазными идеологами нередко оказываются правые и «левые» ревизионисты, искажающие смысл происходящих в мировой социалистической системе процессов, ее природу и всемирно-историческую роль.

Маоисты берут ставку на «казарменный социализм», на военно-бюрократическую диктатуру как форму милитаризации общественной жизни и орудие великодержавной, шовинистической политики. Другие делают упор на «гуманный», «демократический» социализм, на пропаганду теории разных «моделей социализма». Как известно, острие этой теории направлено против научного представления о единой, общей для всех социалистических государств сущности социалистического строя. Ее идеологической базой служит концепция «открытого» или «плюралистического» марксизма, отрицающая всеобщий характер принципов марксизма-ленинизма.

Как правило, ревизионизм неразрывно связан с искажением сущности пролетарского интернационализма, проблем общего и особенного в развитии социализма, национального и интернационального и т. д. Национализм — одна из самых отравленных стрел в арсенале противников социализма, они прибегают к нему для того, чтобы попытаться вбить клин в отношения между социалистическими странами и коммунистическими партиями.

Необходимо активизировать усилия представителей всех общественных наук в борьбе против враждебной идеологии, в особенности против антикоммунизма и антисоветизма, которые сегодня усиленно раздуваются во всем мире правыми и «левыми» ревизионистами, всякого рода ренегатами, националистами. Важнейшей задачей при этом остается критика идеологии маоизма, которая все более обнаруживает свой антиленинский и антисоветский характер.

Решая задачи комплексного исследования больших и актуальных проблем, развертывая критику современного антикоммунизма и ревизионистских концепций, мы должны обеспечить *глубокое изучение современной марксистской мысли за рубежом, в особенности теоретической работы, опыта идеологической борьбы в социалистических странах.* Развитие общественных наук — интернациональный долг ученых всех социалистических стран. Это значит, что мы должны всемерно крепить научные связи ученых, преподавателей стран социализма, все шире переходя от взаимной информации, взаимных консультаций к более тесному сотрудничеству в разработке актуальных проблем общественных наук, к совместным выступлениям против идеологических противников, к согласованным усилиям по привлечению всех здоровых, передовых сил в капиталистических странах на сторону прогресса и социализма.

2. Вопросы экономической науки

Во главу угла экономической науки выдвинулись задачи всестороннего *исследования социалистической экономики, социалистических форм хозяйствования*. Важнейшие направления этого исследования определяются содержанием экономической политики коммунистических и рабочих партий.

В настоящее время сформулированы три *основных вопроса экономической политики* на предстоящий период.

Это прежде всего вопрос о главных целях, на достижение которых ориентируется развитие экономики.

Это, далее, вопрос об источниках роста, ресурсах, которые надо мобилизовать для дальнейшего быстрого подъема общественного производства.

Это, наконец, вопрос о совершенствовании механизма хозяйствования, призванного обеспечить успешное развитие экономики.

Основной экономической задачей программного значения является создание материально-технической базы коммунизма. Эта задача решается на основе совершенствования и всестороннего прогресса экономики развитого социалистического общества. В соответствии с этим генеральным направлением экономических исследований, естественно встала задача *разработки проблем экономики развитого социалистического общества и создания материально-технической базы коммунизма*. Прежде всего требуется конкретно исследовать основные перспективные направления комплексного хозяйственного строительства в развитом социалистическом обществе.

Мы исходим из того, что дальнейшее развитие и совершенствование социалистического производства и современных, наиболее передовых производственных фондов есть вместе с тем строительство материально-технической базы коммунизма, которая может быть создана на основе новейших достижений науки и техники. Органическое соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства — это магистральный путь создания материально-технической базы коммунизма. Должны быть разработаны основные количественные и качественные критерии материально-технической базы коммунизма, на которой возможно осуществление коммунистических принципов производства и распределения.

В связи с этим требуется усилить теоретическую разработку самой проблемы потребностей человека в развитом социалистическом обществе: рациональных норм и структуры потребления материальных и духовных благ, воздействия закона возрастания потребностей на их динамику и структуру, определения условий, необходимых для всестороннего развития способностей и творческой активности трудящихся. Если раньше в экономической литературе уделялось внимание в основном обоснованию того положения, что уровень жизни народа при социализме определяется развитием общественного производства, то в настоящее время необходимо также значительно лучше и полнее показы-

вать обратную зависимость развития производства от повышения уровня жизни трудящихся.

Необходимо исследовать воздействие неуклонного роста благосостояния трудящихся на усиление социально-экономической однородности социалистического общества. Огромные материальные и финансовые ресурсы, предназначенные для роста благосостояния трудящихся, используются в целях дальнейшего уменьшения социально-экономических различий в нашем обществе и усиления однородности его социально-экономической структуры. Это отчетливо проявляется в дальнейшем существенном сближении уровня жизни городского и сельского населения, рабочего класса и колхозного крестьянства, уровня жизни жителей различных районов страны.

Усиливая свою связь с предприятиями и объединениями различных отраслей общественного производства, ученые-экономисты должны им помочь в *изыскании и наиболее полном использовании всех резервов повышения производительности труда и эффективности общественного производства*, рациональном использовании рабочей силы, основных производственных фондов, сырья и материалов, улучшении качества продукции.

Вероятно, ключевой проблемой надо признать выявление путей и средств *ускорения реализации капитальных вложений*. К. Маркс обращал внимание на необходимость правильного сочетания вложений в те отрасли, которые дают быстрый эффект, и в те, которые требуют длительного времени для возмещения затрат.

Предстоит усилить исследования научных основ дальнейшего совершенствования механизма социалистического хозяйствования: методов планирования, более эффективного использования экономических рычагов, внедрения хозяйственного расчета, совершенствования ценообразования, использования кредита, проблем материального и морального стимулирования. Особое внимание должно быть обращено на выявление источников и всех факторов *интенсивного развития* социалистической экономики.

Экономистам предстоит выработать соответствующую современным требованиям, полностью пригодную для практического использования систему экономических критериев и нормативов для правильной оценки и выбора различных вариантов повышения эффективности производства, ускорения научно-технического прогресса, для оптимального планирования темпов и пропорций роста народного хозяйства и его отраслей, соотношений между накоплением и народным потреблением, для наиболее полного удовлетворения потребностей общества с учетом как перспектив развития, так и ближайших задач.

Все эти общие задачи имеют прямое отношение к *экономике сельского хозяйства*. В то же время экономистам предстоит разработать и ряд специфических проблем экономического развития деревни, методы интенсификации всех отраслей сельскохозяйственного производства и наиболее эффективного использования тех громадных средств, которые вкладывают государство и колхозы в развитие сельского хозяйства.

Многогранность и все большее усложнение проблем экономической

теории и практики требуют применения системного подхода в экономических исследованиях с тем, чтобы вопросы отраслей, районов, отдельных сфер воспроизводства решались под углом зрения народнохозяйственного оптимума, а проблемы экономики отдельных стран изучались с необходимым учетом процессов развития мировой социалистической системы, социалистической интеграции, а также с учетом состояния капиталистической экономики и развивающихся стран.

Все эти и многие другие вопросы непосредственно связаны с *фундаментальными проблемами политической экономии социализма*. Их успешное решение во многом зависит от разработки таких важнейших методологических проблем, как система экономических законов и категорий социализма вообще и развитого социалистического общества в особенности, основы социалистического расширенного воспроизводства, совершенствования методов использования при социализме товарно-денежных отношений.

Нужно сказать, что политическая экономия социализма в разработке этих проблем еще не сказала решающего слова. Слишком затянулась дискуссия по поводу роли товарно-денежных отношений при социализме. Вопрос об использовании товарно-денежных отношений в социалистическом обществе не является дискуссионным.

В творческой разработке, а стало быть и в обсуждении нуждаются вопросы совершенствования товарно-денежных отношений и всего комплекса инструментов хозрасчета в плановом управлении народным хозяйством. Между тем длительные, подчас схоластические споры о роли товарно-денежных отношений вообще отвлекают внимание от разработки актуальных вопросов социалистической экономики. Нужно также иметь в виду, что односторонности в этом споре имеют весьма отрицательные последствия. Недооценка товарно-денежных отношений может повести к подрыву хозрасчетной системы и материального стимулирования. С другой стороны, преувеличение роли, абсолютизация этих отношений ведет к недооценке новых, собственно социалистических форм и стимулов роста производства, таких как плановое начало, свободный творческий коллективный труд, сочетание материальных и моральных стимулов, мобилизующая роль трудовых коллективов, социалистическое соревнование, общественная организация производства и т. д. Как показывает практика отдельных социалистических стран, отступление от марксистско-ленинского понимания этих вопросов в ту или другую сторону наносит большой ущерб делу хозяйственного строительства.

Опыт Советского Союза и других социалистических стран говорит о том, что товарно-денежные отношения служат важным инструментом в народном хозяйстве. Но это не значит, что они играют у нас ту же роль, что и при капитализме. Там они воплощают существо общественно-экономической формации, обслуживают отношения, построенные на эксплуатации труда капитала. В условиях социализма — это форма проявления качественно новых, по сравнению с капиталистическими, общественных отношений. При социализме деньги не могут превратиться в капитал, ибо средства производства не продаются частным лицам и рабочая сила не может покупаться, быть товаром. В этом — существенная

особенность товарно-денежных отношений при социализме. Мы против недооценки или игнорирования товарно-денежных инструментов в осуществлении хозяйственного расчета, обмена деятельностью и экономических связей вообще в социалистическом обществе. Вместе с тем мы решительно отвергаем всякие попытки использовать признание необходимости товарно-денежных отношений для противопоставления социалистического производства, как якобы особого способа производства, коммунистическому или для проповеди «рыночного социализма».

Думается, что сейчас имеются благоприятные возможности для решительного изменения положения дел в этой сфере. Выдвигая положение о соединении достижений научно-технической революции с преимуществами социализма, необходимо еще раз подчеркнуть качественную специфику, своеобразие социализма как общественного строя по сравнению с капитализмом. Раскрытие этой специфики, изучение основных закономерностей социалистических производственных отношений, выявление принципиального отличия экономических устоев социализма на основе огромного материала, который предоставляет в наше распоряжение практика социалистического строительства нашей страны и других социалистических стран — таковы первоочередные задачи политэкономии социализма в области теоретических фундаментальных исследований.

Мы должны исходить из того, что лишь на основе разработки актуальных проблем социалистической экономики можно творчески развивать политическую экономию социализма, которая является важнейшим направлением исследований. В то же время недопустимо ослаблять внимание к разработке политической экономии в широком смысле. Мы не должны упускать из виду и несоциалистическую часть мира, в которой живет еще значительная масса населения. Современная мировая экономика в разных частях мира находится на разных ступенях развития, и можно сказать, что она представляет всю политическую экономию в широком смысле слова. Около трети мирового хозяйства подпадает под действие законов социализма. На остальной части мира действуют экономические законы монополистического и домонополистического капитализма, а также законы докапиталистических формаций, в том числе и общинно-патриархальных отношений. Таким образом, разработка политической экономии это не только учебная, не только историко-теоретическая, но и актуальная практическая задача. Конечно, политическая экономия не может заниматься характеристикой экономики каждой страны, но важно проследить, какие специфические особенности приобретают в современных условиях докапиталистические и капиталистические отношения, каковы черты экономики некапиталистического пути развития, как воздействует экономика мирового социализма на несоциалистическую экономику.

3. Вопросы научного коммунизма

В теоретическом анализе современной эпохи важнейшее место занимает проблема соотношения различных движущих сил мирового революционного процесса. Жизнь показывает, что усиливается значение основных потоков революционной борьбы — воздействия мировой системы социализма, рабочего движения в капиталистических странах, национально-освободительного движения. Противники марксизма, пытаясь разобщить эти революционно-освободительные силы, противопоставляют их друг другу.

Поэтому естественно, что настоятельной стала потребность в *научном освещении роли рабочего класса в общем взаимодействии социальных и политических факторов общественного прогресса*. Речь идет о конкретном воплощении его всемирно-исторической миссии в современных условиях.

Наше время характеризуется возрастанием роли рабочего класса во всех главных событиях и движениях эпохи.

Повышение этой роли рабочего класса проявляется в трех основных направлениях.

Во-первых, все более развертывается созидательная деятельность и возрастает ведущая роль рабочего класса в социалистических странах, под руководством и непосредственными усилиями которого осуществляется строительство социализма и коммунизма. Во всех социалистических странах рабочий класс представляет ведущую силу и классовую основу нового строя. Даже там, где антисоциалистическим силам удалось деформировать те или иные элементы надстройки, социалистический экономический базис выдерживал напор этих элементов благодаря рабочему классу, как главному носителю социалистических производственных отношений.

Во-вторых, значительно активизировалась классовая борьба рабочих в капиталистических странах, в том числе в главных цитаделях империализма. Несмотря на соглашательство реформистских партий, рабочий класс все более решительно поднимается как самостоятельная сила в борьбе с капитализмом. События последних лет в полной мере подтвердили значение рабочего класса как главного и наиболее сильного противника власти монополий, как центра притяжения всех антиимпериалистических сил.

В-третьих, растет численность и удельный вес рабочего класса, возрастает его влияние в странах так называемого «третьего мира». Жизнь показывает, что и национально-освободительная, антиимпериалистическая борьба народов может быть наиболее эффективной только в союзе с международным рабочим классом.

Правые и «левые» ревизионисты, маоисты, мелкобуржуазные радикалы пытаются противопоставить рабочему классу различного рода другие социальные силы — крестьянство, интеллигенцию, армейские круги, молодежное движение, студенчество и даже деклассированные элементы.

Ревизионисты яростно нападают на боевой авангард рабочего класса — на коммунистические партии, стремясь дискредитировать и ослабить коммунистическое движение. Отвергая идею гегемонии пролетариата в революции, они отрицают руководящую роль компартий как высшей формы его классовой организации.

Все более навязчивыми становятся попытки буржуазных идеологов и ревизионистов доказать неизбежность сужения роли профсоюзов в условиях научно-технической революции, обосновать мнимую «интеграцию» профсоюзов, как и самого рабочего класса, в систему государственно-монополистического капитализма.

Для современного этапа идейной борьбы в рабочем движении характерна своеобразная экспансия социальной доктрины католической церкви. Христианский синдикализм, внешне отказывающийся от своих христианских вывесок, пытается сформулировать для рабочего класса некий «третий путь», имеющий «некапиталистический и некоммунистический характер».

Буржуазно-реформистские лидеры, обеспокоенные ростом влияния марксистско-ленинской идеологии и единых действий трудящихся различных профсоюзов, предпринимают большие усилия, чтобы задержать эти процессы. Они стремятся «теоретически» обосновать отсутствие общих интересов у профсоюзов социалистических и капиталистических стран, сделать невозможным сотрудничество рабочего класса в странах с различными социальными системами. Не прекращаются наскоки на Всемирную федерацию профсоюзов.

В ряде стран братские партии столкнулись с попытками ревизовать ленинские положения о взаимоотношениях коммунистических партий и профсоюзов, обосновать некую «автономность» профсоюзов от авангарда рабочего класса.

Важнейшим объектом в этой битве идей, которая развертывается ныне между капитализмом и социализмом, стало молодежное движение. В ряде капиталистических стран Европы и Америки в последние годы прокатилась волна мощных революционных студенческих выступлений, получивших название «студенческой революции». Революционное движение студенческой молодежи порождено острыми социальными противоречиями буржуазного общества, развертывающимся всеобщим кризисом капитализма.

Современный монополистический капитализм враждебен молодежи. Он не может разрешить ни одной ее проблемы. Монополистическая буржуазия стремится парализовать революционное движение студенчества, направляя его по ложному пути. И неоценимую помощь в этом ей оказывают левацкие концепции мелкобуржуазных радикалов, анархистов, троцкистов и маоистов.

Все это обязывает усилить разработку проблем рабочего, профсоюзного, молодежного и других демократических движений. Необходимо решительно сорвать ревизионистские попытки затушевать руководящую роль рабочего класса и его марксистско-ленинского авангарда в освободительном движении.

Ренегаты, вроде Роже Гароди или Фишера, уверяют, что поскольку в

ходе научно-технической революции возрастают численность и роль интеллигенции, именно ей и принадлежит ведущее положение в общественном развитии. Не решаясь открыто отрицать всемирно-историческую роль рабочего класса и чтобы полностью не разоблачить свое отступничество от марксизма, они включают большинство интеллигенции, всех инженерно-технических работников в состав рабочего класса как «одну из его наиболее перспективных частей».

В чем состоит порочность подобной проповеди?

Во-первых, этим затушевывается ведущая, руководящая роль собственно рабочего класса.

Во-вторых, искусственно «снимается» реальная проблема обеспечения союза рабочего класса с научно-технической интеллигенцией, ее привлечения на сторону пролетариата в борьбе против монополий, ибо декларируется, что эта часть интеллигенции уже вошла в состав самого рабочего класса, «слилась» с ним.

В-третьих, игнорируется социальная и политическая дифференциация в среде научно-технической интеллигенции и административных кадров, наличие у них специфических интересов и требований, которые отнюдь не всегда совпадают с интересами и требованиями рабочего класса и должны учитываться коммунистами в работе с интеллигенцией.

В-четвертых, утверждается, что возможно слияние интеллигенции и рабочего класса уже в условиях капитализма, что возможна ликвидация противоположности и существенных различий между умственным и физическим трудом без социалистической революции, без построения коммунистического общества, под воздействием одних лишь научно-технических изменений.

Фальсификаторы марксизма пытаются подкрепить собственные теоретические спекуляции ссылками на авторитет К. Маркса. Наиболее часто они обращаются к понятию «совокупный работник» или «совокупный рабочий», которое употреблял Маркс и которое будто бы позволяет объединить в рабочем классе рабочих с интеллигенцией и служащими.

К сожалению, в отдельных выступлениях наших обществоведов давались нечеткие, путаные толкования этого понятия.

При внимательном изучении высказываний К. Маркса можно убедиться в том, что, когда К. Маркс употреблял понятие «совокупный работник» или «рабочий», оно имело не социально-классовое, а производственно-технологическое содержание, использовалось для определения всей совокупности работников, участвующих в производстве материального продукта, всего комбинированного персонала предприятия.

Употребляя понятие «совокупный работник», К. Маркс отнюдь *не отождествлял его с рабочим классом,* а, наоборот, указывал на внутреннюю *социальную неоднородность* определяемого этим понятием комбинированного персонала предприятия. В частности, К. Маркс особо подчеркивал, что существующая при капитализме структура «совокупного работника» включает *противоположность между умственным и*

физическим трудом. При капитализме оба вида труда, по его выражению, «разъединяются и доходят до враждебной противоположности»[5].

Конечно, взаимоотношения работников умственного и физического труда в ходе классовой борьбы не остаются неизменными. Уже Маркс и Энгельс отмечали тенденцию растущего сближения широких кругов интеллигенции с рабочим классом. Дальнейшее развитие тенденции к сближению интеллигенции с пролетариатом в капиталистических странах глубоко проанализировано в трудах В. И. Ленина.

В апреле 1922 г. в письме Чарлзу П. Штейнмецу В. И. Ленин писал: «Во всех странах мира растет—медленнее,чем того следует желать, но неудержимо и неуклонно растет — число представителей науки, техники, искусства, которые убеждаются в необходимости замены капитализма иным общественно-экономическим строем. . .»[6].

Ныне в положении и роли интеллигенции в буржуазных странах происходят новые серьезные сдвиги, происходит ее дальнейшее прогрессирующее сближение с рабочим классом. Именно на такой социальной основе стало возможным выдвижение международным Совещанием коммунистических и рабочих партий 1969 г. стратегического лозунга союза работников умственного и физического труда в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс.

В документах марксистско-ленинских партий говорится о сближении, а не о слиянии значительных слоев интеллигенции с рабочим классом в странах капитализма.

Полное преодоление социальных различий между людьми умственного и физического труда, как учит марксизм-ленинизм и как подтверждает историческая практика, достигается только в процессе коммунистического преобразования общества.

Реальные различия между рабочим классом и интеллигенцией существуют еще и при социализме. Забвение этих различий может привести к ошибкам при решении такой сложной общественной проблемы, как социальное сближение работников умственного и физического труда. И что особенно опасно, как показал опыт некоторых социалистических стран, — это недооценка руководящей роли рабочего класса в вопросах строительства нового общества.

Научное понимание интеллигенции как относительно самостоятельного слоя социалистического общества не означает ни возведения ее в ранг особой привилегированной «элиты», ни «лево»-сектантского умаления ее действительно большого общественного значения. Повышение роли интеллигенции по мере успехов социалистического и коммунистического строительства объективно обусловлено быстрым прогрессом производительных сил, широким использованием достижений науки и техники, расширением сферы обслуживания и управления, непрерыв-

---

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 516.

[6] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 147.

ным ростом культурно-технического уровня всех членов общества, развитием образования, воспитания, здравоохранения.

Однако диалектика становления социальной однородности такова, что не интеллигенция входит, вливается в состав рабочего класса и не рабочий класс входит, вливается в интеллигенцию, а стираются социальные различия между ними, происходит органическое соединение умственного и физического труда в производственной деятельности людей, и из рабочего класса, крестьянства, интеллигенции формируются всесторонне, гармонически развитые работники качественно нового, коммунистического типа.

Перед учеными эти процессы выдвигают важные проблемы: показать как развиваются классы, социальные слои и группы в условиях перехода к коммунизму при ведущей роли рабочего класса; исследовать влияние на эти процессы научно-технической революции; проанализировать изменения внутри определенных социальных групп (рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, служащих), пути преодоления межклассовых и внутриклассовых различий и т. д. Необходимо исследование закономерностей развития советского народа как новой социальной общности, укрепления социально-политического и идейного единства общества. Ощущается потребность в изучении социальных проблем молодежи и некоторых других групп населения.

Важной задачей общественных наук является разработка главнейших проблем национальной политики. К ним принадлежат выяснение места и роли наций и национальных отношений на нынешнем этапе развития нашего общества; вопросы совершенствования отношений дружбы и сотрудничества между нациями, взаимопереплетение национальных и интернациональных процессов в жизни народов; вопросы сближения и взаимовлияния народов стран мирового социализма.

Важной областью исследований были и остаются вопросы политической структуры социалистического общества, характера социалистического государства, природы социалистической демократии и ее качественного отличия от демократии буржуазной. Необходимо снова подчеркнуть, что высшим критерием демократии являются не внешние формы, которые традиционно выдаются буржуазными идеологами за непременный атрибут свободного волеизъявления, а наличие реальных возможностей для огромного большинства населения, всех трудящихся участвовать в выработке и осуществлении политических решений. Наша общественная наука должна раскрывать глубокое внутреннее единство процессов укрепления советского государства и развития социалистической демократии, из которых складывается общественное управление.

Теоретической основой политического руководства общественным развитием является ленинское учение о партии, о ее месте в системе государственных и общественных организаций, о принципах партийного строительства. Важнейшей закономерностью строительства социализма и коммунизма, а стало быть и предметом научного анализа, является возрастание руководящей роли партии. Ревизионисты стремятся добиться ограничения функций партий в социалистическом обществе, предлагают рассматривать ее как одну из общественных организа-

ций, играющую по отношению к другим организациям (профсоюзным, молодежным, общественным и т. д.) роль одного из «равноправных партнеров». В связи с этим ревизионисты ратуют за «политический плюрализм», «плюрализм власти» в условиях социализма, понимая под этим систему, лишающую рабочий класс и его революционный авангард их руководящей роли. История показала, к каким тяжелым последствиям для дела социализма приводят попытки осуществления этих принципов на практике. И, наоборот, когда партия творчески руководствуется ленинскими принципами, развивая их в соответствии с новыми условиями и требованиями, она неизменно добивается успехов в социалистическом и коммунистическом строительстве.

4. Вопросы развития исторической науки

Коммунистические и рабочие партии всегда придавали большое значение развитию исторической науки, видя в ней важное орудие научного познания общественных закономерностей, обобщения опыта революционно-преобразующей деятельности масс, средство идейного воспитания трудящихся.

В этой связи на первом плане стоит теоретическое *обобщение опыта коммунистических и рабочих партий в деле завоевания власти, построения социализма, укрепления социалистического государства, решения наиболее актуальных задач коммунистического строительства.* История социалистического революционного движения — это живая и самая убедительная демонстрация возрастания роли коммунистических и рабочих партий на всех этапах борьбы рабочего класса за осуществление его всемирно-исторической миссии. В рамках этого направления надо выделить следующие важнейшие проблемы:

Во-первых,—это *международное значение революционного опыта КПСС, международное значение ленинизма.* Осуществление этой задачи имеет важное идеологическое значение. Проблема интернационального значения ленинизма и революционного опыта КПСС стоит в центре идейной борьбы нашего времени. Как официальные «советологи» — антикоммунисты, так и разные ревизионисты сходятся между собою в отрицании этого значения, твердят о «случайности» Октября и национальной ограниченности его уроков. Научное освещение трех русских революций — лучшее доказательство объективной закономерности и всемирно-исторического значения революционного подвига рабочего класса и его союзников. Нельзя себе представить цельную марксистскую концепцию всемирной истории без всестороннего, фундаментального исследования истории трех русских революций.

Во-вторых, — *это изучение исторического опыта СССР в строительстве социализма и коммунизма.* Такие исследования позволяют дать всестороннюю, конкретно-историческую картину становления новой общественной формации, показать клад советского народа в социальный

прогресс современной эпохи, характеризующейся переходом от капитализма к социализму и коммунизму.

СССР первая в мире страна, которая вступила на путь социалистического строительства и первой приступила к построению коммунизма, осуществив коренные социально-экономические, политические и культурные преобразования, проверила на практике различные формы и методы руководства развитием общества. Опыт СССР имеет общезначимые черты, сохраняющие свою ценность и актуальность в современных условиях. Он является достоянием всего международного коммунистического движения.

В-третьих, — *это идеологическая деятельность КПСС в период строительства социализма и коммунизма, ее борьба с правым и «левым» уклонами.*

КПСС пришлось самостоятельно решать сложнейшие вопросы переделки сознания и психологии масс, воспитания их в духе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, руководства культурой и идеологией. Ей пришлось также вести борьбу с различными отклонениями от генеральной линии партии. Партия разгромила оппортунистов правого и «левого» толка, националистов разных мастей. Но этот опыт — не только достояние прошлого. В мировом освободительном движении проявляются оппортунистические идеи и традиции, действуют тенденции к их оживлению при определенных условиях.

Примером могут служить современные троцкисты, которые в некоторых странах развили активную деятельность, особенно среди молодежи. Они унаследовали от своих предшественников антисоветизм, беспринципность, склонность к авантюризму. Они нападают на мировую социалистическую систему, международное коммунистическое движение, стремятся подорвать единство антиимпериалистических сил. Троцкисты, на словах отстаивая пролетарский интернационализм, в действительности выступают как космополиты, осуждают курс коммунистических партий капиталистических стран на подготовку и проведение социалистической революции в соответствии с национальными и историческими условиями каждой страны под тем предлогом, что все усилия должны быть направлены на осуществление «мировой революции». Но их концепция так называемой непрерывной революции есть на деле концепция контрреволюции. Для вида они болтают об «одновременной победе во всем мире пролетарских и антиколониальных революций», но на первом месте в своей «перманентной революции» ставят свержение существующей власти в СССР и других социалистических странах. Задача борьбы с неотроцкизмом является весьма актуальной для ряда коммунистических партий. И здесь им большую помощь окажет опыт КПСС.

Ученым-обществоведам предстоит большая работа по исследованию *основных черт современного этапа международного коммунистического движения,* особенностей стратегии и тактики братских партий различных стран и регионов. Весьма важно показать, как ныне идет борьба за единство коммунистического движения, какими путями и формами оно достигается. Как никогда актуальны проблемы пролетарского интернационализма, диалектики общего и особенного, взаимоот-

ношения мирных и немирных форм в борьбе за власть. В современных условиях возрастает роль исследований по истории международного коммунистического движения, в частности, по истории Коминтерна.

По-прежнему актуальными остаются научные исследования в области новой и новейшей истории. Историкам следует обратить еще большее внимание на изменения, происходящие в мире под воздействием мировой социалистической системы и научно-технической революции, в результате распада колониальной системы, национально-освободительной борьбы народов. Они должны своевременно анализировать процессы и явления, которые имеют место в различных сферах как империалистических, так и развивающихся государств, во взаимоотношениях между государствами и противоположными социальными системами, освещать исторический опыт стран социалистического содружества.

5. Основные направления развития философии и социологических исследований

В ряду центральных задач выдвигается задача разработки диалектики как теории и методологии познания социальных процессов, анализ диалектики общественного развития. Эти вопросы имеют огромное теоретическое и политическое значение. Они ставятся развертывающейся научно-технической революцией, борьбой противоположных социальных систем, обострением социальных противоречий в цитаделях империализма, громадными переменами в социально-экономической и политической карте мира, становлением развитого социалистического общества как целостного социального организма, перерастанием социалистических общественных отношений в коммунистические. Без понимания диалектики социальной действительности невозможно понять и построить целостную научную картину современной эпохи, научно осмыслить тенденции и закономерности социального развития.

Надо сказать, что до сих пор эта диалектика общественного развития разрабатывалась недостаточно, а в отдельных вопросах допускалось упрощенчество. Так, своеобразие диалектики социального развития в условиях новой формации отдельными философами усматривалось в том, что противоречивость развития сменяется некоей абсолютной всеобщей гармонией. В действительности же гармоничное, пропорциональное развитие и в зрелом социалистическом обществе достигается путем преодоления оставшихся от прошлого или вновь возникающих неравномерностей и известных диспропорций. В решении этих проблем основополагающим для нас остается указание В. И. Ленина о том, что при социализме антагонизмы исчезают, но противоречия остаются. Да иначе и быть не может, ибо учение о противоречии как источнике развития является основным положением материалистической диалектики. Полного соответствия, абсолютной гармонии всех сторон, всех составных частей и элементов не может быть ни в при-

роде, ни в обществе, это означало бы конец всякого изменения, развития.

Другое дело — вопрос о характере противоречий в развитии социалистического общества, о принципиально новой основе этих противоречий и способов их разрешения. Развитое социалистическое общество еще и ныне сохраняет в своей структуре деление на классы и социальные группы, но это дружественные классы и группы, общность их коренных интересов постоянно возрастает и укрепляется. Общество же в целом становится все более однородным. Однако в ходе развития появляются противоречия между объективными и субъективными факторами, между производством и потреблением, между желаниями и реальными возможностями, между планомерностью и элементами стихийности, между новыми, подчас неожиданно возникающими и быстро возрастающими общественными и индивидуальными потребностями и организацией их удовлетворения. Играют свою роль и такие неантагонистические противоречия, как противоречия между необходимой централизацией управления народным хозяйством, с одной стороны, и повышением роли и самостоятельности различных звеньев, отраслей хозяйственного и социально-политического организма, региональных частей нашего общества, — с другой. Ясно, что каждый новый крупный этап в развитии нашего общества дает нечто новое в соотношении демократии и централизма, в конкретном проявлении демократического централизма — этого основного принципа управления социальными процессами, отражающего существенные особенности новой общественно-экономической формации.

В области исторического материализма центральной остается задача исследования диалектики общественного бытия и общественного сознания. Весьма важным является исследование теоретических проблем формирования сознания в условиях развитого социалистического общества, его структуры и особенностей у различных социальных групп, а также проблемы преодоления пережитков прошлого в сознании и поведении людей. Здесь необходимо особо выделить анализ теоретических вопросов атеистического воспитания трудящихся, борьбы с такими отрицательными явлениями, как индивидуализм, пьянство, преступность и т. д.

Большой научный интерес представляют исследования комплекса общетеоретических и методологических проблем человека. Они встают в ходе изучения проблем гуманизма, процессов всестороннего развития личности при социализме и коммунизме, при разработке теории ценностей, в области этики и эстетики, в теории культуры, при философском осмыслении новых процессов и явлений в духовной жизни людей зрелого социалистического общества..

Возрастающее значение приобретают исследования *по философским вопросам естественных и технических наук.*

Философы, работающие в этой области, добились известных успехов. Окреп завещанный В. И. Лениным в работе «О значении воинствующего материализма» союз философов-марксистов и ученых-естествоиспытателей.

Однако бурный прогресс естествознания, возрастание его социальной роли требуют от философов дальнейших углубленных исследований, раскрывающих мировоззренческую и методологическую функции материалистической диалектики, формирующих естественнонаучные основы коммунистического мировоззрения.

Особое внимание следует уделять философской проблематике наук, находящихся на «переднем крае» современного естествознания — физики элементарных частиц, астрофизики, молекулярной биологии и др. Решающая роль физики в создании условий для бурного прогресса почти всех других отраслей науки и техники в немалой степени обусловлена не только ее утонченнейшей экспериментальной техникой, но и тем, что материалистическое истолкование ее основных принципов имеет огромное философское значение также и для всех других естественнонаучных и технических дисциплин.

Биология переживает сейчас период весьма интенсивных и глубоких преобразований, а ее новые открытия резко увеличивают ее непосредственное воздействие на жизнь общества. Для того чтобы в полной мере оценить мировоззренческую роль биологии, достаточно напомнить, что создание эволюционного учения и клеточной теории в значительной мере способствовало развитию диалектического понимания природы, победе материализма над идеализмом. И в наши дни эволюционная теория не утратила своего значения мощного фактора формирования материалистического мировоззрения. Выявление сущности и закономерностей развития живой материи и ее познания в значительной мере способствует дальнейшему углублению и развитию марксистско-ленинской философии. Особое внимание должно быть уделено философским проблемам, возникающим на стыке биологических и социальных наук и связанным, в частности, с изучением человека, среды его обитания.

Все более актуальное значение приобретают методологические проблемы применения математических и кибернетических приемов для познания социально-экономических процессов и управления ими.

В разработке диалектики сейчас нельзя уже ограничиваться рассмотрением ее отдельных проблем, законов и категорий. Опираясь на проведенные исследования, философы должны решить сложную и трудную задачу, настоятельно выдвигаемую развитием науки и практикой: *развития теории материалистической диалектики, разработки целостной системы ее законов и категорий.* Речь идет, по существу, о создании фундаментального труда, подытоживающего развитие всей философской мысли, особенно истории диалектики, обобщающего достижения естествознания, техники, общественных наук, социального развития, практики революционной борьбы, социалистического и коммунистического строительства.

За последние годы широкий размах приобрели социологические исследования. Известно, что при их проведении выявились определенные ошибки и недостатки методологического характера: копирование

схем и моделей, рожденных в лоне буржуазной социологии, недооценка общетеоретической роли исторического материализма, узость статистико-эмпирической базы, увлечение сугубо локальными данными и т. п.

Однако неверно недооценивать значение социологии, необходимость серьезных, основанных на марксистско-ленинской теории конкретных социологических исследований. Ошибки и промахи не должны вести к ослаблению внимания к этой сбласти знания и тем более к возрождению нигилистического к ней отношения. Главное в том, чтобы социологические исследования опирались на объективные данные, а не на собирание субъективных мнений — путем произвольно составленных анкет.

В условиях развитого социалистического общества большое значение имеет изучение вопросов социального планирования и прогнозирования социальных аспектов научно-технического прогресса, демографических факторов, профессиональной ориентации и т. д.

Важное направление социологических исследований — конкретный анализ социальной структуры социалистического общества, процессов преодоления социально-экономических различий между городом и деревней, физическим и умственным трудом, между классами и внутри классов.

Более широкое развитие должна получить социальная психология. Исследования в этой области помогут решить многие вопросы, связанные с повышением роста производительности труда, с факторами, влияющими на сдвиг потребностей, на формирование вкусов и общественного мнения.

Функционирование и развитие социалистической социальной системы осуществляется планомерно. На этапе строительства зрелого социалистического общества все больше приобретает значение гармоническое единство его экономической, социально-политической и духовной жизни. Это требует непрерывного повышения научного характера управления социалистической общественной системой и отдельных ее сфер и научного уровня постоянно нарастающей социальной активности миллионов сознательных строителей социализма и коммунизма. Прежде всего отсюда проистекают те проблемы, которые решают общественные науки, осуществляющие прогресс в социальном познании социалистического общества.

Развитие общественных наук и их методологической основы — марксистско-ленинской философии, отражение закономерностей функционирования и развития коммунистической общественно-экономической формации, закономерного развития зрелого социалистического общества и его перехода к коммунизму дают возможность оптимальных, творческих решений проблем строительства социализма и коммунизма.

ГЛАВА 2

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СПЕЦИФИКИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

1. Сущность и функции основных форм социального знания

Исходный принцип диалектико-материалистической теории познания — всякое знание есть более или менее точное отражение действительности — дает все необходимые основания для критики любых попыток установить резкие и непроходимые границы между различными видами знания, различными науками.

С точки зрения марксизма неокантианское противопоставление общественных и естественных наук совершенно несостоятельно, поскольку общественные науки, как и естественные, способны объективно познавать свой предмет — изучаемую ими часть действительности — и выражать это знание в системе научных понятий, категорий, законов. Но наличие общих признаков и черт у всякого знания вместе с тем не снимает проблемы выяснения специфики различных видов знания, в том числе определения специфики знания социального. Эта специфика определяется в первую очередь самим предметом познания, особенностью тех методов и средств, которые используются данной наукой при исследовании объекта, а также и тем, что выводы общественных наук, как правило, затрагивают интересы различных общественных классов.

Предметом социального знания в широком смысле слова является общество, человеческая действительность, создаваемая деятельностью людей. Сама эта деятельность, ее результаты, необходимая цепь событий, из которых складывается закономерный ход общественно-исторического развития, непрерывный процесс производства и воспроизводства общественной жизни, возникающие между людьми многообразные отношения, прошлое, настоящее и будущее различных конкретных обществ и человеческого общества в целом, объективные законы функционирования и развития общества — все это в той или иной форме, прямо или косвенно отражается в сознании людей, познается ими, ибо люди не могут жить и действовать в обществе, не создавая о нем определенных представлений. Научное знание об обществе является высшей формой социального знания, ибо общественная наука способна относительно адекватно отразить не только внешнюю, но и внутрен-

нюю сторону социальной реальности, не только явление, но и сущность, не только эмпирическую последовательность событий, но и находящуюся за ними закономерность. Возможность научного отражения социальной действительности доказана исторической практикой и прежде всего практикой революционных социалистических преобразований, осуществляемых на основе марксистско-ленинской науки об обществе.

Социальное знание вообще является необходимым компонентом общественного развития. Закрепляясь в определенных формах, оно передается из поколения в поколение и используется в целях получения нового знания и в процессе практического преобразования общественной жизни.

Под формой знания мы имеем в виду в данном случае упорядоченность результатов познания в определенную систему и структуру, позволяющую не только сохранять эти результаты на длительный период и обеспечивать их широкое и всестороннее использование, но и влиять на направление будущей познавательной деятельности. Хотя форма знания является производной от его содержания и должна ему соответствовать, однако нельзя недооценивать и ее относительной самостоятельности. Приобретая относительную самостоятельность, сама форма познания оказывает обратное воздействие на субъект и на процесс познания и потому играет определенную роль в познавательной деятельности.

Если исследовать социальное знание с точки зрения его содержания и формы, то в нем можно выделить два больших раздела: научное и вненаучное знание. Для научных форм социального знания характерного, что они закрепляют такие знания, которые правильно отражают социальные явления и закономерности, носят теоретический и систематизированный характер, получены посредством определенных исследовательских методов, позволяющих проникнуть в сущность познаваемого объекта, и подтверждаются исторической практикой. Научное социальное знание оказывает исключительно большое воздействие на практическую деятельность прогрессивных сил, на весь ход современного общественного развития.

Но социальное познание реализуется не только как научное. В своем преобладающем объеме оно представляет собой вненаучное познание. Этот тип познания отличается от научного познания не только по своему содержанию, но и по своей форме.

Мы полагаем, что следует различать понятия ненаучного и вненаучного знания. Ненаучное знание совпадает с заблуждением, тогда как вненаучное знание может отражать объективную социальную действительность и правильно и неправильно. Когда социальное вненаучное знание правильно отражает объективную социальную действительность, оно в гносеологическом смысле — как истинное знание — однопорядково с научным социальным знанием, но несмотря на это оно отличается как по содержанию, так и по своей форме от научного социального знания. Социальным вненаучным знанием являются, например, знания, зафиксированные в моральных и правовых нормах, обыденное обществен-

но-политическое знание, полученное в повседневной жизни и т. д. Когда эти формы вненаучного социального знания отражают правильно объективную действительность, они являются в такой же мере достоверными, как и научное знание. Однако о достоверности, например, обыденного вненаучного социального знания можно говорить лишь применительно к уровню эмпирических данных, правил, обобщений, касающихся общественных явлений, в то время как общественная наука способна адекватно отобразить в систематизированной теоретической форме и сущность социальных явлений и процессов. От других форм вненаучного знания, тоже способных проникать в сущность явлений, например, от художественного отражения, наука отличается формой выражения знания и другими признаками.

Указывая на различия между научным и вненаучным социальным знанием, необходимо подчеркнуть, что между ними нет и не может быть непроходимой пропасти. И научное и вненаучное социальное знание — стороны единого процесса человеческого познания. Несмотря на то обстоятельство, что при вненаучном социальном познании в ряде случаев знания фиксируются посредством определенных оценочных норм, принципов, правил или посредством художественных образов, это познание неразрывно связано с научным познанием и, в свою очередь, оказывает на него влияние. Вместе с тем следует отметить, что пренебрежение различиями между научным и вненаучным познанием ведет к ряду теоретических ошибок при систематизации знаний и практическом использовании свойственных им познавательных методов и средств. Различия между научным и вненаучным социальным познанием возрастают вместе с накоплением новых знаний и углублением дифференциации знаний, охватывая и все существующие формы социального познания.

Социально-научное знание представляет собой сложную, хотя и внутренне дифференцированную систему различных конкретных (частных) и философских общественных наук. В реальной действительности существует объективная основа связи между всеми общественными науками, так как все они изучают отдельные стороны общественного бытия и общественного сознания[1]. Если это так, то становится очевидным также единство частных общественных наук и философии, потому что общие и самые общие закономерности общественного развития, изучаемые философией, проявляются через конкретные явления и процессы развития общественного бытия и общественного сознания. Объект всего социального познания единый. Каким будет познание общества — философским или частнонаучным — это зависит не только и не просто от предмета познания, но и от того, каким образом будут изучаться данные явления.

Если изучаются такие явления, как государство, право, нация, семья, партия, быт, война, мир и др., в плане решения основного воп-

---

[1] Ср. Тодор Павлов. Избрани произведения, том I, София, 1957, стр. 59—66.

роса философии историческим материализмом, то подобное исследование будет полностью философским. Но когда эти явления изучаются сами по себе методами соответствующей частной общественной науки, тогда это будет частнонаучное исследование. Вместе с тем при изучении тех же самых явлений, возникают проблемы, находящиеся как бы на стыке конкретных общественных наук и исторического материализма как методологии познания общественного развития. Этот круг проблем называется соответственно философскими вопросами права, философскими вопросами морали, искусства и т. д. Следовательно, по содержанию и по предмету научное знание общественных явлений можно было бы разделить на три основные группы: исторический материализм дает по содержанию и по предмету философское знание; частные общественные науки дают — по содержанию и по предмету частнонаучное знание об обществе; философские (методологические) вопросы общественных наук дают по содержанию философское знание, по предмету — частнонаучное знание.

Поэтому, если субъект социального познания желает получить этот последний тип знания, то он изучает экономическую жизнь общества, не заменяя экономиста, исследует исторические факты, не заменяя историка, изучает партийное строительство, эстетические явления, мораль и право, не заменяя соответствующих специалистов. Это возможно лишь тогда, когда данные явления изучаются в плане решения основного вопроса философии, выявления диалектики общественного развития.

Из этого краткого описания многообразия сферы социального знания видно, что отражение общественной жизни представляет собой сложный процесс познавательной деятельности людей, выражающейся в различных формах, что отражение бытия — это не механическое копирование, оно имеет в высшей степени творческий характер. В общественном сознании представлены в единстве оба момента познания: отражение и творчество. Если бы общественному сознанию был присущ лишь второй элемент, то в таком случае нельзя было бы объяснить, откуда берутся социальные данные, которые лежат в основе творчества. Творить возможно, если налицо определенные предпосылки, если имеется, так сказать, «строительный материал». Если бы человек не отражал в своем сознании общественное бытие, если бы он не черпал из него «первичный строительный материал», он не смог бы создать такие явления, которые представляют собой результаты подлинно творческой деятельности — научные теории, произведения искусства, духовную и материальную культуру.

С другой стороны, общественное сознание было бы мертвой фотографией, если бы оно только отражало, а не творило. Без этого второго момента невозможно было бы и само познание, не говоря уже о творении нового, созидании образов, идеальном конструировании объектов, «которых нет» в общественном бытии. Ведь именно в результате взаимодействия отражения и творчества стало возможным создание социальных идеалов, предвосхищение будущего, появление идеи социализма и коммунизма. Явления социальной действительности не

просто отражаются в общественном сознании, но и оцениваются людьми. На основе познания и оценки вырабатываются цели преобразующей деятельности классов, масс, отдельного человека. В этом заключается великая сила отражения общественного бытия в общественном сознании. Приписывать социальному сознанию только механическое отражение — значит осуждать его на застой. Игнорировать отражение и превозносить только творчество — значит защищать позиции идеализма и волюнтаризма.

Когда речь идет о том, что общественное сознание отражает общественное бытие, нельзя не отметить как момент совпадения содержания социального знания с отражаемой действительностью или с отдельными ее сторонами, так и их различия. Социальный познавательный образ — это отображение социальных фактов или закономерностей. С другой стороны, в социальном отражении существует лишь идеальный, приблизительно верный образ общественной жизни, который формируется в процессе и на основе практической деятельности людей. Правда, общественная психология, идеология, искусство, мораль и другие области общественного сознания, отражая жизнь, не могут существовать без определенных чисто материальных средств их возникновения и функционирования. Именно поэтому отражение выражает диалектическую связь социального знания с социальной реальностью, из которой оно берет свое содержание. Идеальное не совпадает с материальным в рамках основного гносеологического вопроса, оно противоположно материальному, но наряду с этим оно не существует в качестве какой-либо монады или субстанции параллельно или вне связи с материальными процессами общественной жизни. Однако это совпадение диалектическая связь так как отражение общественного бытия в общественном сознании всегда зависит от развития производительных сил и производственных отношений, от уровня развития общественных наук, искусства, культуры, идеологии и социальной психологии и т. д. Вот почему социальное знание по своему содержанию никогда не совпадает полностью с общественным бытием, то есть не может отразить его во всей полноте. Постижение общественного бытия — это вечно развивающийся процесс перехода познания от явлений общественной жизни к их сущности, от одного уровня сущности к другому.

Творческий характер отражения общественного бытия в общественном сознании также вызывает их несовпадение. Люди живут, работают и творят всегда в строго определенную историческую эпоху. У них вырабатываются знания, воспитываются определенные взгляды и чувства, отражающие общественное бытие, их собственное положение. Эти взгляды и чувства, касающиеся всех сфер и сторон общественной жизни, а также формы социального знания всегда отражают действительность таким образом, что, с одной стороны, в общественной жизни всегда остается нечто еще непознанное, а, с другой, в их содержании есть нечто большее, чем то, что содержит общественное бытие. Это «большее» различно в зависимости от того, является ли отражение истинным или ложным. Если субъект социального познания отражает действитель-

ность превратно, если создаются теории общественного развития, которые не адекватны его объективным закономерностям, то несовпадение объекта познания и содержания социального знания рано или поздно будет установлено и объяснено.

Но кроме этого вида несовпадения общественного бытия и содержания социального познания существует и другой вид их несовпадения, который характерен для истинного знания. В указанном виде знания налицо и совпадение и несовпадение с объектом познания. Совпадение состоит в том, что данное социальное знание воспроизводит в идеальном виде некоторые черты и закономерности общественного бытия, а несовпадение — в том, что оно творит что-то новое, которого нет в общественном бытии на данном этапе его развития. Так, например, марксистская идеология правильно отражает закономерности развития капитализма,капиталистического общества, но вместе с тем она создает черты будущего коммунистического общества. Следовательно, противоречие общественного бытия и социального знания состоит не только и не просто в том, что социальное знание исторически ограниченное и в этом смысле никогда не может охватить и исчерпать полностью общественное бытие, но прежде всего в могучей творческой возможности социального знания выйти за пределы реального общественного бытия, создавать такие идеальные образы, которые не существуют в момент отражения в отражаемом общественном бытии.

Несовпадение социального знания с общественным бытием возникает и другим путем. В результате отражения общественного бытия можно прийти к определенной идее. Эта идея реализуется в результате практической деятельности человека, но так, что возникают некоторые несовпадения между идеей и ее реализацией. Они вызваны многими причинами, самые важные из них следующие: наличие элементов иллюзорности, которые содержатся даже в научно обоснованной идее, невозможность реализации некоторых элементов данной идеи из-за ограниченности технических или других практических средств, творческий характер процесса реализации идеи, в результате которого всегда вносится что-то новое. Многообразие и динамика общественной жизни состоят в том, что в ней люди реализуют идеи в таком виде, который никогда не совпадает полностью с этими идеями. Такое несовпадение идей и общественного бытия ведет к созданию новых идей, и этот процесс никогда не заканчивается.

Данной стороне противоречия между субъектом и объектом социального познания до сих пор, к сожалению, не уделяли достаточного внимания, но, по нашему мнению, ее выяснение является надежной методологической основой ускорения процесса «производства» новых общественных идей, цель которых состоит в усовершенствовании результатов реализации предшествующих идей. Это, в сущности, важнейшая гносеологическая проблема, связанная с творческой отражательной деятельностью в сфере социального познания. Сложный диалектический путь познания общества и его закономерностей, который

никогда не прекращается и не прекратится, заключается в непрерывном «воспроизводстве» общественного бытия в общественном сознании, в реализации выработанных на этой основе идей, направленных на дальнейшее преобразование действительности и преодоление противоречия между нею и новыми идеями. Вместе с тем этот процесс познания общества является одной из основ построения социального знания как открытой системы.

Из этого видно, что соотношение между объектом и субъектом социального познания обладает многими сторонами и связями. Некоторые авторы считают бесперспективным делом изучение отношения между объектом и субъектом социального познания. Это было бы верно, если бы отношения между общественным бытием и общественным сознанием были неизменными и не развивались. Конечно, какие бы изменения ни происходили во взаимоотношениях между общественным бытием и общественным сознанием, общественное бытие всегда остается первичным по отношению к общественному сознанию и определяет его. Но диалектическое взаимодействие между общественным бытием и общественным сознанием, между объектом и субъектом социального познания приводит закономерно к непрерывным структурным изменениям в объективных взаимоотношениях между ними на каждом этапе развития исторического процесса. В нашу эпоху происходит быстрый рост роли социального знания, его влияния на всю структуру общественной жизни. Отражая все более адекватно закономерности общественного бытия, социальное знание усиливает свое обратное воздействие на общественное бытие. Само общественное бытие тоже изменяется стремительно. В него все в большей степени «включаются» результаты социального познания. Вот почему исследование этого объективного отношения, его диалектики является столь существенным аспектом познания различных социальных структур.

2. Диалектика объективного и субъективного в процессе социального познания

Социальное познание — это процесс духовного овладения человеком социальной действительностью, который осуществляется во взаимодействии объекта и субъекта познания.

Идеализм мистифицировал познание и наделил субъекта чудодейственной силой, а метафизический материализм искал «спасения» в дебрях одностороннего воздействия объекта на субъект. Марксизм разрешил проблему познавательного отношения субъекта к объекту на качественно иной основе. Марксизм показал, что субъектом познания вообще, социального познания в том числе, является не изолированный индивид, а общественный человек, не мозг сам по себе, а человек, который думает и познает с помощью мозга, человек как деятельное социальное существо. При этом познавательная деятельность человека

стала рассматриваться как часть, момент совокупной деятельности общественного человека, как одна из сторон его отношения к объективной действительности.

Общественно-историческая практика является объективной основой познания человеком природы и общественной действительности и как таковая она представляет собой основу, цель и критерий познавательного отношения субъекта к объекту. Конечно, познание не растворяется полностью в практике, ибо обладает относительной самостоятельностью по отношению к практике, является ее духовным освоением. Практика не является чем-то внешним по отношению к познанию, поскольку его истинность и адекватность достигаются в рамках практики, с помощью ее средств.

Познание как активный творческий процесс тесно переплетается с практикой и непосредственно ей служит. Именно служебная роль познания по отношению к практике раскрывает его относительную самостоятельность и специфику в качестве особого вида духовной деятельности. В процессе познания люди стремятся установить соответствие между понятиями, представлениями, идеями, с одной стороны, и отражаемыми процессами, событиями и фактами, с другой. Практика изменяет саму социальную реальность таким образом, чтобы она «пришла» в соответствие с достигнутыми субъектом знаниями. Осуществление этого «обратного соответствия» было бы невозможным, если бы для познания не была характерна относительная самостоятельность. Этот механизм «обратного соответствия» в значительной степени объясняет то, что мы называем «субъективизацией» объекта и «объективизацией» субъекта в процессе познания.

Но прежде чем продолжить обсуждение рассматриваемой проблемы, мы считаем необходимым выразить свое отношение к понятиям «физически» объективное и «социально» объективное как к характеристикам объекта познания.[2]

Понятие объективного действительно многозначно, оно употребляется для обозначения различных аспектов взаимодействия между людьми, природой и обществом. Но когда речь идет о характеристике объекта с гносеологической точки зрения важно подчеркнуть то, что он, как и природный объект, существует вне человека-*субъекта* и соотносится с последним в процессе познания. Это равно касается и «социально» объективного, и «физически» (природно) объективного. Поэтому нам представляется, что разграничение понятий «физически» объективного и «социально» объективного с гносеологической точки зрения является неоправданным.

«Субъективизация»объекта и «объективизация»субъекта — исключительно важные моменты в процессе социального познания, которые всегда были камнем преткновения для немарксистских теорий познания. Движение социального познания от явления к сущности невоз-

---

[2] См. Сава Петров. Понятия за обективно и субективно. София, 1965, стр. 57.

можно, если не осуществляется «субъективизация» объекта и «объективизация» субъекта. Тодор Павлов после выяснения того, что объективное как противоположное субъективному дано в самих объективно-реальных вещах и процессах и в познании «исходит» от них самих, а не от субъекта, не привносится субъектом, не является нашим (принадлежащим субъекту) сознательным или несознательным творением, пишет: «Идеальное, как своеобразно переработанное нашим сознанием материальное, отражает определенные свойства или стороны предметов; но одновременно оно всегда содержит в себе и нечто такое, что идет не от самих предметов, а *привносится* познающим субъектом. Именно потому и поскольку возникли идеи-образы, прямая линия и тупой угол имеют (наряду с прямизной линии и тупизной угла) характер чего-то такого, что «идет» не от самого предмета, а от субъекта познания. И в этом именно смысле мы сказали и еще раз повторяем, что всякая идея-образ, даже и тогда, когда ее содержание «идет» от самого предмета, всегда и неизбежно (поскольку она является идеей) содержит в себе нечто субъективное. В силу этого обстоятельства всякая идея, даже наиболее верная и точная, поскольку она является нашей идеей, уже носит также и субъективный характер»[3].

Субъективный познавательный образ — лаборатория «субъективизации» объекта. Эта «субъективизация» касается не только того, что «идет» от субъекта, но и того, что «идет» от объекта как переработанное в человеческом сознании материальное. Идеальное как результат процесса «субъективизации» объекта познания не следует понимать как субъективизм; это результат сложного диалектического процесса отражения, посредством которого объективная действительность становится фактом человеческого сознания. Превращение действительности в факт человеческого сознания,то есть«субъективизация»объекта, осуществляется под «контролем» трех взаимно связанных объективных компонентов.

Первый компонент — мозг как орган мышления, который сам является продуктом развития природы и общества. В силу этого субъективный психический процесс отражения объективной действительности,то есть«субъективизация» объекта, соответствует объективным законам развития природы и общества.

Второй компонент объективного коренится в особенностях человека как совокупности общественных отношений. «Субъективизация» объекта в процессе познания осуществляется конкретным человеком, индивидуальность которого сказывается на механизме «субъективизации», но всегда осуществляется на основе исторически определенных общественных отношений, носителем которых он является, и в формах идеального, выработанных обществом в ходе его развития.

Третий момент объективного — это индивидуальная практика и

---

[3] Тодор Павлов. Теория отражения. М., 1949, стр. 129.

основывающийся на ней жизненный опыт отдельного человека, индивида, которые также влияют на характер отражения,то есть «субъективизацию» объекта познания. Индивидуальная практика и жизненный опыт отдельного человека неотделимы от практики и опыта общества, но не сливаются с ними.

В рамках исторически определенной общественно-экономической формации эти три объективных компонента определяют в своем диалектическом единстве особенности «субъективизации»»объекта социального познания. Процесс «субъективизации» объекта социального познания порождает совокупность идей и взглядов, которые несмотря на то, что они не содержат ни грамма материи, что они полностью идеальны, обусловлены объективной действительностью. «Логические понятия, — пишет В. И. Ленин, — субъективны, пока остаются «абстрактными», в своей абстрактной форме, но в то же время выражают и вещи в себе. Природа *и* конкретна, *и* абстрактна, *и* явление, *и* суть, *и* мгновение, *и* отношение. Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»[4].

Выяснение специфических особенностей «субъективизации» объекта социального познания приводит, естественно, к ответу на вопрос о том, как нужно понимать отражение общественного бытия в общественном сознании.

«Критики» теории отражения в своих нападках на нее часто используют факт существования искаженного отражения—иллюзий, обманов и др. Но и этот вид отражения объективной действительности можно объяснить не вне, а в рамках теории отражения, выясняя механизм отчуждения человека в социально-экономической сфере, на основании которого возникает так называемое «вторичное» отчуждение в сфере сознания. Для ответа на вопрос о том, как отражается общественное бытие в общественном сознании следует учитывать определяющую социальную роль общественного бытия в отношении общественного сознания, рассматривая ее в тесной связи с гносеологической, то есть познавательно-образной,«субъективизацией» общественного бытия в общественном сознании. Господство человека над природой и при определенных условиях над общественными закономерностями возможно осуществить лишь с помощью их познания (отражения) в процессе общественно-практической деятельности. Без «субъективизации» объекта социального познания невозможна сама действенная преобразующая деятельность человека как по отношению к природе, так и в обществе.

В процессе социального познания происходит и «объективизация» субъекта с помощью общественно-практической и познавательной деятельности индивида. «Объективизация» субъекта осуществляется в двух направлениях. Каждый отдельный человек в качестве су-

---

[4] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 190.

бъекта познания отражает объект познания и таким образом интегрирует в идеальной форме его черты и особенности.

Приводя слова К. Маркса, что идеальное это «материальное», пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней, Т. Павлов разъясняет:

«Руководствуясь духом и буквальным смыслом сказанного здесь (как и в других местах) Марксом, нетрудно понять, что хотя идея—это не самый предмет,она не абсолютно тождественна с ним,но это и не только наше субъективное «переживание», не только состояние нашего сознания.

Поскольку именно предмет является «пересаженным» в человеческой голове, идея не представляет собой плод объективной фантазии, а всегда содержит стороны или элементы, присущие и самому предмету. И именно постольку она представляет собой объективный образ предмета в нашем сознании»[5].

Познавательный образ обусловлен объектом и тогда, когда он истинен и тогда, когда является заблуждением. Этот тип «объективизации» субъекта можно рассматривать на уровне индивидуальном и надиндивидуальном. Индивидуальная «объективизация» субъекта осуществляется отдельным человеком и несет на себе печать его особенностей. Надиндивидуальная «объективизация» субъекта социального познания осуществляется обществом, классами и коллективами людей, и поэтому она «очищена» от индивидуальной субъективности, но зато включает «коллективную», классовую, групповую субъективность, которая прежде всего относится к идеологии. Интересы, потребности, цели общества, классов, групп определяют «объективизацию» субъекта социального познания таким способом, который существенно отличается от «объективизации» отдельного человека-субъекта. Отсюда проистекают и качественные различия роли индивидуального и общественного сознания в социальном процессе.

«Объективизация» субъекта осуществляется и в процессе практической деятельности людей,направленной на изменение и преобразование природного мира. Человек выступает как творец предметного мира,культуры, формируя и реализуя свои творческие способности, превращая идеальное в материальное. Воплощение идей в действительность в ходе общественно-практической деятельности и является своеобразной «объективизацией» субъекта. Здесь сама деятельность человека—его настоящая, прошлая и будущая общественно-историческая практика выступает в качестве объекта. Вместе с тем в процессе практики формируется сложный механизм «объективизации» субъекта на индивидуальном и надиндивидуальном уровнях. Объективность познавательного образа, возникшего в процессе социального познания, и объективность практики, несмотря на то, что они разного порядка и не тождественны, являются опорными точками «объективизации» субъекта, осуществления его творческих функций и роли в многообразных социальных процессах.

---

[5] Т. Павлов. Теория отражения. М., стр. 125.

Как видно, само социальное познание и практическая деятельность, направленная на преобразование социальной действительности, превращают субъективность в целостную объективность. Достигнутый в результате социального познания в процессе «объективизации» субъекта гносеологический образ остается субъективным, потому что он является идеальным отражением, существующим лишь в сознании человека, ограниченным его потребностями и интересами и внутренне связанным с ними, потому что содержит и элементы, «идущие» от субъекта, характеризующие творческие задачи, которые ему предстоит решать. Несмотря на свою подвижность и совпадение с объектом по содержанию, гносеологический образ всегда сохраняет свою субъективность. В процессе «объективизации» субъекта, субъективное, идеальное, опредмечиваясь, превращается в материальное. Мы уже подчеркивали, что объект социального познания — это часть общественной действительности, а именно та часть, которая включена в гносеологическое отношение субъекта и объекта социального познания. Человек реально относится лишь к той части действительности, которую он познает и преобразует. Но и при этом очевидном ограничении гносеологического отношения объекта и субъекта социального познания, объект, как уже было сказано, всегда богаче гносеологического образа.

Познавательный образ идеален, субъективен, ограничен, а объект познания материален, объективен, неисчерпаем, бесконечен. Познавательный образ — это идеальное образование, содержание и структура которого всегда в конечном счете воспроизводят, отражают изображаемый объект, хотя и приблизительно и относительно. Сущность инвариантной структуры гносеологического образа, достигнутого в результате социального познания, его специфическую адекватность объекту познания можно понять лишь на основе практики, в процессе которой осуществляется «объективизация» субъекта.

3. Зависимость социального знания от социальной позиции субъекта

Объектом социального познания является быстро изменяющаяся общественная действительность с огромным количеством явлений, со сложно переплетенными случайными и закономерными причинными факторами общественными отношениями, которые субъекту необходимо познать и духовно овладеть ими. Роль объекта социального познания для структурирования последнего, для определения направления развития познавательного процесса, образования разных форм, типов и уровней социального познания не подлежит сомнению. Наряду с этим история социального познания раскрывает исключительно активную роль субъекта в процессе познания общественных явлений, которая проявляется в выработке и использовании методов исследования, аппарата понятий, в специфическом подборе фактов и данных, использовании предшествующих знаний, постановке новых проблем, которые обогащают и развивают духовную жизнь общества, и т. д. В связи с этим возникает

вопрос о роли социальной позиции субъекта в процессе социального познания.

Ряд авторов для выяснения сущности деятельной субъективной стороны процесса социального познания употребляют понятия полезности, партийности, идеологической и социальной обусловленности, ценностной ориентации, социальной позиции, направленности познания, точки зрения субъекта и др.[6] Каждое из этих понятий отражает определенные стороны отношения субъекта социального познания к объекту и способствует раскрытию механизма, обусловливающего целенаправленность социального познания.

В работах ряда болгарских философов, в частности Стефана Василева, уделяется большое внимание анализу диалектики объективно-субъективной и субъективно-объективной обусловленности позиции субъекта, ее воздействию на процесс познания социального объекта, показу зависимости социального познания по содержанию и результату не только от объекта, но и от субъекта, от его точки зрения[7].

Но в тех случаях, когда точка зрения не представляет собой только аспект исследования, просто конкретизацию метода, его продолжение, то совершенно естественно возникает вопрос, что она отражает и чем она определяется? Ответ на этот вопрос имеет существенное значение для выяснения самого механизма выработки социального знания. Это знание зависит не только от действительного базиса знания, т. е. его объекта, логико-методологических предпосылок познания, используемых методов и теорий, точки зрения познающего субъекта, но и еще от одного компонента, объединяющего все характеристики субъекта познания, относящиеся к его познавательной, ценностной и деятельной стороне. Речь идет о социальной позиции субъекта социального познания.

Известно, что термином позиция (от латинского слова positio — положение) обозначается не только точка зрения, выраженная субъектом при рассмотрении определенного вопроса или при оценке фактов, но и то положение, которое занимает человек или группа людей в определенной ситуации или в обществе. Во избежание неоднозначностей

---

[6] См Г. С. Батищев. Деятельная сущность человека как философский принцип. Сб. «Проблема человека в современной философии». М., 1969, стр. 79—80; Н. П. Трубников. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968, стр. 8—26; С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. М., 1957, стр. 41; В. А. Лекторский. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1965, стр. 66; Стойко Попов. Познание и оценка. «Философские науки», 1969, № 5, стр. 125—134; П. Н. Хмелев. Понятие и функции социальной позиции в общественных науках. Философские науки», 1971, № 5, стр. 59—69;

[7] Стефан Василев. Философско-методологически проблеми на отражението и творчеството. София, 1972, стр. 132—133.

трактовки термина «позиция» при использовании его мы добавляем качественную характеристику позиции — социальную. Итак, социальная позиция субъекта — это занимаемое им положение в определенной общественной системе. Роль социальной позиции в реализации социального познания подобна роли психологической установки в процессе отражения объективной действительности в человеческом сознании.[8]

Под установкой обычно понимают готовность или предрасположение индивида к действию определенным однозначным образом.[9] Д. Н. Узнадзе считает, что волевое человеческое поведение формируется на основе предварительного осмысления сложной ситуации (акта так называемой объективации) и выработки алгоритма действия, соответствующего психологической установке личности. Установка выступает связующим звеном между потребностями и мотивами, то есть является необходимым компонентом механизма выработки способа деятельности[10].

Объясненная таким образом установка в самом деле дает ключ к пониманию волевого сознательного поведения человека. Точно так же социальная позиция субъекта познания определяет его предрасположение или готовность к изучению данного явления. Конечно, сравнение социальной позиции и психологической установки в данном случае весьма условно. Эта условность проистекает из того обстоятельства, что социальная позиция субъекта определяет предрасположение или готовность к познанию не только однозначным, но и многозначным образом. Кроме того, сама социальная позиция субъекта является мощным фактором формирования психологических установок у человека.

Социальную позицию субъекта социального познания определяют потребности и интересы социальных групп, классов, народов, наций, государств. При этом следует подчеркнуть, что классовая позиция — это в конечном счете определяющее ядро социальной позиции, которое оказывает влияние на все ее компоненты. Анализируя классовые интересы, характеризующие данную общественную систему и порождаемые ею, можно определить различные типы и виды социальных позиций субъекта социального познания.

Социальная позиция субъекта в процессе социального познания неразрывно связана с классово-партийным подходом при исследовании и оценке всех социальных явлений, в том числе и духовных и идеологических. В. И. Ленин не раз отмечал, что беспартийность в социальном познании — это буржуазная идея, а партийность — социалистическая. Партийность как методологический принцип социального познания характеризуется прежде всего оценкой социальных явлений с позиций

---

[8] См. П. Н. Хмелев. Цит. соч., стр. 59.

[9] См. В. Ядов. Философская энциклопедия, т. 5, стр. 288.

[10] См. Д. Н. Узнадзе. Психологические исследования. М., 1966, стр. 406; В. Б. Ольшанский. Личность и социальные ценности. «Социология СССР», т. 1. М., 1966.

определенного класса. Основное требование принципа коммунистической партийности — проводить оценку социальных явлений с позиций коммунистической партии, рабочего класса. В обществе, которое разделено на классы, научное познание социальных явлений, общественных отношений, социальных законов, являющихся объектом социального познания, возможно именно с коммунистических позиций. Коммунистическая партийность и научность совпадают в процессе социального познания. Коммунистическая партийность основывается на объективных классовых интересах рабочего класса, а они осознаются марксистско-ленинской наукой. Поэтому, когда мы говорим о зависимости социального познания от социальной позиции субъекта, необходимо иметь в виду то обстоятельство, что партийность — это основной структуро-образующий компонент социальной позиции субъекта. Именно от нее зависит ориентация социального познания, подход к данному социальному явлению в конкретном познавательном процессе.

Роль социальной позиции обнаруживается прежде всего при определении предмета социального познания. Не все в объекте социального познания становится конкретным предметом исследования, а лишь то, что интересует субъекта в соответствии с его социальной позицией. Познавательный интерес при определении предмета социального познания всегда в конечном счете обусловливается непосредственным практическим интересом, а именно заинтересованностью того или иного класса, социальной группы в закреплении или изменении объективной действительности, данной конкретной системы общественных отношений. Однако это положение нельзя трактовать упрощенно. Раз возникнув, данная форма познания, например, наука, приобретает относительную самостоятельность, в результате чего начинают возникать и развиваться относительно самостоятельно и познавательные интересы. Важно подчеркнуть момент относительности в этом процессе, ибо в конечном счете самая абстрактная наука служит практическому изменению объективной действительности, а любой исследователь не живет на необитаемом острове, не является Робинзоном, а связан с обществом и занимает ту или иную социальную позицию, определяющую его подход к предмету научных исследований.

При этом ученый может и не быть связан тесными узами с классом, из которого он вышел. Возможны и такие случаи, когда по происхождению ученый принадлежит к буржуазному классу, но его собственная социальная позиция совпадает с социальной позицией рабочего класса. Однако это нисколько не изменяет функциональной роли социальной позиции в процессе определения предмета научного исследования. Данная социальная позиция становится индивидуальной благодаря опережающему сознательному осмыслению сложной социальной реальности, в которой живет этот ученый. Используя знания предшествующих поколений, общественный и собственный опыт, исследователь избирательно подходит к существующим взглядам — одни принимает, другие критикует.

Взгляды, которых он придерживается, теоретические выводы, к которым он приходит, так или иначе соотносятся с существующими в

обществе идейными течениями, занимают определенное место в идейной борьбе данной эпохи, то есть всегда объективно соответствуют той или иной социальной позиции. Отстаивая определенную точку зрения в *идейно-теоретической* сфере, исследователь тем самым защищает соответствующую социальную позицию, независимо от того, сознает или не сознает он связь своих теоретических построений с интересами определенного класса. Но есть и другой путь, когда ученый, выбрав определенную социальную позицию, сознательно исходит из нее в своей деятельности. Эти два пути часто взаимосвязаны.

Индивидуальная социальная позиция исследователя, таким образом, диалектически снимает и включает в себя все компоненты разнообразных коллективных, классовых, национальных, государственных социальных позиций, существующих в обществе. Поэтому можно сказать, что всякие изменения научных интересов при определении предмета исследования в конечном счете обусловливаются практически интересами общества и теми изменениями, которые происходят в них.

Социальная позиция субъекта социального познания оказывает непосредственное влияние на постановку и решение новых проблем, на интерпретацию основных понятий социального познания, на использование достигнутых знаний и определенной методологии, методов и методики, необходимых в процессе познания[11].

Возьмем, к примеру, исследования в области социальных последствий научно-технической революции. Под влиянием огромных достижений техники и универсальности их применения некоторые буржуазные ученые поставили вопрос о замене старых взглядов на окружающую человека среду новыми, соответствующими современным условиям. Была выдвинута идея о формировании так называемой техносферы как сферы применения технических средств, с помощью которых люди воздействуют на живую и неживую природу, преобразуют ее в соответствии со своими целями, причем будущее человечества стало связываться ими с заменой биосферы техносферой. В этом подходе проявилась абсолютизация техники и сказалась буржуазная социальная позиция, отвращающая ученых от использования научной марксистской методологии.

Но уже несколько десятилетий назад крупный советский ученый В. И. Вернадский поставил и решил совершенно по-другому эту проблему. «Мы живем, — писал он, — в исключительное время в истории нашей биосферы, — в психозойскую эру, когда создается ее новое состояние — ноосфера, — и когда геологическая роль человека начинает господствовать в биосфере и открываются широкие горизонты его будуще-

---

[11] См. И. И. Мочалов. Проблема как категория логики научного познания, «Вопросы философии», 1964, № 11, стр. 28; Б. С. Жариков, Гносеологический смысл постановки проблемы, «Вопросы философии», 1964, № 11, стр. 37; П. Н. Хмелев, цит. соч., стр. 61—67.

го развития»[12]. Для нового состояния биосферы, которую В. И. Вернадский называет ноосферой, характерен высокий уровень развития не только производительных сил, но и человеческих отношений, соответствующих социальному равенству и единству человечества, характерных для социализма и коммунизма[13].

Иное содержание в понятие ноосферы вкладывает Тейяр де Шарден, который исходит из первичности психического и считает биологические законы господствующими в обществе. «Наследственность, — пишет он, — перенесенная человеком в мыслящий слой Земли, оставаясь у индивида зародышевой (или хромосомной), переносит свой жизненный центр в мыслящий коллективный и постоянный организм, где филогенез смешивается с онтогенезом. От цепи клеток она переходит в опоясывающие Землю пласты ноосферы». Ноосфера для Т. де Шардена — это не измененная биосфера, а еще одна планетная оболочка, «мыслящий пласт», который формируется над миром животных и растений, это следующий этап в развитии земного феномена, явление идеальное в своем развитии, «создающее бога», «пункт Омега», в котором человечество в конечном итоге воплощается и исчезает»[14].

Различия в постановке данной проблемы и ее решении, очевидно, выражают разные социальные позиции исследователей. Т. де Шарден и В. И. Вернадский интерпретируют с различных точек зрения ноосферу. Первый утверждает, что возникновение ноосферы находится в области психического, в то время как для В. И. Вернадского ноосфера — это сфера разумной организации взаимодействия общества и природы, когда на основе социального и научно-технического прогресса осуществляется целенаправленное преобразование природы и, таким образом, человек добивается целостного воздействия на окружающую среду, а перед обществом открываются большие возможности удовлетворять свои материальные и культурные потребности[15].

Социальная позиция исследователя определяет и интерпретацию основных понятий, используемых им в процессе социального познания. Известно, что понятия обществознания не однозначны. Их многозначность проистекает из сложности и изменчивости общественной жизни и общественных явлений, которые они отражают. Использование субъектом социального познания таких основных понятий как класс, государство, демократия, диктатура пролетариата, социалистическая революция и др., невозможно без необходимой для данного случая интер-

---

[12] В. И. Вернадский. Химическое строение биосферы Земли и ее окружение. М., «Наука», 1965, стр. 270.

[13] См. В. И. Вернадский. Научная мысль как планетное явление. Московское отделение архива АН СССР, Ф. 818, оп. I, ед. хр. 149.

[14] Пьер Тейяр де Шарден. Феномен человека. М., «Прогресс», 1965, стр. 221.

[15] См. В. И. Вернадский. Научная мысль как планетное явление. стр. 149.

претации этих понятий, а в ней и обнаруживается его социальная позиция.

Часто само изменение интерпретации основных понятий социального познания является следствием изменения социальной позиции субъекта социального познания. Возьмем к примеру Р. Гароди. Известно, что в течение длительного периода он исследовал закономерности общественного развития современного капитализма с социальных позиций рабочего класса, позиций марксизма-ленинизма. За последние же восемь лет он опубликовал ряд книг, в которых интерпретирует основные понятия, используемые им при анализе общественного прогресса, в духе ревизионистских взглядов по всем основным вопросам классовой борьбы на современном этапе, что свидетельствует об изменении его социальной позиции.

Чтобы обосновать свою теорию «различных моделей социализма», Р. Гароди пытается также опираться на социальные последствия научно-технической революции на Западе. В результате быстрого развития интеллигенции и технических кадров, на его взгляд, наступила пора коренного изменения структуры западного общества. Все это якобы требует и «новой» интерпретации понятий классов, классового союза, руководящей роли рабочего класса равно как и введения «нового» понятия «исторического блока» интеллигенции с рабочим классом, где руководящую роль играет интеллигенция. «Большая часть интеллигенции, — пишет он, — формирует вместе с рабочим классом новый исторический «блок». В этом блоке интеллигенция участвует как самостоятельная социальная группа и направляет усилия рабочего класса в направлении общественного прогресса»[16]. Интерпретируя понятие интеллигенции в согласии со своей новой социальной позицией, Р. Гароди делает произвольный вывод о тождественности социального положения рабочего класса и интеллигенции, предоставляя первостепенную роль «ученым» и «исследователям». Исходя из своей «новой» социальной позиции, Р. Гароди утверждает, что «французская модель» социализма — это и есть социализм, который должен основываться на «новом историческом блоке», где доминирует интеллигенция.

Нет сомнения, что научно-техническая революция в условиях государственно-монополистического капитализма уничтожила прежние грани между научно-технической интеллигенцией и рабочим классом. Преобладающая часть представителей научно-технической интеллигенции занимает положение наемных рабочих. Капиталисты ввели аккордные системы оплаты их труда, которые ничем не отличаются от подобных систем оплаты, функционирующих в материальном производстве. Все больше и больше «белых воротничков», то есть высоко квалифицированных специалистов, заняты поддержкой и обслуживанием автоматических систем управления материальным производством и тем самым вовлечены в процесс создания прибавочной стоимости. Интелли-

---

[16] R. Garaudi. Le grand tournant du socialism. Paris, 1969, pp. 77—78.

генция, занятая в материальном производстве, в непосредственном создании прибавочной стоимости, в условиях капитализма обнаруживает то же самое отношение к средствам производства материальных благ, к способу распределения материальных благ и к организации труда и производственного процесса, что и рабочий класс.

Нет спора и относительно того, что состав современного рабочего класса на Западе неоднороден, что в нем существуют различные слои и группы. Но это никак не меняет социальной роли и функции фабрично-заводского пролетариата. По своей организованности и по классовой сознательности он является основным ядром рабочего класса, которое определяет направление классовой борьбы и выступает в качестве самостоятельной силы в современном буржуазном обществе. Успешная борьба за социализм в нашу эпоху связана с творческим применением марксистско-ленинского учения о союзе рабочего класса, крестьянства, интеллигенции и всех трудящихся под руководством рабочего класса и его коммунистического авангарда. Это единственный исторический блок общественных сил, на основе которого можно вести успешную борьбу против капитализма и построить социализм.

Мы привели эти примеры о В. И. Вернадском, Т. де Шардене и Р. Гароди для того, чтобы проиллюстрировать роль социальной позиции субъекта в социальном познании и показать, что она определяет как постановку и характер решения новых проблем, так и интерпретацию основных понятий.

Социальная позиция ярко проявляется также при отборе и обобщении социальных фактов. В социальном познании нередко из одних и тех же социальных фактов делают различные выводы, используя при этом выгодные для исследователя методы отбора и обобщения фактов. Социальная позиция — это субъективная основа определения критериев отбора фактов, а выбранная методология, методы и полученные раньше знания — основа их обобщения. Современная буржуазная социология дает много примеров манипуляции фактами развития капиталистического общества с буржуазных социальных позиций. На основе отбора и анализа этих фактов приходят к выводам, которые выгодны для финансовой олигархии как с точки зрения повышения эффективности ее управленческой системы, так и с точки зрения идеологической.

Здесь необходимо отметить, что буржуазная социальная позиция несмотря на свою классовую ограниченность интересами буржуазии не всегда и не автоматически связана с превратным и искаженным познанием. Тогда, когда познание касается исследования, например, механизма совершенствования эксплуатации, буржуазные ученые приходят к выводам, способствующим достижению этой цели. Но они способствуют только «совершенствованию», а не ликвидации этого механизма эксплуатации, требуемой логикой развития современных производительных сил. Поэтому социальная позиция субъекта буржуазного типа ограниченна и вступает в противоречие с историческими тенденциями и потребностями реально развивающегося общественного прогресса.

Выясняя роль социальной позиции субъекта в социальном поз-

нании, необходимо подчеркнуть, что она не определяет автоматически направление и результаты познавательного процесса. Социальная позиция субъекта может быть прогрессивной, может отражать прогрессивные исторические тенденции, а вопреки этому результаты познавательного процесса могут быть ограниченными и схематичными.

Исключительно большое значение для развития социального познания имеет талант, рассматриваемый как способность к творчеству, то есть как способность создавать новые материальные и духовные ценности. Важное значение для развития и осуществления познавательного процесса имеет также аккумулирование и творческая переработка имеющихся знаний — эрудиция исследователя. Для творческого осуществления социального познания необходимы не только знания, но и умение и привычка к творческому мышлению, к новаторскому обобщению фактов и событий, которые характеризуют нашу динамическую эпоху.

Все указанные компоненты, касающиеся субъективной стороны социального познания, неразрывно связаны с использованием единственно научной методологии социального познания — диалектико-материалистической методологии, равно как и других современных методов научного социального познания, без которых невозможно выяснить закономерности строительства развитого социалистического общества.

ГЛАВА 3

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

1. Проблемы методологии и современность

Развитию научной мысли свойственна определенная закономерность: вместе с усложнением познавательной деятельности и появлением новых проблем возрастает значение методологии научного исследования и интерес к ней. Это и естественно, ибо, как показывает история, развитие науки органически связано с совершенствованием методов познания, а возникновение новых методов исследования нередко приводило к революционным, качественным изменениям в отдельных отраслях знания и даже во всей науке.

В настоящее время мы являемся свидетелями новой волны возрастающего интереса к проблемам методологии познания социальных явлений. Однако в противоположность прошлому основной причиной этого интереса является отнюдь не отсутствие метода исследования, способного служить средством изучения сложных социальных процессов современной эпохи. Исторически доказана действенность материалистической диалектики как всеобщей методологии естественных и общественных наук.

Во второй половине XX столетия интерес к методологии познания социальных явлений во многом определяется особенностями и практическими потребностями современной эпохи перехода от капитализма к коммунизму и связанной с этим острой идеологической борьбой, охватывающей всю сферу социальных наук, в том числе и их методологические основания. Острота этой борьбы вызывается также возрастающей ролью общественных наук в жизни общества, все более широким применением их данных для решения социальных проблем.

Цель и назначение научной методологии — обеспечить объективный подход к действительности, соответствующий потребностям исторического прогресса. Ее использование позволяет направить в научное русло развитие общественного познания, исследование исторического процесса, современной социальной действительности, позволяет улавливать и обобщать существенные изменения, происходящие как в самой жизни, так и в ее познании, и на этой основе правильно ориентировать деятельность людей. Поэтому проблемы методологии нельзя считать чем-то весьма абстрактным, оторванным от актуальных задач науки и практики.

Этот последний тезис с полной очевидностью подтверждается всей современной обстановкой. Изменения, которые произошли в мире за последние десятилетия, требуют как дальнейшей разработки самой методологии познания социальных явлений, так и выработки умения пользоваться ею в конкретном познании. Строительство социализма и коммунизма, развитие мировой социалистической системы означает фактически появление новой социальной реальности, исследование которой требует и дальнейшего развития марксистской методологии. Существенные изменения произошли в общественно-экономической системе капитализма в связи с научно-технической революцией и дальнейшим развитием государственно-монополистического капитализма. Ликвидация колониальных режимов в странах «третьего мира» подняла к самостоятельной политической жизни миллионы людей, обнаружила в этих странах наличие сложного переплетения докапиталистических социальных структур, своеобразных и самобытных культур с тенденциями, порождаемыми современным научно-техническим прогрессом, неоколониалистской политикой империализма, с одной стороны, и борьбой за некапиталистический путь развития — с другой. Борьба двух мировых социальных систем, развитие научно-технической и социальной революций, рост милитаризма в капиталистических странах и опасность ядерной войны — все это порождает массу не только практических, но и теоретических проблем, для решения которых необходимо исследование современной действительности с учетом всей ее специфики, исторического своеобразия, глубокого понимания особенностей современной эпохи. Без научной методологии, разработанной применительно к современному этапу общественного развития, решение этой познавательной задачи было бы невозможно.

Ошибочно было бы также полагать, что диалектический и исторический материализм могут стихийно стать основой миропонимания и деятельности масс только на основе повседневного жизненного опыта, ибо диалектико-материалистические принципы познания есть результат и обобщение развития науки и философии. Поэтому защита и творческое развитие принципов диалектического и исторического материализма приобретает особое значение для успешного распространения идей научного мировоззрения, для упрочения позиций материалистической диалектики как всеобщей методологии познания природных и социальных явлений.

Дальнейшее развитие научной методологии познания социальных явлений в качестве настоятельной необходимости выдвигается и всем развитием общественных наук. В настоящее время мы наблюдаем бурный рост и расширение общественного познания, появление новых общественных наук, широкое проникновение количественных методов в обществознание, в особенности в экономическую науку, демографию, социологию и т. д.

Успехи и достижения естествознания, как показал В. И. Ленин[1] на

[1] См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 331—332.

примере революции в физике в начале XX в., создают почву для окончательной победы материалистической диалектики в качестве философской методологии естественнонаучного познания. В области социальных наук о такой фазе развития как всеобщем явлении пока говорить не приходится. Классовые интересы буржуазии, влияние ее идеологии существенно осложняют развитие аналогичного процесса в общественных науках. Признание материалистической диалектики в качестве единственно научной методологии познания также и социальных явлений оспаривается вновь и вновь, явно и тайно: в лоб и в обход, «справа» и «слева».

Исследование природы социального знания вообще и используемой в нем методологии в частности, раскрытие специфики познания социальных процессов, утверждение подлинно научной методологии познания социальных явлений — становится важной задачей марксистской философии. В решении этого вопроса она основывается на последовательном проведении в жизнь фундаментального материалистического принципа отражения.

Особенно важную роль социальное знание играет в социалистическом обществе, где весь комплекс общественных наук используется в процессе социального управления. В связи с этим к общественным наукам предъявляются все более повышенные требования в отношении точности их выводов, реальности и действенности их практических рекомендаций. Новые проблемы возникают и перед методологией познания, от которой во многом зависит верность теоретических выводов из накопленного обширного эмпирического материала, целеустремленность конкретных социальных исследований, их эффективность в решении задач коммунистического строительства.

При этом условием сохранения научности методологии является ее неразрывное единство с самим процессом познания, ее собственное изменение и развитие на основе ассимиляции и теоретического освоения того нового, что дает история и как реальность и как наука.

2. Методология и реальность. Типы методологии

В марксистской литературе встречаются различные определения методологии. Методологию определяют как «философское учение о методах познания и преобразования действительности»[2]. Ее определяют и как совокупность различных принципов, способов и методов познания[3]. И, наконец, существует понимание методологии как «применение принципов мировоззрения к процессу познания, к духовному твор-

---

[2] П. Копнин, А. Спиркин. Философская энциклопедия. М., 1964, т. 3, стр. 423.

[3] См. Н. Стефанов, Ст. Качаунов, К. Симеонова. Структура и методология на историческото познание. София, 1971, стр. 89—90.

честву вообще и к практике»[4], то есть как философский метод познания в отличие от конкретных научных или математических методов.

По нашему мнению, вполне возможно все эти определения понятия методологии рассматривать не как взаимно противоречащие, а как дополняющие друг друга и характеризующие различные моменты широкого явления, обозначаемого пока одним термином—методология.

Возможность различных подходов к пониманию методологии отражает действительную сложность проблемы. Каждый из этих подходов схватывает отдельные стороны, реальные аспекты проблемы и потому не может быть просто отброшен.

С другой стороны, появление различных определений одного и того же понятия в марксистской литературе может свидетельствовать об известной неразработанности данной философской проблематики. Мы не являемся сторонниками «метаметодологии» и полагаем, что методологическая функция философии обязывает ее теоретически осмысливать используемые в познании методы, в том числе и собственно философские, т. е. самой выступать в качестве «учения о методах».

В марксизме эту функцию выполняют диалектико-материалистическая теория познания,логика науки в рамках которых разрабатываются важнейшие принципы и основы различных аспектов понимания методологии.

Далее, философия сама является методологией, и этот термин в данном случае позволяет отграничить философские методы мышления от конкретных нефилософских и абстрактных математических методов познания.

Материализм и диалектика являются двумя основными теоретико-методологическими принципами марксистской философии.

Материалистическая диалектика, как известно, есть не только учение о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, но является также единственно научной философской методологией познания и преобразования действительности, «ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для общих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой»[5].

Разработка приемов и способов отражения того или иного конкретного фрагмента реальности или действительных отношений, конечно, также исходит из общих принципов мировоззрения, но непременно должна учитывать специфику изучаемого объекта.

И здесь появляется необходимость расширенного понимания методологии как определенной совокупности принципов, средств и методов познания. Практически речь идет о понимании методологии как «формы практического и теоретического освоения действительности, исходящего из закономерностей изучаемого объекта и опирающегося на си-

---

[4] П. Копнин, А. Спиркин. Там же.

[5] Ф. Энгельс. Диалектика природы. М., 1955, стр. 22.

тему регулятивных принципов преобразующей, практической или познавательной, теоретической деятельности»[6].

Что же касается вопроса о том, можно ли любую совокупность методов считать методологией, или этот термин может применяться лишь к ограниченной теми или иными рамками совокупности методов, то это вопрос дискуссионный, требующий для своего решения дальнейших исследований.

Мы полагаем, что понятие методология носит философский характер, и если его использовать для выделения определенной совокупности методов, что вполне правомерно, то в эту совокупность следует включать именно философские методы и те общенаучные логико-методологические средства, которые, хотя и не являются философскими, но могут, как и последние, быть в принципе применены к любой или достаточно широкой области знания, например, ко всей сфере социального знания.

Из самого существа диалектического понимания методологии вытекает, что она всегда должна опираться на онтологическую характеристику определенной реальности, ее определенную содержательную интерпретацию. Для методологии это имеет столь существенное значение, что фактически определяет ее собственную направленность.

Специфика свойств конкретного объекта познания, а также определенность отношения «объект-субъект» обусловливают особенности методологии познания тех или иных явлений. Наличие таких особенностей характерно, в частности, и для методологии познания социальных явлений.

История социальной мысли в целом и социальная философия в особенности показывает, что характер той или иной методологии в ее основных параметрах «задавался» именно тем, как ее создатель определял предмет социального знания, что он выделял в качестве той «реальности», которую он брался исследовать. Например, если в качестве этой реальности брался индивид и предметом исторического познания признавалась деятельность отдельных, преимущественно выдающихся личностей, то в соответствии с этим определением строилась и методология социального знания. Иначе говоря, индивидуалистическая концепция истории обращалась в соответствующую методологию, крайним выражением которой было сведение описания истории к биографиям великих личностей.

Отождествление социальной системы с биологической и представление социальной реальности в этом духе неизбежно приводило к перенесению биологических понятий и закономерностей на общество и выработке соответствующей методологии, которая по своему существу не могла выразить специфики социального и понять исторический процесс в его самодвижении.

Или возьмем, например, так называемую концепцию «понимания».

---

[6] П. Копнин, М. Туровский. Философская энциклопедия. т. 3, стр. 409.

В качестве онтологической характеристики реальности, на которую опирается эта концепция, берется тот факт, что в социокультурных объектах всегда воплощено некое субъективное начало — значение, смысл, проект,а также цели и мотивы человеческой деятельности. Выявление этого субъективного компонента и определялось данной концепцией как основной предмет социального знания, через который якобы только и можно постичь проблемы общества, культуры и человека. Решению этой задачи и служит вырастающий на базе этой концепции так называемый метод понимания, противопоставляемый методам описания и объяснения естественных наук.

В противоположность всем этим ненаучным подходам историко-материалистическая методология является применением принципов и выводов научной теории общества к процессу социального познания. Та онтологическая характеристика реальности, которая лежит в основе историко-материалистической методологии, «задается» ей самой объективной диалектикой общественного развития. В этом смысле методология исторического материализма есть общественное выражение объективной диалектики истории, ее собственных закономерностей. Поэтому исторический материализм выступает как подлинно научная методология социального познания.

Но в общественном познании возникает и потребность в анализе, например, таких проблем, как противоречия и качественные переходы в обществе, соотношение необходимости и случайности, возможности и действительности, форм проявления причинности и т. д., для решения которых непосредственно требуются общие принципы материалистической диалектики. В настоящее время широко ставится вопрос о разработке применительно к потребностям познания общественной жизни системного подхода. Известно, что этот подход успешно используется в различных науках — бислогии, кибернетике и др. Кроме того, имеется совокупность методов, связанных с применением к общественному познанию логики и математики. Таким образом, помимо специфических принципов, способов и методов социального познания в познании общественных процессов широко применяются общефилософские принципы, способы и методы, а также общенаучные, включающие использование логических, математических и пр. методов. Из сказанного следует, что методы познания социальных явлений — сфера более широкая, чем сфера специфических методов социального познания и принципов исторического материализма. Конечно, в системе этих методов принципы исто рического материализма являются главным стержнем, основой применения и всех других способов подхода к познанию действительности.

Вместе с тем, видимо, возникает проблема известной, хотя и не строгой классификации внутри этой совокупности методов познания социальных явлений. Мы не можем рассмотреть более или менее полно весь круг относящихся сюда вопросов. Выделим лишь один вопрос о типах методологии познаний социальных явлений.

Рассматривая методологию познания социальных явлений как совокупность принципов, способов и методов познания, можно внутри этой общей совокупности выделить три типа систем, отличающихся степенью

общности составляющих их способов познания и соответственно их возможностями в изучении тех или иных конкретных объектов. Различия между этими типами систем столь очевидны и разительны, что назвать их типами методологии имеются достаточные основания.

По нашему мнению, напрашивается вывод о возможности выделения по крайней мере трех типов методологии, применяемых в познании социальных явлений: общефилософской, социально-философской (или общесоциологической) и общенаучной. В рамках марксизма в качестве общефилософской методологии выступают принципы материалистической диалектики, а социально-философской — принципы исторического материализма. Принципы общефилософской методологии, определяющие способы исследования объекта и субъекта познания, а также объективно-субъективных отношений, в том числе и самого процесса познания (логико-методологическая проблематика), связывают познание социальных явлений, познание общественной жизни с познанием в целом, поскольку общество есть часть объективной реальности. При этом общество как часть объективной реальности характеризуется определенным набором своих особенных черт, которые и порождают необходимость появления специфически социально-философской методологии познания общественных процессов.

Способы и методы познания особенностей и черт больших классов объектов разрабатываются в общенаучной методологии. Общенаучная методологическая проблематика в настоящее время широко применяется в конкретных естественных и общественных науках.

Подобная классификация типов методологии не претендует на то, чтобы быть исчерпывающей, и представляет собой известную абстракцию. В реальном процессе познания формируется определенный методологический комплекс, в котором все эти типы методологии взаимно перекрещиваются, обусловливают и дополняют друг друга, поскольку каждый тип методологии «выполняет» в этом методологическом комплексе вполне определенные методологические функции.

3. Теория и методология. Уровни методологии

Разграничение содержания теоретического знания и выполняемых им методологических функций, разграничение теории и методологии является общим для всех определений методологии. Теория выступает как стройная, цельная, логически связанная система обобщенного знания, отображающая существенные стороны какого-то фрагмента реальности, его закономерные причинные и другие связи. Значение теории прежде всего в том, что она позволяет объяснить реальные явления и процессы, которые она отражает. В отличие от этого теория, рассматриваемая с точки зрения ее методологических функций, дает принципы подхода к конкретной реальности, служит выработке знания об этой реальности. Знание, выполняющее методологические функции, не при-

вязывается жестко к данному фрагменту реальности, к данному конкретному содержанию той теории, построению которой оно служит, ибо такая привязка привела бы к потере этим знанием той степени общности, которая необходима для выполнения методологических функций. Например, марксистская теория государства строится на основе общих принципов историко-материалистической методологии, позволяющей решать проблемы сущности, природы, функций государства и т. д., руководствуясь общим знанием о законах общественного развития, об этапах развития исторического процесса, о соотношении базиса и надстройки, о классовых интересах и т. д. Здесь общие методологические принципы исторического материализма служат построению конкретной теории государства как феномена общественной жизни именно потому, что позволяют выявить его связь с природой социального целого, его зависимость от способа материального производства на определенных этапах развития последнего, его роль в той или иной конкретной социальной системе. Сама эта теория непосредственно создается на основе обобщения того материала, который доставляет история классовой борьбы антагонистических обществ, история политической жизни.

Еще один пример. Выявление специфики той или иной общественной формации есть тоже теоретическая задача, которая может быть решена лишь с помощью принципов исторического материализма. Но сами эти принципы не могут быть привязаны к какой-то данной, конкретной общественно-экономической формации, ибо тогда они потеряли бы свою методологическую всеобщность, и исторический материализм в этом случае не мог бы выполнять функцию общей методологии социального познания.

В настоящее время начали широко развиваться конкретные социологические исследования общества в различных социалистических странах. Методологической основой этих исследований является исторический материализм. Но совершенно очевидно, что весь тот конкретный материал, который доставляется этими социальными исследованиями, не может быть включен в содержание исторического материализма по той же самой причине, ибо он тогда потерял бы свою методологическую всеобщность, возможность выступать в качестве методологии общественного познания в целом.

Указанное разграничение содержания знания и методологических функций знания, теории и методологии является относительным и сугубо функциональным, ибо всякая общая теория может выполнять методологические функции, интерпретировать тот или иной фрагмент реальности определенным образом. Только эта реальность является менее широкой и менее общей по сравнению с той, на познании которой построена эта теория, используемая с точки зрения ее методологической функции. В этой связи целесообразно поставить вопрос о своеобразных уровнях методологии.

Вопрос об уровнях методологии мы рассмотрим на примере соотношения общефилософской и социально-философской методологии марксизма.

Применительно к структуре методологии познания социальных

явлений диалектический материализм и исторический материализм могут рассматриваться и как различные уровни методологии — общефилософский и философско-социологический. Конечно, эти уровни нельзя трактовать как какие-то «полочки», по которым располагается вся философская методологическая проблематика. Речь идет только о том, что идея уровней вносит ясность в вопрос о том, что исторический материализм и материалистическая диалектика выступают как относительно самостоятельные типы методологии в процессе общественного познания. Один и тот же вопрос может рассматриваться и на уровне философско-социологическом и на уровне общефилософском. Речь идет просто о различных уровнях абстракции и соответственно о более общих и более конкретных принципах исследования данного явления.

Кроме того, «полочки» не получаются и потому, что целый ряд принципов исторического материализма и проблем, которые он решает, имеет общефилософский характер и общемировоззренческое значение. Это относится, например, к анализу практики. Без историко-материалистического анализа практики, человеческой деятельности было бы невозможно и создание диалектико-материалистической теории познания. Поэтому идею уровней нельзя трактовать механически, упрощенно, ибо в реальном мыслительном процессе и процессе познания имеют место постоянные пересечения этих уровней. Сам исторический материализм, хотя и обладает относительной самостоятельностью по отношению к диалектическому материализму, имеет свою систему понятий и свой круг проблем, неотделим от диалектического материализма и в органическом единстве с ним составляет философию марксизма.

Исторический материализм есть теория — теория общественного развития, философско-социологическая теория марксизма. Но реальность, которую отражает эта теория, является самой широкой — это исторический процесс в целом, его наиболее общие законы и движущие силы. Если мы берем общество на этом уровне, то тогда исторический материализм сам выступает как содержательная теория, выполняющая объяснительную функцию. Материалистическое понимание истории, опираясь на знание законов общественного развития, дает нам объяснение сущности исторического процесса, логики его прогрессивного развития, объяснение общих взаимосвязей, существующих между различными частями и компонентами социального целого, раскрывает и объясняет зависимость всех сторон общественной жизни от способа производства материальных благ и т. п. Но исторический материализм не дает знания конкретных процессов, явлений, связей социальной действительности. По отношению к этим феноменам он играет методологическую роль.

Исторический материализм есть и теория и методология. В качестве теории исторический материализм представляет собой систему понятий, категорий, законов, в которых отражаются существенные аспекты общества, исторического развития. В качестве методологии он выступает постольку, поскольку вся эта понятийная система используется для получения нового и конкретного социального знания. По

содержанию это одно и то же. Различие здесь чисто функциональное, то есть исторический материализм выполняет и функцию теории и функцию методологии. Тогда возникает вопрос: для чего же необходимо это различие, является ли оно существенным?

На этот последний вопрос следует дать положительный ответ. Подобное разграничение существенно и необходимо, только его не следует абсолютизировать. Оно необходимо в частности потому, что имеется различие между проблемами разработки теории и проблемами ее применения. Разработка теории осуществляется на основе обобщения общественно-исторической практики людей, конкретных данных. Разработка теории — творческая задача. Ее решение обогащает и методологию социального знания, поскольку развиваются те принципы, которые применяются в процессе познания.

Не только разработка теории, но и применение ее в качестве научной методологии — творческий процесс, ибо социальная действительность текуча и бесконечно разнообразна. Проникнуть в нее — не значит подвести факты под готовую схему.

Методология нужна не для того, чтобы заменять процесс познания, а чтобы сделать его более эффективным, результативным и плодотворным. Она нужна не как источник готовых ответов и решений, а как мощное средство их поиска.

Методология есть тоже творческий процесс. Теория осуществляет свои методологические функции лишь постольку, поскольку она применяется, поскольку с ее помощью осуществляется анализ действительности и получается новое знание. Таким образом методологическая функция теории связывает ее с общим процессом развития социального знания, что оказывает, естественно, и обратное воздействие на содержание теории, вселяет в нее новую жизнь, ставит перед ней новые проблемы. В этом смысле применение теории небезразлично для ее содержания, ибо дает толчок развитию самой теории. Как мы уже говорили, методологию нельзя понимать как «золотой ключик», с помощью которого можно получать готовые истины.

Большой опасностью, которая возникает, когда мы применяем ту или иную методологию, является опасность превращения метода из средства научного исследования исторической действительности в схему, которая этой действительности навязывается, против чего, как известно, категорически возражал К. Маркс[7]. Такая схематизация происходит тогда, когда общие понятия, положения, принципы теории выступают не как средство анализа конкретной действительности, а просто как законченная ее характеристика. Например, иногда встречается отождествление общих определений базиса с конкретной экономической структурой того или иного общества, фактическое отождествление общественного бытия с конкретной социальной реальностью, прямой перенос общих абстрактных определений структуры обществен-

[7] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 26.

ного сознания на характеристику массового сознания и т. п. В этих случаях конкретный материал служит не предметом исследования с помощью методологии, а простой иллюстрацией общих категорий. На этой основе могут возникать и всякие «проблемы», которые фактически проблемами не являются. Например, проблема «многоукладности» базиса или отождествление реальной структуры массового сознания с категориальной схемой структуры общественного сознания в историческом материализме и т. п. Тогда забывается тот простой факт, что общие принципы методологии сами являются абстракциями, не имеющими прямого аналога в конкретной эмпирической реальности.

Таким образом, методологическая функция теории выражает действенность последней в процессе познания, связана с ее применением. Но если речь идет о разработке самой методологии, то она фактически сводится к развитию теории.

4. Специфика методологии познания социальных явлений

Из проделанного нами анализа вытекают некоторые выводы относительно специфики познания социальных явлений. Мы видели, что исторический материализм и методология познания социальных явлений — понятия не тождественные. Хотя мы рассматривали проблему соотношения теории и методологии, имея в виду именно исторический материализм, из этого не следует, что методология познания социальных явлений сводится к историческому материализму. По сути дела она представляет собой некоторый комплекс различных типов методологий. Состав этого методологического комплекса, определенный «крен» в сторону тех или иных моментов его и составляет специфику методологии познания соответствующих явлений и процессов. В домарксистской и современной буржуазной философии особенности методологии познания социальных явлений обычно выводили только из специфики положения и свойств субъекта социального познания: его сопричастности к созданию существующей социальной реальности, его заинтересованности в результатах познания, его человеческих качеств, якобы не могущих быть элиминированными из процесса познания и накладывающих отпечаток на результат познания и т. д.

Перед марксистской методологией стояла задача определения и исследования форм обусловленности методологии познания социальных явлений спецификой самого объекта познания, особенностями социальной формы движения материи.

Факт обусловленности методологии познания социальных явлений свойствами объекта познания доказывается длительной историей поисков специфического для учения об обществе объекта исследования, познание которого могло бы открыть дорогу к пониманию закономерностей развития социальных форм.

Для исторического материализма таким объектом познания стали общие законы исторического процесса, взаимодействие всех сторон общественной жизни на основе общественного бытия.

Специфика решения вопроса об основаниях социального развития в историческом материализме состоит в том, что этот вопрос не может быть решен путем простого причисления всех материальных сторон общественных явлений к общественному бытию.

Ответ на вопрос о способе формирования и содержании категории общественного бытия дает долгий и трудный процесс становления истинно научной философской концепции истории. Только одна «модель» общественного бытия, разработанная К. Марксом на основе переработки и усвоения всего лучшего из достижений научной мысли прошлых веков, выдержала проверку практикой и стала важнейшим завоеванием общественной науки.

Результат своего исследования К. Маркс формулирует следующим образом: «Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»[8].

Общественное бытие как категория исторического материализма есть совокупность лишь тех и только тех элементов реальной общественной жизни (материальных отношений людей друг к другу и к природе), которые лежат в основе механизма естественноисторического процесса общественного развития и тем самым определяют (непосредственно или в конечном счете) все основные явления как социальной, так и духовной жизни общества.

Выделение «общественного бытия» в качестве основной категории исторического материализма, отражающей основание социального развития, позволило установить иерархию отдельных факторов и явлений в развитии общества, дало возможность представить это развитие как естественноисторический процесс и на этой основе обеспечить исследование процессов социального развития методами и способами, применимыми в науке.

В то же время особенности общественного бытия как специфического объекта исследования исторического материализма обусловили некоторые из особенностей этого уровня методологии познания социальных явлений.

В этой методологии должна была найти отражение специфичная и очевидная роль субъекта познания в исследовании социальных явлений.

Спецификой развития социальной формы движения материи является то, что материальная и духовная стороны общественной жизни всегда активно взаимодействуют друг с другом. И когда мы подчеркиваем определяющую роль общественного бытия, мы тем самым отнюдь не хотим уменьшать роли общественного сознания. Последняя получила развитие в учении о деятельной, активной роли сознания в процессах общественного развития. Учение это имеет чрезвычайно важное значение для обоснования и решения основного вопроса историчес-

---

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 7.

кого материализма, включающего в себя и вопрос об активности сознания. Духовная жизнь есть необходимое условие функционирования и развития общества. Поэтому общественное сознание и общественное бытие в марксистской философии противопоставляются друг другу лишь в пределах основного гносеологического вопроса, а за его пределами должны рассматриваться в единстве, которое реализуется в деятельности людей.

Этот факт характерен не только для понимания закономерностей общественного развития, но и для понимания развития самой методологии познания социальных явлений. В соответствии с этим, вероятно, необходимо выделять два ряда факторов, детерминирующих процесс социального познания, а следовательно, и общие принципы подхода к изучению действительности, т. е. методологию.

Первый ряд это факторы гносеологического порядка. Они определяют разработку и применение методов познания с точки зрения их взаимодействия с объектом отражения, истинности или ошибочности получаемых с помощью этих методов знаний, их обусловленности внутренней логикой и уровнем развития знания, с точки зрения соотношения методов познания и содержания знания и т. д.

Но, как известно, на выбор того или иного метода социального знания, на подход к процессам развития общества заметный отпечаток накладывают классовые интересы, идеология, сам субъект познания. Поэтому при анализе используемой методологии следует учитывать и второй ряд факторов — факторы социологического порядка. Они характеризуют выбор и применение методов познания с точки зрения их социальной обусловленности, их взаимосвязи с конкретно-историческими формами общественной практики, с точки зрения места и роли в общественной жизни знаний, получаемых с помощью этих методов, выражают факт «включенности» субъекта познания в борьбу социальных сил.

Гносеологический подход позволяет рассматривать социальное познание и его методологию как отражение. Социологический подход (опирающийся на гносеологию, включающий её в себя) позволяет рассматривать социальное познание и его методологию как необходимый компонент деятельности, как момент функционирования социальной системы, как специфическое явление общественной жизни, детерминированное условиями социального существования и играющее активную роль в жизни людей.

Социологический подход открывает методологическую возможность для объяснения принципиальных различий форм отражения действительности, поскольку при проведении его вскрывается тот факт, что эти различные формы отражения появляются на основе разных общественных потребностей и выполняют совершенно разную роль.

Каким же образом происходит «единение» гносеологических и социологических аспектов в методологии познания? Как происходит их совмещение при разработке и применении методологии?

Здесь следует учесть, что в реальном процессе познания социальных явлений имеет место диалектическая взаимосвязь между социаль-

ной позицией исследователя и используемой им методологией. При этом выбор используемой методологии (или направление ее разработки) может определяться позицией исследователя, его социальной ориентацией, или напротив, может сам обусловливать его социальные ориентации, послужить детерминирующим фактором при определении его социальной позиции.

Марксистская методология познания социальных явлений органически связана с интересами рабочего класса, борьбы за социализм и коммунизм, опирается на обобщение итогов развития науки и философии, стремится использовать и развивать дальше все лучшее, истинное из арсенала выработанных человечеством философских и общенаучных методов и средств познания. В наборе факторов, детерминирующих методологию познания социальных явлений, играет роль, как мы уже говорили, и развитие социальной практики, которое приводит к существенным изменениям в самой методологии или, во всяком случае, в предъявляемых к ней требованиях.

Таковы некоторые особенности марксистской методологии познания социальных явлений. Обусловленные спецификой объекта и субъекта познания, они проявляются и в характере формирования методологии, при выделении основных категорий, и их взаимодействии. Эти особенности проявляются также в способах и путях детерминации социального познания, в основных направлениях и тенденциях развития методологии (в довольно строгом соответствии с социальными функциями, выполняемыми социальным познанием в ту или иную эпоху), в самом ее применении.

Творческое применение и развитие проверенных временем принципов марксистско-ленинской методологии социального познания позволяет преодолеть реальные сложности процесса познания социальных явлений, использовать методологию как действенное и эффективное орудие научного познания и социального действия.

ГЛАВА 4

СОЦИАЛЬНОЕ И БИОЛОГИЧЕСКОЕ В ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА

1. Введение

Происходя от группы общих предков с некоторыми обезьянами, родоначальники человека явились звеном естественной эволюции жизни на Земле. В ее основе лежало формирующее действие естественного отбора, опиравшееся на мутации, скрещивание и изоляцию популяций. Однако формирование собственно человека потребовало новых путей, оно было вызвано появлением общественной формы движения материи.

Общественно-трудовые отношения — это новая сила, которая создала человека разумного (Homo sapiens). Важнейшей особенностью прогресса человека явилось то, что содержание социальной эволюции, как это показывают законы генетики, не могло записываться в генах, оно не стало субъектом биологической эволюции. Итоги общественно-трудовой деятельности передаются по поколениям в виде социальной программы, путем воспитания. В наши дни становится ясным, что учение о социальном наследии — это один из краеугольных камней в понимании качественных отличий человека от животных. Социал-дарвинисты, расисты и евгеники долгое время сводили сущность человека к законам биологии, представляя, что в основе общественных отношений лежит внутривидовая борьба между генетически разными особями. Биологизация социальной и духовной жизни человека ограничивала прогресс человечества и ставила передним пределы. Признание категории социального наследования, напротив, показывает, что социальный прогресс практически ничем не ограничен.

2. Предыстория человека

Предыстория современного человека Homo sapiens протекала длительное время, в течение которого естественный отбор, опираясь на мутации, скрещивание, изоляцию и групповой отбор, направленно формировал развитие биологических основ такого животного, появление которого создало возможности социальной эволюции человека.[1]

[1] G. G. Simpson. The Biological Nature of Man. «Science», 152, 3721, 34—40, 1966.

Естественный отбор нащупал перспективы качественно особой формы приспособления к среде, состоящей в преобразовании целого комплекса признаков, что в конечном итоге выразилось в преимуществах развития мозга как аппарата отражения. Все группы обезьян задержались и не претерпели аналогичной эволюции, она коснулась лишь одного предка человека, который входил в состав семейства древних обезьян. Человек наиболее близок к гориллам и шимпанзе. Ранние представители дочеловеческой линии из Индии и из Африки, отличающиеся от линии гориллы и шимпанзе, имеют возраст около 10 млн. лет. Следующая большая группа ископаемых — это австралопитеки. Группа Ausrtralopithecus afrikanus наиболее близка к роду Homo. Она появилась около 2 млн. лет назад. В это время наши предки уже стояли на двух ногах, жили на земле и пользовались руками. Их зубы были очень близки к нашим. Около 500 000 лет тому назад эволюция привела австралопитеков в состав рода Homo, появился вид Homo erectus. Анатомия тела и даже лица приобрела почти человеческий характер, однако выделялись грубые, тяжелые надбровные дуги и небольшой низкий череп. Размер мозга был промежуточным между австралопитеками и современным человеком. Наконец, 40—50 тысяч лет тому назад появился собственно человек — Homo sapiens. Таким образом, в течение 10—15 миллионов лет длился процесс преобразования обезьяноподобного предка человека в существо, способное производить необходимые средства к жизни, что неразрывно связано с появлением сознания. Вертикальное положение тела повлекло за собою изменение анатомии и привычек. Использование огня защитило людей и изменило характер пищи. На ранней стадии эволюционировала зубная система, что было вызвано новым видом пищи и потерей защитной функции зубов. Эти новые особенности предков человека создали новое поле для приложения умственных способностей, которых не было ни у одного из животных видов. В результате объектом отбора стало развитие мозга как по его внутреннему устройству, так и по объему. На ранней стадий развития человека его поселения были представлены малыми группами, разбросанными по обширной территории. В этих условиях большое значение имел групповой отбор. Группы людей в силу генетических особенностей, обусловленных отбором, ушедшие вперед по развитию мозга, т. е. по возможностям их влияния на материальную среду жизни, получали решительное преимущество, и их потомки быстро вытесняли представителей отставших групп. Скрещивание преобладающих групп вело к обогащению наследственного потенциала, что позволяло отбору широко использовать не только мутации, но и широкую рекомбинационную изменчивость. В течение 10—15 миллионов лет был осуществлен гигантский скачок от животного до человека.

Произошло постепенное развитие сложных ассоциативных связей большей части мозга, что повело к возможности появления слов, основы членораздельной человеческой речи.

Процесс антропогенеза был непрерывно нарастающим биологи-

ческим процессом, ароморфозом в смысле А. Н. Северцева[2], прерываемым вспышками импульсивной эволюции[3]. Именно скачки привели к появлению австралопитеков, затем питекантропа, синантропа и неандертальца. Грандиозный скачок от неандертальца к Homo sapiens, произошедший 30—40 тысяч лет тому назад, был связан с тем, что биологическая эволюция вышла за собственные рамки, на ее основе возникла общественная форма движения. В этих новых условиях на планете появилась новая могучая сила — человек разумный, переделывающий неорганическую природу, ставящий под свой контроль эволюцию всех форм жизни, включая собственные биологические особенности.

3. Появление человека разумного

Общеизвестны заслуги Ч. Дарвина, который впервые выдвинул идею антропогенеза, т. е. появления человека из представителя животного мира. Однако конкретной теории антропогенеза он не создал. Более того, всячески подчеркивая постепенность и преемственность процессов антропогенеза, доказывая, что человек представляет собою естественное звено эволюции жизни, Дарвин не подчеркнул качественной специфики человека. Идея о прямой связи человека с остальными формами жизни в наши дни получила великолепное обоснование и развитие в успехах общей и молекулярной генетики. Однако сам Дарвин еще искал этих доказательств и часто принимал аналогии за истинную связь между человеком и обезьяной. Теперь мы свободны от этих поисков и смело можем по качественным признакам отделять человека от его животных предков, учитывая формирующую роль общественной формы движения материи.

Ярким примером могут послужить тщетные попытки Ч. Дарвина и многих его последователей, которые хотели проследить, как звуки, издаваемые животными предками человека, эволюционно превратились в язык человека[4].

В свете данных генетики сейчас очевидно, что конкретные языковые формы биологически не обусловлены. Все люди обладают общей генетической детерминацией мозга к общению символами — речью, однако какова будет конкретная речь, это целиком определяется воспитанием. Сколько бы тысячелетий предки данного человека не говорили на определенном языке, например, на китайском, это никак не записывается в генах. Рождающиеся дети не обладают никакими генетически закрепленными способностями к конкретным словам. Язык неразрывно связан с мышлением. У ребенка, впервые познающего мир,

---

[2] А. Н. Северцев. Морфологические закономерности эволюции. Изд-во АН СССР, 1939.

[3] Н. П. Дубинин. Эволюция популяций и радиация. Атомиздат, 1966.

[4] J. B. Lancaster. In: The Origin of Man, ed. Dc. Bore. N. Y., 1965.

пробуждается сознание, он начинает самостоятельно осмысливать среду и подбирать для ее элементов слова — символы. Затем, попадая в речевую среду, он воспроизводит речевую форму окружающих людей. Язык так же древен, как и сознание. В истории появления человека, он помогает самому развитию мысли, возникает из настоятельной потребности общения с другими людьми. Дети каждого поколения любой языковой группы заново учат путем воспитания конкретный современный язык, усваивая всю его сложность. Любой язык в наши дни находится на высоком уровне развития, он неузнаваемо отличен от языка давних примитивных предков. При этом содержание языка не переходило в генную запись, оно оставалось на уровне социальной программы, адекватно передающейся через воспитание. Если бы мы оставили современных детей без социальной среды, их язык не вышел бы за пределы языка людей, живших десятки тысяч лет тому назад.

На модели языка перед нами встает вся та качественно новая ситуация биосоциального существа, каковым является человек. Носителем данного конкретного языка являются не гены, а человек, воспитанный в определенной речевой среде, способный путем воспитания передать культуру языка своим детям. Вся конкретная система языков во всей их грамматической и словарной сложности — это явление особой формы передачи опыта через воспитание. К такой культурной наследственности у человека неоднократно привлекалось внимание целым рядом как отечественных, так и зарубежных авторов (Т. Х. Морган, Н. К. Кольцов, С. Н. Давиденков и др.).

В последнее время о роли культурной наследственности писали Уайт[5,6], Чилд[7], Стюардом[8,9], Салинс и Сервис [10] и др.

Однако одного признания факта культурной наследственности недостаточно. Настало время для того, чтобы во всей полноте раскрыть его содержание и обосновать тот принцип, что именно его наличие составляет важнейший элемент качественной специфики происхождения, существования и прогресса человека. Имея в виду именно это фундаментальное значение такой культурной традиции человечества, я предложил обозначить ее как категорию социального наследования[11]. На примере языка мы видим, что решающим для становления и прогресса человека было взаимодействие между генетической и социальными

---

[5] White L. The Science of Culture, N, Y., 1949.

[6] White L. The Concept of Culture, A. M. Autropol., 61, 227—251, 1959.

[7] Childe I. V. Social Evolution, N. Y., 1951.

[8] Steward J. N. Evolution and Process, Chicago, 1953.

[9] Steward J. N. Evolution and Social Typology, 1960.

[10] Sahlins M. D., Service E. R., Evolution and Culture. Ann. Arbor. Univ. of Michigan Press, 1960.

[11] Н. П. Дубинин. Генетика и будущее человечества. М., «Знание» 1971; его же Философские и социологические аспекты генетики человека, «Вопросы философии», № 1—2, 1971.

программами. Используя генетическую программу, дававшую через организацию физических, структурных и химических признаков мозга возможность социального прогресса, человечество затем на протяжении всей своей истории, опережая биологические формы развития, пошло путем прогресса языка и мышления.

Этот прогресс связан с организацией громадного числа степеней свободы, свойственых развитию в мозга человека. Каждый нейрон потенциально имеет огромное количество степеней свободы для взаимодействия с другими нейронами. Мозг содержит 14 млрд. нейронов. Он пространственно организован в функциональную систему[12, 13, 14]. Для этой системы ее структура является врожденной. Однако ее работа и формы интеграции — это все приобретается человеком при ее функционировании в определенных условиях среды. Социальная программа организует систему сознания в течение всего периода воспитания человека.

Обращаясь к биологическим свойствам человека, следует, конечно, признать, что они в течение исторических периодов претерпели некоторые изменения, однако это не та биологическая эволюция, которая характерна для видов животных. Причина этих различий коренится в том, что естественный отбор утратил для человека роль фактора расо- и видообразования. Новая форма прогресса, свойственная человеку, основанная на общественном характере его жизнедеятельности определяет личность человека, и при этом ни течение процесса, ни его итоги не записываются в генах. Все это показывает, что собственно два главных события лежали в основе появления человека. Первый — это генетическая эволюция, в течение которой естественный отбор создал качественно новое животное. Благодаря появлению общественно-трудовых процессов это животное стало человеком. При этом содержание духовной культуры с течением времени приняло форму социальной программы. Последняя, аккумулируя сущность личного опыта поколений, стала важнейшим элементом социальной эволюции человека, которая стала протекать столь фантастически быстрыми темпами, что человечество через 6000 лет его исторического пути без биологической трансформации поднялось до возможности космических полетов к планетам, радиоастрономии звезд, создания электронных машин и вплотную подошло к разгадке тайны гена и атома.

Непонимание роли социального наследования как элемента, входящего в центральные события становления человека, ведет к непрекращающимся попыткам биологизировать социальную сущность людей, что на протяжении последних 100 лет вылилось в социал-дарвинизм, в евгенику, требующую биологической переделки человека, и расизм. В наши дни пропагандируется мысль, что даже мораль — это

---

[12] П. К. Анохин. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., «Медицина», 1968.

[13] П. К. Анохин. Теория функциональной системы. «Усп. физ. наук», I, I, 1970.

[14] М. И. Ливанов. Пространственная организация процессов головного мозга. М., «Наука», 1972.

не социальная форма понимания значения личности человека, смысла его жизни и его соотношения с обществом, разная для каждой исторической эпохи, а якобы вечно присущее человеку качество, записанное в его генах. Мутации генов этики якобы ведут к бессердечию, чем обусловлены порок, преступление и т. д.

Эта точка зрения не признает основополагающего значения социального наследования. Однако сейчас мы можем сказать, что она опровергнута не только множеством косвенных данных, но и прямыми наблюдениями над людьми, которые при рождении были лишены общества человека. А. Гезелл[15] в книге «Дети волков и человеческие дети» проанализировал случаи, когда дети сразу после рождения попадали к диким животным и воспитывались среди них. У всех этих детей, росших вне социальной среды, не развилось человеческих психических функций, они не имели даже навыков прямохождения.

Очевидно, что основные социальные черты человека, его человечность, коллективизм, понимание добра и зла, правды и лжи, чувство красоты, способность предвидеть будущее и связанное с ним чувство ответственности, чувство любви, юношеской романтики и т. д. — все это социально развивалось, было разным для разных исторических эпох, передаваясь поколениям при помощи социального наследования.

Человек после своего становления путем антропогенеза стал формироваться как социальная личность через общественно-трудовую деятельность, итоги которой формировались в материальной культуре и в социальной программе при социальном наследовании. Развитие общественных отношений, не только прекратило активный биологический процесс приспособительного «вписывания» человека в условия среды, а напротив, позволило человеку творить мир для себя. Естественный отбор перестал играть для него формирующую роль. Биологических основ сформированного человека, его новых свойств, записанных в генетической программе, оказалось вполне достаточно, чтобы обеспечить общественные потребности в развитии его сознания. История биологических видов растягивается подчас на миллионы лет. Современный человек существует не более 40 тысяч лет. За это время при утрате естественным отбором его направляющего значения биологические изменения человека ничтожны. Для человека как особого вида, преобразование биологического наследования, формирование которого вело антропогенез, уступило ведущее место изменениям в социальной программе, что и стало главным в прогрессе человека как социального существа. Развитие общественных отношений, появление сознания и членораздельной речи повело к формированию нравственных принципов поведения человека, отвечающих общественным потребностям. Между поведением животных и человека лежит пропасть в виде появления нового качества, а имен-

---

[15] Gesell A. Wolf child and human infant. N. Y., Harper, 1941.

но социального наследования. Поведение животных определяется видовым стереотипом, который в основном детерминирован генами. Поведение человека определяется мышлением, волей, чувствами, уровнем познания законов природы, общества и степенью развития самопознания. Старые философские системы и религии учили о существовании вечной неизменной «человеческой природы», современные социал-дарвинисты, евгеники и расисты утверждают собственно то же самое, полагая, что эта неизменная природа коренится в ДНК, якобы будучи записана в ее генах. Вопреки этим утверждениям очевиден факт истинного развития духовной природы человека, которая формируется прошлой и конкретной современной для него исторической обстановкой его жизни.

В глубинном, сложнейшем и беспрецедентном событии появления человека разумного еще много тайн. Однако обоснование учения о социальном наследовании показывает, что человек, найдя форму передачи личного опыта поколений через воспитание на базе социальной программы, которая в адекватной форме передает весь опыт истории каждому из поколений, реально обрел титанический рычаг эволюции. Изучение сущности передачи социальной программы, опирающейся на генетические особенности каждого человека,— это громадная задача, стоящая перед современным естествознанием. В процессе взаимодействия социальной и генетической программ заключена природа становления уникальности духовной личности людей.

4. Биологические основы современного человека

Понятие «современный человек» различно в зависимости от того, рассматриваем ли мы его с биологической или социальной точки зрения. В социальном плане духовная личность человека меняется вслед за сменой социальных условий. Отношение к человеческой личности и к пониманию смысла жизни совершенно различно в разных общественных формаций. В условиях первобытно-общинного строя понятие личности отсутствовало, будучи поглощено деятельностью групп. При рабовладении жизнь рабов ни во что не ставилась. Из мук гладиаторов устраивали лотеху. Смысл жизни рабовладельцев заключался в эксплуатации рабского труда, в укреплении империи и в наслаждениях. В эпоху феодализма церковь помогала эксплуатировать крестьян, воспитывала у них презрение к мирской жизни, ее смысл искали в загробном блаженстве или муках. В эпоху капитализма и беспощадная конкуренция является путем к завоеванию материальных благ. Ныне сформулированы и утверждаются в жизни нравственные принципы коммунизма, оптимистического мировоззрения нового человека, поставившего в центр внимания гармоническое, всестороннее развитие личности и братство людей в условиях справедливых общественных отношений.

Перед нами картина истинного развития моральных основ существования человека. Коммунистическая мораль — это качественно новая современная основа нравственности, для которой открыты безграничные горизонты усовершенствования.

Другая картина открывается перед нами, когда мы обращаемся к понятию современный человек с точки зрения генетики. После появления вида Homo sapiens прошло около 40 000 лет, т. е. около 16 000 поколений. Основное, что характеризовало популяции человека, — это изоляция на ранних стадиях развития, что привело к появлению рас, и затем все нарастающему процессу роста популяций и их смешения как внутри, так и между расами. Все эти генетические явления проходили без направляющего действия естественного отбора. Отбор, конечно, действует и в популяциях человека, разные люди оставляют разное количество потомков. Его эффективность очевидна в отношении наследственно отягощенных людей, что удерживает величину генетического груза на определенном уровне. Показано, что в отдельных популяциях идут процессы увеличения концентраций генов под действием отбора. Так, ген серповидно-клеточности, поскольку гетерозиготные по нему люди более устойчивы к тропической малярии, широко распространился в популяциях Средиземноморья. 50 000 000 человек несут этот ген в гетерозиготном состоянии. До начала второго тысячелетия на территории Европы произошло сужение лица и ослабление мускульного рельефа. После этого во многих местах произошло увеличение головного указателя и т. д. Причины этих изменений различны: возможно влияние генетико-автоматических процессов, отбора, миграций и т. д.[16]

Однако рост популяций человека, их смешение, полигенные системы наследования, утрата естественным отбором его роли как фактора видообразования, огромные размеры популяций человека — все это создало основы для колоссальной устойчивости генетического потенциала человечества. Популяционный подход свидетельствует, что с появлением человеческого общества биологическая эволюция человека, направленно изменявшая его в целом ряду предков, оказалась погашенной. Эта принципиальная позиция в отношении человека с точки зрения генетики и антропогенеза стала ясной лишь в последнее время. Дарвин считал, что естественный отбор осуществляется в обществе человека. Среди современных авторов[17] имеется немало сторонников этой точки зрения, даже если оставить в стороне социал-дарвинистов. Однако во всех случаях эти авторы смешивают частное проявление естественного отбора, которое, конечно, осуществляется в популяциях человека, с его формирующим влиянием на биологическую эволюцию.

Законы биологической эволюции сняты для человека. В частности, это ярко обнаруживается при анализе вопроса о расах. Человечество

---

[16] Я. Я. Рогинский. Об этапах и темпах эволюции гоминид. «Советская этнография», № 6, 1957.

[17] Haldaine J. B. S. The Causes of Evolution, London, 1932.

является единым видом, его расы способны скрещиваться и давать вполне полноценное потомство. Часть признаков рас возникла в силу случайной генной дифференцировки на основе генетико-автоматических процессов и не имеет приспособительного значения. В какой-то мере на первых порах эволюции человека расы претерпевали приспособительную эволюцию к местным условиям. Вполне возможно, что в условиях Африки в доисторические времена негры обладали большей приспособленностью, чем белые. Однако смысл адаптации человека во всех его расах состоял не в том, что они меняли свою природу в ответ на условия среды, как это свойственно всем животным, а, напротив, изменяли окружающую природу, чем и создавали для себя условия жизни. Прошедшие затем огромное увеличение численности, миграции и смешение привели к тому, что очень мало людей, собственно, живет в тех условиях, где возникла доисторическая раса. На первый план выступила не биологическая адаптация, а создание культурной среды, в условиях которой представители любой расы могут жить в любом месте планеты.

В результате современные расы людей не имеют строго биологической приспособительной характеристики, они различаются степенью развития социальной программы[18]. Опыт показывает, что представитель любой расы при наличии нужных условий достигает вершин политики, науки, искусства и нравственности.

В результате, основные тенденции будущего рас у животных видов и у человека прямо противоположны. Расы видов животных в случае нарастания приспособительной эволюции дивергируют и превращаются в новые виды. Расы человека начали в свое время биологическое дивергирование, однако социальное наследование, будучи выразителем общественно-трудовой деятельности человека, остановило этот процесс. Расы человека потеряли свое значение как проявление биологической эволюции, их характеристика стала насыщаться данными по объему и содержанию социальной программы. Будущее состоит в постепенном биологическом слиянии рас в единую популяцию человечества. Оно будет осуществляться на фоне синтеза всех духовных богатств, составляющих содержание их исторически созданных социальных программ.

Благодаря гигантскому генетическому потенциалу человечества любой человек, независимо от его принадлежности к любой расе, обладает всеми признаками человека. Поскольку общественное движение материи сняло направленность биологической эволюции, современный человек в биологическом значении этого слова начал свое социальное продвижение, с доисторических эпох и в наши дни триумфально продолжается его социальный прогресс. Условия для проявления генетического потенциала человечества все улучшаются, его влияние на природу могущественно увеличивается, его общественный

---

[18] Н. П. Дубинин. Расовый вопрос и современная генетика. «Усп. совр. биол.», 73, 2, 207—230, 1972.

прогресс на основе научно-технической революции создает все нарастающую социальную программу. В течение предыдущих тысячелетий этот социально изменяющийся биологически современный человек был обеспечен имеющейся динамической наследственностью. В наши дни человек стоит перед истинным скачком из царства необходимости в царство свободы. Это будет скачок, вызванный изменениями в социальной среде, без изменения биологических свойств человека.

Вопреки идеям о фаталистической генной обреченности личности и человечества в целом, учение о социальной программе показывает практически безграничные перспективы для совершенствования человека, расцвета его гения и его физических качеств. Человек — творец своей социальной программы, его будущее в его собственных руках.

При всем значении социального наследования, человек остается в плену биологической жизни: он рождается, растет, творит, работает, болеет и умирает. Человек биологически сохраняет себя в следующих поколениях. Все это накладывает громадные задачи на медицину и генетику в их борьбе за здоровье человека и за полноценную наследственность его детей. Охрана драгоценной наследственности человека — это одна из величайших и благороднейших задач, стоящих перед современным человеком.

Огромное значение для понимания проблемы человека имеет то обстоятельство, что генетически программа служит лишь основой, лишь возможностью для развития человеческих качеств. Только длительное воспитание в детстве, отрочестве, юности да и в течение всей жизни, творческое восприятие достижений материальной и духовной культуры человечества, сконцентрированных в социальной программе, создает личность человека. В нем сочетается социально типизированное поведение, отражающее условия данной исторической эпохи, с глубинами и особенностями уникальности человека. Мы видим, как сложен и глубок путь становления духовного облика каждого человека. Этот путь есть творчество. В своем творческом становлении человек может достигнуть очень многого, преодолевая особенности своей биологической индивидуальности или успешно ее развивая. Наука о воспитании находит в учении о социальной программе свою основу, одновременно не упуская проблем влияния генетической программы. Однако нельзя допускать крайности и трактовать социальное поведение людей как фатально предопределенное генами. Такая ошибка вот уже более 100 лет делается при обсуждении причин преступности. Нет сомнений, что ряд наследственно отягощенных, психически ненормальных людей более склонны к преступлениям, чем нормальные люди. Однако во всем объеме преступность это социальное явление, оно является функцией социального, а не биологического. Шилдз и Слейтер[19] ис-

[19] Shields S., E. Slater. Heredity and psychological abnormality. In: Eysenck H. J. (ed.) Handbook of Abnormal Psychology, 298—343, № 4 1961.

следовали поведение близнецов и пришли к выводу, что в целом преступность аналогична инфекционной кори. По их мнению, роль социальных факторов в возникновении преступности так велика, что, можно сказать, она не контролируется генотипом.

Понимание роли творческого подхода для каждого человека в становлении его личности имеет громадное педагогическое значение. Утверждение этого понимания в детстве и юношестве может вызвать к жизни неисчислимые резервы духовного потенциала человечества.

В свое время человек считал себя созданным по подобию бога и ставил себя в центр Вселенной. Научная революция, осуществленная Коперником, показала, что человек — это обитатель лишь одного из миров. Дарвин показал, что человек имеет животное происхождение, являясь звеном естественной эволюции жизни на Земле. Современная генетика во всей полноте раскрыла единство жизни и естественность происхождения человека. Вместе с тем в наши дни становится очевидным, что становление человека при всем его естественном характере — это гигантский качественный скачок в истории жизни. Саморазвитие материи привело к возникновению самопознания. Человек вышел за пределы царства животных. Он проникает в сущность жизни, управляет атомной энергией и вырвался за пределы планеты в открытый космос. Он создал счетные устройства, средства связи, работающие со скоростью света, постепенно ставит под свой контроль генетические программы и эволюцию всех форм жизни, обитающих на нашей планете, он упорно ищет внеземную жизнь на других телах космоса.

5. Будущее генетической программы человека

Прогноз будущего наследственности человечества является одной из величайших и волнующих проблем, стоящих перед наукой.

Как долго может сохраниться существующая наследственность, лежащая в основе биологических свойств Homo sapiens? Какие процессы могут изменить эту наследственность и нанести урон биологическим свойствам человека? Как сохранить драгоценную наследственность человечества, обеспечивающую при ее современном положении все возможности социального прогресса? Не следует ли признать современного человека биологически неполноценным и ставить вопрос о создании генетически нового человека по заранее принятому идеалу?

Необычайное наследственное многообразие в популяциях, процессы роста популяций и их смешение показывают существование практически неограниченного генетического потенциала человечества. Наличие новой категории, служащей прогрессу человека в виде социальной наследственности, показывает неограниченные возможности для культурной эволюции без изменения биологических основ существующего человека.

Вопреки этим представлениям, евгеническое учение требует создания биологически новых рас людей. Оно предлагает вмешательство

в генетику человека, которое практически сводится к тому, чтобы применить к человеку способы создания пород животных, или к тому, что в будущем обещает молекулярная генетическая инженерия. Никто не знает сущности взаимодействия генетической и социальной программ. Мы до сих пор не знаем природы процессов, протекающих в нейронах, и природу механизма памяти. Вмешательство в генетику человека в целях создания новых рас людей при всех условиях явилось бы актом невежества в науке. Очевидна опасность превращения человечества в полигон для безответственных экспериментов даже в руках либерально, демократично настроенных евгеников, не говоря уже об евгенической практике расистов, которые являются врагами основной массы человечества.

Следует ли из всего сказанного, что биологическая эволюция человечества, погашенная при возникновении общественной формы движения, не может быть самим человеком сознательно вновь организована и направлена.

Конечно, эта задача осуществима при условии накопления нужных новых знаний по генетической и социальной наследственности, которые должны быть неизмеримо большими в сравнении с тем, что дала нам современная молекулярная, клеточная, организменная, поведенческая и популяционная генетика. Кроме новых, достойных человека методов переделки его наследственности надо также иметь достойную цель. Вряд ли вопрос о такой цели может решаться в отрыве от социальных условий. Утопические идеалы человека никогда не будут реально воплощаться в жизнь. Существующий нормальный человек физически и духовно может достигнуть титанических высот, и это всегда будет осуществляться без стандартизации личности. Личностная, глубоко многообразная структура общества, возникающая на базе единства духовной уникальности и социально-типизированного поведения, всегда будет основой существования человечества как высшей формы движения материи.

Все это показывает, что задачи биологической перестройки человека могут быть вызваны качественно новыми условиями его бытия или появлением неожиданных изменений в среде его обитания, вызванных изменением действия космических или земных факторов. Когда такие задачи встанут, человек сумеет разумно изменить свою биологическую природу.

Надо сказать, что уже встают задачи нового типа, решать которые путем прямого приспособления существующей природы человека нельзя. Речь идет о длительных космических полетах. Человек и его предки развивались на фоне гравитационных полей. Теперь он летит на космическом корабле в условиях невесомости. Они оказывают серьезное влияние, связанное с нарушением имеющейся адаптации к тяжести Земли. Нарушается минеральный обмен, усиленно выделяется кальций, а это ведет к разрушению скелета, размыванию рычагов передвижения и защиты костным скелетом сердца и головного мозга. Нарушается деятельность костно-мозговой ткани, что грозит потерей гемоглобина. Ор-

ганизм не может привыкнуть к невесомости, здесь не хватает диапазона, предоставленного ему его гомеостазом.[20] Имеются данные, что и генетические механизмы в клетке нарушаются при ее пребывании в условиях невесомости[21], [22]. Вопрос этот настолько серьезен, что сейчас возникло подразделение науки о жизни под названием гравитационная биология. Это направление было широко представлено на последнем 15 пленарном заседании Международного комитета по космическим исследованиям (КОСПАР), прошедшем в мае 1972 г. в Мадриде.

Как же преодолеть биологический барьер, вставший перед человеком в его дальних полетах к планетам и в открытый космос? Евгеники предложили путем мутаций и селекции создать биологически приспособленную для этого породу людей-космонавтов. Это старая мысль, ибо уже давно предлагалось создать разные породы людей: рабов, для которых удовлетворение дает только физический труд; людей-амфибий для жизни в океанах; людей-гениев специально для ведения научной работы и т. д. Эти утопии лишены нравственного содержания и, кроме того, они неосуществимы. В частности, адаптация к гравитационному полю Земли зашла так далеко, что переделать это свойство человека, не нарушив его основных признаков, невозможно. Ясно, что к невесомости человек будет приспосабливаться, изменяя обстановку в космическом корабле, не изменяя своей собственной генетической программы.

Этот пример ярко показывает, что в наши дни при появлении новых серьезных требований к человеку, которые встают перед ним в деле освоения космоса, внедрения в океан и при других экстремальных условиях на Земле, стоит задача преобразования среды путем создания условий, отвечающих биологической природе человека. Никаких практических задач по преобразованию биологических основ самого современного человека перед наукой не стоит. Мы должны, опираясь на существующую организацию человека, победить рак, сердечно-сосудистые болезни, невесомость и все остальное, что лимитирует человека для его жизни в новом, созданном им мире.

Охрана наследственности человечества предполагает глубокое знание сущности генетических основ человека, процессов, идущих в нем, взаимодействия генетической и социальной программ при индивидуальном и историческом развитии. Постепенное углубление в эти вопросы колоссально трудно, ибо мозг человека — это субструктура, не существующая нигде, кроме человека, которая создала возможность общественно-трудовой деятельности и вознесла человека над всеми явлениями жизни. Мы должны проявить понимание своей собственной ис-

---

[20] П. А. Коршуев. Эволюция, гравитация, невесомость. Наука, 1971.

[21] N. P. Dubinin. In: International symposium on genetic effects of space environment, Japan J.«Genetics», 43, 6, 457—478, 1968.

[22] Н. П. Дубинин. Проблемы космической генетики.«Изв. АН СССР»,сер. биол., 5, 669—681, 1967.

ключительности, сохранить эту высшую форму развития материи, понять ее сущность и лишь после этого, если в этом будет нужда, в далеком будущем в свете общественных интересов начать работу по формированию нового процесса биологической эволюции человека.

6. О социальной ответственности ученых в проблемах генетики человека

Социальная направленность ученых делает науку благом или злом, в последнем случае демонические силы науки готовы поглотить человека. Атомная энергия служит прогрессу человека, она же грозит человечеству адом ядерной войны. Молекулярная и общая генетика проникают в сущность жизни, создают новые пути управления наследственностью и одновременно грозят человечеству ужасом вирусной и бактериологической смерти.

Социальная ответственность ученых в наши дни огромна, и это касается и вопросов генетики человека. Евгеники создавали утопии, требуя переделки биологической природы человека. Гитлеризм применял на практике евгенику и расизм. Некоторые теоретики евгеники прошлого, такие, как Ленц, Грубер и др., пошли в услужение гитлеризму. Надо отдать себе отчет в том, что в случае применения евгеники во всей полноте ее программ, ужасы гитлеровского геноцида были бы превзойдены, нравственные основы уничтожены, человечество было бы превращено в стадо для невежественных варварских экспериментов.

Перед генетикой стоит величайшая задача охранить наследственность человека, дать материал для понимания сущности его генетической программы, овладеть знанием тех глубинных законов биологии, опираясь на которые воспитание и медицина достигнут громадных высот в создании здорового, гармонически развитого человека. Вся эта работа должна базироваться на понимании того, что качественная особенность прогресса человека связана с появлением и развитием его социальной программы.

7. Заключение

Научно-техническая революция вступает в век биологии. Это предполагает не только использование биологии в народном хозяйстве и медицине, но и самое глубокое проникновение в биосоциальную сущность человека. Коммунизм призван обеспечить всестороннее развитие личности. Духовная уникальность личности получит в этих условиях свое высшее выражение. Духовная уникальность — это не только самая высшая ценность жизни человека, но и самое высокое проявление самопознающей материи. Без субъективности нет проникновения в истину. В. И. Ленин писал: «Богаче всего самое конкретное и самое субъективное»[23].

[23] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 212.

При создании коммунистических условий жизни людей развитие человека становится главной целью общественного процесса. На первый план выйдут идеалы человечности.

Наступление эпохи биологии будет характеризоваться тем, что философская борьба вокруг проблем сущности жизни и проблем человека будет нарастать[24].

Человек — это высшая ценность, мы обязаны защищать его от ложных подходов, чреватых величайшими опасностями для биологических основ человека. Решая проблему человека, одну из жгучих проблем современности, прямо связанную с задачами формирования нового человека, мы обязаны по крупицам собирать истинные знания, добываемые общей и медицинской генетикой человека, внимательно исследовать глубокие проблемы философии в биологии и одновременно развивать ленинские принципы учения о человеке и обществе.

Проблема человека выдвигается на авансцену современного естествознания, философии, социологии, психологии и других наук. Это понятно, ибо с формированием нового человека связано будущее человечества, будущее коммунизма.

Есть что-то глубоко волнующее в мысли, что человеку, достигшему умственного и физического совершенства, но в основе такому же, какой ныне совершает величайшие социальные, научные и нравственные перевороты, в будущем можно будет доверить руководство новой биологической эволюцией, если эта эволюция потребуется нашим далеким потомкам. В течение грядущих столетий новый человек будет формироваться через социальное переустройство мира. Каждый человек рождается свободным от ошибок, которые до него совершало человечество. Ложные истины не загромождают его духовного взора, ибо ничто социальное, никакие итоги науки или морали не записываются в его генах. Опираясь на существующие генетические основы, он всегда начинает сначала, свободно и творчески входя в общество и познавая природу. В этом заключено величайшее преимущество человеческого бытия. Человек отличается от животных тем, что он имеет неограниченные возможности для общественно-трудового прогресса в будущем. Через социальную программу человек каждого поколения воспринимает итоги развития человечества, и перед ним каждый раз открывается творческая дорога в неведомое будущее.

---

[24] См. И. Т. Фролов. Загадки жизни, научный поиск и философская борьба. «Вопросы философии», 3, 1972. А. Я. Ильин, И. Т. Фролов. Научный поиск и философская борьба в биологии. «Знамя», 3, 1972

ГЛАВА 5

ПРИРОДА ИНТЕРЕСОВ И ИХ РОЛЬ В ДЕТЕРМИНАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

1. Два аспекта причинного отношения между общественным бытием и общественным сознанием и их взаимодействие.

Отношение между общественным бытием и общественным сознанием имеет различные аспекты. Мы ограничимся рассмотрением лишь двух из них, где, как нам представляется, наиболее полно обнаруживается причинная связь между общественным бытием и общественным сознанием.

С одной стороны, общественное сознание есть более или менее точное отражение (познание) общественного бытия. Здесь объект познания детерминирует познавательный образ, возникающий у субъекта познания.

С другой стороны, общественное бытие определяет, детерминирует *способ* мышления. Речь идет о том, что конкретное место, занимаемое людьми (классами) в системе экономических отношений; — их отношение к средствам производства, к экономической организации производственного процесса и к распределению материальных благ, — обусловливает их объективные интересы и, соответственно, их отношение к другим классам, к разнообразным явлениям общественной жизни, затрагивающим эти интересы. Например, положение пролетариата как основного эксплуатируемого класса капиталистического общества определяет противоположность его интересов интересам буржуазии, а антагонизм интересов отражается в идеологии этих классов, в их подходе ко всем существенным социальным проблемам современной эпохи.

Оба эти аспекта причинной связи общественного бытия и общественного сознания не обособлены друг от друга; они взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. Способ мышления оказывает то или иное, положительное или отрицательное, воздействие на точность отражения общественного бытия в сознании субъекта. Так, например, экономическое и социально-политическое положение империалистических кругов буржуазии в современном капиталистическом обществе обусловливает формирование такого способа мышления, который приводит к превратному, искаженному объяснению сущности капиталистической общественной формации. Классовый интерес буржуазии неизбежно приводит ее к отрицанию объективных закономерностей общественного раз-

вития, свидетельствующих об исторически преходящем характере капитализма. Ее идеологи, вступая в прямое противоречие с действительностью выдвигают всевозможные экономические, социологические, юридические, философские и т. п. теории, имеющие целью обосновать незыблемость и вечность капиталистического строя. Такой характер носят, например, современные буржуазные реакционные теории «народного капитализма», «государства всеобщего благоденствия», «индустриального» и «постиндустриального» общества и т. п.

Совершенно иным является положение пролетариата. Его экономическое и социально-политическое положение может быть изменено только революционным преобразованием капиталистического строя на основе познания объективных закономерностей общественного развития. Классовые интересы пролетариата совпадают с объективно-закономерным ходом развития общества. Поэтому социально-экономическое положение пролетариата обусловливает формирование такого способа мышления, который обеспечивает возможность адекватного, правильного отражения закономерностей развития общества. Взаимосвязь и взаимодействие указанных двух сторон причинного отношения между общественным сознанием и общественным бытием имеет крайне важное методологическое значение для целого ряда наук, таких, как история философии, история экономических учений, история политических учений, история естествознания и др. При анализе содержания философских, экономических и других взглядов того или иного философа следует учитывать те общественно-экономические условия, которые обусловили их формирование. Между тем в исследованиях многих буржуазных историков философии, политической экономии и т. д. эти объективные условия не принимаются во внимание. Они рассматривают развитие философских, экономических, политических и т. п. теорий как чистую филиацию идей. Однако не следует впадать в другую крайность — непосредственно выводить содержание философских, экономических, политических и других теорий из социально-политического положения их автора и конкретно-исторических условий его эпохи. Безусловно правильным является положение о том, что марксизм как научная теория причинно обусловлен и в этом смысле вызван социально-экономическими условиями 30-х и 40-х годов прошлого столетия. Однако очень важно учитывать и то, что марксизм связан со всей историей прогрессивной общественной мысли и культуры, что он дает объяснение не только условий, в которых он возник, но и всей истории развития человеческого общества в целом.

Причинная связь с социальными условиями прослеживается и в развитии естественных наук — механики, физики, химии, биологии и др. Эти науки суть отражение определенных сторон, причинных связей и закономерностей природного бытия. В то же самое время эти науки, их целевая направленность, способы исследования и т. д. во многом обусловлены объективными материальными потребностями и возможностями материального производства — промышленности, сельского хозяйства и др. В этом смысле можно сказать, что на развитии

естественных наук отражаются и объективные потребности материального производства.

Надлежащий учет в процессе научного познания указанных двух аспектов причинного отношения между общественным бытием и общественным сознанием может уберечь от его вульгаризации. О том, что это не всегда удается, свидетельствует опыт вульгарного социологизма, одного из представителей которого—В. М. Шулятикова — в свое время резко критиковал В. И. Ленин.

Гносеологические корни вульгарного социологизма следует искать в абсолютизации одного из аспектов причинного отношения между общественным бытием и общественным сознанием, а именно — социальной обусловленности последнего. По сути дела, вульгарный социологизм, представляющий собой грубый, вульгарный социальный детерминизм, все выводил только из экономических условий. Так, например, В. М. Шулятиков все разнообразие общественных явлений непосредственно выводил из форм организации производства. Более того, он пытался найти для каждой философской категории некий «социально-классовый эквивалент». В своей работе «Оправдание капитализма в западноевропейской философии от Декарта до Маха» В. М. Шулятиков писал: «Имея дело с философской системой того или иного буржуазного мыслителя, мы имеем дело с картиной классового строения общества, нарисованной с помощью условных знаков и воспроизводящей социальное profession de foi известной буржуазной группы»[1].

Ошибка В. М. Шулятикова состоит в том, что он считал возможным выводить непосредственно все философские термины и понятия из экономической жизни общества, из техники и материального производства. Он полагал, что классическая буржуазная философия непосредственно выражала мануфактурную стадию развития капитализма, тогда как современная ему буржуазная философия, прежде всего махизм и неокантианство, обусловлены организацией капиталистического машинного производства. И поскольку, уточнял он, имеется что-то общее между капиталистической мануфактурой и капиталистической машинной индустрией, постольку современная буржуазная философия воскрешает некоторые принципы классичесской буржуазной философии.

В заключение своей работы он писал: «Всякая идеология, как вообще всякое явление из жизни человеческого общества, должна объясняться из условий производства (а *не* распределения и обмена). Мы все время рассматривали развитие философских идей именно как результат соответствующих изменений в группировке *факторов* производства, изменений во внутренней структуре капиталистических предприятий. Воззрения буржуазии определяются, в конечном счете, соотношениями, существующими между тремя категориями лиц, со-

---

[1] В. М. Шулятиков, Оправдание капитализма в западноевропейской философии. М., 1908, стр. 6.

бранных под кровлею мануфактуры или фабрики. Все представления буржуазии о мире и человеке строятся «по образу и подобию» ее промышленных организаций. Философия — это наука об организаторах и организуемых, о дирижирующих «центрах» и дирижируемой «массе»[2].

По этой причине, согласно концепции Шулятикова, не может быть и речи о какой-либо *преемственности* между марксистской и классической философией. Он считал, что марксизм без малейших оговорок должен отвергнуть всю предшествующую философию. В. И. Ленин не случайно оценил работу Шулятикова как безмерное опошление и вульгаризацию марксизма.

Взгляды Шулятикова оказали определенное влияние и на советского историка, литератора и искусствоведа В. М. Фриче. В ряде своих исследований по вопросам западноевропейской литературы — «Поэзия кошмаров и ужаса» (1912 г.), «Очерки социальной истории искусства» (1923 г.), «Очерки развития западных литератур» (1906 г.), «Западноевропейская литература XX века в ее главнейших проявлениях» (1923 г.) — Фриче расценивал литературу в целом только как выражение различных классовых интересов, игнорируя при этом ее познавательное значение. В своем труде «Очерки социальной истории искусства» В. М. Фриче, затрагивая проблему становления искусства в первобытном обществе, отмечал, что искусство следует выводить непосредственно из материального производства. Современное буржуазное искусство, по его мнению, также рождается в процессах труда как средство, организующее и облегчающее общественно-необходимый труд. Искусство, писал Фриче,было порождено трудом и наряду с этим служило средством, способствующим организации труда. Назначение искусства — служить господствующему классу своим воздействием на различные стороны человеческой психики, идеализацией тех общественных отношений, которые составляют основу его господства[3].

Абсолютизация и отрыв друг от друга указанных аспектов причинного отношения между общественным бытием и общественным сознанием имеют место и в работах некоторых современных буржуазных философов и социологов. Так, К. Манхейм заявлял, что его «социология познания» призвана исследовать, по его собственным словам, «функциональную зависимость каждой интеллектуальной точки зрения от различных социальных групп, в действительности стоящих за ней»[4].

По мнению К. Манхейма, общественные теории в отличие от естественнонаучных теорий не могут претендовать на «абсолютные истины», приемлемые для всех социальных групп. Общественные теории

---

[2] Там же, стр. 150.

[3] См. В. М. Фриче. Очерки социальной истории искусства. «Новая Москва», 1923, стр. 12—14.

[4] См. «Проблемы познания социальных явлений», Сб. статей под ред. Д. И. Чеснокова. М., «Мысль», 1968, стр. 201.

выражают специфическую точку зрения социальных классов и могут давать лишь относительное знание, то есть такое знание, которое находится в функциональной зависимости от социального положения общественных классов, от экономических и политических интересов.

Таким образом, К. Манхейм из факта социальной обусловленности идеологии делает релятивистский вывод о том, что идеология никогда не может дать нам объективную истину, что лишь тот социальный слой способен достигнуть объективного социального знания, который стоит выше и вне всяких классовых интересов. По его мнению, таким слоем является интеллигенция. Здесь Манхейм допускает две принципиальные ошибки. Во-первых, интеллигенция не может подняться над классами, она обслуживает интересы разных классов. И, во-вторых, К. Манхейм не учитывает тот факт, что интересы прогрессивных классов частично или полностью могут совпадать с объективным ходом исторического развития общества. А это означает, что имеются объективные предпосылки и даже потребность и заинтересованность в адекватном, правильном отображении общественной действительности с определенных классовых позиций и прежде всего с позиций пролетариата. По нашему мнению, факт социальной обусловленности идеологии сам по себе еще не решает вопроса об истинности содержащихся в ней положений. Социально обусловленной является и современная буржуазная идеология и марксистско-ленинская идеология. Но если первая дает в основном искаженное представление о действительности, то вторая правильно отражает социальную действительность, ее закономерности.

Рассматриваемый вопрос тесно связан с правильным, всесторонним пониманием коммунистического принципа партийности социального познания и особенно принципа партийности в идеологии. Коммунистический принцип партийности социального познания обнаруживает несколько аспектов — социологический, гносеологический, логический, аксиологический, эмоционально-психический и др.[5]

а) *В социологическом плане* партийность социального познания выражает его обусловленность интересами различных классов в классовом обществе, в силу чего принцип партийности становится необходимым принципом анализа содержания и процесса развития социального познания. «Ожидать беспристрастной науки в обществе наемного рабства, — писал В. И. Ленин, — такая же глупенькая наивность, как ожидать беспристрастия фабрикантов в вопросе о том, не следует ли увеличить плату рабочим, уменьшив прибыль капитала»[6]. Ленин отмечает, что «люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами,

---

[5] См. Николай Прибаджаков. Клио перед судом буржуазной философии, М., «Прогресс», 1972, стр. 317—358.

[6] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 40.

заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»[7].

Коммунистическая партийность обязывает связывать исследования социальной жизни с интересами рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии. Эти интересы предполагают борьбу за уничтожение капитализма и самоотверженный труд по построению социализма и коммунизма. Сознательное и последовательное проведение коммунистического принципа партийности имеет огромное значение для прогресса, социального познания, для борьбы против современной буржуазной идеологии, современного ревизионизма и догматизма.

б) *Гносеологический аспект* партийности социального познания выражает взаимоотношение партийности и объективной истины, то есть связан с выяснением того, может ли данное учение быть одновременно и классово-партийным и объективно-истинным. По утверждениям современных буржуазных философов и социологов, партийность и научность взаимно исключают друг друга — там, где партийность, нет места научности и, наоборот, там, где научность, нет места партийности. Между тем партийность и научность противостоят друг другу именно в самой современной буржуазной идеологии в том смысле, что эта идеология есть идеология империалистической буржуазии и как таковая она не в состоянии постигнуть объективную истину. Интересы современной буржуазии заставляют ее скрывать истину относительно капитализма и социализма, относительно перспектив современного мирового революционного процесса.

В марксистско-ленинской идеологии партийность и научность не исключают друг друга, а, наоборот, совпадают, причем это совпадение носит не метафизический, а диалектический характер. Научность не является абсолютно тождественной партийности, поскольку последней присущи и другие аспекты. Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к марксистской теории социалистов всех стран, — писал Ленин, — в том и состоит, что «она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно»[8]. Ленин указывал, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно», и подчеркивал, что «только тогда мы научимся побеждать. . . когда мы будем истине, хотя бы и самой печальной, смотреть прямо в лицо».[10].

в) *Аксиологический аспект* партийности социального познания

---

[7] Там же, стр. 47.

[8] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 341.

[9] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 43.

[10] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 308—309.

выражает взаимоотношение познания и оценки. Оценка, особенно политическая оценка, есть необходимый элемент марксистского анализа событий и тенденций общественной жизни, отражающего интересы рабочего класса. Оценка всегда предполагает осознание того, какую ценность представляют те или иные явления общественной жизни для класса, с позиции которого производится оценка. Будучи классово-партийной, марксистская политическая оценка должна в то же время быть объективно истинной[11].

Коммунистическая партийность предполагает оценку общественно-политических событий с позиций рабочего класса. В. И. Ленин подчеркивал, что «нельзя изучать действительное положение вещей, *не квалифицируя*, не оценивая его по-марксистски, или по-либеральному, или по-реакционному и т. п.[12] Представители общественных наук — социологи, историки, экономисты, юристы и др. не стоят вне общественных отношений, вне классов и классовой борьбы. В буржуазном обществе историк, социолог, экономист и вообще ученые, работающие в области общественных наук, являются представителями того или иного класса. Поэтому «ни один живой человек *не может не становиться на сторону* того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений и т. д. и т. д.»[13].

д) *Социально-психологический аспект* партийности социального познания состоит в страстной, эмоциональной защите интересов того или иного класса. В частности, коммунистический принцип партийности требует отстаивать интересы рабочего класса и защищать правое дело социализма не только умом, но и сердцем, с чувством любви к рабочему классу и ненависти к буржуазии. Так поступали классики марксизма-ленинизма, так поступают коммунисты. Еще Гегель писал, что «ничто великое в мире не совершается без страсти»[14]. Это в полной мере справедливо и для социального познания. «Без «человеческих эмоций, — писал В. И. Ленин, — никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины»[15].

Таковы главные аспекты партийности социального познания, ко-

---

[11] См. С. И. Попов, В. И. Ленин о роли субъективного фактора в революции и современный антикоммунизм. — Сб. «Диалектика объективного и субъективного в развитии социалистического общества», М., 1970, с. 26.

[12] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 240.

[13] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 547—548.

[14] Цит. по В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 284.

[15] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 112.

торые следует учитывать в процессе исследования. Было бы неправильно сводить партийность к одному из ее аспектов, равно как и игнорировать любой из них.

2. Понятие интереса в историческом материализме

Выявление конкретных механизмов детерминации социального отражения предполагает анализ категорий «потребность» и «интерес». Приходится констатировать, что в современной марксистской литературе нет единого мнения относительно содержания этих категорий. По этому вопросу все еще продолжаются дискуссии. Одни авторы считают, что понятия потребности и интереса тождественны, другие разграничивают эти понятия. В литературе продолжаются споры относительно характера общественных потребностей и интересов — носят ли они объективный (или субъективный) характер, или же они суть единство объективного и субъективного. Как часто бывает в подобных случаях, многие недоразумения вызваны, на наш взгляд, тем, что ряд авторов не уточняют, о каких интересах и потребностях идет речь — о потребностях и интересах отдельной личности или же общественного класса, общества в целом, о материальных или духовных потребностях и интересах и т. д. В марксистской литературе существует, по крайней мере, три точки зрения по вопросу о сущности интересов.

Согласно первой точке зрения, интерес представляет собой некоторую направленность внимания и действия. Этой точки зрения придерживаются преимущественно психологи. Подчеркивая то обстоятельство, что интерес выражает особую направленность сознания, т. е. выступает как субъективное явление, психологи-марксисты отстаивают объективную обусловленность этой направленности. Такая точка зрения на интерес отстаивается В. Г. Ивановым, Е. С. Кузьминым, В. А. Мальковым, В. Михны, А. Г. Ковалевым и др.[16]

Согласно второй точке зрения, интерес представляет собой единство объективного и субъективного. Сторонники этой точки зрения критикуют и тех авторов, которые рассматривают интерес лишь как нечто объективное, и тех, которые сводят интерес к особой направленности сознания и акцентируют внимание на его гносеологических характеристиках. Они утверждают, что носителем интереса всегда выступает тот или иной субъект и в этом смысле в нем содержится нечто

---

[16] См. «Ученые записки ЛГУ», 1965, № 214, вып. 9, стр. 68; «Психология», 1962, стр. 372; «Ученые записки ЛГУ», 1957, № 224, серия философских наук, вып. 11; «Ученые записки ЛГУ», 1954, № 265, серия философских наук, вып. 16; «Психология», стр. 12; А. Малькова, Общественные и личные интересы и условия их сочетания при социализме. Автореферат, Л. 1958; «Вестник Ленинградского университета», № 17, 1959, вып. 3, стр. 163; А. Г. Ковалев, Психология личности, М., «Просвещение», 1965, стр. 100; БСЭ, т. 18. стр. 280.

субъективное. Но интерес имеет также и глубокую объективную основу. Эту точку зрения разделяют В. Г. Несторов, Н. Д. Табунов, В. А. Медведев, А. Г. Здравомыслов, В. И. Приписнов, Д. Н. Зеркин и др.[17]

Согласно третьей точке зрения, интересы носят объективный характер.

Еще в 1929 г. С. Л. Оранский выступил с серьезной работой по марксистской социологии, где критиковалось субъективно-психологическое понимание интереса как особенного состояния сознания. По мнению С. Л. Оранского, интерес составляют объективные потребности общественного класса, обусловленные его положением в обществе. Он указывал на необходимость отграничения объективных классовых интересов от того или иного отражения их в сознании общественного класса.[18]

В 1931 г. С. Л. Вальгард писал, что существуют два понятия интереса — экономическое и психологическое. Между ними существует тесная связь. В работах С. Л. Вальгарда поднимается вопрос о «едином интересе», состоящем из познавательного интереса и интереса к деятельности[19]. Автор правильно подметил, что основу интереса составляют социальные отношения. Однако ему не удалось дать законченное определение и полную характеристику понятия интереса.

В 1955 г. Г. М. Гак опубликовал статью «Общественные и личные интересы и их сочетание при социализме», где подверг аргументированной критике перенесение в социологию психологического понимания интереса и предпринял попытку дать всестороннее толкование этого понятия[20]. В таких работах, как «Учение об общественном сознании в свете теории познания»[21] и «Взаимоотношение общества и личности в процессе строительства коммунизма»[22], Г. М. Гак обо-

---

[17] См. В. Г. Несторов, О соотношении общественного и личного при социализме. «Ученые записки ВПШ при ЦК КПСС», 1959 г., вып. 1; М. Н. Д. Табунов. Коммунизм и личность, М., 1963; В. А. Медведев, Закон стоимости и материальные стимулы социалистического производства. М., 1966; А. Г. Здравомыслов. Проблема интереса в социалистической теории. М., 1964; В. И. Приписнов. Место интересов в механизме действия законов общества. Сб. «Проблемы исторического материализма», Душанбе. 1967; Д. П. Зеркин. Источники и движущие силы развития социализма. Сб. «Диалектика строительства коммунизма». М. 1968.

[18] См. С. Л. Оранский. Основные вопросы марксистской социологии, т. 1. Л., 1929, гл. VIII.

[19] См. С. Л. Вальгард. Что такое интерес? Сб. «Психология интереса», 1931, стр. 7.

[20] См. Г. М. Гак. Общественные и личные интересы и их сочетание при социализме, «Вопросы социализма», 1955, № 4.

[21] Г. М. Гак, Учение об общественном сознании в свете теории познания. М., 1960, стр. 63—72.

[22] Г. М. Гак. Сб. «От социализма к коммунизму». М., 1962, стр. 367.

сновывает материалистическое понимание интереса в его различных видах. После этого появился еще целый ряд работ, где интерес рассматривается прежде всего как объективное явление. Так, по мнению Г. Е. Глезермана, «интересы людей складываются на почве существующих в данном обществе отношений производства, обмена и распределения продуктов, а поэтому изменяются с изменением этих отношений»[23]. Интересы нельзя рассматривать только как факт сознания, уточняет автор. Они существуют не иначе, как объективно, и представляют собой непосредственное выражение положения людей в обществе, в системе общественного производства и обусловленных этим положением потребностей. «Содержанием интереса являются объективные потребности развития людей, вытекающие из условий их общественного бытия. То, что объективно необходимо для жизни и развития общества, класса, человека, для удовлетворения их жизненных потребностей и нужд, составляет предмет их интереса»[24].

Хотя отсюда еще не совсем ясно, существуют ли какие-либо различия между интересами и потребностями, однако не подлежит сомнению то, что, по мнению Г. Е. Глезермана, интересы носят объективный характер.

Г. Е. Глезерман считает, что материалистический взгляд на интерес предполагает различение трех основных моментов: во-первых, формирование интересов как объективного явления; во-вторых, отражение интересов в сознании людей, которое может быть более или менее правильным или искаженным; в-третьих, реализация интересов в практической деятельности людей, в их борьбе.[25]

Формирование интересов — объективный процесс, тогда как их осознание — процесс сугубо субъективный, осознание интересов превращает их в стимулы, мотивы практической деятельности людей. Следовательно, заключает Г. Е. Глезерман, стимулы — это в той или иной степени осознанные интересы. В то же время он указывает и на то, что интерес может проявиться и в виде инстинктивного влечения к какой-либо цели.[26]

Я. В. Кронрод не отрицает объективного характера интересов, но рассматривает их с несколько иных позиций. По его мнению, интересы являются формой экономической необходимости. Они выступают как форма реализации материальных потребностей[27]. В другой работе он выражается более категорически: «Экономический же интерес как таковой, как экономическая форма, столь же объективен,

---

[23] Журнал «Коммунист», 1964, № 12, стр. 44.

[24] Г. Е. Глезерман. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., «Политиздат», 1967, стр. 63.

[25] Там же, стр. 70.

[26] Там же, стр. 71.

[27] Я. В. Кронрод. Экономические законы и хозяйственная политика. М., «Мысль», 1963, стр. 14—15.

сколь и все материальные, общественные отношения производства: он лишь одна из сторон, форм этих отношений»[28].

По мнению А. К. Уледова, «на основе объективного положения класса в обществе и уровня потребностей складываются его интересы, которые существуют независимо от того, сознают ли эти интересы его члены или отдельные представители, т. е. существуют объективно. Логика развития любого класса такова, что интересы рано или поздно, адекватно или не адекватно осознаются его членами. . . Осознанные интересы в виде определенных идей и взглядов становятся идеальными побудительными мотивами деятельности, реальных отношений членов класса»[29].

Интересные соображения относительно объективного характера интересов, равно как и взаимоотношения между потребностями, интересами и мотивами, высказывает Ю. К. Плетников. Он проводит разграничение между биологическими потребностями животных и социальными потребностями человека. Интересы порождены объективным положением людей. По его мнению, интерес составляет тот связанный с индивидом, группой, массами, объективный момент общественной жизни, правильное или ошибочное понимание которого создает в субъективном плане желания, мотивы, побуждения, одним словом создает стимулы, определяющие целеполагание в процессе практической деятельности[30].

Нам представляется, что столь существенное различие в понимании природы интересов различными авторами отчасти объясняется не только концептуальными расхождениями между ними, но и различиями в целях, средствах, уровнях, подходах и т. п. исследователей к феномену интереса. Естественно, что для психологов, которые изучают явления, сознания на уровне личности, индивидуума, интерес выступает именно как направленность внимания. Они не могут исследовать интерес иначе, как явление человеческой психики. Но это понятие было бы неправильно переносить в исторический материализм, который рассматривает интересы в их связи с природой данных экономических и социальных отношений и выявляет обусловленность сознания (в том числе сознания интересов) объективными материальными отношениями, потребностями, интересами. Позиции исторического материализма соответствует признание объективного характера материальных общественных интересов.

Классики марксизма-ленинизма, а также Г. В. Плеханов, постоянно подчеркивали объективную природу экономических интересов. «Эко-

---

[28] Я. В. Кронрод. Вступительная статья к кн. О. Шика «Экономика. Интересы. Политика». М., «Прогресс», 1964, стр. 32.

[29] А. К. Уледов. Структура общественного сознания. М., 1968, стр. 58.

[30] См. Ю. К. Плетников. В. И. Ленин об объективной и субъективной сторонах социального прогресса, Сб. «Некоторые вопросы ленинского философского наследства», вып. 3, Труды МВТУ, № 131

номические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как *интересы*» — пишет Энгельс.[31]

Исследователь, стоящий на марксистских позициях, — подчеркивает В. И. Ленин, обязан «отыскивать корни общественных явлений в производственных отношениях. . . сводить их к *интересам* определенных классов»[32].

Г. В. Плеханов также считал экономические интересы продуктом общественных отношений. «Откуда берутся интересы? Представляют ли они собой продукт человеческой воли и человеческого сознания? Нет, они создаются экономическими отношениями людей»[33]. «Раз возникнув, интересы так или иначе отражаются в *сознании* людей. . . Чтобы защищать известный интерес, нужно сознавать его»[34].

Классики марксизма-ленинизма акцентировали внимание на том, что потребности и интересы лежат в основе активности людей. Ф. Энгельс, в частности, считал, что люди должны объяснять свою активность из своих потребностей, которые ими осознаются, проходя через их голову[35]. В статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» В. И. Ленин писал, что первоначальное сознание угнетенного класса охвачено летаргическим сном, классы дремлют, люди не задумываются «над тем, может ли дальше держаться это всевластие и нет ли. . . таких явлений, которые подтачивают застарелый политический строй»[36]. Но проходит некоторое время и этот «мелкий люд» начинает осознавать свои интересы на уровне «классового инстинкта», «классового чувства». Это первоначальное осознание угнетенным классом своих собственных интересов приводит его к революционной борьбе: «Уличная, неорганизованная толпа совершенно стихийно и неуверенно строит первые барикады».

Все говорит о том, что материальные интересы формируются объективно. Они становятся движущим мотивом деятельности людей, когда люди осознают эти интересы. Однако осознание материального интереса отличается от объективного интереса. Осознание может быть различным: адекватным и неадекватным, полным и неполным и т. д. Поэтому, на наш взгляд, было бы неточно с точки зрения исторического материализма определять интерес как единство объективного и субъективного.

При этом мы должны уточнить, что защищаемая нами точка зре-

[31] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 271.

[32] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 5.

[33] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. 2, стр. 260.

[34] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. 3. М., 1957, стр. 260.

[35] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 493.

[36] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 25.

ния относится лишь к материальным интересам общественных классов и социальных групп. Иначе вопрос о том, носят ли интересы объективный или субъективный характер или же представляют собой единство объективного и субъективного, лишен всякого смысла. Кроме материальных интересов и их отражения в сознании людей существуют и другие интересы. Все разновидности интересов можно свести к двум главным группам: материальным и духовным (нравственным, эстетическим, религиозным, научным и т. д.). Материальные интересы носят объективный характер, тогда как духовные, хотя в конечном итоге они и обусловливаются материальными интересами и потребностями и формируются на их основе, принадлежат к сфере сознания (общественного или индивидуального). Как таковые они обладают относительной самостоятельностью, поскольку связаны с деятельностью людей в различных относительно самостоятельных сферах духовной культуры. Не следует думать, что в каждом конкретном случае соответствующие духовные интересы детерминируются исключительно материальными потребностями и материальными интересами людей. В процессе приобщения личности к искусству формируются эстетические интересы, которые в дальнейшем направляют ее деятельность. В процессе научной работы появляются научные интересы, которые находят свою реализацию в научном творчестве. Религиозная деятельность формирует у людей религиозные интересы, которые оказывают обратное воздействие на их поведение.

Все это свидетельствует о том, что духовные интересы отдельной личности (не говоря уже об интересах общественных классов и социальных групп) далеко не всегда представляют собой непосредственное выражение материальных интересов. Даже политические и правовые взгляды и интересы имеют относительную самостоятельность, вследствие чего их формирование происходит не только под воздействием экономических отношений и интересов, но и под воздействием практических, политических и правовых отношений и компонентов надстройки, а также под влиянием конкретных условий деятельности.

Классики марксизма-ленинизма всегда подчеркивали, что экономическое развитие определяет общественное сознание в конечном счете, т. е. предполагает действие целого ряда других факторов. На этом вопросе не раз останавливался и Г. В. Плеханов[37]. Утверждая, что

[37] «Чтобы понять танец австралийской туземки, достаточно знать какую роль играет собирание женщинами корней дикорастущих растений в жизни австралийского племени. А чтобы понять, скажем, менуэт, совершенно недостаточно знания экономики Франции XVIII столетия. Тут приходится иметь дело с танцем, выражающим собою *психологию непроизводительного класса*. Психологией *этого рода* объясняется огромное большинство «обычаев и приличий» так называемого порядочного общества. Стало быть, *экономический «фактор»* уступает здесь честь и место *психологическому*. Но не забывайте, что само появление непроизводительных классов в обществе есть продукт его эко-

материальные интересы определяют духовные, марксист принимает во внимание не отдельные индивидуальные случаи, а общую закономерность исторического развития. Эта закономерность есть проявление закона об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию. В данном случае марксизм указывает на самую глубокую объективную экономическую причину духовных интересов, стимулов и мотивов вообще.

Поведение человека направляется непосредственно теми или иными мотивами, целями, стимулами, а не собственно способом производства или же объективными потребностями и интересами. Ф. Энгельс в этой связи писал: «*Все, что приводит людей в движение, неизбежно должно пройти через их голову*»[38] (подчеркнуто нами — Ст. П.). Способ производства материальных благ, а также объективные потребности и интересы отражаются в голове человека в виде взглядов, стремлений, страстей, воли, желаний и т. п. и именно эти последние непосредственно направляют поведение людей.

Слабую сторону прежней философии Ф. Энгельс видел не в том, что она считала непосредственной движущей силой индивидуального и массового поведения людей различные *идеальные* побудительные факторы. С этим он был согласен. Беда, говорил он, в том, что прежняя философия, в том числе и прежний материализм, не знавший диалектики, не шли дальше этой констатации, то есть не вскрывали того, что лежит за этими побудительными силами и факторами, их самую глубокую причину. О прежнем материализме Ф. Энгельс писал, что «в исторической области старый материализм изменяет самому себе, считая действующие там идеальные подбудительные силы последними причинами событий, вместо того чтобы исследовать, что за ними кроется, каковы побудительные силы этих побудительных сил. Непоследовательность заключается не в том, что признается существование *идеаль-*

номического развития. Значит, экономический «фактор» вполне сохраняет свое преобладающее значение, даже и уступая честь и место другим. Напротив, тогда-то и дает себя чувствовать это значение, потому что тогда им определяются *возможность и пределы влияния* других «факторов» (Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. М., 1957, т. 3, стр. 172). «Попробуйте дать *непосредственно-экономическое* объяснение факту появления школы Давида во французской живописи XVIII века, и у вас все равно ничего не выйдет, кроме смешного и скучного вздора; но попробуйте взглянуть на эту школу, как на идеологическое отражение классовой борьбы во французском обществе накануне Великой революции, и дело сейчас же примет совершенно другой оборот; вам станут вполне понятны даже такие качества живописи Давида, которые, казалось бы, так далеки от общественной экономики, что ничем не могут быть связаны с нею» (Г. В. Плеханов. Там же, стр. 173).

[38] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 308.

ных побудительных сил, а в том, что останавливаются на них, не идут дальше, к их движущим причинам[39].

Анализируя этот вопрос, Энгельс подчеркивает, что в истории далеко не всегда реализуется то, что соответствовало бы чаяниям людей и целям, которые они ставят перед собой. В обществе действует множество людей с различными стремлениями и побуждениями. Историческая закономерность обнаруживается как равнодействующая всего множества желаний и стремлений. Задача материалистического понимания истории состоит в том, чтобы установить те законы, которые пробивают себе путь сквозь это нагромождение случайностей, и вскрыть те самые глубокие и последние причины, которые обусловливают идеальные побудительные силы человеческой деятельности. При этом, поясняет Энгельс, нас должно интересовать не то, что побуждает к действию отдельные личности, а то, что направляет деятельность широких народных масс, общественных классов. «Когда, стало быть, речь заходит об исследовании движущих сил, стоящих за подбуждениями исторических деятелей, — осознано ли это или, как это бывает очень часто, не осознано — об исследовании сил, образующих в конечном счете подлинные движущие силы истории, то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы. Да и здесь важны не кратковременные взрывы, не скоро проходящие вспышки, а продолжительные действия, приводящие к великим историческим переменам»[40].

В докапиталистических общественных формациях эти причины оставались в тени. Но развитие капитализма обнажило суть общественных отношений, упростило их так, что их установление уж не представляло труда. «Отношения так упростились. . . что в борьбе . . . трех больших классов и в столкновениях их интересов заключается движущая сила всей новейшей истории. . .»[41]. Эти рассуждения приводят Ф. Энгельса к выводу, что материальные интересы определяют различные мотивы к действию огромных народных масс, мотивы различных классов. Определяющую роль здесь играют *экономические отношения*.

Итак, Ф. Энгельс рассматривал материальные интересы как объективные; они в конечном счете определяют и обусловливают идеальные побудительные силы человеческой деятельности, составляя последнее звено в их детерминации. Это может быть квалифицировано как общая закономерность, проходящая через всю историю человечества. Однако интересы определяют лишь основные направления в развитии общественного сознания. Общественное сознание обладает и своей отно-

---

[39] Там же, стр. 307.

[40] Там же, стр. 307—308

[41] Там же, стр. 308.

сительной самостоятельностью, своей внутренней логикой развития. Его относительная самостоятельность выражается в преемственности в развитии форм общественного сознания, во взаимодействии между различными формами общественного сознания, во взаимодействии между идеологией и социальной психологией, в отставании некоторых сторон общественного сознания развития общественного бытия, в обратном воздействии общественного сознания на общественное бытие посредством практической деятельности людей. И этот момент также является особенностью исторического развития.

ГЛАВА 6

«ПРЕВРАТНАЯ» ИДЕОЛОГИЯ И ПРИНЦИП ОТРАЖЕНИЯ

1. Предмет и метод исследования

Проблема идеологического отражения есть часть вопроса об отношении общественного сознания к общественному бытию, который находит свое научное разрешение в историческом материализме. Предметом нашего рассмотрения является не отражение действительности в идеологии вообще, а отражение действительности лишь в ненаучной идеологии, то есть проблема определения причин, условий и признаков ложного отражения общественного бытия в общественном сознании. Исторический материализм в отличие от идеализма «остается все время на почве действительной истории, объясняет не практику из идей, а объясняет идейные образования из материальной практики»[1].

При объяснении извращенного идеологического сознания исходя из социальной практики людей недостаточно просто указания на определяемость общественного сознания общественным бытием. Для решения интересующей нас проблемы не менее важно и другое положение исторического материализма: «общественное сознание отражает общественное бытие». Необходимость учитывать и эту сторону материалистического решения вопроса об отношении общественного сознания к общественному бытию становится очевидной, если иметь в виду попытки некоторых современных противников диалектико-материалистической теории отражения доказать, что только «до определенного пункта общественная действительность определяет идеи»[2], что общественное бытие определяет только появление и распространение идей, но не определяет их содержания. Тем самым пытаются совместить признание первого тезиса, согласно которому общественное бытие людей определяет их сознание, с отрицанием второго тезиса, согласно которому общественное сознание отражает общественное бытие.

Диалектико-материалистическая теория отражения исходит из того, что сознание, независимо от степени его развитости и того, в какой мере оно истинно или ложно, не может быть ничем иным, кроме как отражением бытия.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 37.

[2] R. Aron. La sociologie allemande contemporaine, pp. 75, 76, Alcan, Paris, 1950.

Отражение общественного бытия, отражение истории в сознании человека есть очень сложный, полный противоречий процесс, который — поскольку он совершается в различных общественных условиях и зависим от них — содержит, кроме истинного отражения, также возможность ложного, а при определенных условиях и извращенного, превратного отражения. Возникает вопрос является ли ненаучное, извращенное, превратное отражение общественного бытия, к которому современные противники теории отражения сводят всякую идеологию, действительным отражением общественной жизни, исторического процесса? Диалектический и исторический материализм нашел реальный отправной пункт для решения проблемы сознания, который вместе с тем явился также исходным при научном решении проблемы извращенного отражения действительности в идеологическом сознании (ибо допускать одну основу для истинного, а другую для ложного отражения — значит допускать ложь в исходном принципе). Исторический материализм открыл действительные причины идеологических заблуждений, показал их социальные корни, помог понять, что и истинные и ложные представления общественных индивидов как представителей той или иной социальной группы или класса являются выражением, то есть порождением и отражением, одних и тех же условий и общественных отношений людей. «Эти представления являются сознательным выражением, — действительным или иллюзорным, — их действительных отношений и деятельности, их производства, их общения, их общественной и политической организации»[3]. Обратное допущение, по мнению основоположников марксизма, возможно лишь тогда, когда сознание отрывается от людей и делается исходным, как если бы оно само по себе было субъектом исторического процесса. Но если люди «в своих представлениях ставят свою действительность на голову, то это есть опять-таки следствие ограниченности способа их материальной деятельности и их, вытекающих отсюда, ограниченных общественных отношений»[4]. Все предшествующие марксизму не только идеологические, но и материалистические философские учения, вместо того, чтобы исходить из процесса материального производства и порожденной им формы общения как основы всей истории и объяснять из нее различные теоретические порождения и формы сознания, или совершенно игнорировали действительную основу истории, или же рассматривали ее лишь как побочный фактор, не оказывающий существенного влияния на исторический процесс и тем более на явления духовной жизни. Исторический идеализм не мог служить почвой для решения проблемы извращенного отражения, так как он сам представляет выражение отчужденной общественно-экономической реальности. «Старая философия» — точно так же, как и современная буржуазная философия, — не могла ни объяснить феномен заблуждения, ни выйти за

---

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 24.

[4] Там же.

его пределы. Действительное объяснение особых причин неправильного отражения и освобождение человеческого сознания, а тем самым и философии, от идеологических иллюзий стало возможным только в философии, сознательно поставившей себя на службу революционной практике пролетариата.

Встав на позиции пролетариата, философия смогла поставить на место рассуждений о сознании вообще конкретное исследование исторического процесса и познания его законов. Показывая несостоятельность прежнего понимания истории, которое либо пренебрегало действительными отношениями и ограничивалось описанием политических деяний правителей и государств, либо пыталось втиснуть конкретную историю в априорно установленные конструкции и схемы, основоположники марксизма подчеркивали, что нужно начать с эмпирического наблюдения исторического процесса и в каждом отдельном случае — «на опыте и безо всякой спекуляции и мистификации» — выявлять скрытые связи и отношения в историческом процессе. Лишь таким путем можно было не только раскрыть объективные законы исторического развития, но и вскрыть происхождение различных заблуждений и иллюзий, затемнявших представления людей об их собственной деятельности. Этот путь состоит в том, чтобы в реальном общественном процессе искать основы самых различных форм идеологии.

Раскрывая причины и природу той идеологии, которая была типичной формой превратного сознания в эпоху эксплуататорского общества, основоположники марксизма показали, что в основе всех идеологических иллюзий лежит идеалистический исходный принцип. Иллюзию о мыслях как самостоятельных сущностях, которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам, Ф. Энгельс считал основным признаком того процесса, который совершает так называемый мыслитель, хотя и сознательно, но с сознанием ложным. «Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными. .. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления. .. Такой подход к делу кажется ему само собой разумеющимся, так как для него всякое человеческое действие кажется основанным в последнем счете на мышлении, потому что совершается при посредстве мышления».

Хотя процесс общественного развития совершается не на почве идей, а на основе материальной деятельности людей, исторический идеализм исходит при объяснении сознания из самого сознания, вместо того, чтобы из данных отношений реальной жизни выводить соответствующие теоретические порождения. Между тем: «Последний метод есть единственно материалистический, а, следовательно, единственно научный метод»[5].

Иначе говоря, проблема идеологического отражения, включая и

---

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 383, примечание.

«превратное понимание истории», находит свое научное разрешение лишь на почве материалистического понимания истории. Материалистическое понимание человека, общества и общественной истории дало возможность впервые установить исходный пункт решения указанной проблемы. «Для нас, — писали Маркс и Энгельс, — исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса»[6].

Некоторые противники материалистической теории отражения не отрицают, что идеологию как извращенное сознание Маркс объяснял из действительного жизненного процесса. Однако при этом они отрицают отражательный характер идеологии, пытаются доказать будто «идеологические отражения» Маркс не считал отражением действительного жизненного процесса. Недостаточно сказать, что Маркс выводил идеологическое сознание из действительного жизненного процесса. Нужно еще сказать, что он представлял его именно как отражение этого процесса. «Сознание (das Bewußtsein) никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием (das bewußte Sein), а бытие людей есть реальный процесс их жизни»[7]. Если бы идеологическое сознание не являлось отражением материальной основы, то нельзя было бы понять ни его возникновение, ни его действие, ни само историческое существование его: если бы идеологическое сознание не было отражением материальной основы, оно не могло бы воздействовать на эту основу. И тем не менее, современные противники теории отражения пытаются доказать, будто для Маркса идеология ничего не отражает, так как она является ложным сознанием, которое не имеет якобы своего предмета и не может иметь его.

2. Возможно ли сознание, не отражающее бытие?

То новое, что внесено марксизмом в исследование проблемы ложного сознания, состояло не в открытии того, что, кроме истинного знания, существует и ложное сознание. Чтобы узнать это, вовсе не нужно быть философом. Для философии представляет интерес вопрос о том, что такое ложное: является ли оно отражением действительности, и если да, то в чем причины превратного отражения действительности в сознании. Возникает ли оно независимо от каких-либо социальных форм, или оно порождается конкретно-историческими условиями человеческого бытия?

Далее, если причины превратного отражения общественного бытия в сознании носят преходящий характер, т. е. являются такими, которые можно устранить, то каким образом можно это сделать?

---

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 25.

[7] Там же.

И, наконец, опровергает ли возможность и сам факт существования извращенного сознания теорию отражения или ее применимость ко всем формам сознания?

Хорошо известно, что некоторые критики теории отражения, будучи не в состоянии раскрыть и понять специфические признаки ложного отражения общественного бытия как особого случая отражения, связанного только с определенными общественно-историческими условиями, стремятся опровергнуть историко-материалистическую теорию отражения или ограничить сферу ее применения. Они пытаются доказать несостоятельность теории отражения как универсальной истины материализма, пытаются обосновать тезис, что материализм, становясь диалектическим, отходит от теории отражения, отрекается от нее. Согласно их точке зрения, если мы будем брать в качестве фундаментальной категории теории познания понятие отражения и считать различные субъективные формы — восприятие, понятие, суждение и т п. — отражением объективного мира, то неизбежно возвратимся к старому преодоленному «дуализму» механистического материализма.

А. Маркович, например, который признает отражением только истинное суждение о наличном предмете, — но при одном непременном условии, что существование такого предмета теоретически доказано и эмпирически установлено,— заключает: «У некоторых авторов такое понимание (то есть понимание, согласно которому все порождения и формы сознания суть отражения действительности — И. Э.) приводит к настоящим бессмыслицам. Например, если суждение есть вообще субъективное отражение объективной связи между вещами, а такое определение суждения мы находим во многих учебниках и исследованиях по логике, то это должно быть действительным и для ложных суждений. Или, если понятие есть вообще (по определению) «отражение сущности предмета», то это должно быть действительным и для неадекватных, имагинарных, мифологических и т. п. понятий. Непонятно, какой смысл в том, чтобы говорить о неистинных суждениях и фантастических понятиях как об отражениях действительности»[8].

Итак, автор, как мы видим, считает, что неистинные суждения, а также некие имагинарные и мифологические понятия не являются отражением объективной действительности, а следовательно, их не может объяснить теория отражения. По мнению М. Марковича, не являются отражением действительности также истинные понятия и суждения, относящиеся к планам действия, предвосхищению будущего, определению задач и т. п. Они, заявляет категорически автор, не являются отражением по той простой причине, что объекты, к которым они относятся, еще не существуют.

Между признанием всякого суждения (восприятия, понятия и т. п.) отражением некоторой объективной связи и фактом возможности существования неистинных суждений (восприятий, понятий и т. п) М. Марко-

---

[8] M. M a r k o v i č. Praksa kao kategorija teorije saznanja. Neki problemi teorije odraza. Beograd, 1960, str. 15.

вич усмотрел противоречие, равносильное настоящей бессмыслице которое, по его мнению, можно разрешить лишь путем отказа от теории отражения как универсальной истины материализма.

С таких позиций выступает и другой критик теории отражения — Гайо Петрович, который считает эту теорию негодной даже для объяснения истинных суждений.Он пишет: «Теория отражения кажется приемлемой, если ее рассматривать как теорию познания и истины. Но если мы рассмотрим ее более внимательно, то увидим, что она не удовлетворяет даже и как теория истинного суждения. Все мы повседневно высказываем истинные суждения, в правильности которых нисколько не сомневаемся, хотя невозможно сказать, что они отражают. Отрицательное суждение существования, например, истинно, если нет того, что оно отрицает. Разве можно интерпретировать такое суждение, как отражение действительности? Что отражает суждение «Нет кентавра» или суждение «Нет круглого квадрата»?. . . А что отражают суждения о прошлом, будущем, о возможности, невозможности? Теория отражения, очевидно, несостоятельна и как теория истинного суждения»[9].

Автор полагает, что он ставит такие вопросы, на которые теория отражения не может дать ответа, и поэтому будто бы вынуждена расписаться в собственном бессилии. Вся аргументация автора, по сути дела, сводится к тому, что «невозможно сказать» или «трудно сказать», что отражают отрицательные суждения существования, суждения о прошлом, будущем, о возможности. Замечания Г. Петровича основываются на убеждении в возможности абсолютно беспредметного мышления, мышления ни о чем. Однако он должен еще доказать, что возможны истинные суждения ни о чем.

Таким образом, современные противники материалистической теории отражения или полностью отрицают принцип отражения, или ограничивают сферу его применения, заявляя, что с позиций теории отражения нельзя объяснить факт заблуждений. После того как из категории отражения исключены различные виды неистинного сознания, например, фантастические образы, а также предвидение, указанные критики теории отражения могут свободно утверждать, что отражение не является ни фундаментальной, ни одной из фундаментальных гносеологических категорий. Философы, которые рассматривают лишь истинные суждения как отражение наличной действительности, пытаются выдать свою точку зрения за логическое следствие из материалистической постановки вопроса о познаваемости мира. Но на самом деле они вступают с ней в противоречие, ибо с точки зрения материализма любое сознание — истинное или ложное — есть результат отражения. При этом следует иметь в виду, что в самой постановке вопроса о том, можем ли мы правильно отражать действительность, уже предполагается и утверждается возможность неверного отражения ее. Конечно, признать, что только истинное суждение о чувственно удостоверяемом объекте

---

[9] G. Petrović. Filozofija i marksizam. Zagreb, 1965, str. 255.

(например «этот стол — квадратный») является его отражением, легче, чем объяснить заблуждение (ложное) как отражение. Отсюда и рождается довод против теории отражения, согласно которому понимание заблуждения как отражения противоречит самому понятию «отражение» по определению, ибо отражение необходимо предполагает существование не только отражающего (в данном случае, суждения, представления, понятия), но и предмета отражения. Совершенно верно, что нет отражения без отражаемого, но верно и то, что критики теории отражения, использующие этот довод, прибегают к избитым идеалистическим софизмам против материалистического понимания сознания и познания как отражения действительности.

Перед нами действительно старая и давно решенная историко-материалистической теорией отражения проблема. С точки зрения диалектического материализма отражение, как известно, есть не пассивный, а активный процесс, в котором имеют место и отлет мысли от действительности, и абстрагирование, и идеализация, и конструирование, и формирование фантастических образов и т. д. Кентавров, конечно, не существует, но чувственные элементы, из которых «сконструирован» образ кентавра, взяты из действительности. Поэтому просто наивно полагать, будто рассуждениями о кентаврах можно «опровергнуть» теорию отражения. Элементарное знакомство с теорией диалектики должно убедить, что существование и несуществование, бытие и небытие, бытие и ничто, истина и заблуждение — противоположности, которые переходят друг в друга. Это уже доказали и Платон, и Гегель. Поэтому данные противоположности нельзя отрывать друг от друга и метафизически противопоставлять друг другу. Содержание сознания, выражаемое в суждениях, прямо или косвенно, непосредственно или опосредствовано, в конечном счете задается действительностью, является ее отражением.

Поэтому всякая попытка решить указанную проблему, исходя из совершенно иллюзорного принципа, что можно мыслить (познавать) несуществующее, понимаемое как то, чего вовсе нет и чему не соответствует никакое понятие, свидетельствует лишь о непонимании диалектики бытия и истины, о желании уйти от сложной и многогранной диалектики истины и заблуждения, диалектики истины как процесса. Основная трудность состояла и состоит в том, чтобы — исходя из понимания сознания как отражения бытия — объяснить возможность и особенности извращенного отражения, выявить причины заблуждения.

И когда современные критики историко-материалистической теории отражения ставят вопрос таким образом: или сознание есть отражение действительности — тогда ложное невозможно, или ложное существует — и тогда сознание (полностью или частично) не есть отражение, — разве они, по существу, не воспроизводят (правда без ее философского разрешения) древнюю проблему в новых формулировках и разве они не возвращают нас на старые, давно преодоленные марксизмом позиции? Конечно, если брать мир как нечто покоящееся, а мышление как нечто развивающееся и, наоборот, если брать мышление как нечто устойчивое, а мир как нечто изменчивое, т. е. метафизически противопоставлять устойчивость одного изменчивости другого, то это неизбежно приведет

к ложной дилемме: или дуалистическое противопоставление мышления и бытия или их метафизическое и идеалистическое отождествление. Принятие любой из этих позиций равносильно отказу от принципа отражения. Именно этот отказ и вызывает постоянные колебания критиков принципа отражения между кантианским дуализмом и гегелевской концепцией тождества бытия и мышления. Их аргументы против диалектико-материалистической теории отражения практически представляют эклектические комбинации некоторых элементов кантианства, гегельянства и извращенно понятого марксистского положения о человеке как практическом творческом существе.

Эклектический и софистический характер рассуждений современных противников теории отражения наиболее выпукло обнаруживается в их трактовке ложного сознания. Для них одно дело — особенности реального бытия людей, всеобщие и конкретно-исторические условия их жизни, и совершенно другое — особенности ложного сознания. Этот дуализм реального общественного бытия людей и ложного сознания, т. е. дуализм материальных условий жизни людей и отражения их действительного жизненного процесса, приводит к тому, что не только в ответах указанных философов, но уже и в самих их вопросах заключается мистификация, доходящая до того, что речь идет уже не об отношении мышления к бытию, а об отношении мышления к небытию (как будто такое отношение вообще возможно), понятому метафизически как отсутствие всяких определений.

Почти все критики теории отражения сходятся на том, что специфическая активность человека в мире несовместима с признанием принципа отражения. Возникает вопрос: не привносит ли и впрямь активная позиция человека в мир и в сознание человека нечто, что не покрывалось бы понятием «отражение»?

Такой вопрос в явном или неявном виде возникает во всех современных спорах о том, является ли человеческое сознание отражением действительного мира, и, следовательно, в спорах об истинности материалистической теории отражения вообще или о степени ее истинности. Человек есть единственное существо, способное с помощью мышления в процессе познания выходить за пределы чувственно-видимого, но он является и единственным существом в мире, которое может жить, оставаясь при этом в заблуждении относительно существующего. Но здесь мы опять-таки сталкиваемся с интересующим нас вопросом: является ли ложное сознание отражением бытия или нет? Ответ на этот вопрос будет одновременно ответом на вопрос: является ли ненаучное идеологическое сознание отражением?

3. Гносеологические и социальные корни иллюзорной идеологии

Методологической предпосылкой анализа иллюзорной идеологии является положение Маркса о том, что «если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-

обскуре, то и это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни, — подобно тому как обратное изображение предметов на сетчатке глаза проистекает из непосредственно физического процесса их жизни»[10].

Основоположники марксизма еще в середине прошлого столетия открыли действительные причины, порождающие иллюзию о том, будто сознание может быть чем-нибудь иным, нежели выражением — порождением и отражением — бытия, практики. Они также указали причины, порождающие иллюзию независимости сознания от практической деятельности людей. Реальной почвой, порождающей эту иллюзию, является,по их мнению,отделение умственного труда от физического труда в эксплуататорском обществе, отделение, при котором сознание выступает как независимая и автономная область, имеющая свою основу не в действительности, не в человеческой практике, а в себе самой. В результате такого отчуждения прямая связь между субъектом и объектом все больше исчезает, поскольку для идеолога по профессии мыслительная деятельность оказывается исходной и основной. То, что достоверно, это уже не конкретная реальность, а понятие, мысль, идея, ибо именно последняя является непосредственным объектом деятельности идеологов, для которых производимые ими идеи выступают единственной связью с окружающим миром. Идеологи воображают, что их мысли больше не являются мыслями о существующей практике, в результате чего и возникают фикции «чистых» идей и теорий. Раскрывая генезис указаннной иллюзии в историческом процессе отделения умственного труда от физического, Маркс писал: «Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда. С этого момента сознание *может* действительно вообразить себе,что оно нечто иное, чем сознание существующей практики, что оно может *действительно* представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного, — с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т. д.»[11]

Таковы гносеологические корни этих иллюзий. Последние закрепляются интересами эксплуататорских классов, которые используют их для обоснования и укрепления своего господствующего положения в обществе. В результате формируется такая система идей, взглядов, теорий, которые представляют собой ненаучную идеологию, поскольку она не может быть ничем иным, как извращенным, превратным отражением общественной жизни, существующей практики.

Общественные системы, основанные на антагонистических общественных отношениях, нуждаются в превратном миропонимании и порождают таковое. Поэтому и устранение иллюзорных представлений из сознания людей невозможно без изменений условий, порождающих та-

[10] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,т. 3,стр.25.
[11] Там же, стр. 30.

кие представления: «Требование отказа от иллюзий о своем положении есть *требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях*»[12].

Задачу освобождения человека от иллюзий Маркс связывал с созданием для него таких условий, чтобы он мыслил, действовал, строил свою действительность сознательно. Действительное, практическое уничтожение этих иллюзий достигается изменением условий человеческого бытия. Исследование влияния общественных факторов на сознание не было для Маркса самоцелью. Оно было подчинено задаче установления того, какие именно общественные условия лучше всего подходят для всестороннего развития диалектического мышления в его органической связи с творческой, преобразующей деятельностью человека. К этому Маркс шел и через анализ причин извращенного сознания на основе общей методологической предпосылки об определяемости общественного сознания общественным бытием, надстройки базисом.

На первый взгляд может показаться парадоксальным, как вообще в рамках учения, согласно которому общественное бытие определяет сознание, можно ставить и решать вопрос о неправильном отражении, причем о неправильном отражении самого общественного бытия. Ибо если общественное бытие определяет сознание, если сознание является отражением бытия, то оно может быть только таким, каким является само бытие, а следовательно, не может быть ложным.

Маркс развивает восходящее еще к древнегреческим философам мнение, что ложное есть несоответствие знания сущности предмета. На примере мистического, выступающего в религиозной форме, он показал, что последнее является ложным, извращенным отражением социальной действительности. Но он пошел еще дальше и показал, что при определенных условиях сознание отражает общественную действительность неправильно именно потому, что оно, адекватно отражая внешнюю сторону, явление, принимает видимость за сущность, в то время как эта сущность проявляется на поверхности в искаженной форме.

Далее, те, кто считает, что неправильное отражение есть противоречие в себе и пытаются с помощью такого аргумента опровергнуть историко-материалистическую теорию отражения, как правило, упускают из виду то, что сознание принадлежит человеку, рассматривают его только по отношению к внешнему предмету. Они не рассматривают сознание также и по отношению к человеку, т. е. как его самосознание, как выражение его действительного положения в обществе. Они, к примеру, берут понятие «бог» и в реальной действительности ищут бога, но, не найдя сверхчеловеческого существа, заключают: ложное не есть отражение. Они забывают сопоставить религиозные представления с человеком, его миром, его пониманием, его интересами, духовным выражением которых и является религия. Человек, уяснивший самому себе эту сторону дела, не может заблуждаться относительно

---

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 415.

истинной природы религиозного мировоззрения, относительно характера религии. «Человек, который в фантастической действительности неба искал некое сверхчеловеческое существо, а нашел лишь *отражение* себя самого, замечает—Маркс, — не пожелает больше находить только *видимость* самого себя, только не-человека — там, где он ищет и должен искать свою истинную действительность»[13].

Сказанное здесь относительно религиозного сознания имеет более широкое, общее значение для характеристики извращенного сознания как превратного мировоззрения превратного мира. Могут возразить: разве марксизм не отражает видимости? Конечно! Но он отражает превратное как превратное, видимое как видимое, т. е. опосредствует видимость познанием сущности, тогда как ложное сознание изображает превратное как истинное, выдает видимость за сущность, не идет дальше видимости. Но как в том, так и в другом случае сознание не может быть чем-нибудь иным, нежели отражением бытия. Именно поэтому превратное отражение может быть формой известной ориентации в условиях, которые по самой своей природе требуют такого отражения. Поэтому «до опосредствующей роли тех иррациональных форм, в которых выступают и практически резюмируются определенные экономические отношения, практическим носителям этих отношений нет в их обыденной жизни никакого дела, а так как они привыкли вращаться в этих отношениях, то их ум нисколько не спотыкается о них»[14]. Ненаучная идеология, фетишистское сознание — «это общественно значимые, следовательно, объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного способа производства, — товарного производства, — писал Маркс. — Поэтому весь мистицизм товарного мира, все чудеса и привидения, окутывающие туманом продукты труда при господстве товарного производства, — все это немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам поизводства»[15].

Поэтому неизбежно, что люди в условиях, когда производственные отношения овеществляются и приобретают самостоятельность по отношению к агентам производства, «остаются захваченными. . . миром видимости» и в большей или меньшей мере «чувствуют себя совершенно как дома среди этих отчужденных и иррациональных форм»[16]. Буржуазная философия, точно так же, как в свое время вульгарная политическая экономия, совершенно неспособна «разрушить эту ложную видимость».

В противоположность этому научно-философское мышление утверждает себя, проникая в сущность явлений, их внутреннюю связь и законы их изменения. Общеизвестно положение Маркса, что наука была

---

[13] Там же, стр. 414.

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 340—341.

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 86.

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,т. 25, ч. II, стр. 398.

бы излишная, если бы сущность и явление совпадали. Это исходная теоретико-познавательная позиция, с которой классики марксизма-ленинизма подвергали критике различные формы феноменализма как типичные примеры извращенного сознания. Поверхностный феноменализм оказывается зачастую адекватным выражением грубого практицизма, не чем иным, как описанием существующей практики. Раскрывая эту связь, Маркс, как мы видим, не ставит под вопрос непосредственную действительность такой практики, которая руководствуется извращенными представлениями о действительности. При капитализме как системе только такая практика и может быть экономически действенной с точки зрения отдельных капиталистов. Целый ряд категорий, которыми пользуется эта практика, мистичен и иррационален именно из-за потребностей этой практики.

Из ограниченного отношения людей друг к другу возникает и такая особенность неправильного отражения, как его односторонность. В общем, эта особенность извращенного ложного сознания состоит в том, что часть, сторона выдается за целое. Более конкретно она обнаруживается в том, что один аспект действительности выдается за всю действительность, особый интерес господствующего класса — за общий интерес общества, частичная, классово-ограниченная и извращенная истина — за полную, абсолютную истину. Отношения и законы данного определенного исторического способа производства объявляются вечными и естественными. Такое сознание неспособно, во-первых, понять предшествующие исторические периоды, во-вторых, открыть в настоящем тенденции его превращения в новую, высшую форму, а следовательно, быть руководством для революционного преобразования настоящего.

Мы вкратце остановились на ряде причин и особенностей неправильного отражения. При этом мы старались обратить внимание на объективные социальные детерминанты неправильного отражения, оставляя в стороне субъективно-психологическую сторону этой проблемы. И в этом мы следовали Марксу, который считал возможным пренебречь этой стороной при анализе неправильного отражения, т. е. не ставил вопроса о субъективной искренности или неискренности тех, кто отстаивает те или иные идеи, хотя бывают такие моменты, когда невозможно пренебрегать и этой проблемой. Но нас в данном случае интересовало другое: характеристика не индивидуального, а общественного сознания, не личные заблуждения, а идеологические иллюзии!

Логика развития истории требует все более активного, сознательного участия народных масс в процессах исторического творчества, а следовательно, устранения иллюзорных, превратных представлений из сознания людей. Последнее возможно только путем революционного преобразования мира и ликвидации условий, порождающих эти иллюзии.

Таким образом, решение этих задач в определенной мере совпадает. Преобразуя мир, человек преобразует самого себя. В процессе революционного преобразования условий, порождающих иллюзии, сам субъект деятельности освобождается от иллюзий, проникается научным сознанием. Марксизм-ленинизм есть теория этого процесса.

РАЗДЕЛ II

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ

ГЛАВА 7

О МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Общественное сознание изучается многими науками. Естественно, что каждая из них, изучая сознание под своим углом зрения, выделяет в нем соответственно и свои структурные компоненты. Исторический материализм отрабатывает философско-социологический подход к изучению сознания общества и человека. Свою функцию теории и метода общественного познания исторический материализм может выполнить именно потому, что он дает знания о любом компоненте общественной жизни (в том числе и о сознании) как об элементе социального организма, происхождение, функционирование и развитие которого объясняется на основе научно-материалистического решения основного вопроса философии применительно к обществу.

Порожденное в ходе общественной жизни сознание рассматривается историческим материализмом прежде всего как целостное образование, как необходимый компонент социальной системы и изучается с точки зрения материальной *основы* его появления, *места* в системе других общественных явлений, социальной *функции* и особенностей его *развития*. Поскольку же общественное сознание внутренне дифференцировано и образует своеобразную подсистему социальной системы, причем так, что отдельные элементы этой подсистемы характеризуются специфическими чертами по всем вышеуказанным пунктам, а именно — по социальной основе появления и места среди других общественных явлений, по своеобразию социальной функции и особенностям развития, постольку возникает необходимость разработки принципов историко-материалистического анализа структуры общественного сознания.

1. Три подхода к изучению структуры общественного сознания

Общественное сознание есть явление многогранное и исторически изменяющееся. Поэтому рассекать и исследовать его структуру можно в различных отношениях. С точки зрения теории и метода общественного познания наибольшее значение, на наш взгляд, имеют три подхода к изучению его структуры: историко-генетический, гносеологический и социологический.

Первый аспект исследования структуры сознания связан с конкретно-историческими этапами развития общества. К. Маркс подчеркивал, что связь духовного производства с материальным можно правильно

исследовать лишь тогда, когда само материальное производство рассматривается в определенной исторической форме. «Если само материальное производство не брать в его *специфической исторической* форме, то невозможно понять характерные особенности соответствующего ему духовного производства и взаимодействия обоих»[1].

Общественное сознание реально существовало и существует только как сознание определенного общества, или, говоря теоретически, как сознание исторически-определенных формаций, поскольку оно отражает отношения данного общества, хотя и связано с сознанием других обществ отношением преемственности и т. д. Но в плане структуры сознание классово-антагонистических формаций в основном является однотипным. Поэтому можно говорить о трех исторически-определенных структурных образованиях; 1) сознание доклассового общества, 2) сознание классово-антагонистических формаций и 3) рождающееся на наших глазах сознание коммунистической формации.

В первобытнообщинной формации производство идей и представлений первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность. Все духовное общение выступает здесь как непосредственное порождение материальных отношений людей к природе и друг к другу. Поскольку отношения первобытной коллективности опирались на примитивное производство, постольку и сознание общества носило здесь неразвитый характер, причем не только по содержанию, но и по структуре. Оно было нерасчлененным, синкретичным. Лишь теоретический анализ может в нем вычленить зародыш позднейших структурных образований. Реально же оно выступало как некий духовный комплекс, в котором еще не отдифференцировались моральные нормы, религиозные представления, эмпирические знания и эстетические чувства.

По отношению к отдельному человеку общественное сознание выступало в качестве сознания группы — рода, племени. Племя, род и их учреждения, подчеркивал Энгельс, «были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях, поступках»[2].

С переходом к классово-антагонистическому обществу качественно меняется как содержание, так и структура общественного сознания. С расколом общества на классы общественное сознание внутренне дифференцируется, выступая реально как сознание различных классов; возникает идеология как духовное выражение классовых интересов, причем господствующей является идеология экономически и политически господствующего класса. Возникновение классов приводит к появлению новых сфер общественной жизни, а именно политических и правовых отношений, а также новых общественных институтов (государство, суд и т. д.). Вместе с ними возникают политическая идео-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. I, стр. 279.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 99.

логия и правовое сознание. Возникновение общественного разделения труда и прежде всего отделение умственного труда от физического создает необходимую основу и возможность для появления философии, зачатков науки, профессионального искусства. Таким образом, именно в классовом обществе возникает более высокий уровень сознания — систематизированное сознание, складываются те относительно самостоятельные формы сознания — политическое сознание, правосознание, нравственное сознание, религия, наука, искусство и философия, которые существуют в обществе до сегодняшнего дня в качестве особых сфер деятельности отдельных групп людей. Разделение труда создает необходимые материальные предпосылки для деятельности в сфере духовного производства, но вместе с тем создает возможность извращенного представления о происхождении, сущности и характере развития явлений духовной жизни общества. Став привилегией господствующего класса, духовная деятельность изображается его представителями как основная и определяющая общественная деятельность. Трудящиеся же массы, за счет которых осуществляется эта деятельность, обрекаются на выполнение физического труда, лишенного духовного содержания.

Переживаемая в настоящее время эпоха перехода от капитализма к коммунизму не дает возможности выявить в полной мере те изменения в структуре сознания, которые будут характерны для коммунистического общества. Но уже сейчас опыт СССР и других социалистических стран ясно указывает на тенденции этого процесса. На основе социалистической собственности, общности экономических и политических интересов формируется идейное единство общества. Постепенно преодолеваются пережитки складывавшегося веками индивидуалистического частнособственнического сознания. Структурные изменения касаются и состава тех форм, которые обслуживают многообразные потребности людей социалистического общества. Прежде всего это сказывается в отношении одной из древнейших форм общественного сознания — религии. Так, большинство граждан СССР являются атеистами. Происходят также весьма существенные сдвиги в политическом и правовом сознании общества. И хотя роль политики и права еще очень велика, но теоретически ясно, что в будущем, когда возникнут условия для отмирания сферы политики и права, будут соответственно отмирать и обслуживающие их формы сознания.

Другой аспект исследования структуры общественного сознания — гносеологический. В этом случае общественное сознание рассматривается во всех его проявлениях как отражение, как познание действительности. Исследование общественного сознания с точки зрения теории отражения включает в себя широкий круг вопросов[3]. Для нашей же цели, т. е. для исследования структуры сознания, наибольшее значение, как нам кажется, имеет вычленение двух качественно различ-

---

[3] См. Г. М. Гак. Общественное сознание в свете теории познания. М., 1962.

ных структурных уровней в общественном сознании, различающихся характером и глубиной отражения действительности[4]. Речь идет об обыденном и систематизированном сознании. Первый уровень — обыденное сознание — представляет собой *непосредственное* отражение действительности в сознании общественного человека, и соответствует уровню эмпирического познания. Оно возникает в ходе повседневной будничной практики как отражение и в этом смысле как осознание человеком природной и общественной действительности, своей собственной сущности, интересов и стремлений. Обыденное сознание не оформлено в виде более или менее стройной логически связанной системы идей и теорий. Его носителями являются массы людей, в головах которых оно существует как нечто недифференцированное. Им руководствуются массы в своей повседневной жизни и деятельности. Оно, следовательно, обладает вполне определенными чертами по своему происхождению, характеру отражения, носителю и социальной функции.

Второй уровень сознания — систематизированное (теоретическое или художественно-образное) сознание. Являясь по содержанию отражением той же действительности, по форме оно выступает как продолжение и развитие имеющего налицо мыслительного и художественно-образного материала. Это, следовательно,— отражение, опосредствованное предшествовавшим развитием духовной культуры, общественного сознания, из которого оно исходит и которое развивает. Являясь обобщением более высокого порядка, это сознание дает более глубокое, соответствующее уровню теоретического познания отражение действительности и более основательное осознание интересов и стремлений людей, в классовом обществе — классов. Оформленное в виде более или менее целостной концепции, оно способно объединить людей и мобилизовать их на организованные действия. Создается и развивается оно идеологами, учеными, деятелями искусства, короче говоря, профессионалами в сфере духовного производства, т. е. оно отличается от обыденного сознания по глубине и характеру отражения, по особенностям возникновения и развития, а также по роли в жизни и развитии общества.

Различие обыденного и систематизированного сознания нельзя отождествлять с различием чувственного и рационального отражения. Обыденное сознание — это обобщенное отражение действительности, связанное с мышлением. Но в отличие от систематизированного сознания — это обобщенное отражение низшего порядка. Так, например, с развитием капитализма у рабочего класса постепенно возникает и развивается не только чувство ненависти к эксплуататорам, но и сознание необходимости вести борьбу против них. Однако обыденное сознание пролетариев в буржуазном обществе — это тред-юнионистское сознание. Научная же идеология, выражая коренные классовые интере-

---

[4] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 551.

сы пролетариата, возникает не на основе обыденного сознания, а как результат развития науки и философии, критически осмысленных и переработанных с позиций пролетариата.

Итак, гносеологический анализ дает возможность вычленить два уровня сознания, что является, на наш взгляд, одним из важнейших методологических принципов его исследования. Гносеологический подход к анализу общественного сознания имеет определенное значение и для понимания его различных форм, поскольку отдельные формы общественного сознания действительно различаются по объекту и форме отражения.[5]

Но все-таки один гносеологический подход многого здесь объяснить не может. Если бы имелась в виду внутренняя дифференциация науки, тогда гносеологический анализ был бы в общем достаточен. Отдельные науки действительно различаются по своему предмету и специфическим системам понятий, в которых отражается этот предмет. Сфера экономики, например, воспроизводится в познании системой экономических категорий. И бесплодными являются всякие попытки разобраться в этой сфере с помощью понятий физики или биологии.

Однако, нельзя согласиться с тем, что гносеологический анализ позволяет разграничить политическое, правовое, религиозное, нравственное, философское и т. д. сознание, что достаточно рассмотреть их «в виде форм познания, различающихся между собой по предмету отражения и способу отражения»[6], чтобы понять их специфику.

Каким бы само собой разумеющимся ни казался подобный подход, он все же требует серьезных уточнений. Конечно, нелепо было бы отрицать в принципе, что все эти формы сознания могут рассматриваться как своеобразные формы отражения (познания). Даже религия в этом плане представляет собой определенное (в извращенной форме) познание действительности. Но такой чисто гносеологический подход к различным формам общественного сознания, выявляя возможность возникновения различных форм, не позволяет еще решить главный вопрос, возникающий при исследовании сознания общества в рамках исторического материализма. А именно — почему же общество с необходимостью порождает различные формы сознания? Очевидно, этого требуют интересы и потребности его функционирования и развития в определенных конкретно-исторических условиях. Ведь если бы общество нуждалось только в знаниях, то оно порождало бы только одну форму общественного сознания — науку. Понятие «сознание» было бы тогда тождественно понятию «знание», и внутренняя дифференциация знания действительно определялась бы своеобразием объекта и способом отражения. Между тем в общественном сознании имеются формы, не только отличные от конкретных наук, как скажем, мораль или правосознание, философия или искусство, но и такие, которые по своей сути противоположны и враждебны науке — религия.

---

[5] См., например, А. К. Уледов. «Структура общественного сознания». М., «Мысль», 1968, стр. 45.

[6] Там же.

Если все эти формы рассматривать лишь как сознание, то их социальная природа при этом не только не была бы раскрыта, а напротив — затуманена. Ибо, мораль, например, возникнет вовсе не для того, чтобы обслуживать общество знаниями. Мораль или правосознание, религия или искусство возникают на основе специфических потребностей, отличных от той потребности, которая породила познание и науку, и каждая из них занимает специфическое и отличное от науки место в системе других общественных явлений; специфична также и социальная функция, которую каждая из этих форм выполняет.

Речь, таким образом, идет не о недооценке гносеологического анализа общественного сознания в рамках исторического материализма, а лишь о четком определении его задач, возможностей и целей. Без рассмотрения общественного сознания как отражения, т. е. без гносеологического подхода к нему, никакого материалистического, действительно научного исследования быть не может. Но то новое, что вносит в материалистическую теорию отражения марксизм,связано с раскрытием социальной обусловленности появления и развития многообразных проявлений общественного сознания.

Рассмотрим сейчас третий аспект анализа структуры общественного сознания — *социологический*, *с помощью* которого раскрываются и объясняются социальные причины, приведшие к внутренней дифференциации общественного сознания. Социологический анализ сознания органически связан с гносеологическим. Они взаимно обусловлены, поскольку анализировать происхождение общественного сознания и его отдельных компонентов нельзя, не учитывая того, что̀ и как в них отражается, а объяснить многообразие видов отражения нельзя, не учитывая специфические общественные потребности, на основе которых складывается это многообразие.

Что же дает социологический анализ сознания для понимания его связи с общественным бытием и соответственно для понимания его структуры? Он позволяет рассмотреть сознание как необходимый элемент деятельного отношения человека к объекту, реализуемого всегда в рамках определенной социальной системы, а также вскрыть социальные основы внутренней дифференциации, о которой отчасти мы говорили выше. Но чтобы объяснить внутреннюю структуру общественного сознания еще недостаточно простой ссылки на потребности общества. Необходимо продолжить этот анализ дальше, выявить основные типы отношений социального субъекта и объекта общественного сознания. Общество — это продукт взаимодействия людей. В рамках этих отношений формируются специфически-человеческие виды отношений к объекту. Животное ни к чему не относится, говорил Маркс, имея в виду тот факт, что отношение животного к действительности не существует для него как отношение.

В процессе жизнедеятельности общества складываются многообразные человеческие отношения к объекту, среди которых можно, на наш взгляд, выделить ряд основных отношений, имеющих значение

для понимания структуры сознания, поскольку в соответствии с ними формируются и разнообразные способы духовного освоения мира.

Во-первых — это отношение человека к природному или социальному объекту как предмету трудовой деятельности, предмету преобразования. Чтобы целенаправленно воздействовать на объект и *добиться желаемого результата*, необходимо иметь объективные знания о самом объекте, путях и средствах его преобразования. Поэтому условием и существенным моментом целесообразной деятельности является познавательное отношение человека к объекту.

Во-вторых — отношение человека к человеку. Общественные отношения людей, как известно, делятся на материальные и идеологические. Необходимость последних связана с тем, что хотя материальные отношения возникают как независимые от воли и сознания людей, это не значит, что они существуют и изменяются помимо людей. Материальные экономические отношения порождают определенные социальные потребности и интересы, в соответствии с которыми люди — существа, одаренные сознанием и волей — создают целую систему надстроечных явлений, помогающих охранять и защищать данные экономические отношения или изменять их. Этот процесс связан со специфическим отношением субъекта к объекту, которое отличается от чисто познавательного и которое можно назвать идеологическим отношением. Рассмотренное в гносеологическом плане, оно включает в себя отражение (познание) действительности, но несет на себе и дополнительные функции, которые выявляются именно при социологическом анализе феноменов общественного сознания. Иногда этот тип отношения называют ценностным, рассматривая идеологическое отношение как разновидность ценностного.

Идеологическое отношение действительно сближает с ценностным и отличает от познавательного то, что в последнем случае объект отражается (осознается) с точки зрения его независимых от субъекта свойств, особенностей, законов, а в первом отражается (осознается) именно человеческое отношение к объекту. А так как человеческое отношение к объекту детерминируется его социальной сущностью, прежде всего местом человека в системе экономических отношений и вытекающими отсюда экономическими и социальными интересами, то отражение природной и социальной действительности в идеологии несет на себе печать этих интересов, осуществляется под углом зрения и с позиций (в классовом обществе — классовых) данных интересов. От характера интересов зависит, в какой степени обусловленная ими идеология способна содержать объективную истину или нацелить на ее познание. Так, в идеологии, подчиняющей в классовом обществе трудящихся идеям и нормам поведения, выгодным господствующему классу, проблема познания объективной истины подчинена задаче выражения классового интереса. Конечно, для того, чтобы зафиксировать определенный интерес в идеологии, необходимо его осознать (отразить). Но это отражение наличных условий общественной жизни, повторяем, осуществляется с позиций данного классового интереса. В этом и состоит отличие идеологического отражения от чисто познавательного,

в котором всегда на первом плане стоит стремление к достижению истины. Конечно, два этих вида отношений нельзя разрывать и метафизически противопоставлять друг другу. В жизни они органически связаны, а иногда и сливаются, поскольку познавательное отношение человека к объекту актуально реализуется всегда в рамках определенных общественных отношений и связанной с ними идеологии, выражающей в классовом обществе конкретные интересы определенных классов. Но при теоретическом анализе, в абстракции их можно и должно различать, чтобы можно было научно отразить (осознать) присущие им особенности и действительный характер их взаимоотношений.

Наконец, целесообразно, по нашему мнению, выделить в качестве своеобразного отношения субъекта к объекту эстетическое отношение, ибо с ним связан особый — художественно-практический способ освоения человеком действительности, с формированием этого отношения связано возникновение в ходе общественного развития различных видов искусства.

Иногда искусство рассматривают как специфическую форму познания действительности. Для такой точки зрения имеются определенные основания, поскольку искусство является действительно могучим средством познания эстетических свойств природной и общественной действительности, внутреннего мира самого человека. Только искусство служит средством отражения (познания) эстетических свойств действительности. Ни самые подробные сведения науки о физических, химических и т. д. свойствах моря, ни горячая заинтересованность в использовании моря, скажем, для рыбной ловли или судоходства, сами по себе не раскрывают его эстетические свойства и не рождают непосредственно эстетических чувств у человека. Красоту моря способно отразить только эстетическое чувство, выразить — только искусство. Именно поэтому оно является могучим средством развития чувственности человека, орудием воспитания людей и мобилизации их на решение определенных задач.

Следовательно, подобно науке искусство служит средством отражения (познания) общего и существенного в окружающей человека действительности, но наука, отражая это общее, выражает его в чистом, то есть освобожденном от единичного, случайного, виде; искусство же отражает последнее в его органической связи с единичным, оссбенным. Именно это определяет отличие чувственно-конкретной формы отражения в искусстве от абстрактно-логической в науке. Кроме того, искусство отличается от науки не только тем, что и как оно отражает, но прежде всего тем, что оно возникает на основе эстетического отношения к действительности, занимает в системе общественных явлений особое место и выполняет специфическую функцию.

Искусство часто отождествляют с идеологией. Нельзя не признать, что для этого имеются определенные основания, ибо искусство действительно идеологично, при чем в двух отношениях. Оно органически связано с идеологическими формами прежде всего потому, что является средством выражения художественных взглядов и идей. Вместе с тем искусство, как это хорошо известно, всегда высту-

пало и выступает средством проведения определенных политических, правовых, религиозных, нравственных и философских идей. Кроме того, искусство идеологично в силу своей собственной природы, поскольку оно отражает действительность через призму человеческого отношения к ней. Отражение действительности в искусстве всегда человечно. Отличие искусства от других идеологических форм состоит в том, что оно оценивает действительность с точки зрения ее эстетических свойств и выражает эту оценку в эстетических формах, точнее, в художественных образах. Своеобразие этого отношения, следовательно, не в том, что оно исключает познавательное и идеологическое отношение, а в том, что оно к ним не сводится.

Поскольку отношение человека к действительности, в том числе и эстетическое отношение, социально детерминировано, постольку искусство и присущие ему эстетические оценки исторически-конкретны, релятивны; поскольку же в конкретно-исторических формах осуществлялось развитие человечества, имеющее объективно-общие черты, постольку в искусстве и его оценках сохраняется абсолютное и непреходящее.

Таковы принципы историко-материалистического анализа структуры общественного сознания. Выявление последней позволяет приступить к конкретному изучению взаимодействия материальной и духовной жизни общества с учетом всего многообразия общественного сознания. При этом надо учитывать, что обыденное сознание масс и систематизированное сознание, развиваемое учеными, идеологами, деятелями искусства тесно между собой связаны и воздействуют друг на друга. Изучение конкретного характера этого взаимодействия связано с учетом своеобразия каждой данной социальной системы и с учетом специфики данного элемента формирования сознания.

При анализе конкретной структуры общественного сознания мы сталкиваемся с тем, что указанные отношения субъекта к объекту порождают своеобразные способы духовного освоения мира, которые присутствуют в общественном сознании, но по-разному сочетаются в различных формах общественного сознания и на его различных уровнях.

Специфику их проявления на уровне общественного сознания в чистом виде можно наблюдать на ранних ступенях развития человеческого общества, анализируя структуру общественного сознания народов, у которых еще не произошло отделение умственного от физического труда или имеются лишь зачатки этого разделения.

Здесь можно выделить существующие еще в нерасчлененной форме и возникшие на основе познавательного отношения к объекту *эмпирические знания* масс, добывавшиеся методом проб и ошибок в ходе и на основе практической деятельности и обслуживавшие эту деятельность. Эти эмпирические знания, представляющие собой непосредственное отражение действительности в сознании познающего субъекта, уже с самого своего возникновения обладают довольно сложной внутренней структурой, поскольку включают в себя знания о свойствах растений и повадках зверей, о болезнях человека и средствах их лече-

ния, о погоде и технических качествах средств труда, о способах организации общественной жизни и приобщении подрастающего поколения к ней и т. д.

Далее, в общественном сознании даже неразвитого общества отражаются (осознаются) общественные условия жизни людей, вытекающие отсюда интересы, формируется соответствующее этим интересам понимание окружающей действительности. Этот аспект общественного сознания отличается от простых эмпирических знаний тем, что выполняет особую социальную функцию. Он служит средством оформления, закрепления или изменения материальных отношений, средством подчинения личности необходимым условиям общественности. Поскольку это сознание не носит систематизированного характера и выступает как непосредственное отражение действительности в массовом сознании, постольку его надо отнести к общественной психологии. Общественная психология выступает реально как синкретичное сознание, поскольку на этом уровне не отдифференцировались еще друг от друга составляющие его религиозные представления, понятия о справедливом и несправедливом, добром и злом, идеи наивного реализма, эстетические чувства и т. д., они не выделились в самостоятельные формы сознания. Но вместе с тем возможно говорить уже о внутренне сложной структуре общественной психологии, ее несводимости к тем проявлениям сознания, в которых фиксируется лишь познавательное отношение к объекту.

Среди других компонентов обыденного сознания нам бы хотелось особо выделить устное поэтическое народное творчество, в котором находят свое эстетическое выражение сознание масс, психология народа, его чувства, воззрения и т. д. Кроме того, оно включает в себя массу прикладных видов искусства, остающихся при всех своих достижениях элементами народного творчества. В сфере народного творчества имеется, как известно, и профессионалы-певцы, сказители, художники, что свидетельствует об относительности всяких границ, о том, что в своих высших проявлениях народное творчество перерастает качественные границы обыденного сознания, смыкается с искусством, отражающим более высокий уровень художественного освоения действительности. Роль народного творчества особенно велика в тех условиях, где оно служило основным средством выражения, средством формирования сознания и чувств масс.

Его непреходящее значение состоит в его высокой эстетической ценности, в том, что оно является одним из источников развития профессионального искусства.

В ходе развития общества обыденное сознание сохраняется, ибо сохраняется непосредственное осмысление в сознании масс окружающей действительности и формирование соответствующего отношения к ней. Однако в классово-антагонистических формациях происходят весьма существенные изменения общественного сознания. Появляются области теоретического и художественного сознания с выделившимися в относительно самостоятельные сферы духовной деятельности различными формами общественного сознания. Каждая из этих форм выполняет и познавательные и идеологические функции, но в разной степени и в разном

объеме. Так, познавательная функция полно воплощается в науке — форме познания, опосредствованной теоретическим мышлением. Вместе с тем наука выполняет и определенные идеологические функции, а теоретическая часть общественных наук носит идеологический характер. Философия как форма сознания воплощает единство познавательной и идеологической функций. В своеобразной художественно-эстетической форме эти функции выражены в искусстве. Не вызывает сомнения преимущественно ценностно-идеологический характер политического, правового и нравственного сознания, хотя в них в большей или меньшей степени присутствует и познавательный элемент, подчиненный выражению определенных социальных интересов. В религии как идеологической форме познавательный момент выражен в наименьшей степени.

Таким образом, выделение и разграничение познавательного и ценностно-идеологического отношений, а также выявление своеобразия эстетического отношения к действительности имеют важное методологическое значение для более глубокого и всестороннего анализа структуры и функций общественного сознания в целом и специфики его различных форм.

В связи с этим следует еще отметить, что структурный и функциональный анализ общественного сознания может быть продолжен и дальше, ибо каждая форма сознания в свою очередь образует сложную структуру. В науке в ходе истории происходит процесс дифференциации и интеграции, в силу чего в настоящее время она выступает в виде целостного и в то же время внутренне расчлененного общественного явления. По подсчетам науковедов, в настоящее время существует почти две тысячи научных дисциплин[7]. Искусство также выступает как явление со сложной структурой. К исторически сложившимся видам искусства — литература, живопись, музыка, театр, скульптура и т. д. — прибавляются новые, возникшие с появлением новых технических средств — кино, телевидение, художественная фотография и т. д.

Все эти компоненты опосредствованного отражения действительности возникают на более высоком этапе общественного развития, а именно тогда, когда для обеспечения функционирования и развития социальной системы возникает потребность в более развитых, поднимающихся над обыденным уровнем формах сознания.

Наука и ее отдельные области возникают тогда, когда знания, полученные методом проб и ошибок, знания чисто эмпирические, накапливавшиеся массами в ходе повседневной практики, оказываются недостаточными. Поэтому хотя наука возникла еще в древности, становление современного опытного и теоретического естествознания связано с возникновением и развитием капиталистического машинного производства, в котором технологическое применение науки постепенно становится необходимостью, а становление и развитие подлинно-

---

[7] См. Г. М. Добров. Наука о науке, Киев, «Наукова думка», 1970, стр. 7.

научного обществознания и расцвет науки как целостной системы связаны с зарождением и развитием социалистического общества, в котором люди начинают целенаправленно воздействовать на развитие своих общественных отношений к природе. Несомненно, что ликвидация отделения умственного труда от физического и потребности рационально функционирующего общества в условиях коммунизма приведут к такому расцвету всех отраслей научного знания, который сегодня даже трудно себе представить.

Идеология также не случайно появляется в классовом обществе. Она возникает в нем как в силу возможностей, которые оно предоставляет для теоретической деятельности идеологов, так и главным образом в силу того, что в этом обществе социальные проблемы начинают решаться в борьбе классов, которые для объединения и успешной деятельности нуждаются в системе идей, выражающих их общий интерес и обосновывающих этот интерес с помощью определенного теоретического понимания окружающей действительности. Отсюда ясно, что понимание действительности в идеологии есть средство теоретического обоснования и оправдания классового интереса. Но значит ли это, что науку и идеологию можно противопоставлять как отражение объективное и субъективное, как истину и ложь. Нет, конечно! Ведь интересы классов вытекают из их объективного положения в системе данных производственных отношений. Поэтому в те исторические периоды, когда те или иные классы выступали в качестве прогрессивной силы, когда их интерес совпадал с потребностями общественного развития и с интересами масс, их идеология опиралась в той или иной мере на объективное познание. Поскольку же действовавшие в истории эксплуататорские классы были исторически ограниченны, постольку ограниченны были и возможности объективно-истинного отражения действительности в их идеологии. Только с выходом на арену истории пролетариата, класса, субъективные интересы которого совпадают с потребностями общественного прогресса, создается возможность и необходимость для подлинного научного отражения действительности в идеологии класса. Пролетарская идеология — это наука, но и став наукой, она не перестает отличаться от физики, химии и т. п., поскольку не становится системой знаний, независимой от класса, а остается классовым, партийным отражением действительности. Значит, идеология может быть ненаучной, с элементами науки и полностью научной, но во всех случаях она остается идеологией.

Профессиональное искусство также появляется тогда, когда у общества возникает возможность содержать людей, сделавших искусство своей профессией, и в то же время потребность в воздействии на чувства, волю и разум людей с помощью высокоразвитых эстетических средств. Вычленение искусства и четкое определение его места в структуре общественного сознания имеет огромное значение для правильного определения его природы и установления его связи как с познанием, так и с идеологией, причем не только с идеологией в целом, но и с отдельными идеологическими формами.

Единство трех аспектов структуры сознания

Вычленяя различные аспекты анализа структуры сознания, исторический материализм связывает тем самым изучение сознания, во-первых, с историей развития и смены конкретных обществ, во-вторых, с гносеологическим подходом к сознанию как отражению действительности, в-третьих, с социологическим подходом, рассматривающим сознание как особую подсистему определенной социальной системы. Такой подход к изучению сознания вытекает из особой природы исторического материализма, а именно из того, что он является одновременно и наукой об обществе, занимающей свое место в системе историко-социологического знания, и органической частью философского мировоззрения.

Историко-генетический, гносеологический и социологический аспекты изучения сознания раскрывают основные связи и отношения, в которых сознание как специфическое общественное явление находится с обществом в целом, его материальной основой и всеми другими явлениями общественной жизни. Расчленение этих аспектов имеет, следовательно, только то значение, что позволяет выделить основные виды отношений, в которых сознание изучается историческим материализмом и отделить их от многообразия других отношений, изучаемых другими науками. Но при этом надо помнить, что реально никакое расчленение этих аспектов невозможно. Все они характеризуют, хотя и с разных сторон, одно и то же общественное сознание. Поэтому нельзя исследовать сознание в одном каком-либо аспекте, изолированном и оторванном от других. И не только потому, что они едины, но главным образом потому, что они друг друга обусловливают и друг без друга невозможны. В самом деле, разве можно *научно* проанализировать сознание исторически определенного общества, скажем, сознание капиталистической формации (с учетом отражения действительности в сознании различных классов и слоев этого общества), если не учитывать различий между обыденным и систематизированным отражением действительности, раскрываемых в гносеологическом плане, и различий между познавательной и идеологической сущностью общественного сознания, раскрываемых при социологическом подходе. Гносеологический подход невозможен без социологического и конкретно-исторического, ибо при всей его важности сам по себе он не может объяснить, почему человеческое сознание в одном случае отражает действительность как независимую от человека, а в другом — через призму человеческого отношения к ней. Социологический подход невозможен без гносеологического и историко-генетического. Оторванный от материалистической теории отражения и конкретно-исторического анализа общественного сознания он, как это между прочим показывает весь опыт развития буржуазной «социологии познания», неизбежно приводит к поискам «свободно парящей» интеллигенции, способной якобы подняться выше конкретных интересов определенных классов и выработать для общества знание о волнующих его социальных проблемах.

Общество не имеет отдельного от людей субъекта — носителя об-

щественного сознания. В этом смысле исследование общественного сознания с точки зрения исторического материализма, оперирующего предельно широкими категориями обществознания, требует органического сочетания историко-генетического, гносеологического и социологического (системно-функционального) подходов. Только в этом случае оно может быть материалистически проанализировано в его единстве и целостности как необходимый компонент любой социальной системы и в то же время понято в его внутренней дифференциации и историческом развитии.

Но вопрос о единстве и взаимообусловленности всех трех аспектов изучения общественного сознания и его структуры необходимо рассмотреть и с другой стороны. Известно, что в нашей литературе высказывается иногда мнение, будто вопрос о соотношении общественного бытия и общественного сознания можно заменить соотношением практики и теории. Две этих пары категорий, дескать, говорят об одном и том же и по сути тождественны. Правда, надо сказать, что такого рода отождествление чаще всего проводится не в прямой, а в косвенной форме. Речь идет о такого рода анализе общественного сознания, когда оно в целом и его отдельные компоненты объясняются на основе потребностей социальной практики. Так же как на основе производственно-преобразующей деятельности появляется наука, так и на основе политической деятельности появляется политическое сознание, религиозной деятельности — религиозное сознание, нравственной — нравственное сознание и т. д. Таким образом, необходимость появления сознания, характер его структуры и его особенности выводятся из потребностей и особенностей практики.

Всесторонний анализ вопроса о содержании и методологическом значении парных категорий «общественное бытие — общественное сознание» и «практика — теория», о своеобразии их места в системе марксистских социологических понятий, общих чертах и различиях выходит за рамки настоящей главы. Мы рассмотрим его только с точки зрения единства трех аспектов исследования структуры общественного сознания. Отметим лишь в начале, чем же объясняется внешняя притягательность подмены первой пары категорий второй. Видимо, дело здесь в следующем. Маркс, как известно, преодолел главный недостаток предшествовавшего материализма (в том числе фейербаховского) тем, что ввел практику в теорию познания. Поэтому создается впечатление будто можно объяснить особенности общественного сознания и структуры его, раскрыв практическую обусловленность появления и развития всех компонентов сознания. Но, конечно, это не совсем так, ибо сама практика должна быть понята не только как основа познания, т. е. в гносеологическом плане, но и как момент функционирования и развития социальной системы. Без этого сознание во всех своих проявлениях будет отождествляться с познанием. Между тем понятие «сознание» и «познание» не тождественны. Но чтобы выяснить, почему сознание не сводится к познанию, почему возникают формы сознания, не имеющие своим непосредственным назначением обслуживание общества знаниями (мораль и правосознание, религия и ис-

кусство, недостаточно абстрактных ссылок на потребности практики. Дело в том, что деятельность, взятая абстрактно, вне связи с теми общественными отношениями, в рамках которых она реально существует в данном случае, не может помочь понять феномен человеческого сознания. Сознание — это общественный продукт, и оно может быть правильно понято только тогда, когда само общество, частью которого сознание является, рассматривается не просто как продукт деятельности людей, а и как совокупность общественных отношений, детерминирующих человеческую деятельность. Так, например, идеологические формы — политическое, правовое, нравственное и т. д. сознание — потому и возникают, что на базе материальных отношений необходимо складывается система идеологических отношений — политических, правовых, нравственных и т. д., — которые, однако, не могут сложиться без соответствующего сознания. Следовательно, не просто из деятельности, а из многообразия отношений, носителем которых эта деятельность является, т. е. из деятельности, взятой в единстве с социальными отношениями, можно объяснить различные проявления сознания и специфические особенности его отдельных компонентов.

Таким образом, органическое единство гносеологического, социологического и историко-генетического аспектов позволяет преодолеть как односторонность гносеологизма или вульгарного социологизма, так и внеисторический подход к исследованию исторически изменяющейся структуры общественного сознания.

ГЛАВА 8

ОБЩЕСТВЕННАЯ НАУКА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Одной из существенно новых и коренных черт современного этапа общественного развития является резкое возрастание роли общественных наук, обусловленное изменением характера общественно-исторической практики.

Действительно, до социализма история в общем развивалась стихийно. возникновением новой, коммунистической формации характер исторического процесса претерпевает качественные изменения. Коммунизм не может возникнуть, существовать и развиваться стихийно. Построение коммунистического общества есть процесс сознательного творчества истории, результат деятельности самих народных масс. В условиях новой общественной формации постепенно все более полно реализуется историческая задача установления сознательного контроля общества над действием стихийных сил общественного развития.

Вместе с тем в XX столетии неизмеримо возрастают возможности общественных наук. В первую очередь марксистское обществознание характеризуется сегодня достаточно высоким уровнем развития, позволяющим научно осмысливать и решать проблемы, поставленные ходом общественного развития.

Но и буржуазия пытается все шире использовать общественную науку в интересах укрепления своего господства. Новые возможности общественных наук порождают в общественном сознании целый спектр разнообразных взглядов, начиная от отрицания любых попыток использования данных науки для решения реальных социальных проблем и кончая технократической иллюзией о возможности полной рационализации общественной жизни и оптимистическими надеждами на всемогущество науки в организации общества на гуманистических принципах. Как и можно было предвидеть, в переживаемую нами эпоху перехода от капитализма к коммунизму эта сумятица умов в понимании действительных и мнимых возможностей науки нередко искусно используется буржуазной пропагандой в борьбе против марксистско-ленинской идеологии. Резко обострившаяся борьба идей становится сегодня одним из центральных участков фронта противоборства двух различных социально-экономических систем.

В этой связи правильное понимание возможностей, места и роли общественных наук в процессах социального развития становится

важным моментом в воспитании каждого человека сознательным участником исторического творчества.

Особого внимания при этом заслуживают вопросы, касающиеся общих проблем развития общественных наук, их теории и методологии. Так, в связи с тем, что происходит значительное расширение сферы научного знания о конкретных социальных процессах и явлениях, возникает необходимость определения форм, путей и способов формирования этих знаний и органического включения новых знаний в существующую структуру научного обществознания.

Остро стоят ныне вопросы взаимодействия общественных и естественных наук, особую актуальность приобретает проблема единства науки. Разработка социологических проблем развития общественных наук служит выяснению теоретических основ, с помощью которых возможно решение возникающих здесь проблем.

Некоторые относящиеся сюда вопросы рассматриваются в настоящей статье преимущественно под углом зрения соотношения гносеологического и социологического подходов к анализу процесса становления и развития общественных наук и практическому применению их данных в условиях социализма.

При этом автор исходит из того, что если с гносеологической точки зрения наука есть специфическая форма познания, то с точки зрения социологической она выступает прежде всего как специфический вид деятельности по производству знания, что эти подходы, естественно, не исключают, а предполагают и дополняют друг друга.

1. Некоторые проблемы историко-социологического анализа общественных наук

Принципы социологического анализа общественных наук, разработанные марксизмом, получили уже широкое распространение и привели к ряду известных достижений в исследовании возникающих здесь проблем, относящихся к социальным условиям производства общественно-научного знания.

При социологическом анализе открывается возможность более полного раскрытия специфики развития общественных наук, обусловленной не только особенностями объекта их изучения социальных явлений и процессов, но и спецификой деятельности в сфере познания социальных явлений. К последней следует отнести известную зависимость результатов познания и их обобщений от классовых позиций исследователя; постоянное и более тесное взаимодействие в процессе познания социальных явлений уровней научного знания и обыденного сознания; роль традиций, обычаев, специфики преемственности в развитии общественных идей, своеобразие форм связей общественного знания с практикой (включая процесс «передачи» новых знаний в практику); особую роль социального знания в функцировании социальной системы и т. д.

Естественно, что социологический анализ процесса развития об-

щественных наук опирается на принципы теории отражения, являющиеся исходной предпосылкой изучения специфики исследовательской деятельности в сфере обществознания.

Специфичные и существенные для понимания особенностей развития общественных наук проблемы — «видения» мира, стиля мышления, выбора способов и методов исследования социальной действительности; проблемы формирования мировоззрения ученого; соотношения «воображения», фантазии и научного метода исследования в обществознании; соотношения ценностного, идеологического и научного методов познания социальных явлений и др. — все эти проблемы могут быть решены только на основе общих принципов историко-материалистического учения и теории отражения.

Возьмем, например, такую коренную для социологического анализа общественных наук проблему, как понимание соотношения исследовательской деятельности в сфере обществознания с социальной деятельностью человека (деятельностью человека в социальной сфере) вообще.

С одной стороны, исследовательская деятельность человека в сфере обществознания есть часть общей деятельности человечества. Это специфический вид социальной деятельности, один из подвидов в рамках общего разделения труда, призванной удовлетворять потребность общества в определенном типе знания. В этом плане исследовательская деятельность детерминируется общими социальными потребностями. Поэтому в любом типе знания, взятом в аспекте историко-генетического рассмотрения его как знания, «вырабатываемого» в различные эпохи, в различных социально-экономических условиях, непременно присутствует общечеловеческий, общезначимый элемент.

Конечно, в тех или иных конкретных условиях общие социальные потребности выступают не в какой-то абстрактной форме, в отрыве от социальной реальности, а в форме интересов тех или иных классов. Классы так или иначе осознают свои интересы и стараются представить их как общезначимые. Но они могут не быть таковыми. И здесь происходит «первичная» деформация общих социальных потребностей на основе «искажения» их при выражении общих социальных потребностей в форме потребностей того или иного класса.

Таким образом, классовый интерес, классовая позиция уже в самом истоке сказываются на исследовательской деятельности, поскольку ученый является социальным субъектом, выступает как представитель определенного класса, осознанно или неосознанно выражает его интересы.

С другой стороны, исследовательская деятельность в сфере науки есть деятельность индивидуальная. С этой точки зрения отражение общей социальной потребности в знаниях происходит в сознании отдельного человека, отдельного ученого. Это отражение преломляется сквозь призму занимаемой им социальной позиции, его личных общественно-политических, научных, материальных и пр. интересов. И здесь может происходить как бы «вторичная деформация» общей социальной потребности, направленность которой трудно определить однозначно.

Далее, специфика исследовательской деятельности заключается в том, что в области познания социальных явлений научная деятельность есть преимущественно форма не предметного, материального, а идеального теоретического освоения действительности. Это приводит к тому, что в области исследования социальных явлений отдельный ученый не преобразует социальную действительность, но «следует» за ней, за ее развитием и проявлением ее закономерностей. Причем успех деятельности ученого-обществоведа, успех его исследовании в решающей степени кумулятивен, то есть (если брать саму сферу знания) зависит от степени развития предшествующего знания и меры использования достижений предыдущих поколений, а также от общего уровня развития всей духовной культуры и использования опыта теоретического освоения действительности человечеством.

Из этого следует наличие в каждую эпоху определенных рамок, возможностей научного познания социальной действительности, которые очерчиваются, во-первых, уровнем развития самого общества и характерной для него социальной практики, вовлекающей в круг своих потребностей и интересов ту или иную совокупность явлений социальной действительности и обусловливающей глубину и полноту их использования, и, во-вторых, степенью развития предшествующей науки, наличием соответствующих способов, приемов и методов познания. Особенности сочетания указанных основных моментов, определяющих процессы развития научной деятельности в сфере общественных наук, отражаются в истории становления и развития обществознания, на материалах которой они и могут быть прослежены.

Можно полагать, что первые предпосылки создания обществознания относятся к глубокой древности. Естественные для человека как разумного существа попытки понять смысл и цель существования мира и себя самого составили исходный момент становления обществознания. Развитие материального производства, а вместе с ним и на его основе расширение сферы социальной практики, круга социальных потребностей требовали ответа на целый ряд практических вопросов, связанных с общением различных социальных образований, воспитанием молодого поколения, обучением и передачей опыта, навыков, накопленного знания и т. д.

С возникновением и упрочением различных социальных групп (общностей людей), с развитием общения между ними появляется необходимость разработки каких-то правил, норм оценки и предписания форм человеческого поведения. С разделением труда, появлением собственности, а затем и классов круг требующих решения практических задач резко расширился. Объединяя и кумулируя в себе отдельные знания, развивается философия. Единая и нерасчлененная философия древности являлась результатом коллективной, точнее, суммарной, деятельности многих поколений и тысяч индивидуумов, итогом их непосредственных наблюдений, размышлений, догадок.

Появляются социальные теории как суммы воззрений на правила общения между отдельными людьми и правила общения между различными группами. Они складывались опытным путем, а затем закрепля-

лись в процессе совместной деятельности людей той или иной социальной группы, отражая ее интересы или желания.

Наряду с развитием общих социальных теорий (Демокрит, Платон, Аристотель) возникают зачатки частных общественных наук — истории, географии (Геродот, Фукидид, Полибий, Стробон), права (римское право, например) и др.

С накоплением знаний, углублением решаемых социальных задач происходит усложнение познавательной деятельности. Появляется необходимость перехода ее на профессиональный уровень. Познавательная деятельность становится преимущественным занятием определенной группы людей. Трудности получения образования, необходимость наличия значительных материальных средств и свободного времени для занятия научной деятельностью привели к тому, что профессия ученых становится преимущественно профессией представителей имущих, господствующих классов.

Такой естественно происходящий отбор по принципу классовой принадлежности самым непосредственным образом сказался на развитии обществознания и, в частности, на проблематике и основных направлениях развития общественных наук. Начинают бурно развиваться политические теории, учения о военном искусстве, архитектура, эстетика и т. д., то есть такие отрасли обществознания, которые связаны главным образом с потребностями имущих, господствующих классов.

К обществознанию на первых этапах его развития, очевидно, можно отнести и группу исторических дисциплин, накапливающих исторические факты и занимающихся описанием в хронологической последовательности исторических событий. Развитие этих отраслей знания, хотя и не вызывалось непосредственно потребностями общественного развития, все же способствовало ему, развивало и будило человеческий ум, ложилось в основание человеческой культуры.

В этом своеобразно проявляется логика истории: ни одно крупное социальное явление не может пройти бесследно. Каждый класс «выполняет» в истории специфические функции, вносит определенный вклад в развитие общей человеческой культуры.

Наряду с этими общими направлениями обществознания развивались частные общественные дисциплины, направленные на удовлетворение общесоциальных потребностей в знаниях. Однако узость социальной практики докапиталистических обществ не способствовала развитию данного типа общественных дисциплин. С точки зрения социологического анализа истории становления и развития общественных наук это последнее направление развития обществознания по содержанию и направленности научной деятельности целесообразно выделить в отдельную группу дисциплин. Дело в том, что многие разделы частных общественных наук обеспечивали потребности всего общества в знаниях. Но поскольку в те времена научная деятельность обслуживала в основном потребности имущих классов, то и в этой сфере обществознания прежде всего разрабатывались проблемы, интересующие эти классы.

Поэтому деятельность ученых в данной сфере научных исследований по самой сути своей оказалась глубоко противоречивой. С одной

стороны, деятельность ученого всегда направлена на «добывание» истинного знания. С другой стороны, полученные учеными знания имеют непосредственное значение для социальной практики и, следовательно, определенным образом влияют на существующие общественные отношения, способствуя их укреплению либо изменению, непосредственно затрагивают интересы людей. А это уже вопрос «пристрастности» ученого, его социальной позиции, его мировоззрения, его понимания сущности общественного прогресса и отношения к нему. Отсюда проистекают различные «возмущения» в развитии общественных наук. Эта двойственность, противоречивость в основаниях деятельности ученых в сфере общественных наук особенно отчетливо проявляется в период становления и развития капитализма.

В развитии конкретных общественных наук можно выделить два основных этапа. Первый — когда господствующие классы играли прогрессивную роль в историческом процессе, когда их классовые интересы частично совпадали с объективными потребностями общественного развития. В развитии буржуазной общественной мысли — это домарксистский период.

Глубина и размах буржуазных революций XVII и XVIII вв., обусловившие вовлечение в активную политическую борьбу широких масс людей, дали новый материал обществоведам, поставили перед общественной мыслью новые вопросы. Появляется идея классовой борьбы (Гизо, Минье, Тьерри), идея закономерностей исторического процесса и общественного прогресса (Вико, Гердер, Кондорсе и др., в особенности Гегель), разрабатываются идеи о формировании человека и его интересов под влиянием внешней среды (Гельвеций), крепнет и набирает силу материалистическое течение в философии. Иное дело, что, достигнутый уровень развития, конкретный потенциал духовной культуры общества того времени, характеризовавшийся, в частности, значительным развитием естественных наук, не создавали условий для выхода в методологии социальных исследований за рамки «естественных» законов.

Господствовавшая в то время в естествознании и философии идея единого универсального закона механической причинности, якобы способного объяснить всю сферу природных и социальных явлений, ставила известные рамки развитию социального знания, направляла деятельность исследователей по ошибочному пути.

Бурное развитие естественных наук, определяемое и поддерживаемое потребностями развивающейся практики, очевидные успехи и достижения ученых-естественников породили прочное убеждение в том, что с помощью идей и методов естественных наук, овладевая природой, человек сможет овладеть и закономерностями — конечно, «естественными» — своей общественной жизни, сумеет «естественным» образом рационально организовать свое общественное бытие. Так зарождались идеи «социальной физики», «органической природы общества» и т. д. Идеи «естественного права» и «общественного договора» явились теоретической основой развития частных общественных наук — о государстве, праве, политике и др. (Гроций, Гоббс, Спиноза). Влияние этих идей, некоторые аналогии с естественнонаучными воззрениями на природу об-

щества можно легко найти в исходных положениях политической экономии У. Петти и даже у А. Смита и Д. Рикардо. Резко расширившаяся сфера социальной практики пришедшей к власти буржуазии поставила проблему развития общественных наук в число важнейших задач.

Становление капиталистического товарного производства, образование наций, национальных государств, развитие международной торговли и т.п. привели к преодолению прежней замкнутости и обособленности, расширили возможности социального познания. Ведение усложнившегося национального хозяйства, становление гораздо более многофункционального буржуазного государственного аппарата, претендующего на разрешение социальных конфликтов, сглаживание классовых противоречий и т. д. дали толчок развитию буржуазного обществознания. Преисполненная веры в свое могущество и всемогущество науки, буржуазия не сомневалась в своей способности путем развития частных, конкретных общественных наук разрешить и навсегда устранить из жизни общества начинающие беспокоить ее социальные противоречия. Практика, история — конечный критерий истинности научных теорий, — начисто опровергли эти надежды.

Начинают проявляться объективно заложенные в капиталистической системе классовые конфликты и противоречия: развитие промышленности сопровождается разорением крестьян, рост богатства и мощи буржуазии сопровождается обнищанием трудящихся, появляется безработица, усиливается аппарат репрессий, ранее обещанные демократические свободы все более превращаются в свободу только для богатых и т. д.

В этих условиях происходят первые организованные политические выступления пролетариата (восстание в Лионе, выступления силезских ткачей и др.). Движение рабочего класса выдвинуло задачу определения смысла, перспектив и возможных результатов его борьбы. Чтобы ответить на этот вопрос, надо было научно понять законы капитализма. Однако неразвитость классовой борьбы, а также отсутствие необходимых фактических условий и неясность исторической перспективы могли породить лишь достаточно общие социалистические учения.

Первым отражением явного неблагополучия в развитии капиталистических общественных отношений явились учения утопического социализма и коммунизма (Сен-Симон, Фурье, Оуэн), занимающие особое место в истории развития общественной мысли. Спрашивается, как в эпоху «благополучно» развивавшегося буржуазного строя и казавшихся незыблемыми господствующих капиталистических производственных отношений стало возможным такое направление исследовательской деятельности, как утопический социализм?

На этом примере, в частности, наглядно видны достоинства социологического анализа науки, анализа научной деятельности в связи с исторически-конкретными условиями ее осуществления и учетом особенностей личности исследователя, позволяющего объяснить феномен появления утопического социализма, который невозможно ис-

черпывающе объяснить, если исходить только из гносеологических посылок.

Важным моментом, обусловливающим появление феномена утопического социализма, является, например, роль воображения исследователя. Критически-утопический социализм и коммунизм — «это фантастическое стремление возвыситься» . . . «над борьбой классов, это преодоление ее фантастическим путем», по характеристике Маркса и Энгельса.[1] Между тем этот момент оценки значения воображения исследователя обычно выпадает из рассмотрения развития обществознания при анализе его в общетеоретическом плане, но, как оказывается, он занимает важное место в самом процессе познания и в истории развития познания социальных явлений вообще.

Конечно, это не следует понимать так, что утопический социализм является полетом фантазии ученых-одиночек. Их учения опирались на имеющиеся социальные посылки, длительную историю развития демократической мысли, освободительные движения народных масс. «Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа», — писал Маркс[2]. Здесь точнее было бы говорить даже о том, что учения социалистов-утопистов лишь придали сознательную форму чаяниям народных масс, сохраняя и развивая крупицы истины, передаваемые народом из поколения в поколение. И в этом отношении важно отметить тот момент, что утопический социализм, наряду с классической буржуазной философией и политэкономией, является источником возникновения историко-материалистической концепции Маркса. Эта концепция появляется в середине XIX века на основе переработки, критики, проверки на рабочем движении всех достижений человеческой мысли.

Рассматривая процессы возникновения общественной науки, Ленин писал, что «*так как* эту науку строили, во-первых, экономисты-классики, открывая закон стоимости и основное деление общества на классы,— *так как* эту науку обогащали далее, в связи с ними, просветители XVIII века борьбой с феодализмом и поповщиной, — *так как* эту науку двигали вперед, несмотря на свои реакционные взгляды, историки и философы XIX века, разъясняя еще дальше вопрос о классовой борьбе, развивая диалектический метод и применяя или начиная применять его к общественной жизни, — то марксизм, сделавший ряд громадных шагов вперед именно по этому пути, есть *высшее развитие* всей исторической и экономической и философской науки Европы[3]».

Материалистическое понимание исторического процесса стало теоретической и методологической основой развития всех общественных наук. Оно связало единой концепцией ранее «рассыпавшиеся» на

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 456.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 33, стр. 147.

[3] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 49.

отдельные направления, разделы и отрасли обществоведения, сделало его подлинной наукой.

Общая концепция социального развития, понимание природы общества как единого целого помогли частным общественным наукам избавиться от свойственной им односторонности рассмотрения, от некоей теоретической ущербности. Марксизм (исторический материализм) стал основой подлинного научного обществознания.

В строгом смысле слова общественная наука в виде полной и стройной концепции, дающей объяснение процессов общественного развития, единственно научный метод исследования истории, впервые начинается с Маркса. «Взглянув материалистически на мир и человечество, — писал Ленин по поводу роли Маркса и Энгельса в создании общественной науки, — они увидели, что как в основе всех явлений природы лежат причины материальные,так и развитие человеческого общества обусловливается развитием материальных производительных сил. От развития производительных сил зависят отношения, в которые становятся люди друг к другу при производстве предметов, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. И в этих отношениях — объяснение всех явлений общественной жизни, человеческих стремлений, идей и законов».[4]

Отныне можно было бы уже говорить о двух ветвях, двух направлениях развития науки, решающих свои специфические, но взаимосвязанные, взаимообогащающиеся проблемы в едином процессе получения объективного знания.

Появление марксизма как мировоззрения рабочего класса, как научного выражения его классовых интересов, знаменовало начало сознательной и организованной революционной борьбы пролетариата за преобразование общества на социалистических началах. Одновременно это означало резкий перелом в развитии буржуазных общественных наук. Чтобы понять суть этого перелома, недостаточно простой ссылки на возникновение марксистской концепции общественного развития. Здесь дело заключается также и в том изменении характера научной деятельности, которое принесло развитие капиталистических отношений в развитие науки, и в частности, в новое положение ученого в капиталистическом обществе.

Занятие научной деятельностью стало массовой профессией. Однако происшедшая некоторая «демократизация» научных кадров в капиталистических странах не привела к демократизации науки. Сохраняя в своих руках господствующие высоты в экономике, в руководстве социально-политической жизнью общества, буржуазия с помощью различных методов управления наукой — где кнутом голода и безработицы, где пряником привилегированного социального положения и материального достатка, а также рафинированной идеологической обработкой — сумела оставить за собой монопольное право на знания, использовать в своих интересах труд и знания ученых.

---

[4] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 8.

Это труд и знания именно тех,ограниченных буржуазными рамками или связанных буржуазными предпосылками людей, которые не сумели не только сделать революционных выводов из всего предшествующего развития человеческой мысли, но и способствовали изменению самого «духа» в развитии буржуазных общественных наук. В этих науках «совсем исчез старый дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования. Его место заняли скудоумный эклектизм, боязливая забота о местечке и доходах, вплоть до самого низкопробного карьеризма.Официальные представители этой науки стали откровенными идеологами буржуазии и существующего государства, но в такое время, когда оба открыто враждебны рабочему классу»[5].

Появление двух мировоззрений, двух основных направлений идеологии — коммунистической (пролетарской) и буржуазной, а затем реализация основных принципов социалистической идеологии в СССР и других социалистических странах, создали реальную возможность и необходимость сознательного выбора не только основных принципов мировоззрения, исходных посылок научного исследования, но и социальной позиции ученых-обществоведов. Выбор социальной позиции— проблема реальная, часто трудно решаемая и бесконечно терзающая душу каждого честного ученого.

Он обусловлен целым рядом объективных и субъективных факторов. Так, например, государственно-монополистический капитализм создает гигантские промышленные объединения, «конгломераты», состоящие из множества предприятий различного профиля, часто находящихся даже на разных континентах. Только задача управления этими объединениями требует применения целого комплекса частных общественных наук. В связи с этим государственно-монополистический капитализм наряду с применением чисто идеологических средств в целях апологетики и защиты незыблемости капиталистического строя все шире использует для решения конкретных проблем и частные общественные науки. Современная буржуазия, учитывая при этом рост общего престижа науки в наше время и стремясь «онаучить» методы и средства своего господства, расчетливо уделяет немало внимания и средств созданию условий для исследовательской деятельности. Ученый в капиталистическом обществе опутывается целой сетью всевозможных буржуазных уз и представлений, порвать которые оказывается совсем не просто.

Проблема сознательного выбора исходных принципов мировоззрения и социальной позиции не является ни проблемой чисто этической, ни проблемой чисто идеологической. Она есть также проблема выбора научного метода, проблема выбора направления научных исследований. Развитие буржуазных частных, эмпирических общественных наук, изучающих отдельные структурные элементы общества и исходящих из рассмотрения этого общества как какого-то равновесного и неизменяющегося образования, приводит к разрыву между накоплением эмпири-

---

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 316—317

ческого материала и его обобщением, к измельчению проблематики общественных наук, заводит их в тупик.

Рассматриваемая под этим углом зрения проблема выбора мировоззрения и социальной позиции есть одновременно и проблема создания условий для успешной научной деятельности каждого отдельного исследователя.

2. Развитие общественных наук на основе практики коммунистического строительства

Качественное изменение характера исторического процесса, социальной практики с переходом к социализму и коммунизму изменяет роль общественных наук, роль ученых в процессах общественного развития.

Успехи социалистического строительства наглядно подтвердили истинность марксистского учения как основы и метода познания и преобразования социальной действительности.

Однако усложнение задач коммунистического строительства требует дальнейшего развития сферы социальных наук, совершенствования методов, форм организации, использования выводов и результатов исследовательской деятельности. В настоящее время мы можем говорить о трех исторически сложившихся направлениях обществознания, специфика которых должна учитываться и тогда,когда речь идет о производстве, и тогда, когда речь идет о применении социально-научного знания.

Группа исторических дисциплин образует первое направление развития общественных наук. Эта группа дисциплин исследует механизм действия и проявления общих законов социального развития в исторически конкретных ситуациях, выявляет специфические исторические закономерности общественного процесса, изучает индивидуальное и особенное в истории с тем, чтобы на базе этого исторического знания лучше понять наше сегодня и завтра. Роль исторической науки в формировании и воспитании сознания миллионов людей трудно переоценить.

Второе направление развития общественных наук образует группа наук, изучающих отдельные стороны явлений общественной жизни, практическую и духовную деятельность людей в различных сферах разделения общественного труда. Основной задачей их является исследование специфики действия социальных законов в тех или иных практически значимых конкретных областях общественной жизни и деятельности, но главным образом в связи с раскрытием внутренней логики развития тех или иных процессов и явлений.

И, наконец, третье направление образуют воззрения на общество в целом. Они имеют целью понять развитие общества как единого целого, объяснить его происхождение и развитие, дать теорию общественного развития в прошлом, настоящем и будущем.

Область развития частных (специальных, конкретных) общественных наук, наиболее тесно связана с потребностями социальной прак-

тики и в силу этого обладает черезвычайно динамичной структурой, выполняя функции посредствующего звена между общей теорией (историей и философией общественного развития) и требованиями практики.

Так, бурное развитие производства и усложнение экономических отношений, характерное для нашего времени, ведут к появлению и развитию множества технико-экономических и отраслевых экономических наук; возрастание роли субъективного фактора в процессе общественного развития, выход народных масс на арену истории, вызывают бурное развитие политических наук и т. д.

Качественное изменение характера исторического процесса с переходом к социализму и строительству коммунизма, который возможен только как результат сознательного исторического творчества самих масс, вызывает необходимость научного управления социальными процессами и привлечения все более широкого комплекса специальных наук для целей социального управления. Здесь важное место занимают специальные общественные науки.

Совершенно ясно, что ни группа исторических дисциплин, ни группа дисциплин, описывающих развитие общества в целом, не ставит своей целью выполнить задачи конкретного управления, скажем, развитием классовых, национальных, трудовых и иных общественных отношений, задачи направления изменения характера труда, организации досуга населения и т. д. Ни группа исторических, ни группа философских общественных наук не может непосредственно обеспечить решения на научной основе (т. е. обоснованно, рационально,со знанием дела, оптимально и т. д.) сегодняшних конкретных задач социального развития общества.

Но и частные общественные науки не всегда могут эффективно решать эти задачи. Складываясь исторически как отклик на решение определенных узких задач, как изучение отдельных общественных явлений и процессов с целью выявления их специфики и вне органичной связи с целым, частные науки, в том виде как они есть, не всегда оказываются в состоянии помочь решению управленческих задач. Например, проблемы государства и права, исследуемые правовой наукой со времени своего возникновения, рассматривались в тесной связи с жизнью общества, с законами общественного развития. Но эта связь осуществлялась в основном на уровне социальной обусловленности государства и права в целом.

Однако развитие общественной практики, потребности в управлении и преобразовании правовых отношений выявили необходимость исследования социального значения отдельных правовых институтов и даже отдельных правовых норм. Перед правовой наукой встала необходимость решения конкретных правовых вопросов: «насколько правильно правовые нормы отражают требования жизни, соответствуют ли они реальному положению вещей, способствуют ли дальнейшему развитию фактических общественных отношений, закрепляют ли именно те отношения, которые должны быть закреплены», насколько социально эффективны отдельные виды права (трудовое, колхозное, семейное и

т. д.), правовые институты и нормы в их конкретных проявлениях[6] и т. д.

Где и как могут решаться задачи такого рода? Вероятно, в рамках соответствующих частных наук. Ибо, как правильно отмечает В. Н. Кудрявцев: «Выделение этих исследований в самостоятельную область, отрыв от существующих отраслей права и правовых дисциплин, означал бы обеднение, схематизацию последних и вместе с тем привел бы к тому, что социально-правовые исследования утратили бы свою практическую направленность. Поэтому я думаю, что социально-правовые исследования есть необходимый аспект в изучении права, проходящий по линии его разграничения и связи с социологией, но не самостоятельная дисциплина»[7].

Сегодня мы можем говорить о появлении таких «необходимых аспектов» почти во всех частных общественных науках. Не является ли это признаком и доказательством появления (или необходимости появления) особого направления в развитии общественных наук? На наш взгляд, безусловно является.

Понимание общества как целостной системы невозможно только в рамках теоретического понимания его именно как целого, а также и в рамках узко практических, эмпирических знаний свойств отдельных элементов. Для целей научного управления процессами создания материально-технической базы коммунизма, развития социалистических общественных отношений и коммунистического воспитания народа возникает необходимость дополнения основных направлений развития общественных наук новым направлением, которое в отличие от группы исторических наук было бы не только своими целями, но и содержанием обращено к настоящему и будущему. В отличие от группы философских наук об обществе в рамках этого направления должны изучаться социальные процессы и деятельность людей в сегодняшних исторически определенных ситуациях. В отличие от группы частных наук — исследоваться социальные явления и процессы в их взаимосвязях и взаимозависимостях между собой и социальным целым. Основной чертой этого направления общественных наук должна являться комплексность исследования, способность привлекать к решению конкретных задач весь круг необходимых дисциплин и методов.

Это направление развития общественных наук сегодня получило уже права гражданства.

Комплексные исследования могут осуществляться и с целью решения фундаментальных теоретических проблем, но могут подчиняться и целям непосредственно практическим. В связи с этим и для связи отдельных теоретических дисциплин с практикой и для проведения в практических целях комплексных исследований важное значение приобретает развитие прикладного знания в сфере общественных наук как посредствующего звена между фундаментальными теоретическими иссле-

---

[6] См. В. Н. Кудрявцев. Социологический анализ правовых явлений. В кн. О структуре марксистской социологической теории. МГУ, 1970, стр. 57.

[7] Там же, стр. 60.

дованиями и практикой. В противоположность общетеоретическим наукам, которые исследуют и вскрывают сами законы, например, экономической жизни общества, прикладные науки и разделы обществознания, исходя из общей теории и на основе изучения конкретных механизмов действия, вырабатывают конкретные практические рекомендации и предложения.

«Когда исследовательская. . . наука, — писал Т. Павлов, — устанавливает какую-нибудь новую закономерность. . . А после этого сделанное открытие должно быть применено на практике. . . то оказывается, что сам процесс его использования» представляет «чрезвычайно сложный вопрос, который, со своей стороны, требует специальных научных наблюдений, исследований,опытов[8]». Этот процесс в области социального развития и должен совершаться с помощью специальных прикладных отраслей обществознания.

Именно необходимость планирования и управления конкретными социальными процессами, которые осуществляются в сегодняшней непосредственной деятельности людей, необходимость вовлечения в сознательное историческое творчество всех индивидов, то есть неотложные потребности социального развития, требуют прикладных социальных исследований.

Каким же образом формируется эта отрасль обществознания?

На наш взгляд, сегодня можно отметить три основных момента этого процесса. Первым источником прикладного направления исследований являются исследования, проводимые в частных общественных науках. Приведенный нами выше пример организации таких исследований в правовой науке служит тому наглядным примером.

Вторым источником прикладного знания является развитие направлений конкретных социологических исследований: социологии науки, социологии семьи, социологии труда и т. д.

Эти два источника формирования прикладной области общественного знания выражают одну из основных тенденций развития современной науки к ее дифференциации,к возникновению новых наук на стыке старых. Они должны быть дополнены источником возникновения новых наук, рожденных потребностями изучения ранее незаметного, но вдруг ставшего практически значимым объекта исследования.

И, наконец, третьим источником формирования прикладной области общественного знания является объединение нескольких ранее самостоятельных направлений исследований. Это стремление к комплексности, к интеграции, к единству научного знания также в конечном счете есть следствие практической потребности в целостном, всеохватывающем подходе к исследованию общественных явлений.

Прикладной аспект исследования в обществознании впервые возникает на основе и для обслуживания потребностей различных общественных наук.

Прикладное знание выделяется в относительно самостоятельную

---

[8] Т. Павлов. Избранные философские произведения, т. 1, стр. 160—161.

область на базе потребностей общественной практики, и в частности, реально осознаваемой необходимости управления социальными процессами, которая неизбежно и все больше направляет развитие частных общественных наук на решение этой прикладной проблематики.

Однако последняя может успешно разрабатываться не на чисто эмпирической базе (развитие буржуазной социологии является наглядным свидетельством этому), на пути концептуального подхода к исследуемым проблемам, исходя из принципов философско-социологической теории. Сегодня только исторический материализм может представлять такую теорию.

Исторический материализм, созданный Марксом и Энгельсом и развитый В. И. Лениным, является общей теорией исторического процесса, философской наукой об общих законах и движущих силах истории, вскрытых на основании материалистического решения основного вопроса философии. Поэтому без исторического материализма как философско-теоретической и методологической базы не могут успешно развиваться ни область исторического и конкретно-научного теоретического знания, ни область прикладного общественного знания.

Однако надо иметь в виду, что с развитием этих последних меняются и те требования, которые предъявляются к самому историческому материализму, в связи с чем он сам должен претерпеть определенные изменения. Речь идет не только о некотором изменении или дополнении его проблематики и категорий, а о подъеме его на новый уровень развития.

В условиях коммунистической формации исторический материализм должен выступить теоретической основой всех наук, которые непосредственно служат созидательным задачам, планированию и управлению социальными процессами.

Практика коммунистического строительства очень остро ставит вопрос о необходимости творческой разработки всех уровней, аспектов и компонентов обществознания. Л. И. Брежнев в докладе о 50-летии СССР отмечал, что успехи коммунистического строительства во многом зависят от развития марксистско-ленинской теории. Партия всегда поддерижавала и будет поддерживать новаторский, ленинский подход к изучению сложных общественных явлений, и усилия теоретических кадров, направленные на развитие общественной теории на творческий анализ действительности. И только идя по этому пути, общественная наука сможет внести свой вклад в решение актуальных теоретических и практических проблем нашей эпохи, в решение задач развития общества по пути к коммунизму.

ГЛАВА 9

СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЯ

1. Сущность политического сознания как отражения

Политика и политическое сознание возникают вместе с появлением классов и классовых антагонизмов.

Анализ сущности политического сознания необходимо предполагает рассмотрение: а) предмета отражения политического сознания; б) содержания политического сознания; в) специфики формы политического сознания как отражения и г) функций, которые политическое сознание выполняет в общественном развитии.

Разработанная классиками марксизма-ленинизма историко-материалистическая теория общества раскрыла главное, определяющее в социальном развитии. К. Маркс указывает, что «совокупность . . . производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, над которым возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания».[1]

Вскрывая специфику отношения между экономикой и политикой, В.И. Ленин определяет политику как концентрированное выражение экономики, ибо в сфере политики наиболее прямо и непосредственно выражаются материальные экономические интересы общественных классов. Вместе с тем политика не сводится к экономике, являясь особой сферой общественной жизни — политической надстройкой.

Политическая надстройка выделяется в системе общественной надстройки в качестве относительно самостоятельного образования, имеющего свою внутреннюю структуру и специфику. Политическая надстройка охватывает те явления, которые в своей совокупности составляют политическую сферу общественной жизни, включающую в себя политические отношения, политические организации, учреждения и их деятельность, а также политические идеи и теории.

Политическое сознание в этой структуре органически связано с политикой как формой общественно-исторической деятельности. «Политика, — пишет В. И. Ленин, — есть *отношение* между нациями, клас-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 6—7.

сами и пр. . . Политика есть участие в делах государства . . . определение форм, задач, содержания деятельности государства. . .»[2]. В этом определении В. И. Ленин имеет в виду политику как социальную деятельность и не затрагивает вопроса о природе политического сознания. Политическое сознание нельзя отождествлять с политикой. Особенности политического сознания,на наш взгляд, правильно схвачены в следующем определении: «Политическое сознание есть наиболее непосредственное отражение экономических отношений и интересов. В политическом сознании эти отношения выражаются: а) в виде представлений и учений об отношениях между классами, нациями и об отношении к государству; б) в виде сознания и чувства классовой солидарности членов одного и того же класса или дружественных классов и вражды к классовым врагам, сознания чувства патриотизма у рабочего класса, сочетающегося с интернационализмом; в) в виде побуждений воли класса, направленной на обладание государственной властью и выражаемой в постановке определенных целей»[3]. Политическое сознание есть предпосылка формирования политических отношений и политической деятельности. Без определенных политических идей и представлений невозможно существование политики как особой формы социальной практики. Экономический базис выступает объективным основанием и политики и политического сознания. Экономическое положение каждого класса есть объективная основа его социально-политической деятельности, которая направлена на осуществление определенных политических принципов, идей и представлений. Существующими экономическими отношениями определяются в конечном счете позиции отдельных классов, наций, политическое устройство общества, функции государственной власти и т. д.

Возьмем, например, политическое сознание мелкой буржуазии. Последнее неизбежно несет на себе отпечаток двойственного положения этого класса. С одной стороны, политическое сознание мелкой буржуазии может характеризоваться протестом против эксплуатации, демократизмом, патриотизмом и революционностью. В то же время в политическом сознании мелкой буржуазии отражаются её частнособственнические интересы, иллюзии, стремления и пр. Противоречивое положение мелкой буржуазии в структуре капиталистического общества порождает и противоречивое политическое сознание, непоследовательность мелкой буржуазии, ее неспособность видеть закономерный характер социального прогресса, ее готовность к беспринципным компромиссам и др. «Мысль представителей мелкого буржуа, — отмечал К. Маркс, — . не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводят практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и

---

[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 72; т. 49, стр. 369; т. 33, стр. 340.

[3] Г. М. Гак. Учение об общественном сознании в свете теории познания. М., 1960, стр. 109.

вообще отношение между *политическими* и *литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют»[4].

Политическая идеология — важнейшая форма общественного сознания. В ней наиболее полно отражаются экономические и политические интересы общественных классов, отношения между ними, политический строй общества, деятельность политических партий. Ядром политической идеологии является теоретически обоснованное отношение классов и партий к государственной власти.

Политическая идеология представляет собой систему социально-политических убеждений того или иного класса. В ней выражены интересы, цели, задачи и стремления классов и социальных групп, программы деятельности партий. Важное место в политической идеологии занимают вопросы взаимоотношений наций и классов, наций и государства, межнациональных взаимосвязей, проблемы войны и мира. Политическая идеология выступает орудием как внутренней, так и внешней политики государства.

В классово-антагонистическом обществе основой политической идеологии всегда являются принципы утверждения эксплуататорского строя, деления общества на бедных и богатых, закрепления прав и привилегий имущего класса и поэтому она не может быть научной.

Даже политические идеи буржуазии в период, когда она была прогрессивным, восходящим классом, не отражали научно политическую реальность, ибо идеализировали нарождающееся капиталистическое общество, затушовывали противоречия, которые оно с собой несло, опирались на идеалистическое понимание общества. Современная буржуазная политическая идеология, выполняющая функцию защиты и оправдания отживающего социального строя, является сугубо реакционной.

Единственно научной является политическая идеология рабочего класса, марксистско-ленинская политическая идеология. Основываясь на научном понимании истории, она объективно отражает политическую структуру классового общества, является могучим идейным оружием рабочего класса, трудящихся масс во главе с коммунистической партией в борьбе за революционное переустройство общества, строительства социализма и коммунизма. В политическом сознании социалистического общества выражаются общие интересы рабочего класса, класса крестьян-кооператоров и трудовой интеллигенции. На этой основе создается социально-политическое единство социалистического общества. Таким образом, новый экономический базис и социалистические отношение находят конкретно-историческое выражение в новом типе политического сознания.

Отражение объективных экономических и политических процессов в сознании людей осуществляется на различных уровнях и в различных формах. Высший уровень политического сознания — это его теоретическая часть, политическая идеология. Политическая идеология есть стройная система определенных теорий, принципов, категорий, в которой

---

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 148.

отражается объективное положение классов в системе общественных отношений и выражаются их основные экономические и политические интересы. Главная специфическая особенность политической идеологии состоит в том, что она отражает экономическое положение классов через призму их борьбы за государственную власть и использование этой власти в своих интересах. Поэтому ни одна из форм идеологии не выражает так ярко интересы различных классов, как политическая идеология.

Формирование политической идеологии является сложным и противоречивым процессом. И не всегда объективные закономерности общественного развития находят в не адекватное отражение.

Во всех классово-антагонистических формациях частная собственность на средства производства порождает диаметрально противоположные социальные интересы, находящие выражение в идеологии различных классов. В классовом обществе, как правило, интерес господствующего класса представляется в качестве общественного, общенародного. Однако далеко не всякий классовый интерес совпадает с интересами всего общества. Классовые интересы совпадают с интересами общества лишь в том случае, когда они выражают объективные потребности социального развития. Только с уничтожением эксплуатации и частной собственности на средства производства, то есть в социалистическом обществе, создаются условия для единства личных, групповых и общественных интересов. Это единство находит адекватное отражение в политическом сознании социалистического общества и содействует его ускоренному развитию. Социализм есть такой общественный строй, который отвечает интересам всего общества,воплощает коренные интересы отдельных личностей и коллектива. В его политической идеологии выражено своеобразие конкретно-исторического взаимодействия личных и общественных интересов. Их правильное сочетание есть один из факторов, который активно содействует укреплению социально-политического и морального единства народа.

Политическое сознание при социализме развивается в условиях, когда все еще существуют объективные предпосылки, порождающие соответствующие противоречия между личными, групповыми и общественными интересами. Так, при социализме сохраняется ряд социальных различий между рабочим классом и крестьянами-кооператорами, между городом и деревней, между умственным и физическим трудом и т. д. Эти социальные различия порождают определенные политические воззрения, которые являются непосредственным отражением личных и групповых интересов, не всегда полностью совпадющих с интересами общества в целом. Но эти противоречия не имеют антагонистического характера. Их своевременное раскрытие и решение облегчает процесс формирования и совершенствования политического сознания социалистического общества. В социалистическом обществе существует единство коренных интересов классов и социальных групп, основанное на общественной собственности на средства производства и отсутствии эксплуатации. Однако для укрепления единства трудящихся важную роль играет политика, которая ставит своей целью найти правильное сочетание коренных интересов всего общества и специфических ин-

тересов отдельных социальных групп. В условиях строительства развитого социалистического общества происходит процесс дальнейшего сближения отдельных социальных групп и классов, их политических взглядов, идей, чувств и пр. Социалистическая политическая идеология становится выражением интересов всех членов общества.

Конечно, в процессе общественно-исторического развития возможно возникновение определенных противоречий между общественно-политической практикой и существующими политическими идеями и взглядами или даже просто наличие политических ошибок, порожденных субъективизмом, и проявляющихся при оценке политических событий.

Политическая идеология классов выражается посредством партийных программ, манифестов, деклараций, решений и пр. Они имеют важное значение в организации борьбы классов в защиту своих интересов.

Политическая идеология характеризуется сложной внутренней структурой. В ее содержание включаются учения, политические принципы, категории, отражающие коренные интересы классов. Поэтому политическая идеология как компонент систематизированного уровня общественного сознания является ядром, сердцевиной политического сознания.

Однако интересы классов выражаются также и на уровне отдельных взглядов, представлений и чувств, которые в несистематизированной форме отражают непосредственные экономические и политические условия существования различных классов и социальных групп. Эти взгляды помогают ориентироваться в общественно-политической ситуации, способствуют организации людей для защиты своих интересов. Такого рода политические взгляды основываются на эмпирическом познании объективных процессов и потому касаются лишь поверхности явлений. Они имеют сложную структуру, в которой могут быть выделены следующие компоненты: а) эмпирические (правильные и неправильные) знания экономического положения различных социальных групп и классов и политического устройства общества; б) нормы поведения, определяющие отношение человека к государству и обществу и основанные на общественном мнении среды, окружающей индивида; в) политические традиции, возникшие в ходе исторического развития классов и социальных групп; г) совокупность чувств, мыслей, настроений, воли, привычек, некоторых характерных черт поведения, возникающих в социальных группах на основе общих условий их существования. Эта система отдельных политических взглядов — социальная психология — по своей сущности представляет собой субъективное отражение лишь того узкого круга непосредственных политических отношений, в которые вовлекается субъект в процессе его жизни и деятельности. Социальная психология играет определяющую роль в генезисе политической идеологии классов.

Формирование политического сознания любого класса, именно как класса в целом,начинается на уровне социальной психологии. Идеология в качестве систематизированной части политического сознания, как система определенных идей, учений, принципов и т. д. возникает

значительно позже. Иное дело, что вооруженный собственной политической идеологией, пролетариат выходит на арену классовой борьбы с ясно сформулированной стратегией и тактикой, становится действительно самым революционным классом. Рабочий класс в процессе революционной борьбы против капитализма развивает свое политическое сознание, воспитывает в себе высшие качества: последовательность, твердость, решимость, беспредельную верность делу социализма и др.

Однако и с появлением политической идеологии социальная психология не исчезает. Эти уровни политического сознания сосуществуют, активно дополняя друг друга. Даже в эпоху социализма политические чувства, стремления, влечения и настроения имеют большое значение в развитии общества. Политические настроения активно воздействуют на сознание и поведение масс. В. И. Ленин особенно высоко ценил формирование революционных настроений пролетариата в условиях капитализма и их сознательное использование их в интересах победы социалистической революции. Логика классовой борьбы такова, что рабочий класс или поднимается до уровня носителя социалистической идеологии и социалистических преобразований, или долгое время остается в плену мелкобуржуазных реформистских движений. В этом отношении очень большую роль в сознании классовых интересов пролетариата, в превращении его из «класса в себе» в «класс для себя» играет политическая идеология.

Итак, политическая идеология любого класса возникает в результате осознания классом своих интересов и выражается в определенной системе политических взглядов и идеалов.

Выражая цели классов, идеология активно содействует организации сил класса для осуществления поставленных политических задач. С ее помощью формируется политическое поведение класса, выбираются формы и методы классовой борьбы,определяются пути захвата политической власти, политическое устройство общества и пр.

Политика и политическое сознание в конечном счете определятся экономическими интересами и отношениями, но в то же время они обладают известной автономностью. Эта особенность политического сознания имеет существенное значение для понимания его роли в общественном развитии.

Политическое сознание призвано активно содействовать укреплению экономических отношений, формированию и развитию политических отношений в обществе. Воплощенное в программные документы коммунистических партий, политическое сознание оказывает сильное воздействие на все сферы общественной жизни. Оно служит могучим средством идеологического воспитания масс, повышения их социалистической сознательности и организованности, является важным фактором развития и совершенствования всей системы социалистических общественных отношений.

2. Специфика правового сознания

Правосознание тесно связано с другими формами общественного сознания, но прежде всего оно связано с политическим сознанием. В правовых взглядах господствующий класс конкретизирует и формулирует те политические требования, которые он стремится провести « в общей форме, т. е. в форме, имеющей принудительную силу для всего общества»[5].

Человеческое общество всегда нуждалось в общественной дисциплине. В условиях первобытнообщинного строя дисциплину обеспечивали нормы морали. В условиях классовых обществ в общественных отношениях возникают сложные противоречия, порожденные, с одной стороны, возросшей взаимной обусловленностью производственной деятельности индивидуумов, а с другой — возникновением частного способа присвоения, частной собственности. Отсюда и вытекает необходимость обеспечения общественной дисциплины посредством формально определенной регламентации поведения находящихся в определенных общественных отношениях людей, установления юридических прав и обязанностей для субъектов, участвующих в этих отношениях.

Специфика социальной потребности в правовой регламентации дает возможность выделить правосознание как элемент особого надстроечного образования, как специфическую форму общественного сознания, не тождественную с политическим моральным сознанием. Правосознание, как и вся правовая часть надстройки, хотя и обладает относительной самостоятельностью по отношению к другим надстроечным явлениям, вместе с тем связано с ними. Теснее всего правосознание связано с политической частью надстройки и политическим сознанием.

Общественная потребность в правовой регламентации в классовом обществе осуществляется в условиях, при которых отношения людей выступают не просто как отношения одного индивидуума к другому, а как «отношения рабочего к капиталисту, фермера к земельному собственнику и т. д.»[6].

Объективная непримиримость антагонистических классовых интересов обусловливает различные взгляды по основным вопросам правовой регламентации у членов противоположных классов. Вот почему для реализации правовых взглядов экономически и политически господствующего класса в механизме правовой надстройки существует особый инструмент — нормы права. Как общественно-организующая сила, нормы права являются общеобязательными правилами поведения для всех членов данного общества независимо от того, соответствуют ли эти правила взглядам всех индивидуумов общества или нет. Так что правосознание нельзя отождествлять с ними.

Наряду с правосознанием и нормами права, третьим элементом пра-

---

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том 33, стр. 283.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 125.

вовой надстройки являются правоотношения. Они выражают то или иное фактическое общение людей, регулируемое правовыми нормами. В отличие от других идеологических отношений, которые складываются, проходя через сознание людей, для возникновения правоотношений этого недостаточно в том смысле, что правоотношения возникают на основе реализации норм права как выражения воли господствующего класса.

Содержание правоотношений в сравнении с нормами права богаче: требования, составляющие содержание правовых норм, выражены в них в общем виде и получают дальнейшую конкретизацию лишь в реальных практических отношениях между людьми.

Правосознание, нормы права и правоотношения представляют собой относительно самостоятельные элементы правовой надстройки, каждый из которых выполняет свою особую роль в едином процессе ее функционирования. Правовая же надстройка со своей структурой включается в структуру общественной надстройки.

Право «регистрирует» объективно назревшие и фактически сложившиеся определенные общественные отношения. Энгельс пишет: «чтобы получить санкцию в форме закона», экономические факты во всяком отдельном случае «должны принимать форму юридического мотива»[7]. Так что между экономическими отношениями и их выражением в правовой надстройке выявляется следующая связь: экономические отношения — правосознание — право — правоотношения. Исходным элементом в правовой надстройке является правосознание, а не правоотношения. В противном случае следовало бы признать наличие правоотношений до их охвата правовой регламентацией. Это противоречило бы марксистской установке, что правоотношения имеют государственно-волевой характер[8, 9]. Фактически сложившиеся практические общественные отношения, касающиеся существенных интересов классов и в связи с этим нуждающиеся в правовой регламентации, не тождественны с правоотношениями, не совпадают с ними. Правоотношения в любом случае представляют собой новый вид общественных отношений. Они не «поглощают» общественные отношения, регулирующиеся правом, а укрепляют и направляют их развитие.

Правосознание является идейным источником права. На основе права возникают правоотношения. При рассмотрении правосознания, права и правоотношений мы исходим из определения Маркса, что «право — это возведенная в закон воля господствующего класса». Конечно, в первую очередь нас интересует воля не как категория психологии, а как социологическая категория. Именно такого рода воля — социальная воля — как один из элементов отражения и выражения общественного бытия имеется в виду при анализе элементов правовой

---

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 312.

[8] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 322, 328.

[9] Там же, стр. 328.

надстройки. Социальная воля, выраженная в праве, имеет однозначный характер независимо от специфики правосознания разных социальных групп данного общества и от особенностей правосознания членов данного класса. Социальная воля господствующего класса проходит несколько этапов своего формирования и развития с тем, чтобы в конечном итоге найти выражение в качестве государственной воли.

В отличие от других идеологических отношений, правоотношения носят не просто сознательный, волевой, а государственно-волевой характер. Они не могут сложиться, если не предусмотрены нормами права. У того или иного лица могут быть превратные представления о содержании правоотношений, складывающиеся при определенных условиях; оно может забыть о своих юридических обязанностях и правах, однако это не устраняет появления определенных правоотношений, если их возникновение при определенных обстоятельствах предусмотрено нормами права. Содержание тех или иных правоотношений не зависит от воли конкретных индивидов, их правосознания.

Между правосознанием, правом и правоотношениями возможны, а при определенных условиях неминуемы, противоречия и даже конфликты. Правосознание, обеспечивающее связь правовой надстройки с базисом, представляет собой самый подвижный, быстро реагирующий на изменения исторических условий элемент правовой надстройки. Задачи, которые встают перед обществом в ходе развития его материальной жизни,в любой период трансформируются в сфере правосознания с точки зрения назревающих потребностей в правовой регламентации. Поэтому будет правильным считать, что до того как быть сформулированным в норме права, экономически необходимое возникает в сознании как должное, как реакция на развитие материальных условий существования класса. Проходя через сознание, экономически необходимое фиксируется в новых нормах права, а затем закрепляется в новых юридических институтах.Отставание отдельных правовых институтов и норм права от развития правосознания как раз и объясняется тем, что правосознание раньше отражает назревшие потребности общественного развития. В результате этого между отживающими нормами права и прогрессивными правовыми взглядами неминуемо возникают противоречия, которые в социалистическом обществе не носят антагонистического характера и в большинстве случаев своевременно устраняются.

Практическая функция правосознания осуществляется двояко: во-первых, правосознание является непосредственным идейным источником норм права и, во-вторых, правосознание оказывает обратное влияние на общественное бытие посредством идеологического и психологического воздействия на поведение лиц. Если индивидуум поднимается до сознания выраженных в праве интересов той социальной группы, к которой он принадлежит, и убежден в их необходимости и справедливости, то выполнение им нормы права обеспечено. Обратное влияние правосознания на общественное бытие является наиболее эффективным именно при формировании и укреплении в сознании масс твердых правовых убеждений.

Сказанное до сих пор касается специфики правосознания как особого элемента в структуре общества, как элемента правовой надстройки. Выяснение места и роли правосознания в системе взаимосвязанных и взаимозависимых общественных явлений служит основой для анализа его внутренней структуры. Внутренняя структура правосознания определяется социальными потребностями, его ролью в общественной жизни.

Что же отражает правосознание как особая форма общественного сознания? Какие исходные элементы общественного сознания включены в правосознание, какова их специфика?

Правосознание, как и другие формы общественного сознания, возникает на основе объективных потребностей общественного развития. Однако для возникновения правосознания объективные потребности должны быть познаны и осознаны. Осознание этих потребностей осуществляется сквозь призму интересов определенного класса. Следовательно, необходимы не только взгляды, но и социальные чувства и воля для того, чтобы правосознание выполнило свою познавательную функцию. Это соответствует сформулированному Энгельсом положению, что «воздействия внешнего мира на человека запечатлеваются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, проявлений воли»[10].

Мысли, чувства и воля являются необходимыми исходными элементами единого интеллектуально-эмоционально-волевого процесса социального познания. Социальные чувства, обладающие высокой степенью обобщенности, порождаются общественной жизнью. Многообразие социальной действительности обусловливает не только многообразие взглядов, понятий, но и многообразие социальных чувств. Содержание высших социальных чувств выражает наше отношение к явлениям действительности, фиксирует их ценность и значимость для определенной социальной группы.

Человеческое сознание существует в действительности как единый понятийно-эмоционально-волевой процесс. Еще Гегель правильно отмечал: «. . . не надо представлять себе, что человек является, с одной стороны, мыслящим, и с другой стороны, волящим, что у него в одном кармане мышление, а в другом воля»[11]. . . Попытки изолировать в сознании рациональное, эмоциональное и волевое, раскрыть диалектику духовного мира человека. Взаимодействие между мышлением, социальными чувствами и волей в формах общественного сознания настолько тесное, что при рассмотрении процесса отражения трудно провести между ними разграничительную линию, тем более что в живом человеческом сознании такой разграничительной линии нет. В процессе отражения действительности мышление, социальные чувства и воля взаимодействуют друг с другом, благодаря чему отражение получает многостороннее воплощение. Однако с целью научного

---

[10] К. Маркс. и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 290.

[11] Гегель. Сочинения, т. VII. М., 1934, стр. 32—33.

анализа живого человеческого сознания мы можем выделить как относительно самостоятельные элементы понятия, взгляды, чувства и волю. В пределах единого познавательного процесса в живом человеческом сознании каждый из этих элементов имеет определенные границы своих возможностей.

В социальных чувствах выражаются отношения к предметам и явлениям социальной действительности. В этом и состоит специфика эмоциональной стороны отражения. Классики марксизма-ленинизма в своих трудах неоднократно касались вопроса о гносеологической роли социальных чувств. «Без человеческих эмоций, — пишет Ленин, — никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины»[12].

Поскольку правосознание принадлежит к формам общественного сознания, призванным обслуживать потребности в особой социальной регламентации, то для него характерно отражение действительности в виде требований, предъявляемых к поведению данного лица. Поэтому волевой и эмоциональный элементы наряду с понятиями являются мощными стимулами определения поведения; они необходимы как для возникновения правосознания, так и для реализации его практических функций.

Необходимым элементом правосознания являются прежде всего специфические понятия — правовые. Они возникают как результат отражения общественного бытия через призму потребностей специального рода социальной регламентации — правового регулирования. Основными элементами, свойственными только правосознанию, являются юридические права и обязанности. Из этих элементов правосознания выводят и остальные правовые понятия: субъект права, право в объективном и субъективном смысле, преступление и наказание, законность, порядок права, правосудие и др. Отдельные стороны человеческого бытия отражаются в правовых понятиях, проходя сквозь призму потребностей правовой регламентации. Широкий круг правовых понятий обусловливается многообразной практикой человека, которая нуждается в правовой регламентации. В результате этого возникают разнообразные отрасли права — гражданское, государственное, уголовное, административное, семейное и т. д. — с характерными для них правовыми понятиями конкретных юридических наук.

Основные понятия — юридические права и обязанности, субъект права, правонарушение — свойственны каждому типу правосознания. Основные юридические понятия обусловлены материальными условиями, являются отражением действительности. «Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»[13].

В правовых понятиях, имеющих смысл для всех типов правосоз-

---

[12] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 112.

[13] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 190.

нания, зафиксировано общее, характерное для всех общественно-экономических формаций, нормативное функционирование которых объективно нуждается в правовом регламентировании. Основные правовые понятия, если их рассматривать в историко-материалистическом аспекте, относятся к таким категориям, которые отражают явления и отношения, существующие в нескольких общественно-экономических формациях.

Структура основных понятий всех типов правосознания — рабовладельческого, феодального, буржуазного, а также и социалистического — объясняется как классовой, так и общественно-организующей сторонами социальной потребности, порождающей и обусловливающей существование правосознания как одной из форм общественного сознания. Необходимость основных правовых понятий для всех исторических типов правосознания, однако, не означает, что эти понятия везде тождественны. Наряду с общим, свойственным всем общественно-экономическим формациям, в содержание основных правовых понятий входит и особенное, соответствующее уровню развития производительных сил и производственных отношений, выражающее специфику меняющихся интересов каждой социальной общности. Для всех досоциалистических типов правосознания общее, например, сводится к отражению отношения господства и эксплуатации в рамках той или иной формы частной собственности, к отражению господствующего положения эксплуататорских классов в обществе.

Социалистическое правосознание принципиально отличается от предшествующих ему досоциалистических типов правосознания, ибо оно утверждается как господствующее на той ступени исторического развития, когда была ликвидирована частная собственность на средства производства и установлена власть трудящихся. Впервые в истории к власти приходят классы, чьи интересы полностью совпадают с объективными потребностями общественного развития. В этих условиях общественно-организующая сторона правосознания получает все возможности для своего развития. Коммунистическая партия, опираясь на знание объективных закономерностей общественного развития, использует власть в интересах всех трудящихся, в интересах прогрессивного развития общества в целом. В этом случае сама классовость правосознания проявляется уже по-иному. Воспринятые социалистическим правосознанием правовые понятия приобретают качественно новую специфику. Возникают принципиально новые понятия — понятие общественной собственности на средства производства и др., — вытекающие из социалистического принципа распределения по труду и пр.

Попытки обойти вопрос о социальной основе правосознания и по гегельянски интерпретировать изменение правовых понятий как развитие абсолютной идеи, предпринимаемые буржуазными авторами, препятствуют раскрытию сущности правосознания. Как возникновение, так и изменение присущих правосознанию понятий является продуктом объективных потребностей общественного развития, отраже-

нием изменений в общественном бытии и в первую очередь — в экономических отношениях.

Так, например, социалистическое правосознание как новый тип правосознания с присущими ему правовыми понятиями зарождается в недрах капиталистического общества в результате осознания конфликта между производительными силами и производственными отношениями. Получив теоретическое выражение в марксизме-ленинизме, социалистическое правосознание формируется и развивается в ходе осуществления социалистической революции, в борьбе за создание и развитие социалистического общества. Предмет отражения социалистического правосознания — это изменяющееся общественное бытие, отраженное с позиций трудящихся масс. Поэтому и возможно возникновение и развитие принципиально иных правовых взглядов.

Наряду с правовыми понятиями другим необходимым элементом внутренней структуры правосознания являются специфические социальные чувства — правовые чувства. Отрицательное отношение некоторых авторов к вопросу существования правовых чувств объясняется в значительной мере тем обстоятельством, что ряд буржуазных авторов, таких, как Петражицкий, Тард, Бирлинг, рассматривает правовые чувства с идеалистических позиций, как нечто возникающее из глубины психики индивидуума, как нечто иррациональное, неизменное, не связанное с условиями социальной жизни общества. Такая трактовка правовых чувств, разумеется, неправильна. Но из этого вовсе не следут, что правовых чувств не существует вообще. Правовые чувства существуют уже потому, что существуют правовые взгляды, ибо невозможно существование взглядов без чувств.

Общественное сознание включает в себя такие высшие социальные чувства, как моральные, правовые, эстетические, религиозные.В трудах классиков марксизма-ленинизма содержатся высказывания, свидетельствующие о возможности такого рода классификации социальных чувств. Ленин, например, говорил о существовании политическо-социального чувства[14], а Маркс и Энгельс — о чувстве права и законности[15].

Интересным в связи с этим является рассуждение С. Л. Рубинштейна, утверждающего, что «каждая новая предметная область, которая создается в общественной практике и отражается в человеческом сознании, порождает новые чувства», что высшие социальные чувства, которым свойственна высокая степень обобщенности, организуются «вокруг определенных объектов, или даже предметных областей. . . и определенных сфер деятельности»[16].

---

[14] См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 13.

[15] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 153.

[16] С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии, М., 1946, стр. 491—499.

Для правосознания эмоциональный уровень отражения необходим при осуществлении как познавательной, так и практической функции. Специфика потребности в особого вида социальной регламентации — правовой — составляет особый предмет отражения правосознания и необходимо находит свое выражение не только в рациональном, но и эмоциональном содержании правосознания. В чувствах объект этой формы сознания находит отражение посредством отношения людей к явлениям социальной жизни,оцениваемым с точки зрения соответствующего правового регулирования в исторически сложившихся условиях. Правовое чувство является непосредственно эмоциональным выражением необходимости и справедливости определенной правовой регламентации тех или иных отношений общения в данных общественных условиях. Оно содержит эмоциональную установку правомерного как должного. Оценка должного на эмоциональном уровне правосознания осуществляется с позиций интересов социальных общностей. Проявление правовых чувств может быть разным. Они приобретают соответствующий характер в зависимости от предметной направленности. Как правовые чувства они могут быть охарактеризованы только тогда, когда их возникновение обусловлено потребностью в правовой регламентации, когда в них проявляется отношение к той или иной действительности, являющейся предметом отражения правосознания. Именно этот предмет и эта специфика потребности придают определенный оттенок чувствам, переживаемым людьми по отношению к тем или иным социальным явлениям, нуждающимся в правовом регулировании.

Отсюда следует, что чувство права, обязанности, законности и пр. нужно отнести к чувствам, обладающим высокой степенью обобщенности. Эти чувства не адекватны моральному чувству долга, добра, зла и пр. В правовом чувстве в непосредственной форме фиксируется нуждающаяся в правовом регулировании связь интересов личности с интересами общества. Ее нельзя вывести из индивидуальной психики, она является не психологическим, а социологическим понятием. Правовые чувства могут существовать только в сознании индивидуумов, однако лишь в такой степени, в какой данный индивидуум является социальным типом, т. е. зависит от степени социализации индивидуума.

Для различных социальных групп характерно различное содержание правовых чувств. Правовое чувство может иметь разную степень развития в зависимости от социально-экономических условий, от уровня классового сознания и пр. Маркс указывает, что чувство права и законности может быть даже характерной чертой[17] социальных общностей.

Чувство права возникает на социальной основе и носит осознанный характер. Содержание и направленность правового чувства определяются потребностью правовой регламентации, которая соответствует данному этапу общественного развития; правовые чувства в

---

[17] См. К. Маркс. и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 153.

значительной мере обусловливаются изменяющимися интересами определенных социальных общностей. Другим элементом внутренней структуры правосознания как особой формы общественного сознания является воля. Базис не создает автоматически права, как и экономические отношения не создают непосредственно норм права. Воля как активная сторона сознания, выражающая целеустремленное отношение к бытию, выступает в качестве необходимого звена связи общественного бытия с правом. Без воли невозможна практическая реализация потребности правовой регламентации.

Все, что исторически назревает, не реализуется само собой, вне деятельности людей. Люди сознают потребности общественного развития в виде целей их деятельности. В связи с этим Г. В. Плеханов правильно указывает, что «всякая данная система отношений в значительной степени создана волей людей. . .»[18] Деятельность, направленная на правовую регламентацию, немыслима без воли, являющейся идеальным побудительным мотивом этой деятельности. Но это не означает, что право как общественное явление основано на воле и при том на свободной воле. Подобное утверждение было бы антинаучной трактовкой права. Ленин подчеркивает, что «необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное. Последние должны, неизбежно и необходимо должны, приспособляться к первой»[19]. . .

Классовые интересы дают направление формированию содержания правосознания разных классов. Благодаря волевому элементу осуществляется различная обработка одной и той же информации для обслуживания объективной потребности в правовой регламентации в исторически сложившихся общественных условиях. Если объективный ход исторического развития не соответствует интересам данного класса, то эти интересы могут обусловить направление, не соответствующее объективным потребностям общественного развития.

Воля есть необходимый элемент правосознания не только при осуществлении воздействия правосознания посредством права, но и без него. Характерным для правосознания является то, что в нем организуется воля людей, направленная на стимулирование определенного, соответствующего данному правосознанию, поведения. Эта функция воли в сфере правосознания определяет ее важное место, как органической составной части последнего.

Итак, в структуру правосознания включается три исходных элемента: правовые взгляды, правовые чувства и воля. Наличие между ними существенных связей, определяемых их направленностью на обслуживание особой общественной потребности, наличие единого специфического предмета отражения обусловливает их принадлежность

---

[18] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. М., 1958, т. 2, стр. 207.

[19] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 196.

к правосознанию как особой сфере духовной жизни общества. Каждый из этих элементов выполняет свойственную ему роль в едином процессе функционирования правосознания.

Поскольку специфическая общественная потребность в правовой регламентации, порождающей правосознание в качестве особой формы общественного сознания, осознается не только теоретически, но и эмпирически, то явления, составляющие предмет отражения правосознания, находят отражение на двух уровнях.

Теоретическому правосознанию свойственны черты структуры теоретического уровня общественного сознания. В него входят и относительно самостоятельный элемент, который условно можно назвать правовой идеологией — системой правовых идей, выражающих интересы и потребности класса в сфере правовой регламентации. Из всех возможных вариантов правового регулирования при данных фактических отношениях теоретики каждого эксплуататорского класса стремятся обосновать и отстаивать тот вариант, который больше всего соответствует его интересам.

При социалистическом общественном строе социалистический базис формируется после захвата власти пролетариатом, а теоретический уровень социалистического правосознания оформляется раньше, выражая правовую идеологию пролетариата. Теория социалистической революции в марксистской философии ведет к возникновению в правовой идеологии идеи о законности этой революции. Изменение основных элементов общественного бытия ведет к существенным изменениям содержания социалистического теоретического сознания по сравнению с правосознанием досоциалистических общественно-экономических формаций.

Так как каждый процесс отражения является понятийно-эмоционально-волевым, то правовые эмоции и воля участвуют в формировании тех или иных правовых теорий. Но результат отражения теоретического уровня правосознания выражается исключительно в рациональной форме. В содержание теоретического правосознания включают только правовые понятия, обладающие той или иной степенью общности. На эмпирическом уровне в правосознание включают правовую психологию и повседневное правосознание.

Анализ структуры правосознания обязывает нас высказаться и по вопросу о соотношении общественного и индивидуального сознания. Человеческое сознание существует только «как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей»[20]. Но это не означает, что общественное сознание является суммой индивидуальных сознаний. Соотношение между общественным и индивидуальным в правосознании есть сложное соотношение между целым и частью, между общим и единичным. К общественному правосознанию относятся только такие правовые взгляды и переживания, возник-

[20] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 87.

новение которых имеет в качестве основы характерные для данной социальной общности условия общественного бытия. Правосознание данного индивидуума тоже является общественным, но в его содержание, наряду с типичными для правосознания тех или иных социальных групп взглядами и переживаниями, обусловленными одинаковыми условиями их общественной жизни, входят и правовые взгляды и переживания, обусловленные особенностью жизни отдельного человека, его индивидуального бытия. Каждое общество находится в развитии, и поэтому наряду с новым в нем всегда, в той или иной степени, содержатся и элементы старого. В индивидуальном бытии отдельных людей эти старые элементы могут преобладать, например, в социалистической действительности в индивидуальном бытии могут сохраняться моменты, стороны досоциалистического бытия. Таким образом, правосознание состоит из общего, особенного и единичного. Вместе с тем существуют определенные различия как в сознании, так и в правосознании социальных групп общества.

Ленин учил, что в общественной психологии следует разграничивать и учитывать социальные группы, включая и их правовую психологию. Общественное сознание, как и общественное правосознание, сохраняется в целостности только как свойство сознания всей социальной общности. Вот почему Ленин ввел в научное обращение понятие «социальный тип». Имея в виду типичного носителя образа мышления и действия своего класса, своей социальной группы, он подчеркивает, что дело тут именно в социальном типе, а не в свойствах отдельных лиц.

Исследование специфики правосознания отдельных социальных групп в социалистическом обществе содействует успешному коммунистическому строительству. Уровень правосознания трудящихся является важным условием развития коммунистических отношений, активного участия в управлении обществом и государством, соблюдения государственной дисциплины и законности, поддержания правового порядка. Правосознание содействует укреплению политического сознания и коммунистической нравственности, и, наоборот, политическое сознание и коммунистическая нравственность являются важными факторами укрепления и развития социалистической законности и социалистического правового порядка.

ГЛАВА 10

ОБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВЫ И РЕГУЛИРУЮЩИЕ ФУНКЦИИ ПРАВА

1. Потребность, интересы и право

В условиях классового общества люди и их коллективы постоянно соприкасаются с правом, с его требованиями, запрещениями и дозволениями. Едва ли будет преувеличением сказать, что в современную эпоху право охватывает большинство сфер человеческой жизнедеятельности, сопровождает людей в их взаимоотношениях, регулирует, организует и направляет процесс общественного бытия любой классово-экономической формации. Естественно поэтому, что познание права и его использование в интересах народа — необходимое условие рационального функционирования и прогресса общественной системы, обеспечения нормального существования, деятельности и всестороннего развития членов общества.

Именно столь значительная роль права в жизни личности и общества издавна направляла усилия научной мысли на проникновение в его глубинные свойства, на обнаруживание и определение его сущности. Но, увы, не всегда эти усилия оказывались плодотворными. Как известно, попытки буржуазных теоретиков определить действительную сущность права до сих пор не увенчались успехом. Это вынуждены признать и сами наиболее крупные буржуазные правоведы. Так, западногерманский юрист К. А. Емге пишет: «Еще Кант сожалел о том, что юристы все еще ищут определение права. Полтора столетия философско-правовой дискуссии не облегчили решение задачи об определении права»[1]. Итальянский юрист Г. Веккио также отмечает, что эти слова Канта еще и ныне не утратили своего значения, что «неоднократные исследования, проведенные до сих пор по этому вопросу, еще не привели к такому результату, который пользовался бы общим признанием[2]».

Этот печальный вывод отнюдь не случаен. Рассматривая право в отрыве от материальных условий жизни общества, классовой борьбы и международной обстановки, буржуазное правоведение выводит его

---

[1] K. A. Emge. Recht und Psychologie. Gedanken über ihre Beziehung. Akademie der Wissenschaften und Literatur. 1954, № 1, S. 3.

[2] Georgi Del Vecchio. Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Basel, 1951, S. 336.

из мистического «духа», «абсолютной идеи» или «вечной справедливости», потустороннего «разума» или «основной нормы», мнимой «социальной солидарности» или «фактического порядка жизни» и т. д. и т. п., опираясь при этом на свою собственную интуицию, предчувствия, откровения[3]. Окончательно запутавшись в решении проблемы, буржуазные авторы объявляют ее либо не юридической, «метаюридической», либо вообще непознаваемой.[4]

Объективно и субъективно идеалистическое толкование правовых явлений привело буржуазных теоретиков к отмеченным спекулятивным конструкциям сущности права, тайну которых разоблачили ещё К.Маркс и Ф. Энгельс. Сорвав идеалистическое покрывало с многочисленных буржуазных теорий сущности права, они писали: «. . . ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса»[5].

Это указание основоположников научного коммунизма, вскрывающее классовую природу буржуазного права, дает ключ к пониманию классовой сущности любой правовой системы.

---

[3] Критика буржуазных теорий сущности права дана в многочисленных произведениях марксистских авторов. См., например, В. К. Райхер. Психологическая теория права в свете ленинской критики эмпириокритицизма. «Советское государство и право», 1940, № 7; М. А. Аржанов. Философское кредо американских юристов. «Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права», 1946, № 6; K. Opalek, J. Wroblewski. Pozyty prawnicky. «Panstwo i Prawi», 1954, № 1: В. А. Туманов. Критика современной буржуазной теории права. Госюриздат, 1957; Васил Захариев. Позитивистично-прагматична правна идеология у нас в служба на империализма и реакцията. «Известия на Института по философия. Българска академия на науките», том II, 1956; С. Л. Зивс. Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах. Изд. АН СССР, 1953; Его же, Развитие формы права в современных империалистических государствах. Изд. АН СССР, 1960; K. Polak. Dialektik und Positivismus in der Staats- und Rechtswissenschaft. «Zur Dialektik in der Staatslehre». Akademie-Verlag, Berlin. 1959. Гжегож Лепольд Сайдлер. Юридические доктрины империализма, Госюриздат, 1959; П. И. Гришаев. Критика буржуазной правовой идеологии. «Юридическая литература», 1964; Критика современной буржуазной теории права, сборник статей. «Прогресс», 1969.

[4] Так, Г. Кельзен пишет: «Факт возникновения и ликвидации права лежит за пределами юридического познания». Р. Паунд также пишет, что «действительная цель и задачи права непознаваемы».

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 443.

Признавая данное положение исходным, в советской юридической (равно как и в философской) литературе анализируются другие свойства и признаки сущности права и явно недостаточно раскрывается именно это классово-волевое его свойство.[6] Между тем вполне естественно возникает вопрос, почему же именно воля господствующего класса является основой права, главным, важнейшим, определяющим признаком его сущности? Почему нельзя сущностью права признать потребности, интересы или цели господствующего класса, общества в целом? Ответ на этот вопрос требует выяснения психологического и социального генезиса воли и ее значения в праве.[7]

Право создается благодаря определенной деятельности людей, равно как и цель его состоит в определенном воздействии на действия людей, их поведение, в регулировании их отношений между собой. Исходным же пунктом и движущим фактором любой человеческой деятельности являются потребности.[8] «Никто не может сделать что-нибудь, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — не делая этого вместе с тем

---

[6] Даже в специально посвященной понятию права статье С. С. Алексеева классово-волевая сущность права объявляется не вызывающей «каких-либо сомнений» (С. С. Алексеев. О понятии права. «Правоведение», 1970, № 1, стр. 20—29). Но то, что классово-волевая сущность права действительно не вызывает каких-либо сомнений, отнюдь не исключает необходимости дальнейшего, более углубленного ее познания, подобно тому, например, как это делается в данной же статье в отношении нормативности права (также, как известно, не вызывающей каких-либо сомнений).

[7] Т. Йонашку и А. М. Нашиц пишут: «Чтобы понять сущность такого сложного общественного явления, как право, необходимо раскрыть природу воли, выражаемой в юридических нормах, установить характер интересов и целей, которые удовлетворяются с помощью этих норм, определить специфические особенности содержания и воздействия права по сравнению с другими социальными нормами» (Т. Йонашку, А. М. Нашиц. К вопросу о сущности социалистического права. «В. И. Ленин о социалистическом государстве и праве». «Наука», 1969, стр. 303).

[8] Несмотря на столь существенное значение категории потребности теоретичееки она разработана в нашей литературе недостаточно. В. Н. Колбановский отмечает: «К сожалению, научная психология еще не раскрыла сущности и объективного значения потребности» «Вопросы философии», 1965, № 5, стр. 171. Д. А. Кикнадзе также пишет: «Потребностям еще не отведено соответствующее место в системе факторов поведения человека, еще не установлены с достоверностью конкретные закономерности возникновения и развития их социальной обусловленности, их роль в развитии индивида и общества» (Д. А. Кикнадзе. Потребности. Поведение. Воспитание. «Мысль», М., 1968, стр. 7).

ради какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности. . .»[9].

Потребности человека (группы, коллектива или класса) являются двигательной силой его деятельности, но они не являются ни чем-то первично данным, ни последней причиной человеческой деятельности. Будучи продуктом исторического развития, они в свою очередь детерминированы, т. е. имеют свои причины, которые оказываются, таким образом, побудительными силами этих побудительных сил.[10] Исходя из той предпосылки, что источники человеческих действий следует искать в побуждениях, характерных не для отдельных личностей, а для масс, и что в этих массовых побуждениях существенными являются лишь те, которые достаточно продолжительны и стойки, марксизм приходит к выводу, что первопричиной всех человеческих действий являются те общественные отношения, в которых люди находятся в процессе производства.[11]

Конечной основой деятельности людей выступает производство, потому что оно создает предметы, соответствующие потребностям, является определяющим детерминантом содержания данных потребностей, равно как и конкретно-исторических форм их удовлетворения. «Производство. . ., — писал К. Маркс, — создает потребление: 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) возбуждая в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт»[12].

Но и без потребностей, как отмечал К. Маркс, нет производства[13], которое возникает не самопроизвольно и не ради самого себя, а в целях удовлетворения потребности, потребления продукта потребности. Следовательно, они едины, причем их единство носит динамический характер. «. . . Каждое из них, — писал К. Маркс, — выступает как средство для другого и одно опосредствуется другим, что находит свое выражение в их взаимной зависимости. Это — движение, благодаря которому они вступают в отношения друг к другу, выступают как настоятельно необходимые друг для друга. . .»[14]

Производство под воздействием все новых и новых потребностей постоянно развивается и совершенствуется в силу необходимости удовлетворения этих потребностей, но вместе с тем оно как «побуждение к потреблению»[15] является первопричиной их возникновения. «. . .Сама удовлетворенная первая потребность, — писали К. Маркс и

---

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 245.

[10] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 307.

[11] См. там же.
т. 21, стр. 307.

[12] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 718.

[13] См. там же.

[14] Там же, стр. 719

[15] Там же, стр. 718.

Ф. Энгельс, — действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям. . .»[16]. При этом, как отмечал В. И. Ленин, в развитии общества действует «закон возвышения потребности»[17].

Эта диалектика объективного движения в сфере материальной жизни общества в конечном счете обусловливает и все иные процессы человеческого общежития: развитие общественных отношений между людьми, интересов их социальных общностей (групп, слоев, классов, наций и т. д.), экономических, политических и идеологических взглядов и учреждений общества, наконец, самих людей как субъектов познания, общения и деятельности.

Все это в свою очередь является мощным фактором возникновения «опосредствованных» потребностей, развития многих и разнообразных потребностей, их изменения, исчезновения и появления новых в зависимости от конкретных условий и обстоятельств. Каждая личность, конечно, индивидуальна в своих потребностях, обладает сугубо специфическими и часто преходящими потребностями,[18] но одновременно для нее как общественного существа характерны типичные потребности. Помимо кратковременных потребностей, актуально переживаемых в данный конкретный момент, «в целостной жизни индивида»[19] образуются и более «отдаленные», более стойкие, продолжительные и стабильные потребности, в основном определяемые условиями его существования и тем местом, которое он занимает в социальной структуре общества. Именно эти потребности составляют то ядро системы потребностей данной личности, которое и является главным стимулом линии ее поведения, жизненных устремлений, направления деятельности. «Причем эти потребности, — как правильно отмечают М. В. Михайлов и А. С. Мотылев, — не ограничиваются личными стремлениями данного индивида — они включают в себя потребности или общества в целом, или отдельных классов, наций, производственных коллективов и других форм общности людей»[20]. На основе именно такого рода потребностей образуются те или иные социальные общности людей.

---

[16] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 27. Гегель также отмечал, что в результате практической деятельности удовлетворенная потребность порождает новую потребность и так далее до бесконечности (см. Гегель. Соч., т. I, стр. 319).

[17] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т.I, стр. 101.

[18] При этом, как отмечал К. Маркс, «*чувство*, находящееся в плену у грубой практической потребности, обладает лишь *ограниченным* смыслом». К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Госполитиздат, 1956, стр. 594.

[19] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 253.

[20] М. Михайлов, А. Мотылев. Социализм и интересы, Политиздат, 1970,стр. 6.

Без признания и понимания этого основополагающего положения исключаются, на мой взгляд, какие-либо исследования, в частности в области социальной психологии, а сам предмет этой науки теряет свое объективное основание.[21] Не менее важное значение оно имеет и для юридической науки, ибо только при наличии объективной общности в системе потребностей индивидов, принадлежащих к господствующему классу, может возникнуть, существовать и действовать право как специфическое средство, способствующее удовлетворению их жизненно необходимых потребностей.

Система тех устойчивых потребностей людей, которая объединяет их в определенную социальную общность, составляет основу, но не непосредственную причину их деятельности. Подобно тому как потребности имеют свои «двигательные силы», коренящиеся в производстве, и поэтому не являются первопричиной действий людей, так они и не являются причиной, непосредственно определяющей ту или иную их деятельность. Между потребностями и действиями находится длинный ряд посредствующих социально-психологических звеньев, объективных и субъективных факторов и условий, которые в своей совокупности и определяют конкретное направление, характер и специфику той или иной человеческой деятельности. Отсюда следует, в частности, что познание тех социально-психологических сил, которые создают право и его реализуют, составляет задачу дальнейшего правового исследования.

Говоря о последовательности социально-психологических процессов, приводящих членов господствующего класса к действиям по созданию права и обеспечению его реализации, необходимо прежде всего выяснить, какие именно потребности данной социальной общности людей лежат в основе этих действий.

Не всякие потребности господствующего класса становятся основой его правовой деятельности. Многие потребности отходят на задний план, их удовлетворение либо обходится без правовых средств, либо откладывается, а иногда и вовсе в силу объективных условий приглушается. Лишь некоторые, наиболее важные потребности господствующего класса как такового приобретают для его представителей притягательную силу, активизируют их размышления, направляют их помыслы по определенному руслу, побуждают к соответствующим правовым действиям и поведению. Этот социально-психологический процесс и составляет сущность мотивационного мышления[22] в праве, имеющего огромное научное значение.

---

[21] К сожалению, это не только не постулируется в определениях предмета социальной психологии, формулируемых различными авторами, но даже не упоминается при его подробной характеристике. См., например, Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука (вопросы истории, методологии и теории). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Л., 1967, стр. 15—17.

[22] Д. Н. Узнадзе пишет: «. . . мотив выполняет ту роль, что он заменяет одно поведение другим, ме-

Л. И. Петражицкий по этому поводу справедливо писал, что для психологии «важно научно-методически обоснованное решение вопроса о том, что собственно является мотивами поведения. И не только для психологии как таковой. Создание научной теории мотивации поведения есть необходимое условие для научного построения множества других дисциплин, а именно всех тех, которые имеют дело с человеческим индивидуальным и массовым поведением. Сюда относится прежде всего целый ряд важных и ценных теоретических дисциплин (теорий): социология, теория хозяйства, теория государства, права, нравственности и т. д.»[23].

Однако создание научной теории мотивации оказалось недоступным для самого Л. И. Петражицкого, как последовательного представителя субъективного идеализма в праве. Решение этой задачи возможно лишь на основе материалистической теории марксизма-ленинизма.

Советская психологическая наука убедительно показала, что формирование побудительных сил, определяющих мотивацию поступков, действий, поведения человека, связано с его социальной сущностью, что существенные черты мотивационного процесса заложены не в индивидуальных особенностях личности, а в особенностях ее сознания как общественного существа[24]. Так, С. Л. Рубинштейн пишет: «Мотивы человеческой деятельности чрезвычайно многообразны, проистекая из различных потребностей и интересов, которые формируются у человека в процессе общественной жизни. В своих вершинных формах они основываются на сознании человеком своих обязанностей, задач, которые ставит перед ним общественная жизнь»[25].

Исследуя развитие сознания человека в соответствии с усложнением его деятельности в социальной жизни, А. Н. Леонтьев глубже проникает в сущность мотивационного процесса, подчеркивает наиболее существенные его моменты. Он, в частности, указывает, что термин «мотив» мы употребляем не для обозначения переживания потребности, но как означающий то объективное, в чем эта потребность кон-

---

нее приемлемое более приемлемым, и этим путем создает возможность определенной деятельности. . . Поведение становится волевым только благодаря мотиву, который так видоизменяет поведение, что последнее становится приемлемым для субъекта» (Д. Н. Узнадзе. Психологические исследования. М., «Наука», 1966, стр. 403).

[23] Л. И. Петражицкий. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. СПб, 1905, стр. 193.

[24] Подробно об этом см. П. М. Якобсон. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., «Просвещение», 1969; К. А. Абульханова-Славская. К проблеме социальной обусловленности психического. «Вопросы философии», 1970, № 6.

[25] С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., Учпедгиз, 1945, стр. 565.

кретизируется в данных условиях и на что направляется деятельность, как на побуждающее ее»[26]. А. Н. Леонтьев далее выдвигает научно плодотворное положение о сдвиге мотивов на цель действия,[27] раскрывающее новый смысл более широкой деятельности человека. Однако, как мне думается, мотивы приобретают «смыслообразующую силу» не в результате прямого сдвига на цель действия, а через интерес. Без интереса не может быть ни сознательного мотива, ни цели действования и деятельности вообще. Уходя своими корнями в потребности, интересы рождаются в сложном мотивационном процессе, обретают в нем четко осознанный характер и в свою очередь воздействуют на течение этого процесса, непосредственно определяют цель человеческой деятельности в общественной жизни. Объективно это происходит потому, что «потребность одного индивидуума не имеет для другого эгоистического индивидуума, обладающего средствами для удовлетворения этой потребности, никакого само собой разумеющегося смысла, т. е. не находится ни в какой непосредственной связи с удовлетворением потребности» и поэтому «каждый индивидуум должен создать эту связь, становясь в свою очередь сводником между чужой потребностью и предметами этой потребности. Таким образом, *естественная необходимость, свойства человеческого существа*, в каком бы отчужденном виде они ни выступали, *интерес* — вот что сцепляет друг с другом членов гражданского общества.[28]

Здесь прежде всего подчеркивается важнейший принцип интереса как объективной категории, имеющий огромное значение (что будет показано в дальнейшем) для понимания, в частности, сущности права.

Интерес является имманентным свойством человеческой природы. Без интереса нет личности. Интерес, связывая членов гражданского общества на основе их объективно существующих общих потребностей, придает индивидуальности социальную сущность. Следовательно, категория интереса объективна в двух основных смыслах: во-первых, как продукт, результат объективных потребностей людей; во-вторых, как необходимое свойство социальной сущности личности, с объективной необходимостью связывающей ее с другими членами гражданского общества.

Из этих обстоятельств, казалось бы, логично вытекает общность всех личностей, всего общества. Однако история человечества куда более сложна. Историческое развитие личности, равно как и их об-

---

[26] А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М., «Мысль», 1965, стр. 290.

[27] «Это акт отражения отношения мотива данной конкретной деятельности к мотиву деятельности более широкой, осуществляющей более широкое, более общее жизненное отношение, в которое включена данная конкретная деятельность» (А. Н. Леонтьев. Там же, стр. 300.

[28] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 134.

щностей, порождает отчуждение от общечеловеческих интересов. Этот процесс является следствием разделения труда, которое порождает различные и даже противоположные интересы: «. . . вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом. . .»[29].

Становление общества, основанного на частной собственности, с неизбежной необходимостью влекло за собой возникновение классов и их обособление на основе классовых интересов. Поскольку же экономические отношения «каждого данного общества проявляются прежде всего как *интересы*»[30], постольку следует «отыскивать корни общественных явлений в производственных отношениях», «сводить их к *интересам* определенных классов»[31]. В классовом обществе, как отмечал Г. В. Плеханов, производственные отношения «естественно создают известные интересы, которые находят свое выражение *в праве*»[32].

Основанный на капиталистической собственности классовый интерес буржуазии, выраженный в праве, отчуждается от общечеловеческих интересов и приходит в противоречие с ними, отстаивая лишь свои особые, классово-ограниченные интересы. В противоположность этому пролетариату «не приходится отстаивать против господствующего класса какой-либо особый классовый интерес»[33], поскольку его интерес совпадает с общечеловеческими интересами. Именно поэтому социалистическое право уже с момента установления диктатуры пролетариата выражает интересы всех трудящихся, большинства народа и по мере становления развитого социалистического общества превращается в подлинно общенародное.

Объективное содержание интереса подчеркивается многими советскими философами и правоведами[34]. Так, Г. М. Гак пишет, что интерес — «объективное явление, связанное с бытием предмета, и не сводится к сознанию и воле», что «интерес общности дан объектив-

---

[29] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,т. 3, стр. 31.

[30] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 271.

[31] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 532.

[32] Г. В. Плеханов. О материалистическом понимании истории. М., 1948, стр. 16, 32—33.

[33] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 77.

[34] Следует заметить, что проблеме интереса явно недостаточно уделяется внимание в психологической науке, а в тех сравнительно редких случаях, когда отдельные психологи касаются этой проблемы,они, как правило, сводят ее лишь к «познавательной направленности» субъекта на действительность (см., например, «Психология». М., 1956, стр. 361). По-видимому, одной

но, как определяемый ее природой и условиями существования»[35]. С. Н. Братусь также отмечает: «Классовый интерес вытекает из взаимной, зачастую не осознаваемой отдельными индивидами зависимости между ними, между классом, к которому они принадлежат, и другими классами, из той объективной роли, которую люди играют в общественном процессе производства»[36]. И отсюда делается вывод: «Право, будучи инструментом закрепления существующих производственных отношений, выражает экономические интересы господствующего класса»[37].

Аналогичную точку зрения отстаивает и Г. В. Мальцев. Ссылаясь на Гака, он указывает: «Интерес есть объективная социологическая категория, возникающая и существующая как результат развития факторов внешнего мира независимо от сознания людей и связанная с бытием предмета. . . Понимание интереса как объективного явления способствует более четкому уяснению проблемы социальной детерминированности права и правовых явлений»[38].

Однако при всей правильности положения об объективности интереса нельзя забывать и о другой его стороне — субъективной. Выше было отмечено, что потребности приобретают «смыслообразующую силу» через интерес, т. е. полное понимание существа потребности и необходимости ее удовлетворения, в результате которого мотивационный процесс (пройдя стадию борьбы мотивов) приобретает четкую и определенную направленность[39]. Следовательно, своеобразие интереса состоит в том, что он означает переход от объективного к субъек-

---

из причин этого, как справедливо подметил французский марксист Л. Сэв, является то, что «до сих пор психология пытается главным образом понять человека, исходя из животного; взрослого — из ребенка; нормального индивида — из больного; целостную систему личности — из изолированных функций; содержание данной личности — из некоторых форм деятельности. Мы считаем, что наступило время дополнить это малоплодотворное усилие реальным усилием противоположного направления». (L. Sève, Marxisme et theorie de la personnalité. Paris, 1969, p. 360).

[35] Г. М. Гак. Общественные и личные интересы и их сочетание при социализме. «Вопросы философии», 1955, № 4, стр. 19, 21.

[36] «Роль В. И. Ленина в становлении и развитии советского законодательства». «Юридическая литература», М., 1969, стр. 20.

[37] Там же, стр. 20—21.

[38] Г. В. Мальцев. Социалистическое право и свобода личности. «Юридическая литература». М., 1968, стр. 93, 101.

[39] Поэтому прав Д. А. Кикнадзе, когда пишет: «*Интерес — это потребность, прошедшая стадию мотивации, сознательная направленность человека к удовлетворению неудовлетворенной потребности*» (Д. А. Кикнадзе. Потребность. Поведение. Воспитание. М., «Мысль», 1968, стр. 10).

тивному[40] через преодоление, выражаясь языком Гегеля, «произвола потребностей». Но реализованные потребности и интересы приводят к изменению объективного, т. е. по существу являются обратным переходом от субъективного к объективному. Отсюда вытекает единство объективного и субъективного в понятии интереса. «Интерес, — пишет В. Г. Нестеров, — явление общественное, представляющее собой единство объективного и субъективного, поскольку, с одной стороны, он имеет материальные основы (объективно существующие потребности личности, группы, класса, общества в целом), а с другой — всегда так или иначе, более или менее глубоко, правильно или неправильно отражается в сознании и оформляется в нем в виде определенных целей»[41]. Солидаризируясь с этим положением, А. Г. Здравомыслов его развивает и конкретизирует: «Соотношение объективного и субъективного в интересе выступает двояким образом. С одной стороны, это переход объективного в субъективное, так как всякий интерес имеет определенную основу в окружающих обстоятельствах. С другой стороны, это переход субъективного в объективное, так как интерес есть мотив деятельности, благодаря которому претворяются в действительность субъективные цели, желания, намерения и т. д. . . . С одной стороны, интерес субъекта существует объективно по отношению к его воле и сознанию. Это подтверждается, в частности, тем, что всякий субъект может действовать вопреки своим собственным неосознанным интересам. С другой стороны, всякая деятельность, любой поступок определяются тем или иным интересом данного субъекта»[42]. И далее отметив, что материальное и идеальное не отделены друг от друга, а постоянно переходят одно в другое, он пишет: «Категория интереса как раз и указывает на переход от объективного к субъективному и обратно: от положения к идеальным побудительным силам и от идеальных побудительных сил через социальные действия к изменению положения»[43].

В правовой литературе аналогичная точка зрения была высказана Б. В. Шейндлиным. «Понятие интереса, — писал он, — нельзя сводить лишь к психическому переживанию индивида. Общественные интересы, например, интересы класса, существуют объективно, независимо от воли и сознания индивидов. Поэтому диалектический материализм трактует общественный интерес в неразрывной связи с объективными

---

[40] Эту мысль хорошо выразил И. Кант: «Из понятия побуждения возникает понятие *интереса*, которое никогда не приписывается ни одному существу, кроме того, которое имеет разум, и обозначает *побуждение* воли, поскольку оно представляется через *разум*». Критика практического разума. СПб, 1908, стр. 83).

[41] В. Г. Нестеров. О соотношении общественных и личных интересов при социализме... «Ученые записки ВПШ при ЦК КПСС». М., 1958, вып. I, стр. 77.

[42] и [43] А. Г. Здравомыслов. Проблема интереса в социологической теории. Изд. Ленинградского университета, 1964, стр. 6—7 и 30.

общественными отношениями как основой осознанных интересов людей. Вместе с тем было бы неправильно, на наш взгляд, сводить категорию интереса лишь к объективной стороне, к его основе»[44].

Понятие интереса как единства объективного и субъективного категорически отвергают некоторые советские экономисты и юристы. Так, В. В. Ситнин доходит до того, что в любом упоминании о роли мышления в осуществлении интересов усматривает проявление «субъективизма», «психологической концепции»[45]. Между тем, как показал Ф. Энгельс, идеалистическая трактовка интересов заключается, «не в том, что признается существование *идеальных* побудительных сил, а в том, что останавливаются на них, не идут дальше, к их движущим причинам»[46].

С. Н. Братусь утверждает, что интерес — это объективная сторона, а воля — субъективная[47]. Не касаясь пока вопроса о том, насколько правильно противопоставление интереса и воли по линии их объективности и субъективности, спросим: является ли осознанный объективный интерес категорией субъективной?

На этот вопрос пытается ответить Г. В. Мальцев. Начав с твердого отрицания субъективности интереса («Итак, интерес объективен»[48]), он приходит к его утверждению, признавая, что «определение интереса как объективного явления. . . не может, по нашему мнению, претендовать на полное раскрытие его сущности, так как оно абстрагируется от психологических, социально-психологических предпосылок и черт этого явления. . .»[49], что «интерес есть полезная для субъекта необходимость»[50], что, наконец, «интерес не может стать стимулом человеческой деятельности без психологического опосредствования в форме

---

[44] Б. В. Шейндлин. Сущность советского права. Изд. Ленинградского университета, 1959, стр. 44, прим.

[45] См. В. В. Ситнин. Проблемы прибыли и хозяйственного расчета в промышленности, «Финансы», 1969. Критикуя эту позицию, М. В. Михайлов и А. С. Мотылев пишут: «Интерес имеет объективную обусловленность, но его носителем всегда является человек. Следовательно, он представляет собой единство объективного и субъективного» (М. Михайлов, А. Мотылев. Социализм и интересы, М., Политиздат, 1970, стр. 5).

[46] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 307.

[47] См. С. Н. Братусь. Некоторые спорные вопросы общего понятия права. «Вопросы современного развития советской юридической науки». Изд. Ленинградского университета, 1968, стр. 15—16.

[48] Г. В. Мальцев. Социалистическое право и свобода личности. Изд. »Юридическая литература», 1968, стр. 94.

[49] Там же, стр. 95.

[50] Там же, стр. 96.

субъективной заинтересованности»[51]. Поскольку «полезность» интереса определяется если не данным субъектом, то другими субъектами, ее осознавшими, постольку объективный интерес приобретает субъективную окраску. Поскольку же, далее, «субъективная заинтересованность» — это и есть субъективная сторона интереса, без которой не может быть ни действий индивида, ни борьбы классов, ни социального прогресса, постольку и разрыв (хотя бы даже «чисто» теоретический) единства объективной и субъективной сторон интереса теряет какой-либо рациональный смысл.

В трактовке понятия интереса указанные авторы допускают, на мой взгляд, ту ошибку, что неоправданно стремятся представить его в «чистом» виде. Между тем, как указывал В. И. Ленин, «чистых» явлений ни в природе, ни в обществе *нет* и быть не может. . .»[52].

В другом случае В. И. Ленин отмечал: «. . .Противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна[53]».

Но если несомненна относительность противоположения материи и сознания, то тем более несомненна относительность противоположения объективного и субъективного интереса. При всей своей объективности интерес имеет какое-либо личное или общественное значение лишь в том непременном случае, если он в конечном итоге осуществляется или может осуществиться. Но реализация интереса необходимо предполагает его осознание, поскольку все, что побуждает человека к деятельности, обязательно проходит через его сознание[54]. «Чтобы защищать известный интерес, — писал Г. В. Плеханов, — нужно сознавать его»[55].

Следовательно, как правильно пишет Б. А. Чагин, «в зависимости от аспекта рассмотрения явление в обществе может выступать либо объективной, либо субъективной стороной исторического процесса. В одной связи, при одних исторических обстоятельствах данное явление относится к объективным условиям, в другой связи оно входит в сферу действий субъективного фактора»[56].

Интерес действительно объективен в том смысле, что его станов-

---

[51] Там же, стр. 99.

[52] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 241.

[53] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 151.

[54] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 290.

[55] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. I, стр. 260.

[56] Б. А. Чагин. Субъективный фактор. Структура и закономерности. М., «Мысль», 1968, стр. 16.

ление, существование и развитие не зависит от сознания и воли людей. Но вместе с вызреванием объективного интереса на основе закономерностей развития производства и потребностей идет и другой параллельный процесс — постепенное, но все более полное и глубокое осознание интереса не только отдельными личностями, представителями социальных групп, но и целыми классами. Первоначально, как правильно отмечается в нашей литературе[57], классовые интересы обнаруживаются, осознаются, понимаются меньшинством класса — его передовыми представителями, лидерами, идеологами (прежде всего партией). Поэтому отдельные члены соответствующего класса длительное время могут и не подняться до осознания своих коренных классовых интересов и даже вступить в конфликт с ними. Но по мере накопления определенных черт, свойств, признаков, характеризующих объективный классовый интерес, все большее количество членов данного класса начинает понимать общие интересы своего класса, вступать на путь сознательной борьбы за эти интересы, круг активных участников этой борьбы неизменно расширяется. Именно об этом свидетельствует, в частности, история рабочего движения как в национальных границах отдельных стран, так и в международном масштабе.

Но подобно тому, как познание и соответствующее ему действие превращает необходимость в свободу (отнюдь не ликвидируя необходимости как таковой),так и объективный интерес, будучи осознанным, превращается вместе с тем и в субъективную категорию. Отрицание же субъективной стороны интереса в конечном итоге ведет к признанию фатализма и стихийности общественного развития, к отрицанию роли сознательности в революционном движении.

Резкое отграничение и противопоставление объективной основы и субъективного содержания интереса приводит к их разрыву: основа интереса превращается в фатальную неизбежность, а его содержание — в «свободное» подчинение эмоциям, чувствам, стихийному своеволию. Т. Павлов по этому поводу пишет: «Когда мы употребляем слова о б ъ е к т и в н о е и с у б ъ е к т и в н о е, м а т е р и а л ь н о е и п с и х и ч е с к о е (или идеальное), мы иногда, хотя и незаметно, вкладываем в них такой смысл, что между объективным и субъективным, материальным и психическим образуется непроходимая пропасть. Получается так, что субъективное и психическое (идеальное) как будто метафизически абсолютно отличны от объективного и материального, мета-

[57] См. С. Н. Б р а т у с ь. Некоторые спорные вопросы общего понятия. «Вопросы современного развития советской юридической науки». Изд. Ленинградского университета, 1968, стр. 15; В. М. Ч х и к в а д з е. Вопросы социалистического права и законности в трудах В. И. Ленина. Госюриздат, 1960, стр. 73; И. Е. Ф а р б е р. О классово-волевом содержании права. «Правоведение», 1957, № 1, стр. 36; Г. В. М а л ь ц е в. Социалистическое право и свобода личности. «Юридическая литература», 1968, стр. 102—104; Д. А. К е р и м о в. Свобода, право и законность. Госюриздат, 1960, стр. 87—88.

физически абсолютно противопоставлены им и ни в коем случае и степени, употребляя термин Ленина, не переливаются в них»[58].

Представители односторонне-объективного понимания интереса в обоснование своей позиции указывают на его детерминированность закономерностями общественного развития и объективностью общественного положения индивидов, социальных групп и классов. Но ведь не только интерес, но и потребность, цель и воля зависят от этих же обстоятельств. Дело здесь не в том, что потребность и интерес — категории объективные, а цель и воля — субъективные, а в диалектическом развитии сознания, его переходе от потребности через интерес и цель к воле. В. И. Ленин в «Философских тетрадях» обращает внимание на следующее положение Гегеля: «. . . Превратно рассматривать субъективность и объективность как некую прочную и абстрактную противоположность. Обе вполне диалектичны. . .[59]. На определенном этапе развития осознанные потребности вызывают мотивационное мышление, которое приобретает «смыслообразующую» силу в результате интереса в определенной направленности деятельности.[60] Интерес тем самым приобретает характер цели, «сдвигается на цель», которая реализуется лишь благодаря воле, волевой деятельности.[61] Основой этого процесса является объективная реальность, объективность потребности, интереса, цели и воли. Но по мере того, как сознание «отходит» от своего материального, объективного субстрата, оно все в большей степени приобретает «очеловеченный», субъективный характер, обогащается индивидуальной спецификой мышления субъекта, преобразуется в идеальное. Отсюда, однако, вовсе не следует, что сознание на высшей стадии своего развития, своей субъективности порывает (разумеется, если оно адекватно отражает действительность) с той материальной основой, с той объективностью, на почве которой оно всходит, растет и превращается в плод духовной ценности. Происходит отнюдь не исчезновение материальной, объективной основы сознания, а только и именно ее преобразование в субъективное, идеальное, уровень которого

---

[58] Тодор Павлов. Избранные философские произведения, т. 2, М., 1962, стр. 444.

[59] См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 166.

[60] Известный советский психолог В. Бехтерев писал: «Огромное значение по отношению к продуктивности работы имеет создание интереса к ней. . . Работа скучная, безынтересная, утомляет даже в том случае, когда она является в сущности легкой. Наоборот, работа, являющаяся трудною, при интересе к ней преодолевается» (В. Бехтерев. Рациональное использование человеческой энергии в труде. «Труды Первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства». М., 1921, вып. I, стр. 33).

[61] Б. В. Шейндлин писал: «Интерес входит в понятие воли как побудительная сила формирования воли и как ее осознанная цель» (Б. В. Шейндлин. Сущность советского права. Изд. Ленинградского университета, 1959, стр. 45).

зависит от степени абстрагирующей способности мышления того или иного субъекта.

Этот уровень и является одним из существенных факторов, который определяет силу, действенность, эффективность воздействия субъективного фактора на объективные процессы общественного развития. Глубоко выразил роль субъективного фактора Б. А. Чагин, указав, что «при одних и тех же объективных обстоятельствах развитие может иметь различный конкретный характер, различные темпы в случае того или иного влияния субъективного фактора. Бывает так, что при менее благоприятных объективных обстоятельствах, но при наличии эффективного действия субъективного фактора (организованность, высокая степень сознательности и т. д.) темпы общественного развития выше, чем в том случае, когда существуют более благоприятные объективные условия»[62].

В праве отражается не индивидуальный, а общественный интерес, в частности, интерес господствующего класса. «Разумеется, — пишет Г. Е. Глезерман, — общество, нация, класс и тому подобные формы общности людей не существуют отдельно от составляющих их индивидов. Но они и не сводятся к простой сумме индивидов. Точно так же и общественные интересы не представляют собою лишь суммы личных интересов. Это интересы прогресса общества, то есть выражение объективных потребностей его развития»[63]. Но каков «механизм» образования общественного и, в частности, классового интереса?[64] Априорный ответ на этот вопрос исключается, поскольку лишь в деятельности функционирует интерес. Отнюдь не замыкаясь в сознании, интерес выступает в роли побудительной силы активной деятельности.

---

[62] Б. А. Чагин. Субъективный фактор. Структура и закономерности. «Мысль», 1968, стр. 14.

[63] Г. Е. Глезерман. Экономические отношения и интересы людей при социализме. «Коммунист», 1964, № 12, стр. 45.

[64] Г. Е. Глезерман призывает не смешивать «понятие интереса в психологии, где он трактуется как известная направленность внимания или действий человека, и в социологии, политической экономии, где интерес рассматривается как выражение объективных потребностей, удовлетворение которых составляет необходимое условие жизни и развития человека (или коллектива, класса, общества)». (Там же.) Нет сомнения в том, что интерес рассматривается в различных аспектах в указанных науках, но отнюдь не в тех, о которых говорит автор. Не только в социологии и политической экономии интерес рассматривается как выражение объективных потребностей, но и в психологии, равно как не только в психологии, но и в социологии и политической экономии интерес трактуется как направленность внимания. Но дело не в этом, а в том, что, подчеркивая различие между науками в изучении одного и того же объекта, не менее важно подчеркнуть их связь и взаимопроникновение.

«Интересы пролетариата, — пишет Г. Е. Глезерман, — складываются объективно в результате развития капиталистической экономики, в процессе формирования его как класса; осознаются же они в ходе классовых столкновений с буржуазией, и особенно быстро, когда создается пролетарская партия»[65].

Отсюда следует, что пути становления и развития классового интереса возможно обнаружить только при изучении практики его осуществления. Реализуется же интерес благодаря волевой деятельности класса и именно в процессе этой реализации наиболее наглядно выявляется концентрированный и четко оформленный классовый интерес.

Поскольку интерес реализуется через волю, постольку нельзя при характеристике сущности права ограничиваться рассмотрением природы классового интереса. Поэтому необходимо теперь подвергнуть анализу категорию воли как категорию не только психологического, но и социального, в частности классового, порядка. Но прежде чем перейти к этому анализу, логический ход рассуждений требует предварительного рассмотрения тех основных социально-психологических факторов, которые, находясь между интересом и волей, непосредственно направляют деятельность индивидов и социальных общностей.

В отличие от импульсивных актов, волевому действию предшествует определенный период, в течение которого происходит сложный мыслительный процесс. Этот процесс включает в себя не только возникновение на основе потребностей множества мотивов, их борьбу, формирование интереса и цели, но также в соответствии с ними выработку установки, призванной осуществлять регуляцию индивидуальной или социальной деятельности.[66]

---

[65] Там же.

[66] На основе обобщения трудов Д. Н. Узнадзе и его последователей А. С. Прангишвили формулирует понятие установки «*как модус целостного субъекта (личности) в каждый конкретный момент его деятельности* (Д. Н. Узнадзе), — *модус, который представляет собой высший уровень организации «человеческих сил»* (К. Маркс), *как бы фокусирует все внутренние динамические отношения, опосредствующие в индивиде психологический эффект стимульных воздействий на него, и на базе которого возникает деятельность с определенной направленностью как уравновешивание отношений между индивидом и средой*» (А. С. Прангишвили. Понятие установки в системе советской психологии в свете исследований грузинской психологической школы. «Вопросы психологии», 1967, № 4, стр. 14—15). Установка, пишет Е. В. Осипова, «это своеобразная готовность индивида реагировать тем или иным образом в определенной ситуации — черта, характеризующая *направленность*. . .» (Е. В. Осипова. Некоторые проблемы теории личности, «Социальные исследования. Проблемы труда и личности». М., «Наука», выпуск 3, 1970, стр. 24). М. Г. Ярошевский пи-

Установка есть тенденция действовать определенным способом по отношению к какой-либо ситуации. Будучи состоянием готовности к определенной деятельности, установка представляет собой такую относительно устойчивую «организацию» внутренних и внешних сил субъекта, которая идеально формирует последовательную программу (план) человеческого поведения. Индивид или социальная общность лишь постольку являются субъектами целевой деятельности, поскольку они предварительно «организуются» для осуществления этой деятельности в соответствующем направлении и с определенной активностью в зависимости от конкретных объективных условий. Следовательно, понятие установки включает в себя не только существенные черты организации предстоящей активности, но и социально-психологическое содержание взаимодействия потребности и ситуации ее удовлетворения. Тем самым в установке в высокообобщенной форме концентрируется обоснование действия, рефлектированное в потребности, интересе и цели, и решение о готовности действовать по соответствующей программе, определяемой объективными условиями ее реализации.

Однако, какую бы высокую степень обоснованности действия ни содержала установка, она является лишь началом, «акцептором действия»[67], но не самим действием. Двигательной силой и содержанием любого сознательного действия — безразлично, индивидуального, классового или общенародного — является воля. Именно воля есть практический реализатор потребности, интереса и цели. И именно поэтому ни потребности, ни интересы, ни цели не составляют и составлять не могут сущности права по той причине, что являются пассивными формами сознания, в то время как право является активной силой, призванной охранять, регулировать и преобразовывать общественные отношения.

Сказанное выдвигает вопрос: не следует ли признать установку су-

шет, «что термины «установка», «направление» указывают не на способность человека мыслить, не на содержание и структуру мыслительной работы, а на направленность этой мыслительной работы. Понятия об «установке», «направлении», «доминанте», появление которых в экспериментальной психологии вызвано необходимостью объяснить избирательность и упорядоченность мыслительных актов, раскрывают в интеллектуальной деятельности человека наряду с «чисто» познавательным планом план мотивационный» («Проблемы научного творчества в современной психологии». М., «Наука», 1971, стр. 215).

[67] «Акцептор действия», как отмечает П. К. Анохин, «представляет собой, вероятно, некоторый физиологический эквивалент того, что в психологии давно получило название «установки» (Д. Н. Узнадзе). (П. К. Анохин. Узловые вопросы в изучении высшей нервной деятельности, сб. «Проблемы высшей нервной деятельности». М., 1949, стр. 61, 83.) В данном случае это удачное выражение употребляется в качестве социально-психологического возбудителя и двигателя волевой деятельности.

ществом права? На первый взгляд, утвердительный ответ на этот вопрос представляется заманчивым, поскольку в праве фиксируется именно определенная установка поведения, действий людей. Но это представление оказывается иллюзорным не только потому, что само «возведение в закон» установки без воли исключается, но также и потому, что выработка «правовой установки» должного или возможного поведения осуществляется в сложном процессе волевой деятельности класса или народа в целом. Лишь в результате этого процесса (процесса правотворчества) определенная установка поведения объективируется в право, но и объективированная правом установка не может самостоятельно реализоваться без волевых усилий лиц, осуществляющих право (процесс правореализации). Сама же по себе установка, будучи субъективной категорией, не может самообъективироваться, не обладает способностью правового регулирования общественных отношений. Это качество право приобретает благодаря воле.

Именно воля как предметный, действенный вид сознания, как соединение потребности, интереса и цели с действием на основе установки является творцом права, составляет ядро права, фактор его реализации.[68]

2. Нормативность права и его регулирующая функция

Общественные отношения, выражаясь в бесчисленных связях людей, бесконечно разнообразные и противоречивые по характеру, направленности, цели. Необходимость существования и функционирования социального организма требует их упорядоченности, организации и стабилизации. Эта необходимость возникает уже на весьма ранней ступени развития общества как «потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена»[69]. Она приобретает все большее значение и расширяется по мере развития и усложнения производства, распределения и обмена, всей системы экономических, политических и иных отношений. «Урегулированность и порядок, — пишет К. Маркс, — являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола»[70].

---

[68] «Государственная воля, объективированная в системе общеобязательных норм, представляет собой *общую основу* всех свойств права» (С. С. Алексеев. Социальная ценность права в советском обществе. «Юридическая литература», 1971, стр. 66).

[69] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 272.

[70] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 356—357.

Немыслимо себе представить современное общество без нормативного регулирования общественных отношений, без применения *«одинакового* масштаба»[71] к поведению и деятельности различных людей. Однако было бы глубоким заблуждением полагать, будто бы этот «одинаковый масштаб» фактически распространяется на всех людей. Нормативная форма общественного регулирования необходима, как вскрыли классики марксизма-ленинизма, для утверждения «общих условий» существования господствующего класса «и притом в виде условий, имеющих силу для всех».[72]

Одним из основных и наиболее эффективных средств такого регулирования является «возведенная в закон»,т. е. нормативно-правовая воля господствующего класса, призванная охранять существующие общественные отношения и обеспечить организацию и управление людьми в интересах этого класса.

Нормативность является внутренним свойством, существенной особенностью, специфическим признаком права. Благодаря своей нормативности право обретает способность осуществлять регулирование огромной массы общественных отношений, направлять по определенному руслу поведение людей,упорядочивать их связи и взаимодействия, стабилизировать порядок, необходимый для организованного функционирования социальной системы и управления ею в соответствии с волей господствующего класса. Даже в условиях анархии производства, как показал К. Маркс, законодательные акты представляют собой первую попытку сознательного и планомерного воздействия общества на стихийно складывающийся характер его общественного производства.[73]

Проблема нормативности социалистического права глубоко и всесторонне разработана в советской юридической литературе. Обобщая соответствующие исследования, можно сформулировать следующие основные положения.

Будучи разновидностью нормативного регулирования общественных отношений, правовое нормативное регулирование является объективной необходимостью в условиях классового общества. Оно вызвано потребностями в закреплении и обеспечении урегулированности и порядка в общественной жизни, в конституировании и поддержании стабильной формы связи в межличностных отношениях, в налаживании нормального, основанного на единых началах, согласованного, гармоничного и строго определенного функционирования социального организма. Основываясь на познании и использовании объективных закономерностей общественного развития, правовое нормативное регулирование

---

[71] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 93.

[72] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 323.

[73] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 492.

не только охраняет это развитие от дезорганизации и устраняет отступления от нормального его процесса. Вместо с тем оно организует, направляет, а в необходимых случаях и ускоряет поступательное целенаправленное движение общественных отношений.[74] Таким образом, право — это система нормативных предписаний, реализация которых, по удачному выражению В. М. Горшенева, в значительной мере состоит в «переводе нормативности права в упорядоченность общественных отношений»[75]. Однако отнюдь не всем правовым явлениям свойственна нормативность. В связи с этим возникает вопрос об отличии нормативных правовых актов от ненормативных.

Выявление критерия отграничения нормативных актов от ненормативных имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, поскольку смешение данных актов, как справедливо отмечалось в одной из редакционных статей журнала «Советское государство и право», «ведет к неосновательному расширению ком-

[71] См. Л. С. Явич. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. Госюриздат, 1961, стр. 18; В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права, 1965, стр. 9—11; О. А. Красавчиков. Гражданские организационно-правовые отношения. «Советское государство и право», 1966, № 10; П. М. Рябинович. Социалистическое право как ценность, «Проблемы социалистической законности на современном этапе развития Советского государства. Межвузовская научная конференция», Харьков, 1968, стр. 21; Ю. К. Толстой. Кодификация гражданского законодательства в СССР (1961—1965 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Л., 1970, стр. 7; С. С. Алексеев. Социальная ценность права в советском обществе, «Юридическая литература», 1971, стр. 49—60 и др.

[75] В. М. Горшенев. Способы и организационные формы правового регулирования в современный период строительства коммунизма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Свердловск, 1969, стр. 10. В диссертации П. Н. Лебедева показано, что переход от цели как идеального основания практической деятельности к результату невозможен без упорядочивающего воздействия определенных факторов — планов и программ поведения (деятельности) индивидов и коллективов. Планы упорядочивают цели, соподчиняют их, устанавливают последовательность и определяют весь процесс их достижения. Более детальной регламентации поведение подвергается в программах (см. П. Н. Лебедев. Вопросы теории управления социальными процессами в социалистическом обществе. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук, Л., 1969, стр. 16).

петенции тех органов, на которые по закону возложены только функции по применению права, а не нормотворческие функции»[76].

Особое значение такое отграничение имеет для систематизации законодательства, в процессе которой возникают серьезные трудности, связанные не только с тем, что в нормативном акте нередко содержатся предписания оперативно-исполнительного и правоохранительного порядка, рассчитанные на однократную их реализацию или адресованные к конкретно определенному лицу, но также и с тем, что граница между нормативными и ненормативными предписаниями весьма подвижна и очень часто выражена нечетко, недостаточно определенно.[77]

В поисках критерия отграничения нормативных от ненормативных актов юристы исходят из понятия нормы права как предписания общего характера, но признаки, характеризующие самую эту общность, выдвигаются различные. Так, одни на первый план выдвигают безличность (неперсонифицированность) предписания[78], или более широко — не-

[76] «Советское государство и право», 1955, № 3, стр. 52. Следует отметить, что теорию и практику буржуазной юриспруденции этот вопрос менее всего интересует. Более того, делается все возможное, чтобы затушевать различия между нормативными и ненормативными актами и тем самым оправдать нарушения элементарных требований законности. Например, в принятом в США особом законе об административной процедуре (1946 г.) правовая норма определяется следующим образом: «Норма означает декларативное заявление любого органа. . . рассчитанное на общее или частичное применение и действие в будущем, имеющее своей целью применить, истолковать или предписать право или программу деятельности или описать устройство, процедуру или требования, относящиеся к производству в любом органе. . .» (Цит. по книге С. Л. З и в с. Развитие формы права в современных империалистических государствах, Изд. АН СССР, 1960, стр. 58, 59.)

[77] В книге «Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства» («Юридическая литература», 1969, стр. 225), в частности, отмечается: «Подавляющее большинство нормативных предписаний о материально-техническом снабжении вкраплено отдельными пунктами, подпунктами, указаниями в тексты многочисленных комплексных актов по различным вопросам хозяйственного и культурного строительства. Таким образом, нормативный материал по данной теме отличается значительной фрагментарностью, что осложняет их систематизацию. По характеру этих предписаний часто бывает трудно установить, какие из них являются нормативными, а какие представляют собой оперативно-хозяйственные указания. Каких-либо четких критериев в этом отношении пока еще не выработано».

[78] См., например, И. А. Я м п о л ь с к а я. О правовой норме и правовом отношении, «Советское государство и право», 1951, № 9, стр. 35.

конкретность адресата[79]; другие — неопределенность числа случаев, на которое рассчитано предписание[80]; третьи — указанные и некоторые другие признаки, вместе взятые[81]. Наконец, в юридической литературе была предпринята заслуживающая серьезного внимания попытка подвести методологическую основу под эти признаки и решить вопрос об отличии норм права от индивидуальных предписаний путем выяснения прежде всего специфического содержания правовой нормы (нормативности права) как регулятора общественных отношений.

Несомненных успехов в исследованиях этого направления достигли С. С. Алексеев, И. С. Самощенко, А. Ф. Шабанов, А. В. Мицкевич и др.

Основываясь на анализе социальных норм, С. С. Алексеев отмечает, что их общий характер рассчитан на программирование и направление поведения людей во многих, заранее не фиксированных случаях в рамках отношений данного вида. «Поэтому социальная норма непрерывно находится как бы в «боевой готовности», вступая в действие всякий раз, как повторяются, возникают соответствующие общественные отношения»[82]. Отсюда вытекает неперсонифицированность (неконкретность) адресатов нормы, поскольку она обращена не к данному строго определенному, а к любому и каждому лицу, которое в данный момент и в будущем (пока действует норма) окажется в ситуации, предусмотренной ее содержанием. Этими же достоинствами обладает и нормативность в праве[83].

---

[79] См., например, Е. Старосьцяк. Правовые формы административной деятельности. Госюриздат, 1959, стр. 115.

[80] См., например, Л. С. Явич. Норма советского социалистического права и социалистическое правовое отношение. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Л., 1951, стр. 7; Н. Г. Салищева. Нормативные акты советского государственного управления. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1954, стр. 6; Ю. А. Соколов. О специфических признаках актов применения правовых норм. «Советское государство и право», 1954, № 8, стр. 80 и др.

[81] См., например, А. Я. Берченко. Нормы советского социалистического права как средство закрепления, охраны и развития социалистических общественных отношений. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1950.

[82] С. С. Алексеев. Социальная ценность права в советском обществе. «Юридическая литература», 1971, стр. 74.

[83] Вместе с тем нормативность в праве имеет и свою специфику (выражение государственной воли, строгая внутренняя согласованность и единство, обеспеченность государственным принуждением и т. д.). Но это вовсе

Именно благодаря этому свойству право обретает характер целенаправленной системы типовых масштабов поведения, обеспечивающей экономичную, единую, непрерывно действующую, общеобязательную регламентацию общественных отношений, их рациональную организацию. «Роль права в жизни общества, — заключает автор, — его эффективность во многом зависит от того, насколько полно и последовательно проявляется в нем свойство нормативности»[84].

С. С. Алексееву принадлежит заслуга также и в обобщающей характеристике формальной определенности права, хотя подробно и проанализированной в нашей литературе, но пока еще не достигшей синтетического уровня. Рассматривая соотношение нормативности права и его формальной определенности, С. С. Алексеев обращает внимание на их противоречие. «Нормативность предполагает максимально широкий охват общественных отношений и отсюда повышение уровня обобщений; формальная определенность — напротив, максимальную детализацию нормативных предписаний, конкретность содержания юридических норм. Известная противоречивость присуща нормативности и формальной определенности, с одной стороны, и способности права выражать назревшие потребности общественного развития (динамизм)— с другой»[85]. Но автору не удалось более или менее определенно решить проблему «снятия» этого противоречия. (Он лишь указал, что в преодолении этих противоречий «и состоит один из моментов собственно-правового развития».)

Мне кажется, что разрешение этих противоречий лежит на пути четкого разграничения правовых принципов (зафиксированных в самом праве) и правовых норм. Если правовым принципам, закрепляющим основные, главные и наиболее существенные особенности данного типа права, свойственны высокий уровень нормативного обобщения, постоянство, стабильность и устойчивость, то правовым нормам, которые не только отражают (так или иначе) правовые принципы, но и закрепляют текущие потребности господствующего класса, свойственна (особенно в последнем случае) менее высокая степень обобщения и поэтому—изменчивость, непостоянство, кратковременность действия. Правовые нормы, недостаточно полно или четко отражающие правовые принципы или даже не соответствующие этим принципам, в связи с необходимостью удовлетворения возникшей потребности господствующего класса в определенной ситуации, со временем уточняются, изменяются, приводятся в соот-

---

не значит, будто в праве усиливаются, «возводятся в степень» социально-полезные черты, свойственные социальным нормам вообще, как полагает С. С. Алексеев (см. там же, стр. 77). Социальным нормам свойственны и такие черты (например, известная доля эмоциональности или формальная неопределенность), которые вполне естественны и «социально-полезны», но вовсе не «возводятся в степень» в праве.

[84] Там же, стр. 79.

[85] Там же, стр. 68.

ветствие с правовыми принципами или вовсе отменяются. Тем самым снимается отмеченное выше противоречие между нормативностью, формальной определенностью и динамизмом права.

И. С. Самощенко рассматривает проблему нормативности в праве на более конкретном методологическом уровне. Выводы, к которым он пришел, сводятся к тому, что при отграничении норм права от индивидуальных предписаний необходимо руководствоваться прежде всего внутренним разграничительным критерием — природой нормы как регулятора общественных отношений, — который определяет общий, абстрактный характер ее содержания[86]. Абстрактность содержания нормы права, по его мнению,выражается главным образом в периодичности ее действия, которая для одних норм (норм-типовых масштабов организации и движения множества конкретных отношений того или иного вида) означает повторность их действия, а для других (норм-принципов, норм о распространении и продлении действия других норм, организационных, в том числе плановых предписаний, обращенных к конкретным государственным органам) — непрерывность, постоянство их действия.

С внешней стороны абстрактность содержания норм права, периодичность их действия, с точки зрения И. С. Самощенко, может характеризоваться различными признаками (направленностью на определенный вид общественных отношений, неперсонифицированностью предписания, неконкретностью адресата предписания, неоднократностью реализации, неопределенностью числа случаев, на которые предписание рассчитано, и т. д.), однако ни одному из них нельзя придавать абсолютного значения, ибо каждый из них характеризует природу нормы права лишь в определенных пределах.[87]

К аналогичным выводам приходит и А. Ф. Шебанов, по мнению которого общий характер нормативного предписания проявляется в том, что оно дает принципиальное решение о форме общественных отношений; исполняется всякий раз, когда налицо условия, предусмотренные в типических чертах самого предписания; распространяется на неопределенное число случаев и имеет возможность неоднократного исполнения; адресуется персонально неопределенному кругу лиц.[88]

Проанализировав советскую литературу по данному вопросу, А. В. Мицкевич указывает, что можно считать общепризнанными следующие внешние признаки нормативности правовых актов, отличающие их от индивидуальных: неконкретность адресата, возможность неод-

---

[86] См. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства». Под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. Госюриздат, 1962, стр. 31—85.

[87] См. «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства». Под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. Госюриздат, 1962, стр. 69, 71 и 80.

[88] А. Ф. Шебанов. Форма советского права. «Юридическая литература», 1968, стр. 105—106.

нократного применения предписания, сохранение действия предписания независимо от его исполнения. При этом автор указывает, что «на практике при определении нормативности актов необходимо руководствоваться всеми указанными признаками. Но *в одних случаях критерием может служить один* из них, а в других — *другой*, а в наиболее типичных случаях — все признаки»[89].

Вместе с тем А. В. Мицкевич определил правовое предписание как «то или иное логически завершенное положение, прямо сформулированное в тексте акта государственного органа и содержащее обязательное для других лиц, организаций решение государственной власти»[90]. Эти предписания «могут охватить лишь определенные условия или последствия поведения, предусмотренного иными предписаниями, иногда даже содержащимися в других актах. Устанавливая те или иные условия и предпосылки применения правовых норм к виду общественных отношений, а не к индивидуально определенным отношениям, предписание носит тем не менее нормативный характер, указывает, какова сфера действия правовых норм в пространстве, во времени, применительно к кругу лиц, организаций или объектов.[91]

В данных положениях кроется, как мне кажется, плодотворная мысль, дальнейшее развитие которой позволит более дифференцированно подойти к анализу различных форм нормативных актов и их составных частей. В частности, представляется важным установить более четкое соотношение правовых предписаний нормативного и ненормативного характера, нормативных предписаний с правовой нормой и статьей нормативного акта, директивных правовых предписаний с правовыми принципами, зафиксированными действующим законодательством и т. д.

Со всеми приведенными выводами указанных авторов нельзя не согласиться, ибо они ориентируют на изучение как содержания, так и формы нормативности права, особенностей его внутренней и внешней организации. Исходя из этих выводов, можно попытаться наметить и те признаки, по которым целесообразнее всего проводить разграничение между нормативными и ненормативными актами, а именно: 1) содержание и внутренняя структура нормативных и ненормативных предписаний; 2) способ регулирования ими общественных отношений и характер действия; 3) внутренняя структура и внешняя форма выраже-

[89] А. В. Мицкевич. Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. «Юридическая литература», 1967, 1967, стр. 54.

[90] Там же, стр. 34.

[91] Там же, стр. 41—42.

ния; 4) порядок принятия, вступления в силу и доведения до сведения исполнителей.[92]

При применении этих признаков обнаруживается, что ненормативные акты (в отличие от нормативных) выражаются не в виде общего правила поведения, а в виде конкретного предписания, адресованного конкретным лицам. Поэтому ненормативные предписания не имеют в своей структуре тех элементов, которые свойственны правовой норме. В них нет ни гипотезы, поскольку ненормативные указания сами по себе уже являются фактами применения правовой нормы к конкретным жизненным случаям, ни диспозиции, поскольку они устанавливают не общее правило, а являются конкретным распоряжением, ни санкции, поскольку она содержится в правовой норме. Ненормативные предписания — это конкретного характера правовые указания по применению либо диспозиции, либо санкции той или иной правовой нормы. При этом, как правильно отметил П. Е. Недбайло[93],акты по применению диспозиций правовых норм отличаются от актов по применению санкций этих норм. Во-первых, акты по применению диспозиций правовых норм непосредственно направлены на положительные действия субъектов правоотношений в целях достижения политических, хозяйственных или социально-культурных результатов, преследуемых той или иной нормой. Акты же по применению санкций правовых норм непосредственно направлены на создание невыгодных последствий для правонарушителей, сопряженных с ущемлением их благ. Во-вторых, акты по применению диспозиций правовых норм принимаются в менее сложном порядке, чем акты по применению санкций правовых норм. Для принятия актов по применению санкций (например, судебных актов) необходимо соблюдение строго определенных процессуальных правил. Различен, как правило, и порядок пересмотра этих актов. В-третьих, акты по применению диспозиций правовых норм обязательны только для их адресатов, т. е. участников данных правоотношений, в то время как акты по применению санкций правовых норм обязательны для всех других лиц в отношении данного конкретного дела и в связи с ним.

Таким образом, конкретные ненормативные предписания имеют иную структурную организацию, чем правовые нормы. Если внутренняя структура нормативного предписания включает в себя объективно необходимые элементы, образующие правовую норму, а внешняя структура — ее связь с другими нормами и правовыми системами более высокого порядка, то внутренняя и внешняя структуры ненормативного предписания имеют иной характер и направленность: внутренняя его

[92] См. «Законодательная техника». Изд. Ленинградского университета, 1965, стр. 18, А. А. Федосеев. Нормативные акты Советского государства и формы их выражения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Л., 1964, стр. 8.

[93] См. П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. Госюриздат. М., 1960, стр. 481—482.

структура состоит из элементов, имеющих субъективные основания, а внешняя — связывает правовую норму с правоотношением в процессе применения норм права к конкретным жизненным случаям[94].

По вопросу о характере индивидуальных ненормативных предписаний в юридической литературе высказаны и иные точки зрения. Так, П. Е. Недбайло считает, что есть акты, которые нельзя отнести ни к правоприменительным (т. е. ненормативным), ни к нормативным. Это так называемые интерпретационные акты[95]. Данная точка зрения уже была подвергнута критике в юридической литературе[96]. Разделяя ее, следует добавить, что мнение П. Е. Недбайло не подтверждается и практикой. В самом деле, интерпретационные акты, во-первых, облекаются в ту же форму, что и другие акты и, во-вторых, они хотя и не содержат новых правовых установлений, но по характеру заключенных в них положений могут быть отнесены либо к нормативным, либо к ненормативным актам.

Нельзя согласиться и с С. С. Алексеевым, который относит к индивидуальным актам акты-директивы планового характера и другие нормы в области хозяйственного строительства, поскольку «они являются актами применения правовых норм в основополагающей отрасли права — в государственном праве[97]. Между тем, регулировать — значит устанавливать границы, пределы, масштабы поведения людей, вносить в эти отношения упорядоченность, систему, определенное направление. А таким качеством обладают именно нормы права, которые — суть применение равной меры, одинакового масштаба к различным людям[98].

---

[94] Само собой разумеется, что ненормативные предписания не являются единственным «мостиком», связывающим норму права с соответствующим правоотношением. Такую же роль выполняют и другие юридические факты, с которыми норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений (например, различного рода юридически значимые события, действия, правонарушения, преступления и т. д.). Однако в отличие от иных юридических фактов ненормативные предписания (прежде всего судебно-следственных и административных органов) являются основной формой, в которой осуществляется применение права к конкретным жизненным случаям и с помощью которой наиболее полно и всесторонне проявляется регулирующая роль права.

[95] См. П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. Госюриздат, М., 1960, стр. 488.

[96] См. «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства». Госюриздат, М., 1962, стр. 82—83.

[97] С. С. Алексеев. О нормативном регулировании в коммунистическом обществе, «XXII съезд КПСС и вопросы государства и права». Изд. Свердловского юридического института, 1962, стр. 294.

[98] См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 15; В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 93.

Что же касается норм в области хозяйственного строительства (плановые нормы, нормы по компетенции, правила, инструкции, положения по содержанию машин и механизмов, по технологическому процессу и т. п.), то они в той же мере являются средством регулирования общественных отношений с тем лишь своеобразием, что «закрепляют всей совокупностью своих частей общие масштабы организации соответствующих видов общественных отношений, ставят их движение в определенные рамки, образуют руководящие начала их развития.[99]

Предписания же ненормативного характера никаких масштабов организации, движения и развития общественных отношений не устанавливают, а подчиняют конкретные отношения (или их группу) установленной системе, приводят эти отношения в порядок, установленный нормами права.

Выполняя функцию регулирования общественных отношений определенного вида, предписания нормативного характера содержат в себе не конкретные указания конкретному лицу совершить определенные действия, а определяют общие организационные основы и принципы деятельности широкого круга граждан, органов и организаций, устанавливают не только характер, но и структуру правового отношения, которое должно сложиться в жизни в результате такого регулирования.[100] Исполнителем нормативных предписаний может быть любое лицо, которое участвует или будет участвовать в общественных отношениях данного вида. В связи с этим действие нормативных предписаний не зависит от усмотрения отдельных лиц. Оно начинается с момента вступления нормативного акта в силу и, как правило, не ограничивается определенным сроком.

Таким образом, действие нормативных предписаний — это процесс существования норм права во времени, в пространстве и среди широкого круга лиц. Это не всегда еще реализация права, но во всех случаях юридическая возможность такой реализации. Действие права — это более широкое понятие, чем реализация правовых норм. В свою очередь, реализация правовых норм — это более высокая ступень действия права. «Под *действием права*, — правильно пишет С. С. Алексеев, — следует понимать пути и формы влияния права на общественные отношения, а также способы реализации юридических норм в практической деятель-

[99] «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства». Госюриздат, М., 1962, стр. 69.

[100] При определении нормативности того или иного правового положения, — пишет А. Ф. Шебанов, — необходимо обязательно установить, кого и к чему данное положение обязывает, кого и на что оно управомочивает. Если нельзя положительно ответить на эти вопросы, то, следовательно, данное положение не есть правовая норма» (А. Ф. Шебанов. Некоторые вопросы теории нормативных актов в связи с систематизацией советского законодательства. «Советское государство и право», 1960, № 7, стр. 146).

ности людей и общественных образований (государства, государственных органов, общественных организаций)»[101].

В отличие от нормативных предписаний ненормативные указания (распоряжения) выполняют функцию регулирования конкретного, единичного отношения на основе существующих норм права. Поэтому действие ненормативных актов — это уже процесс реализации права, применения правовых норм к конкретному жизненному случаю, процесс, который неминуемо связан с действиями людей, причем действиями определенными как в смысле их исполнителя, так и в смысле их характера, направленности, поскольку в ненормативном акте конкретно указано кто и что должен сделать. Эти действия прекращаются после исполнения ненормативного акта и, как правило, ограничиваются определенным сроком.[102]

В настоящее время значительное большинство советских юристов считает, что право представляет собой систему правовых норм. Но имеются и исключения. Так, еще П. И. Стучка считал, что правом является система общественных отношений.[103] А. К. Стальгевич понимает под правом и совокупность норм и систему регулируемых им общественных отношений.[104] А. А. Пионтковский утверждает, что право есть не только совокупность норм, но также совокупность правовых отношений.[105] По мнению С. Ф. Кечекьяна, в определении права как совокупности норм подразумевается, что речь идет о нормах, реализуемых в правоотношениях, что единство нормы права и правоотношений исключает необходимость отдельно говорить о каждом из этих явлений в определении права.[106]

Еще более расширяют понятие права те авторы, которые помимо системы норм права и правоотношений включают в это понятие также правосознание. Так, В. П. Казимирчук полагает, что содержание права равнозначно всей юридической надстройке и включает не только

---

[101] С. С. Алексеев. Общая теория социалистического права, вып. I, Изд. Свердловского института, 1963, стр. 128.

[102] Более подробно эти и другие положения об отличии нормативных от ненормативных предписаний рассмотрены и иллюстрированы конкретным законодательным материалом в работе «Законодательная техника», Изд. Ленинградского университета, 1965, стр. 13—27.

[103] См. П. И. Стучка. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1930, стр. 44.

[104] См. А. К. Стальгевич. К вопросу о понятии права. «Советское государство и право», 1948, № 7, стр. 50 и сл.

[105] См. А. А. Пионтковский. Некоторые вопросы общей теории государства и права. «Советское государство и право», 1956, № 1, стр. 17—20.

[106] См. С. Ф. Кечекьян. Правоотношения в социалистическом обществе. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 30.

нормы, но также правоотношения и правосознание.[107] Призывая к использованию той части литературного наследия П. И. Стучки, где ошибочно отождествлялось право с системой фактических отношений, Я. Ф. Миколенко требует коренного пересмотра ныне бытующего в советской юридической науке понятия права как системы правовых норм, объявляя его «узконормативным» и совершенно непригодным. Вместо него он считает необходимым включить в определение права указание, что речь идет о порядке в волевых отношениях, поскольку производственные отношения всегда являются вместе с тем волевыми отношениями. Я. Ф. Миколенко бросает упрек не только тем ученым, которые рассматривают право как систему правовых норм, но и А. А. Пионтковскому и С. Ф. Кечекьяну в том, что они не относят к праву правосознание[108]. Наконец, Г. С. Остроумов наделяет правосознание регулирующей силой (нормативный характер правосознания).[109]

Остановимся на этих взглядах более подробно. Отрицательное отношение к ним уже было высказано мною совместно с П. Е. Недбайло, И. С. Самощенко и Л. С. Явичем в коллективной статье[110], в которой, в частности, отмечалось, что ни конкретные правоотношения, ни тем более правосознание, не обладая «всеобщностью выражения»[111], нормативностью, не могут служить официальным, общим и равным «масштабом»[112] поведения людей. Лишь нормы права в своей системе составляют право, которое находит свое выражение в законах и иных нормативных актах государства, реализуется в правоотношениях. Если же нормы права, наряду с правосознанием и правоотношением признать лишь одним из «проявлений права», формой выражения или реализации права то что же тогда считать самим правом? Не следует ли отсюда вывод, что само право лежит вне правовой надстройки, в метаюридической сфере. При таком подходе пришлось бы считать правом сознание или волеизъявление отдельных субъектов правоотношения, ли-

---

[107] См. В. П. Казимирчук. Право и методы его изучения. Изд. «Юридическая литература», 1965, стр. 19—66—69 и др.

[108] См. Я. Ф. Миколенко. Право и формы его проявления, «Советское государство и право», 1965, № 7, стр. 47—53.

[109] См. Г. С. Остроумов. Правовое осознание действительности, М., «Наука», 1969, стр. 46 и сл.

[110] См. Д. А. Керимов, П. Е. Недбайло, И. С. Самощенко, Л. С. Явич. К вопросу об определении понятия социалистического права. «Правоведение», 1966, № 2, стр. 17—23. См. также Л. С. Явич, Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. Госюриздат, 1961, стр. 16—17.

[111] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 322.

[112] См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. т. 33, стр 3.

бо сложившийся порядок фактических отношений. В первом случае, не вскрыв специфику права, пришлось бы занять явно волюнтаристскую позицию; во-втором, — также лишившись возможности выявить сущность права, пришлось бы закрыть путь к установлению его действительной роли как государственного регулятора общественных отношений. Ведь нельзя же регулятор смешивать с тем общественным отношением, которое он регулирует.

«Если нет смысла, — пишет Л. С. Явич, — отрывать регулятор (право) от регулируемого предмета, то нельзя и смешивать то, что регулирует, с тем, что подлежит правовому регулированию»[113]. Подобно тому как нельзя надстроечные явления отождествлять с базисными, так и право не следует смешивать с производственными и любыми иными фактическими отношениями; подобно тому, далее, как нельзя государство отождествлять со всей политической надстройкой, так и право не следует смешивать со всей юридической надстройкой; подобно тому, наконец, как нельзя экономику отождествлять с экономическими взглядами, а политику — с политическими взглядами, так и право не следует смешивать с правосознанием.

Признание нормативности права имеет большое теоретическое и практическое значение, ибо дает возможность отличать право от всех иных частей правовой надстройки и вместе с тем позволяет показать ту органическую связь, которая имеет место между правом и всеми иными правовыми явлениями, в том числе правосознанием и правоотношениями. Исходя из понимания права как системы правовых норм, можно всегда получить ясный ответ, законно или противозаконно то или иное поведение, действие, решение; всегда можно установить, что есть право, а что произвол, какие отношения являются правоотношениями, какой порядок отношений следует считать правопорядком, наконец, какое правосознание соответствует действующему праву, а какое ему противоречит. Напротив, если свести право к правосознанию, к волеизъявлениям отдельных субъектов правоотношения, к индивидуальным актам, то сразу утрачивается значение права как общего «масштаба», «меры», ориентира, регулятора, на основании которого можно было бы судить о правомерности поступков и действий людей.

Признание нормативности права отнюдь не умаляет роли и значения ни правосознания, ни правоотношений. Проводя различие между правом, с одной стороны, правосознанием и конкретными правоотношениями — с другой, мы лишь более четко определяем место каждого из них в системе правовых явлений, в реальной правовой жизни. На самом деле, разве теряет что-либо законность от того, что мы не включаем ее в понятие права? Напротив, отождествление права и законности принизило бы практическое значение борьбы за укрепление законности, а в научном отношении нивелировало бы ее специфические свойства. Точно так же обстоит дело с правосознанием и правоотношения-

---

[113] Л. С. Явич. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, стр. 17.

ми. Что можно было бы сказать о роли правосознания в правотворчестве или в применении права, если правосознание считать самим правом? Только, по-видимому, то, что оно само себя творит и применяет.

Если правом следует считать не только правовые нормы, но и правосознание, то логически можно было бы заключить, что защита порядка фактических отношений осуществляется или может осуществляться на основе правовых взглядов судьи, а не только на основе закона, что любой индивидуальный акт (например, приговор суда), защищающий фактический порядок отношений, сложившийся в данном конкретном случае, и является правом. Отсюда и вывод: право — это то, что решает суд или любой государственный орган, даже должностное лицо, вывод, который решительно отвергается советской юридической наукой и практикой.

Несостоятельность мнения о включении правосознания в понятие права становится очевидной также при постановке вопросов: всегда ли правосознание отдельного лица соответствует праву, действующему законодательству? Разве правосознание преступника перестает быть правосознанием от того, что он не признает и грубо попирает закон? И напротив, разве правосознание передовой части общества не может опережать действующий закон?

Значение правоотношений также не принижается от того, что они не есть само право. Правоотношения — исключительно важная форма реализации права в жизни общества, это не второстепенная правовая категория или не какой-то «побочный продукт» права, а необходимая и основная форма его осуществления. Подобно тому как должное нельзя отрывать от сущего, возможность от действительности, так право нельзя изолировать от тех отношений, в которых оно находит свое возникновение, жизнь, осуществление. Однако органическая связь должного и сущего, возможности и действительности не означает их тождества. Точно так же нельзя правила поведения отождествлять с самим поведением, а право с правоотношениями, в которых оно реализуется. Если право отождествить с правоотношениями, то теряет весь смысл проблема применения и осуществления права. Что можно сказать о правоотношениях, если они и есть право? Разве только то, что они сами являются формой своей реализации.

Признание нормативности права ничего общего не имеет с буржуазно-догматической теорией, рассматривающей право как самодовлеющую систему норм, оторванных от своей классово-волевой сущности и экономической основы. Когда утверждается, что право —это государственная воля господствующего класса, выраженная в системе норм, то тем самым подчеркивается его классово-волевая направленность; когда отмечается, что содержание воли в праве материально обусловлено, то тем самым указывается на надстроечный характер права, его зависимость от базиса, от экономического строя общества; наконец, когда утверждается, что правоотношения — необходимая и основная форма реализации права (хотя отнюдь не единственная), то тем самым подчеркивается, что нормы права подлежат реализации, осуществлению в поведении людей, обладающих субъективными правами и

имеющих юридические обязанности, в специфических общественных отношениях, основанных на законе и находящихся под государственной защитой.

Вместе с тем, признавая нормативность права, мы четко противопоставляем свою позицию и вульгарно социологической концепции права, характерной для современной реакционной буржуазной юриспруденции, пытающейся в целом ряде случаев совершенно открыто и теоретически недвусмысленно оправдать произвол и беззаконие.

Нормативность объективно необходима праву для того, чтобы осуществлять свою основную функцию — регулировать соответствующие общественные отношения[114]. Понятие «регулирование», как правильно отмечает А. В. Мицкевич, выражает не все формы воздействия права на сознание и поведение людей, но выражает специфику права как нормативного средства воздействия на общественные отношения[115]. Более того, и внутри понятия «регулирование» следует отличать понятие «правовое регулирование» от понятия «регулирование правом», что, к сожалению, не делается в юридической литературе[116]. В результате отождествляется воздействие правовой надстройки в целом с воздействием ее части — правом. Между тем в отличие от правового регулирования, которое осуществляется совокупностью всех юридических средств воздействия, специфика регулирования правом состоит в нормативности и общеобязательности воздействия в интересах господствующего класса и поэтому обеспеченного государственным принуждением. Правосознание, ненормативный акт или правоотношение

---

[114] О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский пишут, что «широко распространенные в советской юридической литературе определения не выявляют роли права как регулятора общественных отношений и переносят центр тяжести на то, что право применяется в целях охраны, закрепления и развития отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу. . . Но такая цель достигается правом именно потому, что оно является регулятором общественных отношений» (О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. Госюриздат, 1961, стр. 60).

[115] См. А. В. Мицкевич. Некоторые черты взаимодействия права и нравственности в период перехода к коммунизму. «Правоведение», 1962, № 3, стр. 17.

[116] См. Б. В. Шейндлин, Сущность советского права. Изд. Ленинградского университета, 1959, стр. 110 и сл.; Л. С. Явич. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, Госюриздат, 1961, стр. 26; В. М. Горшенев. Участие общественных организаций в правовом регулировании. Госюриздат, 1963, стр. 31—33; С. С. Алексеев. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. «Юридическая литература», 1966, стр. 5, 30. Следует отметить, что в этих работах наиболее полно разработана проблема правового регулирования.

воздействуют на общественные отношения, но не являются нормативными; правосознание имеет как господствующий, так и негосподствующий класс, но и в том и другом случае его воздействие не обеспечено государственным принуждением; ненормативный акт или правоотношение является обязательным, но не общеобязательным воздействием на общественные отношения. Регулирование же правом в силу отмеченных моментов создает четко упорядоченное и гарантированное воздействие на общественные отношения, вводит их в строго определенные рамки, неизбежно обеспечивает их развитие в необходимом направлении.

Разумеется, проведенное различие между правовым регулированием и регулированием правом имеет весьма условный и относительный характер, поскольку в реальной действительности они настолько органически связаны, что не могут функционировать один без другого. И тем не менее такое различение имеет определенный не только теоретический, но и практический смысл, поскольку позволяет анализировать роль и значение различных частей правовой надстройки и на этой основе совершенствовать функции каждой из них в соответствии с ее спецификой. Игнорирование этого различия приводит к путанице в понятиях, в результате которой возникает бессмысленная взаимная критика между авторами. Так, С. С. Алексеев пишет, что процесс правового регулирования включает в себя три основные стадии: регламентирование общественных отношений, действие юридических норм, реализацию субъективных юридических прав и обязанностей, которым соответствуют три основные части механизма правового регулирования — юридические нормы, правоотношения, акты реализации субъективных юридических прав и обязанностей[117]. Ясно, что здесь речь идет не о правовом регулировании, а преимущественно о регулировании правом общественных отношений. Однако отсутствие у автора такой оговорки вызвало критику его позиции со стороны В. А. Шабалина, который также не видит различия между указанными понятиями. Он пишет, что на первой стадии механизма правового регулирования соответствующее место занимают правосознание и нормотворчество, что правосознание принимает участие не только в решении задач первой стадии, но и подключается к остальным стадиям, что, наконец, и законность пронизывает все стадии, хотя и занимает самостоятельное место в данном механизме[118].

Процесс регулирования правом общественных отношений, на мой взгляд, имеет следующие взаимосвязанные основные стадии или этапы: во-первых, наличие юридического факта, приводящего в действие соответствующую правовую норму; во-вторых, соблюдение, испол-

---

[117] См. С. С. Алексеев. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. «Юридическая литература». 1966, стр. 34.

[118] См. В. А. Шабалин. Системный анализ механизма правового регулирования. «Советское государство и право», 1969, № 10, стр. 124.

нение или применение правовой нормы через правоотношение; в-третьих, обеспечение комплекса требований законности в реализации правовой нормы. Что же касается процесса правового регулирования, то он включает в себя, помимо отмеченного, и многое другое: весь процесс правотворчества, правовую информацию и пропаганду права, правосознание и правовое воспитание, весь организационный и социально-психологический процесс правореализующей деятельности различных субъектов права, состояние правопорядка и режима законности, проверку целесообразности и эффективности действия правовых норм и т. д. Все эти факторы имеют существенное значение для дальнейшего совершенствования правового регулирования социалистических общественных отношений и повышения роли советского права в строительстве коммунизма.

ГЛАВА II

ПРИНЦИП ОТРАЖЕНИЯ И РЕГУЛЯТИВНЫЕ ФУНКЦИИ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

В современную эпоху революционных изменений в социальной жизни в науке и технике вырастает роль морального фактора в общественных отношениях, в идейной борьбе людей. Нравственные идеалы, требования и мотивы поведения не только отражают определенные реальные потребности общественного развития, но и стимулируют социальную активность человека и его деятельность по преобразования мира. Чем дальше развивается социалистическое общество, тем все большее значение приобретают нравственные ценности и ориентации его членов.

1. Основные характеристики нравственного сознания*

Нравственное сознание функционирует как общественное и как личностное (персонифицированное) сознание. Основными характеристиками общественного нравственного сознания являются оценка и предписание, а личностного нравственного сознания — оценочное и должное отношение.

Оценочные отношения в их широком понимании являются таким проявлением общественного и личностного нравственного сознания, посредством которого с позиции морали санкционируется какая-либо прошлая, настоящая или будущая действительность. Оценка представляет собой сознательное выражение положительного или отрицательного отношения оценивающего субъекта к оцениваемому объекту.[1] Специфическую (собственную) сферу оценки составляют политические, нравственные, эстетические и др. отношения. Но и научное познание содержит оценочные моменты, так же как и ценностное отношение, в свою очередь, не является изолированным и независимым от научного познания; этическое познание содержит в себе оценочные элементы, а нравственное отношение — элементы познания.

---

* Под основными характеристиками нравственного сознания мы подразумеваем такие его черты, которые необходимы и достаточны для его функционирования как социального феномена.

[1] См. Г. Клаус. Сила слова. М., 1967, стр. 21

Оценочные моменты в этическом познании связаны прежде всего и главным образом с его практическим использованием — удовлетворением определенных потребностей и интересов человека и общества. Помимо оценки как научного процесса и его результатов существует и оценка как акт мышления, связанный с научной обработкой дескриптивной информации, с анализом и обобщением, с интерпретацией и объяснением нравственных фактов, процессов и закономерностей.

Оценочные формы нравственного сознания имеют предпосылкой соответствующую дескриптивную информацию об оцениваемом объекте, из которой логически следует определенное предписание (прескрипция). От содержания дескриптивной информации[2] в очень большой степени зависит объективность оценочного акта, так же как и жизненность нравственных предписаний определяется в значительной степени качествами оценки. Структура нравственной оценки включает субъект, предмет, критерий (основание) и оценочный акт.[3] Субъект нравственной оценки (данное лицо или коллектив) с позиций соответствующих нравственных критериев приписывает характеристику, т. е. высказывает одобрение или осуждение оцениваемым социальным явлениям, отношениям и поступкам людей в качестве их специфического свойства. Например, Никола оценивает с точки зрения требований (критериев) социалистического коллективизма поступок Стояна как индивидуалистический, или как соответствующий принципам коллективизма, т. е. отрицательно или положительно.

Важнейшей качественной стороной оценочного критерия в классовом обществе является классовая позиция. Оценочное отношение выражает потребности и интересы данного класса. Классовый характер оценочного отношения зависит от его субъекта, но определяется классовым содержанием оцениваемого объекта. Известно, что в ценностной области (в особенности в области искусства, духовной и материальной культуры) содержатся и общечеловеческие моменты. В современных условиях, когда, с одной стороны, борьба против реакционной идеологии и ее проникновения в сознание и поведение людей обостряется, а с другой — научно-технический прогресс и строитель-

---

[2] Ценностное суждение всегда предполагает информацию о фактическом состоянии оцениваемого объекта, т. е. определенную дескрипцию (см. О. М. Бакурадзе. Истина и ценность. «Вопросы философии», 1966, № 7, стр. 48.

[3] Советский автор А. А. И в и н включает в логическую структуру оценки ее субъекта, предмет, характер и основание (см. А. А. И в и н. О логике оценок. «Вопросы философии», № 8, 1968, стр. 54—57.

По нашему мнению, едва ли правильно включать характер оценки в ее логическую структуру. Структурный компонент — оценочный акт, но вопрос о том, является ли этот акт позитивным (одобрением) или негативным (осуждением), абсолютным или сравнительным, имеет отношение не к структуре, а к типологии оценки.

ство развитого социалистического общества усиливают общечеловеческие элементы в системе культуры, ценностей и воспитания, большое значение приобретает задача формирования у людей здоровых идейных убеждений и ясных классовых позиций, точных критериев разграничения классово-партийных и общечеловеческих аспектов социальных явлений, материальных и духовных ценностей, поступков человека. Выработка такой внутренней меры оценочного отношения предохраняет как от проявлений абстрактного объективизма, так и от субъективизма.

Оценочные формы нравственного сознания могут рассматриваться как по отношению к прошлому, так и по отношению к будущему. В первом случае они не выполняют непосредственных регулятивных функций, так как регулирование всегда обращено к будущему. Оно бессильно по отношению к чему-либо уже совершившемуся. Прошлое может лишь быть подвергнуто исследованию, анализу и оценке с целью извлечения опыта для регулирования будущих процессов. Проспективная же оценка, напротив, имеет непосредственно регулятивное значение для нравственного поведения человека, ибо, выступая в качестве характеристики какого-либо будущего поведения, дает ему соответствующую ориентацию. В этом случае оценочный акт естественно связывается с нормативным требованием. Ценностное знание отражает не только собственное бытие вещей и явлений, но главным образом отношения людей (личности, социальных групп, класса) к ним, преломленные через их потребности, интересы, волю. Вот почему как форма мышления и отношения оно характеризуется активностью. Именно эти особенности ценностных форм общественного сознания имеют существенное значение для объяснения внутренней связи и взаимодействия оценочных и императивных компонентов моральной системы. С помощью нравственных оценок дескриптивная информация о нравственных феноменах трансформируется в прескриптивные требования к человеку. Здесь осуществляется диалектический переход одной формы нравственного регулирования в другую форму.

Нравственное требование и должное отношение как характеристики нравственного сознания связаны с регулированием и практическим изменением нравственных явлений, отношений и поведения людей. Системы нормативных требований не дают прямого знания о состоянии и тенденциях развития нравственной действительности, а содержат познавательную информацию лишь в имплицитной форме.

В обществе имеются различные виды предписаний: решения, указания, инструкции, директивы, приказы, программы, нормы и др., которые предъявляют к человеку определенные требования в отношении выполнения определенных обязанностей. Поэтому в своей совокупности они образуют деонтическую область социальной жизни — то, что дозволено и что запрещается людям. Система общественных требований определяет объективное содержание должного отношения личности. Социальные потребности, интересы и цели в этой сфере нравственного сознания выражаются в форме императивных требований к поведению личности и указаний как она должна поступать в качестве нрав-

ственной личности. Поэтому здесь ярче всего проявляются интересы классов и социальных групп. В условиях классового деления общества каждая социальная группа вырабатывает свою систему нравственных требований. Даже предписания, содержащие общечеловеческие требования справедливости, честности, гуманности и пр., могут вызывать со стороны представителей отдельных классов различные, а порой и противоположные отношения и действия.

Нравственные предписания в зависимости от характера ситуации, к которой они относятся, можно было бы подразделить на два основных типа: предписания для предельно общих ситуаций и для конкретных ситуаций. Типичной для первой группы нравственных предписаний является норма (нормативная система)[4], а для второй — программа нравственного воспитания.

Норма — такое предписание, в соответствии с которым должно (можно или нельзя) быть выполнено определенное действие для достижения заданных целей.[5] Не всякое предписание является нормой, а лишь такое, которое принимает форму безличных, всеобщих и общеобязательных императивов,[6] имеет характер общего правила, рассчитанного на многократное применение, и содержит всеобщий принцип поведения. Более конкретно, всеобщность нормативного требования основывается на признании равенства всех людей перед моральным законом и универсализации нормативного предписания[7].

Нравственная норма определяет общественно необходимые типичные варианты нравственного поведения. Она не является ни индивидуальным, ни абсолютно всеобщим правилом (как ее понимал Кант), а представляет собой такое общее требование, которое регламентирует, согласует и генерализирует поступки людей, определяет тип поведенческого акта. В отличие от некоторых других социальных регуляторов (например, экономических нормативов, технических и грамматических правил) нравственная норма дает ценностную ориентацию. В сложной динамике общественной и личной жизни человек действует в различной микросреде — от самой близкой (интимной) до самой официальной. Он оказывается перед самыми разнообразными проблемными ситуациями — нормальными и конфликтными, обыкновенными и сложными, стереотипными и творческими, случайными и закономерными

---

[4] «Под нормативной системой, — пишет Ю. Н. Солодухин, — в самом широком значении этого слова мы подразумеваем такие системы объектов, для описания которых прибегают к использованию нормативных слов и фраз, например, «обязан», «не обязан», «дозволяется», «запрещается» и т. п.» (Ю. Н. Солодухин. Нормативные системы в управлении обществом и их логический анализ. Сб. «Научное управление обществом». М., 1967, стр. 290).

[5] См. Г. Клаус. Сила слова, стр. 178.

[6] См. О. Г. Дробницкий. Природа морального сознания. «Вопросы философии», 1968, № 2, стр. 35—36.

[7] См. О. Г. Дробницкий. Нравственное сознание. Докторская диссертация, М., 1969, стр. 348, 824.

и т. д., подвержен многосторонним воздействиям — внешним и внутренним, положительным и отрицательным, сознательным и стихийным, привычным и непривычным. Все это усложняет выбор поведения. Нравственная норма — это такое средство, которое дает ориентацию человеческой личности, указывает, какие поступки являются допустимыми и предпочтительными и каких следует избегать. Ценностно-ориентирующее свойство нормы связано, в частности, с системами деонтических ценностей, которые касаются очень существенной области социальной жизни — роли, функций и обязанностей людей.

Нравственную норму можно было бы определить как разновидность предписания поведения, своеобразную меру (одинаковый и общий масштаб) допустимых и обязательных нравственных вариантов поступков, с помощью которой осуществляется регулирование поведенческих актов людей с позиций и интересов данного общества (класса).

Предписания (и прежде всего нормативные) адресованы к человеку, к его деятельности и поведению. Для должного нравственного отношения характерно осознание и внутреннее восприятие общественных требований и обязанностей. Оно возникает и проявляется в определенных ситуациях, когда от личности требуется выполнение определенных обязанностей, за которые она несет ответственность перед обществом, коллективом, или самим собой. Основными элементами этих должных (деонтических) ситуаций являются: социально значимые нравственные предписания, установка — ориентация, готовность личности к должным требованиям и объективные условия, позволяющие реализовать соответствующее должное поведение.

Из сказанного видно, что общественное и личностное нравственное сознание функционируют как единый процесс взаимодействия оценочных, прескриптивных и должных форм. Эти формы связаны с сознательным и целенаправленным регулированием человеческого поведения и являются взаимно дополняющими друг друга компонентами ценностной ориентации. Связь и взаимодействие между ними проявляются различно в зависимости от характера оценочного акта. В случае ретроспективного акта норма выполняет роль общественного масштаба оценочного отношения, а при проспективном акте — не только модальную функцию, но и выражает долженствование. По отношению к прошлому поведению оценка не имеет характера долженствования, по отношению же к будущему поведению и норма и оценка выполняют двуединую регулятивную роль, выступают как нравственное требование, имеющее нормативно-оценочный характер: «Ты должен уважать интересы социалистического коллектива. Если ты будешь так поступать (не делать этого), твое поведение будет одобрено (или осуждено) общественным мнением» — эта формула выражает нормативно-оценочный характер требования социалистического коллективизма.

В порядке обобщения можно отметить ряд отличительных особенностей предписательной и оценочной систем ориентации и регуляции человеческого поведения. Предписание (главным образом норма) ориентирует своим требованием, оценочный же акт — одобрением и осуждением. Предписание не приписывает характеристику, а предписы-

вает поведение, оценочный же акт не предписывает поведения, а приписывает характеристику чему-либо — тому что произошло, что происходит или произойдет. При этом можно приписать характеристику будущей (предполагаемой) действительности, но нельзя предписать того, что уже совершено. В то время как предписания регулируют должное поведение, посредством оценочных форм нравственного сознания человек ориентируется на определенное предпочитаемое (желаемое, заинтересованное) поведение. Должное и предпочитаемое поведение — основные формы сознательно регулируемого обществом нравственного поведения человека.

2. Объективный аналог и информационный эквивалент нравственного сознания

Нормативные и оценочные формы общественного сознания — правовое, политическое, нравственное и др. — порождены потребностями функционирования общества, необходимостью организовать производство и политическое управление, поддерживать дисциплину и порядок в общественной жизни, регулировать отношения между людьми и их поведение. Особенно важное теоретико-методологическое значение для понимания генезиса и объективных основ нравственных нормативных требований и оценочных критериев имеет мысль Энгельса о необходимости для общества «охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена»[8].

Самой глубокой объективной основой социальных норм и оценочных критериев является то, что функционирование и развитие общественных явлений происходят в определенных качественно-количественных рамках. В общественной действительности, в действиях и нравственных поступках людей присутствуют не только динамика, изменчивость и развитие, но и относительное постоянство и повторяемость, нечто инвариантное. Каждый человек реализует свое поведение в определенных объективных условиях, каждый нравственный акт подчиняется общим закономерностям и механизмам. Это дает возможность вывести общий знаменатель (установить общую меру) для индивидуальных поступков и действий людей.

Нормативные формы и оценочные критерии, различные правила деятельности (математические, грамматические, технические и др.) проявляются в результате накопления достаточного числа аналогичных случаев и осознания реального эффекта целенаправленного предписывающего и оценочного воздействия с помощью общих принципов и критериев на поступки людей. Генезис и функционирование этих форм и критериев основываются, следовательно, на повторяемости

---

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 272.

социальных явлений и процессов, и сами они становятся возможными, как это отмечает Л. С. Явич, благодаря способности человека путем абстрагирования охватывать всю группу явлений (повторяющиеся аналогичные случаи и события, одинаковые варианты поведения) некоторыми общими правилами[9] и, мы бы добавили, оценочными масштабами.

Итак, нравственная норма и нравственный критерий оценки отражают три существенных момента объективной социальной действительности: а) качественно-количественную определенность нравственных явлений и отношений, их относительную устойчивость; б) функциональный аспект взаимодействия нравственных явлений с остальными явлениями и процессами социальной жизни; в) объективную потребность общества (класса) и возможность для человека осознавать эти относительно устойчивые, повторяющиеся процессы, выделять в них общее и переводить на язык общеобязательных требований должного и оценочного отношения, посредством которых можно осуществлять и обратное воздействие на нравственную действительность.

Как отражение социальной действительности нравственное сознание (общественное и личностное, оценочное и предписательно-должное) имеет свой информационный эквивалент. Без информационного анализа системы нравственного сознания нельзя объяснить его социальное содержание, раскрыть его специфическую функционально-регулятивную роль.

Социальная информация рассматривается нами в ее широком значении — не только как совокупность сведений, передаваемых людьми друг другу в процессе общения, «но и прежде всего как одно из основных свойств объективного мира, которое связано с наличием в нем особого рода процессов, называемых информационными»[10]. В соответствии с этой позицией способ деятельности людей также можно рассматривать как способ передачи содержащейся в ней информации[11]. Существующие в обществе информационные процессы можно было бы подвести под следующую типологию: а) «рациональный тип», охватывающий систему научного познания; б) «оценочно-нормативный» тип, носителем которого являются политика, право, мораль, искусство и религия; в) «эмпирический» тип, включающий вещно-предметный мир и сферу практических действий, поступков и отношений людей. Эти информационные системы общества являются носителями и средствами передачи социального опыта. И если с помощью первых двух систем он передается «на языке научного и ценностного познания», то посредством третьей системы он сообщается на «языке реальной жизни».

Существенным требованием марксистско-ленинской этики являет-

---

[9] Л. С. Явич. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961, стр. 18—19.

[10] Краткий словарь по философии. М., 1970, стр. 117.

[11] См. Г. Клаус. Кибернетика и философия. М., 1963, стр. 98.

ся качественный анализ информационного содержания исследуемой моральной системы, в частности, нравственного сознания. Он опирается на эвристическое значение содержательной, качественной теории информации, которая в отличие от математической теории информации кладет в основу анализа смысл, значение и ценность информации и имеет своим методологическим фундаментом ленинскую теорию отражения. Разумеется, нравственная информация, как и всякая другая социальная информация (политическая, правовая, художественная и пр.), характеризуется количественными параметрами. Но главное значение приобретает ее качественный аспект, связанный с положением личности, социальных групп и классов в обществе[12]. Нравственная информация выполняет важные функции в современной идеологической борьбе, которая по сути дела является борьбой за мировоззрение, за определение ценностной ориентации и нравственной линии поведения людей.

Информационный эквивалент нравственного сознания может рассматриваться в двух аспектах: гносеологическом и функциональном. В самых общих чертах в гносеологическом аспекте он выступает как отражение объективной действительности, а в аспекте функциональном — как регулятивный механизм общества.

Нравственная жизнь людей — источник богатой и разнообразной дескриптивной (описывающей, фактической) информации о состоянии практической морали, о нравственных отношениях и поступках, о мотивах и результатах действий, о противоречии между нравственными требованиями и реальным поведением, о моральных пороках, о взаимодействии нравственных феноменов с социальной средой, о нравственных потребностях общества и пр. Благодаря своему эмпирическому характеру описывающая информация становится исходной основой научного (этического) познания и ценностного (оценочно-нормативного) нравственного сознания. Сама по себе эта информация «нейтральна», она может войти в «ткань» и научного познания и нравственного сознания. Именно путем научного объяснения и оценки описывающая информация о нравственной жизни «переводится» на язык науки и ценностного познания.

В марксистско-ленинской теории познания развивается плодотворная идея[13], согласно которой субъективное отражение объективной действительности может выступать и как социально-причинное отражение, т. е. отражение объекта через призму социальных условий и интересов. Оценочные и предписывающие компоненты общественного сознания относятся к отражению этого типа. В нем находят выражение соответствующие потребности, интересы и цели общества, определенных социальных сил, классов. Поэтому оно далеко не всегда дает истинное знание о социальных феноменах.

---

[12] См. В. Г. Афанасьев. Научное управление обществом. М., 1968, стр. 243.

[13] См. С. Петров. Понятия за обективно и субективно. София, 1965.

Детерминирующее воздействие объективных условий, общественного бытия на процессы возникновения и функционирования форм нравственного сознания осуществляется не непосредственно и автоматически, а посредством сложного и диалектического процесса познания и их осознания человеком. Это противоречивый процесс, зависящий не только от познавательных возможностей людей, но и от их общественных позиций и целей. Оценочные и предписательные системы отражают адекватно и такие позиции, интересы и стремления людей (социальные группы), которые иногда не соответствуют объективным закономерностям общественного прогресса. Идеология эксплуататорских классов является извращенным отражением действительности адекватно выражающим определенные социальные позиции. Она не истинна, ибо извращенно отражает мир, однако она адекватна интересам эксплуататорских классов, групп, ибо человек с такой классовой позицией не может иным образом увидеть себя в окружающем его мире[14]. В этом примере неправильное (извращенное) социально-причинное отражение возникает как особый случай адекватного отражения и происходит в его рамках. Это означает, что не следует смешивать адекватность оценочно-предписательного отражения с его истинностью.[15]

Объектом ценностного познания являются вещи, явления, события, процессы объективной действительности, которые благодаря своим имманентным качествам и свойствам имеют положительное или отрицательное значение для жизнедеятельности людей. Оценивающий субъект — это человек (класс) с его потребностями и интересами. В объективной действительности существуют не ценности вообще, а вещи и явления, которые благодаря своим реальным качествам и свойствам имеют для человека (класса) ценностное значение. Взятые «в себе» абстрактно, изолированно от человека, они для человека лишены ценности. Между оценивающим субъектом и оцениваемым предметом возникает ценностное отношение,[16] которое находит выражение в акте оценки. Следовательно, без объективного источника и субъекта оценки нет ценностного отношения.

Специфика, в частности, предписательных форм общественного сознания заключается в том, что они отражают социальные потребности, интересы и цели в форме императивных требований к человеку. Воля общества (класса) выражается путем предписания определенного поведения. Общественная потребность и необходимость модифицируются в определенные требования, которые члены общества (класса) обязаны соблюдать в своей деятельности и поведении.

Предписывающая форма социального отражения отличается своим активным и целенаправленным характером. Для раскрытия ее глубокого механизма большое методологическое значение имеет теория совет-

---

[14] См. Л. Живкович. Теория социального отражения. М., 1969, стр. 330.

[15] См. Г. Клаус. Сила слова. стр. 65.

[16] См. О. Г. Дробницкий. Мир оживших предметов. М., 1967, стр. 45.

ского ученого П. К. Анохина[17] об опережающем отражении действительности. Развивая далее идею И. П. Павлова о «предупредительной деятельности» условно-рефлекторных механизмов, он раскрывает регулятивную роль высоко-специализированных форм опережающего отражения действительности для приспособления живого организма к будущим, еще не наступившим событиям. Именно эти формы активного отражения достигают своей самой высокой степени развития в общественной деятельности и в поведении человека. Специфическое выражение они находят в предписательных системах и проспективной оценке.

Опережающая функция нравственного отражения может рассматриваться в трех аспектах: как прогноз развития нравственного сознания и нравственных отношений людей (описания будущих процессов в нравственной области), как проспективная оценка и как предписание. В последнем случае целевая функция опережающего отражения выступает как требование соответствия будущего поведенческого акта нравственному критерию данного общества (класса). Кроме того, если объектом проспективной нравственной оценки может быть каждый социальный феномен, то объектом нравственного предписания может быть только человеческая личность — ее деятельность и поведение.

Социальная информация, которая содержится в проспективных формах нравственного сознания, является трансформированной, обращенной вперед и «приведенной в действие» описательной информацией, т. е. она превращается в «регулятивный механизм» управления человеческим поведением. Посредством этого информационного механизма успешно используется прошлый социальный опыт человека для регулирования его будущего поведения. В данном случае информационный эквивалент нравственного сознания выступает в своем функциональном аспекте. Специфические функции форм нравственного сознания заключаются не в том, чтобы давать людям знания (такое предназначение имеет этика как наука), а чтобы регулировать их поведение. Познавательный процесс здесь имеет подчиненное значение — он помогает регулятивному акту.

Функциональный аспект оценочно-предписательного отражения связан с персонификацией содержащейся в нем нравственной информации. Под персонификацией мы понимаем сложный и противоречивый процесс взаимодействия информационного содержания нравственного сознания с различными типами сознательно-психических и идеологических отношений и процессов, образующих целостный личностный мир человека, включающий в себя потребности, интересы, мировоззрение, убеждения, критерии оценки, стремления, качества и т. д. Персонифицированные феномены — качественно новый синтетический результат, который получается в результате взаимодействия внешних факторов и микросреды личности.

---

[17] См. П. К. Анохин. Опережающее отражение действительности. «Вопросы философии», 1962, № 7.

Персонификация рассматривается нами как более широкий процесс по сравнению с интериоризацией внешних информационных воздействий, так как она включает и процесс их поведенческой объективации (экстериоризации). Ее не следует смешивать и с индивидуализацией, поскольку между личностью и индивидуумом имеются существенные различия. Интериоризация общественных нравственных требований и критериев и экстериоризация нравственного оценочного и должного отношения человеческой личности — две стороны функционирования нравственной жизни человека, образующие двуединое содержание процесса взаимодействия со средой.

Действенная сила морали как регулятивного фактора общества основывается на авторитете общественного мнения («общественной совести») и на сознательном отношении личности к нравственным требованиям, то есть на нравственном сознании личности, на личной совести человека. Индивид находится под воздействием целого комплекса нормативных и оценочных требований, детерминирующих социальное содержание его нравственного отношения. Но он проявляется как нравственная личность тогда, когда эти общественные требования становятся личными убеждениями и мотивами поведения. Внутренняя мотивированность поведенческих актов — это самая специфическая особенность нравственности как регулятивного фактора. В области права допустимы и принудительные средства воздействия, но поведение человека перестает быть нравственным, когда оно совершается лишь под влиянием внешнего принуждения или когда оно мотивировано стремлением к внешнему благополучию. Следовательно, нравственное поведение предполагает социальную и личностную мотивированность действий и поступков человека.

Обусловленное внешними взаимодействиями и, в свою очередь, мотивирующее поведение личности, нравственное сознание включается в механизм взаимодействия человека со средой. Если бы человеческое поведение непосредственно, однозначно и с роковой необходимостью определялось объективными взаимодействиями, то тогда был бы невозможен свободный выбор и целенаправленное регулятивное воздействие, было бы излишним всякое преднамеренное и организованное нравственное воспитание.

Нравственное оценочное и должное отношения личности формируются под воздействием целостной структуры общества: материального производства, общественного управления, духовной жизни, коммуникативных отношений. Нравственное сознание формируется в процессе активного взаимодействия индивида с объективными обстоятельствами. Но специфическое значение для формирования нравственного оценочного и должного отношений человека имеют объективные нравственные системы предписательных требований и оценочных критериев.

Нравственное сознание людей — персонифицированный информационный эквивалент общественных нравственных требований, представляющий собой единство оценки и должного. Содержащаяся здесь информация опосредствована всей сознательно-психической жизнью

человека — интеллектуальной, эмоциональной, волевой, идеологической, его интересами, ценностной ориентацией, мировоззрением. Интеллектуальная сфера способствует осознанию общественных требований, эмоциональная — их переживанию и внутреннему восприятию, а волевая — «приведению в движение» осознанного, пережитого и воспринятого оценочного и должного отношения. Особого рассмотрения заслуживает роль ценностной ориентации.

Обычно ценностной ориентацией называется такая, которая обращена к каким-либо ценностям[18]. Она представляет собой персонифицированное отношение к объективной системе социальных ценностей — материальных и духовных, наличных и возможных, желаемых и должных и пр. Как социологическое понятие, ценностная ориентация охватывает очень широкий круг аспектов и элементов идейной жизни человека, синтезирует политическое, нравственное, эстетическое, атеистическое и пр. оценочное и должное отношения к действительности, к материальным и духовным отношениям, организует и направляет интересы, убеждения и стремления людей, придает им активный и избирательный характер. Поэтому она самым тесным образом связана с позицией личности, которая интегрирует доминирующие избирательные отношения человека к какому-либо существенному для него вопросу и способствует установлению активного взаимодействия с внешним миром. Вот почему ценностная ориентация представляет собой одну из фундаментальных и самых синтетичных характеристик человеческой личности, которая охватывает ее мировоззренческую позицию, идейную направленность и социальную активность.

Мировоззрение является тем фактором, который придает идейную направленность и внутреннюю убежденность ориентациям и позициям человека. Под его влиянием возникает устойчивая иерархическая структура мотиваций личности, в которой решающее влияние имеют взгляды и убеждения, намерения и решения[19]. Коммунистическое мировоззрение придает ценностной ориентации человека, его политическим, нравственным и эстетическим отношениям, его потребностям, интересам и стремлениям, вообще всей его мотивирующей сфере, широкие социальные параметры, классовую направленность и идейную принципиальность. Собственная идейная ориентация и классовое отношение к современным социальным явлениям зависят главным образом от глубины, устойчивости и направленности мировоззренческих принципов и убеждений.

В идеологической модели системы социальных ориентаций и позиций человека прослеживаются три аспекта: аксиологический (связанный с оценочным отношением к социальной действительности), деонтологический (связанный с должным отношением человека к своей

---

[18] См. И. С. Кон. Социология личности. М., 1967 стр. 28.

[19] См. Л. П. Божович. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968, стр. 410—411.

роли, функциям и обязанностям) и личностный (связанный с отношением человека к самому себе как к личности). Оценочное и должное отношения — аспекты идеологического сознания личности; они образуют специфический мотив политического, нравственного и эстетического поведения членов общества. Когда это идейное отношение направлено «внутрь» к субъекту в форме самооценки и внутреннего веления, то оно выступает своим личностным аспектом. Личностное идейное отношение выражает потребности и интересы, предпочтения и вкусы человека, его стремление к самоутверждению как личности, к приобретению престижа в данном обществе или коллективе, получению общественного признания и морального удовлетворения. Как компонент ценностной ориентации, это отношение в политической сфере модифицируется в стремление завоевать авторитет, престиж и репутацию; в эстетической сфере — проявить себя в художественной деятельности, в реализации своего эстетического идеала; в сфере нравственности — выражается в бережном отношении к чести и достоинству, в стремлении совершать поступки, мотивированные велением совести, и испытывать от этого моральное удовлетворение.

Нравственное оценочное и должное отношения — один из центральных аспектов ценностной ориентации личности. Выработка внутренней меры оценочного и должного отношения имеет определяющее значение для формирования нравственного сознания человека, для саморегулирования его поведения. Оценочное и должное отношения своеобразным путем интегрируют в нравственную ответственность, которая отражает определенный аспект социальных отношений и зависимостей людей, связанных с их правами и обязанностями, с выбором, последствиями и оценкой их поведения. Нравственная ответственность может рассматриваться как в ретроспективном, так и в проспективном плане, что позволяет человеку поставить свое поведение под контроль своего собственного сознания, называемого совестью. Совесть — это специфическое «перенесение» контролирующих функций общества и коллектива «внутрь» личности[20].

3. Норма и оценочный критерий — специфические носители нравственной информации

Для того чтобы общество (класс) могло регулировать индивидуальные действия и поступки людей, оно не только создает механизмы управления, но и вырабатывает соответствующую меру (масштаб) этих целенаправленных действий. Норма и оценочный критерий и являются таким одинаковым и общим масштабом для измерения и оценки поведенческих актов людей. Мысль Ленина о правовой норме как одинаковом масштабе, применимом к различным людям, которые в действи-

---

[20] См. Л. П. Буева. Социальная среда и сознание личности. М., 1968, стр. 108.

тельности не одинаковы, как политической мере[21], имеет исходное методологическое значение для понимания модальной роли любой социальной нормы поведения.

Модальная функция (от лат. modus, что означает мера) нравственной нормы может рассматриваться в двух аспектах. Она выполняет роль общественно необходимой меры должного поведения человека и общественно необходимого масштаба оценочного отношения. В первом случае она является средством «измерения» (дозирования) человеческих действий и поступков, а во втором — средством их «оценки». Нравственная норма определяет общественный критерий нравственной оценки. Усвоенная личностью модальная функция нормы проявляется как персонифицированная (внутренняя) мера должного и оценочного отношений, как внутренне присущий личности способ отношения и действия.

Модальная функция нравственной нормы отличает ее от остальных деонтических феноменов — разных приказов, указаний, решений и пр. Все они имеют предписывающий и императивный характер. Императив — это форма, которую мы употребляем,чтобы повлиять на личность, заставить ее выполнить данное предписание. Главное же в предписании — это требование того, что человек должен делать и как он должен поступать, чтобы быть полноценной личностью. Нравственная норма, однако, это не только императивное предписание, она является также и мерой поведения и мерой оценочного акта. Ее требование имеет силу не для какого-либо конкретного человека, а адресовано к любому индивиду при сходных обстоятельствах[22].

Свои модальные функции нравственная норма и нравственный критерий оценки выполняют благодаря тому, что содержащаяся в них предписательная информация выступает в качестве эталона поведения и отношений людей. Понятие информации обычно рассматривается как отражение разнообразия, различия. Предписательная же информация извлекается из весьма разнообразных и неповторимых индивидуальных поведенческих актов, синтезирует в себе относительно инвариантное, общее и одинаковое в них. При исследовании информационного содержания нормативного регулирования различие и разнообразие следует всегда рассматривать в единстве с относительно тождественным и постоянным, что только и позволяет индивидуальные поведенческие и оценочные акты подводить под общую меру (эталон).

Нравственные нормы и оценочные критерии представляют собой обобщение массовой нравственной практики (однотипных действий и поступков большого числа индивидов при множестве однотипных ситуаций) и становятся руководством для массовой деятельности и поведения. Они, следовательно, отражают типичное в разнообразном и регулируют разнообразие путем применения одинакового масштаба.

---

[21] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 234.

[22] См. М. Корнфорт. Марксизм и лингвистическая философия. М., 1967, стр. 275.

Содержащаяся в них предписательная информация способствует использованию прошлого опыта для регулирования будущего поведения. Определяя возможные и обязательные варианты действия, нормы устраняют или ограничивают неопределенность (энтропию) в поведенческих актах. Их антиэнтропийный эффект выражается в том, что они вносят организованность, устойчивость, целенаправленность и согласованность в поведение человеческой личности. Вместе с тем, тенденция к унификации и стабилизации человеческого поведения взаимодействует с механизмом индивидуализации нормативных требований, что обусловливает статистический, вероятностный характер процесса регулирования человеческой деятельности.

Из проделанного нами теоретико-методологического анализа можно сделать вывод, что особенности нравственного отражения раскрываются тогда, когда мы рассматриваем нравственное сознание в качестве одного из регулятивных механизмов общества. Любой общественный организм может функционировать, лишь выработав соответствующие регулятивные механизмы. Такими механизмами являются общественные нормы, массовая пропаганда, обучение и воспитание, социальные функции и полномочия, общественное мнение и другие. Нравственное сознание является внутренним регулятором человеческого поведения, опирающимся на различные общественные эталоны — образцы, предписания, нормы, оценочные критерии и др. Оно способно осуществлять свои регулятивные функции тем полноценнее, чем адекватнее оно отражает общественные потребности, интересы и цели, чем оптимальнее функционирует как информационная система общества.

ГЛАВА 12

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И ИСКУССТВО

1. Единство художественного отражения и творчества

Ленинская теория отражения рассматривает сознание человека как отображенное бытие, как субъективный образ изменяемого человеческой деятельностью объективного мира. Особенно очевидно это проявляется в такой форме общественного сознания, как искусство. В этом плане мы вполне солидарны с теми, кто определяет искусство как подчеркнуто объективное отражение реально существующей, прежде всего общественной, действительности и создание на этой основе новой действительности по законам красоты.

Сам тот факт, что появление на свет каждого произведения искусства создает новую действительность, в наши дни представляется самоочевидным и не нуждающимся в специальных доказательствах. Существенны для нас здесь вопросы о том, в каком соотношении новая созданная художником действительность находится с действительностью, послужившей объектом отражения, как ее воспринимают читатели, зрители — «потребители» искусства, какие возможности влияния на их сознание таит в себе произведение искусства?

Первичной клеточкой отображения мира в формах искусства служит художественный образ. Именно образная природа искусства является той его спецификой, которая отличает искусство от других форм общественного сознания. Через уяснение исторически развивающихся в общих и конкретных родах и видах искусства особенностей художественного образа оказывается возможным, согласно марксистской методологии, подойти к определению казалось бы устойчивого, доступного, но вместе с тем изменяющегося, подобно Протею, феномену искусства.

В самом широком смысле понятие «художественный образ» применительно к искусству мы употребляем в значении исторически обусловленного художественного материализованного отображения действительности. Под последним здесь понимается пересоздание определенного материала действительности в художественное произведение, способное удовлетворять эстетические потребности людей. Действительность, которую пересоздает, формирует искусство, опять-таки в самом широком плане, мы мыслим в качестве первоосновы отображения — «отражаемого объекта», первичного по отношению к субъекту-художнику. Правда, взаимодействие субъективных и объективных начал в процессе художественного отображе-

ния крайне сложно, так как любой объект опосредствуется художником, более того, в качестве объекта может выступить и сам внутренний мир творца. В данном случае следует лишь подчеркнуть первичность объекта по отношению к сознанию творца и то, что, будучи материализован, этот объект выступает перед нами как «вторая», сотворенная действительность со всеми вытекающими из этого последствиями.

Необходимо подчеркнуть также, что искусство существует в качестве такового только в результате осуществления взаимной связи, взаимного контакта между художником и «потребителем» его творчества. Поэтому специфику художественного отражения следует рассматривать прежде всего в двух основных планах: в плане анализа процесса создания художником его произведения и в плане восприятия индивидом искусства. Рассмотрение художественного произведения в первом плане представляет собой исследование проблемы сущности художественного творчества и творческого процесса. Рассмотрение же такого произведения с точки зрения процесса «потребления» художественных ценностей представляет собой исследование сущности художественного восприятия, его отражательной и творческой природы.

С точки зрения творца художественное отражение состоит из пяти неотделимых один от другого и непрестанно переходящих друг в друга составных элементов: отражение-восприятие, отражение-изменение, отражение-след, отражение-ответная реакция и отражение-воздействие[1].

Отражение-восприятие представляет собой способность художника наблюдать действительность и отбирать из нее то, что ему необходимо. Здесь следует различать два момента: 1) наблюдение действительности вообще, с помощью которого накапливается житейский опыт в широком смысле слова, понимаемый как весь запас знаний, впечатлений, представлений, эмоциональной восприимчивости, фантазии, ассоциативности, и 2) наблюдение в узком смысле слова, в котором проявляется способность творца изучать конкретно воспроизводимые им предметы и явления.

Наблюдение также включает в себя два основных процесса: знакомство с отражаемым объектом, проникновение в его сущность и восприятие непосредственного проявления конкретной действительности. Способность проникать в сущность вещей обеспечивает возможность действительно художественного творчества только тогда, когда она сочетается с умением воспринимать и эстетически переживать богатство явления, видимости. Возможности и «требования» конкретных видов и жанров искусства в этом направлении настолько же разнятся между собой, насколько различны и своеобразны творческие индивидуальности художников. При этом нельзя забывать, что умение проникать в сущность отражаемой действительности и воспринимать колорит ее непосредственного проявления, раскрывать относительное, но все же

---

[1] См. Стефан Василев. «Теория отражения и художественное творчество». М., «Прогресс», 1970 г., стр. 102—142 и 353—376.

органическое единство между этими элементами является исключительно важным условием и предпосылкой художественного отражения и творчества.

О т р а ж е н и е - и з м е н е н и е охватывает процесс обработки конкретного жизненного материала в зависимости от желаний и намерений творца, выражая его творческую активность с момента первоначального замысла и до «материализации» последнего в произведении. Это, в сущности, наиболее богатый, многосторонний компонент творческого процесса. Основными составляющими его элементами являются: обобщение, абстракция, типизация и идеализация. Используя эти способы воспроизведения своего замысла, художник в сфере идеального перерабатывает действительность в зависимости от ее собственной сущности и от своих возможностей, целей и идеалов. Этим путем он «сплетает» в неразрывном единстве «чисто» отражательные и «чисто» творческие процессы художественного пересоздания действительности.

В то время как отражательный момент при обобщении «идет» от воспроизведения реальных, объективно существующих сторон действительности, творческий момент берет свое начало от избирательности и возможностей субъекта. Тем самым художник одновременно и отражает действительность в той мере, в какой он «берет» от нее реальные стороны, части, качества, проявления, тенденции, возможности, и творит в той мере, в какой создает на основе добытого из действительности материала такие новые объекты (художественные произведения), которые до сих пор не существовали.

О т р а ж е н и е - с л е д, диалектически сливаясь с только-что описанным процессом, предполагает «материализацию» художественного открытия. Материализация произведения является абсолютно необходимой и существенной, но совсем не единственной или важнейшей составной частью творчества и искусства вообще, как некоторые иногда считают. В этой связи не только неточными, но и неправильными представляются утверждения, что, например, художественное произведение не внутреннее состояние художника, а это только объективированная составная часть человеческой практически-духовной культуры.

Действительно, художественное произведение существует только тогда, когда оно объективировано с помощью соответствующих выразительных и изобразительных средств определенных видов искусства. Однако из этого вовсе не следует, что оно представляет собой только объективированную составную часть человеческой практически-духовной культуры. Оно в то же самое время действительно представляет собой и внутреннее состояние художника. Вполне очевидно, что произведение искусства, прежде чем «материализоваться», должно быть пережито и воссоздано художником.

С другой стороны, художественное произведение только тогда и постольку может быть признано таковым, когда и поскольку оно становится фактом внутреннего состояния его потребителя. Без эстетически образованного, понимающего и воспринимающего искусство человека художественное произведение как художественное не существует. Точ-

но так же оно не может существовать без своего создателя и без той материально-вещественной формы, в которую оно воплощено. Итак, художественное произведение, объективируя внутреннее субъективное состояние художника, передает это состояние воспринимающему его человеку. Кроме того, оно всегда представляет собой составную часть материализованной духовной культуры человечества.

Обусловленность «объективации» художественного произведения внутренним субъективным состоянием творца и восприятием потребителя определяет ее отражательный характер. Практическое творческое действие, которое неправомерно абсолютизируется некоторыми эстетиками в последние годы, представляет собой лишь одну из сторон, одно из слагаемых того, что мы называем искусством.

Отражение-ответная реакция включает в себя определенный способ изображения действительности, содержит классовую идейную позицию художника, воплощает тот идеал, с позиций которого воспроизводится жизнь. Существенной особенностью ответной реакции в сфере искусства, которой она отличается от других ответных реакций, можно считать ее присутствие на всех этапах творческого процесса. Отражение-ответная реакция в неживой и живой природе, а также, как правило, и в обыденной жизни человека обнаруживается только после непосредственного воздействия другого объекта и в ответ на него.

Ответная реакция в процессе художественного творчества проявляется не после определенного воздействия, а лишь в результате целостного и продолжительного влияния окружающей социальной и природной среды. Это влияние определяет как отношение творца к миру вообще и к искусству в частности, так и его реакцию на непосредственно отражаемую жизненную ситуацию и проблематику.

Ответная реакция в искусстве прямо или косвенно выражает в рамках художественного произведения идейно-эмоциональное, нравственно-психологическое, эстетическое и другие отношения художника к действительности. Через нее сказывается положительное или отрицательное воздействие мира, прежде всего социальной среды, на творческие силы художника. В этой реакции раскрывается и неповторимый индивидуальный стиль настоящего мастера.

Отражательная природа ответной реакции художника, как и любой другой ответной реакции, определяется и особенностями оказанного воздействия (отражаемого) и особенностями творца (отражающего). Поэтому вполне понятно, что одна и та же социальная действительность приводит к различным художественным,эстетическим реакциям различных авторов. И наоборот, различная общественная среда может привести к одной и той же идейно-эстетической направленности различных художников.

Отражение-воздействие имеет самое непосредственное отношение к характеру и особенностям проявления творческой индивидуальности художника. В произведении искусства отражается не только существующая вне и независимо от художника действительность,но и сам творец,его воображение,его ассоциативно-образное мышление, эмоциональность, впечатлительность, личная судьба, темпера-

мент и т. д. Все это представляет собой такие ничем не заменимые компоненты художественного произведения, без которых вообще немыслимо существование искусства. Именно они определяют как уникальный колорит произведения, так и своеобразие его художественного воздействия.

Проводимые нами разграничения характера отражения в художественном творчестве и в процессе восприятия искусства призваны показать общую структуру этих процессов. В действительности все обстоит значительно сложнее. Почти неразличимое органическое единство объективного и субъективного, общественного и личного в искусстве делает невозможным «абсолютное», «вполне чистое» разграничение отражения-ответной реакции и отражения-воздействия. Художник своим отношением к миру раскрывает себя и через самораскрытие передает свое отношение к миру. Такого рода диалектическое единство существует между всеми составными частями художественного отражения. Таким образом, задача аналитического рассмотрения единого процесса заключается не в том, чтобы расчленить его на независимые друг от друга части, а наоборот, в том, чтобы углубить возможности дальнейшего исследования специфики единого процесса художественного отражения.

Художественное восприятие, как уже отмечалось, является второй, не менее важной стороной художественного отражения и творчества. В нем искусство как общественное явление, как говорится, «находит себя», реализует свою потребительскую и воспитательную функции. Достижение желаемого результата здесь, как и при создании художественного произведения, достигается с помощью максимальной активности субъекта — на этот раз не художника, а человека, воспринимающего искусство. По этой причине творчески-отражательная природа художественного восприятия лучше всего раскрывается при исследовании взаимодействия между потребителем художественного произведения и развитием искусства путем выяснения вклада субъекта в понимание и оценку произведения искусства.

Художественное восприятие в качестве относительно самостоятельной составной части художественного отражения также насчитывает по меньшей мере пять неотделимых друг от друга и органически связанных между собой, но в то же время специфических составных частей.

С точки зрения потребителя художественного произведения, отражение-восприятие представляет собой определенный способ, при помощи которого субъект знакомится с произведением, получает о нем информацию. Характер восприятия, способность понимать те или другие стороны художественного произведения зависят как от вложенного в него объективного содержания, так и от характера эпохи, а также от особенностей воспринимающего субъекта.

Наличие общечеловеческих, национальных, классовых, групповых и индивидуальных интересов, целей и идеалов позволяет художнику найти «общий язык» с публикой, позволяет ему быть понятым ею и близким к ней. Выработанные в течение столетий и тысячелетий за-

кономерности художественного творчества, «материализация» и восприятие произведений искусства дают возможность передавать мысли, переживания и стремления как современникам, так и последующим поколениям.

Однако превращение этой возможности в действительность зависит не только от художника, но и от общества, воспринимающего искусство,от культуры каждого отдельного потребителя художественного произведения. Сложность, противоречивость, многосторонность жизни определяют, как правило, сложность, противоречивость, многосторонность талантливого художественного произведения. Сменяющие друг друга общественно-исторические эпохи, как известно, создают различные условия для целостного или ограниченного восприятия тех или иных сторон содержания произведения искусства.

Характер восприятия и понимания произведения в значительной мере зависит и от личности потребителя художественного произведения, от богатства или бедности его культуры, жизненного опыта, национальности, возраста, конкретного психического состояния и т. д. В процессе художественного восприятия каждый слушатель, читатель, зритель в известной мере становится соавтором произведения искусства. Речь идет, конечно, о соавторстве в свете восприятия тех эмоционально и формально содержательных сторон, которыми обладает данное произведение. В данном случае потребитель искусства, хотя и на ином по сравнению с художником уровне, также осуществляет единство отражения и творчества. В то время как в восприятии созданного и «овеществленного» творцом выявляются отражательные моменты художественного восприятия, в сознательном или несознательном толковании и акцентировании определенных сторон произведения проявляются преимущественно творческие моменты художественного восприятия. Неотделимость восприятия от понимания и здесь, так же как и в других случаях, обусловливает неразрывную связь между отражательными и творческими сторонами воспринимания.

Неразрывное органическое единство отражения и творчества еще отчетливее дает о себе знать в области второй составной части художественного воспринимания — отражении-изменении. Последнее в процессе художественного восприятия включает толкование и оценку произведения воспринимающим субъектом. Наиболее важным для нас в данном случае является вопрос о характере различных оценок произведений, о характере соотношения объективного и субъективного непосредственно в процессе восприятия произведения искусства и в последующем.

Под объективным моментом в данном случае мы понимаем художественное восприятие, адекватное вложенному в него содержанию, а под субъективным моментом — такое восприятие, которое в значительной степени обусловливается индивидуальными, интеллектуальными, эмоциональными и другими особенностями субъекта. Восприятие произведения искусства вообще немыслимо без наличия названных объективных и субъективных моментов. Дело в том, что потребитель художественного произведения индивидуально воспринимает содержание произведе-

ния искусства, переживает и осмысливает его по своему. Тем самым он сознательно или бессознательно вкладывает в произведение и свое собственное содержание. Отмеченный здесь процесс крайне многообразен и зависит от целого ряда обстоятельств, например, от интенсивности эмоциональной восприимчивости, от неповторимого своеобразия переживаемого эстетического наслаждения, от характера осмысления и оценки данным индивидом воспроизведения жизненного материала.

В сложных процессах духовной жизни воспринимающий субъект выявляет свое творческое отношение к миру и искусству, проявляет свое умение создавать (сначала только в идеальном, мысленном, а в соответствующих условиях и в реальном, материальном плане) новые связи и взаимозависимости, испытывать новые переживания, делать выводы и давать оценки, совершенствовать свое мировосприятие и практическую деятельность.

Отражение-след с точки зрения потребителя художественного произведения можно понимать как воздействие, которое оказывает художественное произведение на субъекта в момент восприятия, а также в ближайшем и отдаленном будущем. Конкретное произведение может оказать и часто оказывает непосредственное воздействие на потребителя художественного произведения, обогащая его знания, воспитывая чувства, направляя его усилия и изменяя его поведение в определенном направлении. Одновременно с этим произведение искусства почти всегда оказывает еще большее косвенное влияние, которое бессознательно и незаметно, но неизменно совершенствует практическое и духовное отношение человека к миру. Так, прогрессивное искусство развивает ум, облагораживает чувства, усиливает критически-оценочную направленность, совершенствует комбинаторно-творческие способности воспринимающего субъекта и т. д. Поэтому одной из самых важных функций искусства всегда была и есть его воспитательная функция. Огромные воспитательные возможности, заложенные в художественном произведении, могут однако реализоваться и реализуются успешно только тогда, когда примеры,достойные подражания, преподносятся не в наивно-дидактическом или вульгарно-схематическом виде, а естественно и непринужденно вытекают из самой сущности воспроизводимых жизненных ситуаций, действий и характеров.

Отражение-ответная реакция демонстрирует отклик читателя, слушателя, зрителя на художественное произведение как в момент восприятия, так и непосредственно после него. Эта составная часть художественного восприятия более всего зависит от зрелищности, экспрессивности, пластичности, сюжетности, динамичности, технического совершенства художественного отражения и творчества. Потребитель художественного произведения ищет в искусстве яркой зрелищности и динамики,разнообразия и профессионального мастерства и т. п. Наличие этих качеств обусловливает его заинтересованность и усиливает интерес к произведению искусства, вызывает у него соответствующую эстетическую реакцию.

Органическое единство внутреннего и внешнего, сущности и явления, общего и единичного, необходимости и случайности, материаль-

ного и идеального в искусстве показывает,что эти «формальные», как иногда их неправильно называют, компоненты художественного произведения представляют собой необходимые и важнейшие моменты и основания художественного творчества. Вместе с тем тысячелетний художественный опыт свидетельствует о том, что на основе только этих компонентов подлинное искусство не может быть создано, точно так же как его не может быть и без них.

Высокохудожественное эстетическое наслаждение и глубоко волнующее эстетическое воздействие оказывают такие художественные произведения, в которых зрелищность и сюжетность, динамика и техническое мастерство, колорит и прочие художественные средства и приемы сочетаются с проникновением в сущность конфликтов, ситуаций, характеров,проблем и их правдивым отображением, со страстным, целенаправленным, именно творческим отношением к ним. Таким образом, в аспекте нашего анализа вопрос о сущности художественного отражения сливается с вопросом о сущности художественного творчества. Творческое отношение художника к действительности обусловливает и возможность творческого восприятия и переживания его произведения; возможность вызывать эстетическое наслаждение, обеспечивать положительное воздействие искусства на личность.

Отражение-воздействие представляет собой такую сторону художественного восприятия, через которую потребитель художественного произведения проявляет и выявляет преимущественно самого себя. В то время как в творческих процессах отражение-воздействие сохраняет сравнительно большую самостоятельность, в отдельных «подчиненных» творческих актах, «вплетенных» в художественное восприятие, а также в процесс образования, трудового обучения и т. д., отражение-воздействие максимально связано со всеми составными частями человеческого отражения и творчества и зависит от них. В этих случаях инициатива лица, воспринимающего искусство, или человека, получающего образование, совершающего то или иное практическое действие, не находит достаточно определенного выражения. Эта «ограниченность» вторичных творческих актов «искупается» возможностью субъекта «выражать» себя на всех этапах данной деятельности.

Отражение-воздействие, через которое потребитель художественного произведения выявляет себя, существует не в виде некоего самостоятельного компонента художественного восприятия, а всегда сопутствует ему. Оно сказывается и при осмыслении и интерпретации произведения искусства, и при оценке его качеств, и при непосредственном реагировании на присущие ему достоинства и недостатки, и в последующем осознании личностью воздействия на нее некогда воспринятого произведения.

Так перед нами постепенно предстает еще одна важная сторона рассматриваемой проблемы: единство между объектом и субъектом в процессе отражения и творчества. В своей теоретической и практической деятельности человек одновременно и отражает существующую вне и независимо от него действительность и выявляет себя, свою природу, свои возможности и потребности. Непрерывный диалектический переход

от отражения мира к выявлению субъекта, от «внешнего» к внутреннему отражению обеспечивает творческий характер отражения и отражательный характер творчества, реализует их неразрывное диалектическое единство.

2. Образная природа искусства

Отражение реальности в образном строе искусства, предполагающее создание нового произведения, неминуемо составляет творческий акт.

Первооснова отображения действительности человеком, по В. И. Ленину, — образ, который создается ощущением. Создание образа неотделимо от движения материи и в самом общем плане уже есть деятельность, а в искусстве — творчество. При этом, как известно, сознание человека не просто и не только отражает объективный мир, но и творит его. Следовательно, отражение отнюдь не отрицает движения, деятельности, творчества, а, напротив, предполагает их. Таков вывод, развиваемый Лениным в марксистско-материалистической концепции.

Основываясь на объективных данных естественных наук, подлинно-марксистская мысль всегда признавала единство отражения мира человеком с любыми видами творческой деятельности. «Человек, порожденный миром и существующий только в нем и через него, — пишет, например, Тодор Павлов, — благодаря своему мыслящему мозгу, т. е. своей научно-действенной мысли, может, должен стать и становится великим преобразователем мира, его господином и руководителем»[2].

Современная психофизиология располагает неопровержимыми данными, свидетельствующими о колоссальной активности человеческого сознания именно в процессе отображения им объективной реальности. Механизмы коры головного мозга не только сохраняют предшествующий опыт и оценку действительности, но и подключают его к каждому новому акту отражения реальности. В результате, воспроизводимый сознанием образ является обобщением, включающим в себя сконденсированное с прошлым опытом сиюминутное восприятие, а также то, что Н. А. Бернштейн называл «моделью потребного будущего».

Активная роль образа интенсивно разрабатывалась русской психологической школой. На роли образа как «регулятора поведения» останавливался И. М. Сеченов, как «потребности» — И. П. Павлов, как «акцептора действия» — П. К. Анохин. Первостепенное значение образа, отображающего особенности внешних объектов, в формировании приспосабливающихся к ним нестереотипных (произвольных) движений установлено в работах И. С. Беритова, А. Б. Запорожца и других советских ученых[3].

Сознательно закрывая глаза на эти и многие другие объективные

---

[2] Тодор Павлов. Теория отражения. М., 1949, стр. 410.

[3] См. М. Г. Ярошевский. Психология в XX столетии. М., 1971, стр. 316, 320—321.

научные данные, полученные советскими и зарубежными учеными, ревизионисты варьируют тезис о «нетворческом характере процесса отражения». В основном исходя именно из этого ложного тезиса, Э. Фишер, Р. Гароди и пытаются отрицать значение ленинской теории отражения для понимания искусства, для эстетики.

По отношению к эстетике отрицание отражения означает отказ от анализа специфики художественного образа, принижение значения реалистических форм искусства, стремление разорвать по сути дела нерасторжимые связи искусства с жизнью. Идеологическая и политическая подоплека этих взглядов совершенно очевидна.

Преимущества марксистской концепции понимания искусства, опирающейся на теорию отражения, подтверждаются не только практикой самого процесса художественного творчества, но и ее способностью к решению сложнейших теоретических проблем развития искусства. Одной из таких проблем, несомненно, является понимание природы художественного образа. В виде образа, т. е. более или менее отчетливого наглядного отображения реальности, на которую направлено сознание, перед человеком предстает действительность. Отражение реальности в образе в любом случае — либо преддверье к познанию, либо сам акт познания.

Необходимо здесь же оговориться, что познание мира в чувственно-конкретной форме образа понимается нами очень широко. Например, приобщение к той объективной красоте, которая открывается перед человеком в мире природы, в самых различных явлениях общественной, личной жизни, которая заключена в немеркнущих от времени произведениях искусства — это тоже одна из областей «очеловечивающего человека» познания. «Таким образом, — говорил Маркс, касаясь только что упомянутой выше области познания, — необходимо опредмечение человеческой сущности — как в теоретическом, так и в практическом отношении, — чтобы, с одной стороны, *очеловечить чувства* человека, а с другой стороны, создать *человеческое чувство,* соответствующее всему богатству человеческой и природной сущности»[4].

Многогранная, многообразная действительность с ее цветами, запахами, осязаемыми и только различаемыми предметами отображается в наших ощущениях. Образ — далеко не всегда картина, он может воплотиться в словесную форму, в «краски» звука, линии, движения и т. д. Звук мы, естественно, воспринимаем как звук, цвет как цвет и запоминаем и воспроизводим в памяти или в яви соответственно образ звука, образ цвета. Очень важно, при этом, что любое ощущение не изолировано от предшествующих и сопутствующих ему иных ощущений, что ощущения составляют цельное восприятие, которое предоставляет материал и пищу для воображения, мышления и конкретного действия. В основе столь сложных психических процессов лежит своеобразная комбинация первичных образов, дающих людям знание о себе самих и окружающей действительности, о мире во времени и пространстве.

---

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, М., 1956, стр. 594.

Образное мышление — это всегда и эмоциональное отражение человеком своего многостороннего отношения к миру, через которое устанавливается знание о свойствах и проявлениях объективной, от нас независимой реальности. Сознательное творение, закрепление чувственного, воспринимаемого соответственно эстетическому идеалу художественного образа как раз и подводят нас к уяснению характера отображающего и познающего действительность искусства. С позиций теории отражения образность в искусстве мы можем определить как эмоционально-интеллектуальное, имеющее познавательное значение отображение художником объективной реальности с позиций исторически обусловленного эстетического идеала.

Мы отдаем себе отчет в том, что данное определение — всего лишь известное приближение к уяснению образности как той формы, в которой и благодаря которой существует искусство. Но, как известно, уже само положение марксистско-ленинской эстетики о том, что образность совпадает с природой искусства, оспаривается буржуазными и ревизионистскими теоретиками. Согласно воззрениям Р. Гароди, например, не отображение, образ, а миф, толкуемый как момент труда, способный преодолеть природу, составляет основу и художественного творчества и искусства.

Прежде всего сразу же следует заметить, что и миф, о котором говорит Гароди, есть тоже отображение, только особого рода. Доказать это можно, как ни странно, даже оставаясь на почве идей самого Гароди. Для него, как хорошо известно, Франц Кафка — типичный творец мифов, в основе которых лежит нечто переживаемое, но вымышленное писателем. Раз это так, то миф — образ, но образ деформированный, субъективистский. Главным предметом отображения в нем стала больная психика Кафки, в свою очередь односторонне отображающая «давление времени». Здесь встает общая проблема социальной обусловленности искаженного сознания, которую в свое время исследовал Маркс[5]. Искаженное сознание естественно и порождает искаженные образы действительности.

Далее, неправомерно отделять друг от друга (как это делают буржуазные эстетики, например, Клайв Баля, Герберт Рид и многие другие) «отображение» и «сознание», преображающее с помощью человеческого присутствия повседневную реальность[6]. Действительно, ведь оба названных начала всегда диалектически взаимодействуют в реальности. Художественно осваивая мир и себя самого в нем, художник создает конкретные произведения, которые уже сами по себе являются актом художественного отражения и преображения мира.

Говоря об образности как всеобщем свойстве, признаке искусства, разумеется, нельзя забывать, что некоторые виды и формы последнего

---

[5] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 24—25.

[6] См. Роже Гароди. О реализме без берегов, М, 1966, стр. 175.

не имеют прямых аналогов в природе. Критики принципа отражения постоянно спекулируют на этом. Между тем, согласно ленинской теории отражения адекватность образа объекту определяется выражением в нем не только внешних, но и сущностных сторон действительности. Образным следует считать, допустим, и отображение также почерпнутого из объективной реальности ритма и многое другое. При всем этом художественный образ — это не произвольно-конвенциональный знак, и как таковой он сохраняет качественные и количественные черты своего реального объекта.

«Если мы оставим даже в стороне все субъективное, — писали фактически по существу рассматриваемого здесь вопроса К. Маркс и Ф. Энгельс, — а именно то обстоятельство, что один и тот же предмет различно переломляется в различных индивидах и превращает свои различные стороны в столько же различных характеров, то разве характер самого предмета не должен оказывать никакого, даже самого ничтожного влияния на исследование?»[7].

Имея в виду взятый в самых разнородных проявлениях художественный образ, а также и ту общественную функцию, вне которой нет искусства, можно утверждать, что общечеловеческая познавательная содержательность образа прежде всего покоится на той его стороне, которая связана с отображением «характера самого предмета», почерпнутого из объективной реальности. Именно поэтому как нечто само собой резумеющееся может, к примеру, осуществляться то, о чем говорит известный лингвист Ж. Вандриес: «Человек не отличал знака (слова) от самой вещи»[8]. А происходит это потому, что через слово выражаются ее существенные приметы. Не будь в слове, высказываниях своеобразно материализованной реальной приметы вещи, не возник бы и образ в сознании воспринимающего.

Поэтому мы не можем согласиться с концепцией, согласно которой художественный образ не является специфической субстанцией искусства, произведения искусства не содержат в себе никакого образного строя, а лишь рождают образы в сознании людей, воспринимающих эти произведения.

Для того чтобы обнаружить несостоятельность подобного или аналогичных тезисов, надо попросту уяснить истинный характер тех связей, которые соединяют в единое целое действительность, творца, его произведение и воспринимающих искусство людей. Отражая действительность в естественных образах, художник в свою очередь материализует их, прибегая к условным, исторически изменчивым для определенных видов и родов искусств средствам. Эти подчиненные замыслу творца формы и «средства» — в конечном счете и составляют образный строй произведения. На самом деле объективированные в произведении с помощью средств данного рода и вида искусства образы состав-

---

[7] К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. М., «Искусство», 1967, т. 2, стр. 413.

[8] Ж. Вандриес. Язык, лингвистическое введение в историю. М., «Соцгиз», 1937, стр. 175.

ляют образный строй произведения, который отображается в сознании воспринимающих его людей. Если бы произведение не содержало в себе своеобразно закодированные образы, то они не могли бы родиться в сознании воспринимающего.

3. Принцип отражения и некоторые проблемы общественного значения искусства

Характерно, что вместе с теорией отражения за борт философского «корабля современности» обычно выбрасывается и признание познавательного значения как художественного образа, так и искусства в целом. Причем гносеологический аспект анализа художественного творчества превратно толкуется как чуждый истинному искусству иллюстративизм, а последний противопоставляется расплывчато толкуемому «эстетическому освоению действительности».

Уже в самом этом противопоставлении нельзя не заметить явной с точки зрения теории отражения ошибки. Дело в том, что познавательное значение искусства вовсе не противостоит его эстетической природе, а, напротив, предполагает ее. Более того, развиваемые марксистско-ленинской эстетикой «гносеологические традиции» именно и составляют базу как для научного обоснования эстетической специфики искусства, так и для уяснения его общественного значения.

Гносеологический аспект в изучении первичной клеточки искусства — художественного образа, если не углубляться в детали, условно говоря, сводится к следующей цепочке, каждое звено которой неразрывно связано с другими. Художественный образ — специфическая форма отображения внешнего мира, он способен дать и дает при определенных условиях знание о мире и человеке. При этом сама по себе эстетическая оценка, а также наличие, предположим, только художественно значимого явления, свойства (отшлифованная горная порода, форма вазы, грациозная поза танцовщицы, комбинация цветовых пятен на декоративном панно и т. п.), рассматриваемые даже вне социально-экономических и иных общественных связей, в свою очередь отображают реальность. Они развивают эстетическую потребность, дают людям особое эстетическое знание реальности. Образ вторичен по отношению к действительности, которую образуют первичные природные формы и формы очеловеченной, созданной самим человеком «второй природы».

В акте художественного познания, которое осуществляется творцом через поиски и «опредмечивание» образов, а воспринимающим искусство человеком — через их «распредмечивание», «присвоение», есть определенная общность. Она состоит в том, что искомое — замысел художника, воплощаемый в образах, предполагает как у творца, так и у всякого, кто знакомится с произведением, движение от известного к неизвестному.

С удивительной наглядностью и точностью оно описано, например, у Пушкина. Проникнув в кабинет Онегина, отвергнутая им Татьяна горько расплакалась, но вот сначала рассеянно, а потом все более за-

интересовываясь, стала рассматривать его книги, вникать в смысл его пометок на страницах. Теперь, романтизированный юным воображением сельской жительницы, Онегин становится предметом трезвого анализа. И Пушкин пишет:

Ужель загадку разрешила?
Ужели слово найдено?

Татьяна, как мы знаем, так и не сумела определить для себя, кто же такой на самом деле Онегин. Но поэт недаром курсивом выделил в приведенной строке «слово». Найти единственно нужное точное слово-определение для выражения нового, необычного, волнующего человека чувства и мысли означает подчинить себе, как бы «опредметить» это до конца еще непонятное чувство, а для поэта — разрешить творческую задачу. Окидывая мысленным взглядом долгие годы, отданные созданию своего романа в стихах, Пушкин прежде всего вспоминает тот час, когда Татьяна и Онегин будто «в смутном сне» впервые явились в его воображении. Тогда «даль свободного романа», «сквозь магический кристалл» еще не ясно различалась Пушкиным. Но шаг за шагом, идя от мимолетных житейских впечатлений, от своего отношения к действительности, стремясь познать свое время,судьбу своих современников и многое, многое другое, Пушкин благодаря гениальному поэтическому дару сумел в «Евгении Онегине», по определению Белинского, создать «энциклопедию русской жизни начала XX века».

Каждое произведение может быть рассмотрено само по себе как цельный образ отображаемой художником действительности. Но поскольку и действительность многообразна и уровень отображения по линии взаимодействия субъективно-объективных связей, опосредствованных в творческом акте, также многообразен и различен, строение образа цельного произведения в самой своей основе обусловлено особенностями строения каждого отдельного его составляющего образа. Например, соотношение игры отдельного актера с игрой всего ансамбля, подчиненного воле мастера-режиссера, воплощающего на сцене замысел драматурга; живописный характер деталей в полотнах высокого Возрождения, соотносимый с общим художественным решением сюжета данной картины в целом и т. п. Кроме того, в словесном образе, как и во всяком ином, при рассмотрении его в качестве своеобразного познавательного акта неизвестное всегда отыскивается через известное — конкретную, уже определенную, ставшую «словом» деталь. В этом процессе понятийные, чисто рассудочные начала диалектически взаимодействуют с элементами чувственно-экспрессивными. Обратимся к примеру.

На заре философского самоопределения человечества, когда всеобщая связь явлений природы, по словам Ф. Энгельса, еще рассматривалась людьми как «одно целое» и вся природа являлась для них «результатом непосредственного созерцания», с особой отчетливостью прослеживается психологическая взаимозависимость «непосредственного созерцания», возникающего на его основе художественного образа, и отвлеченного понятия.

Анализируя древнейшие памятники античной цивилизации, можно заметить, что греческие поэты и мыслители ни в теории, ни на практи-

ке еще не отделяли и тем более не противопоставляли друг другу образ и понятие. Рассмотрим небольшой отрывок из «Иллиады» (обращение Главка к Диомеду, песнь VI, 146—149).

Сходны судьбой поколения людей с поколениями листьев;
Листья — одни по земле рассеваются ветром, другие
Зеленью снова леса одевают с пришедшей весною,
Так же и люди: одни нарождаются, гибнут другие. . .

В отрывке поэтически образно выражен уже сложившийся у автора и вложенный в уста Главка определенный ход мысли. Сама отвлеченная идея — неизбежность смены поколений, бренность жизни и т. д. — выражается здесь в рамках развернутого сравнения, определяя его композицию и образное содержание.

Метафорическая поэтическая мысль Гомера движется от неизвестного, искомого — судьбы людских поколений, раскрываясь, через явные и зримые явления природы.

Смысловая нагрузка художественного образа, его содержание выражается через обозначение конкретных предметов, явлений, действий. Столь же прозрачную связь отвлеченной мысли с наблюдаемыми в природе и воспроизводимыми образами-картинами можно найти и в собственно философских фрагментах древних, в которых прежде всего именно через образ любое понятие и отвлеченная формула могли стать и становились общественным достоянием.

Первооснова структуры образного мышления — движение от предметного, известного для нас к неизвестному то в яви, то как некий отпечаток доисторической раковины — легко обнаруживается на почве любого языка, из арсенала которого формируются поэтическое произведение и научная формула. Чувственно-воспринимаемый образ и понятие в конечном счете вообще не могут существовать друг без друга. Они — две стороны в едином процессе познания и освоения объективного мира, а также творения «второй природы» человеком.

Познание в искусстве и с помощью искусства сопровождается особым эстетическим переживанием. Углубляясь в него, человек все в большей и большей мере, как говорит Кант, ощущает свое «бескорыстие» по отношению к объекту искусства. Тем не менее с полным правом можно сказать, что и через такое «бескорыстное» общение с искусством нечто познается, усваивается — человек обогащается эмпирическим и эстетическим опытом.

Нам осталось выяснить теперь в гносеологической плоскости теории отражения существенные стороны соотношения эстетического чувства и эстетического идеала с образно-познавательным характером искусства. Позитивное решение проблемы, на наш взгляд, здесь во многом зависит от развития применительно к эстетике теории «опережающего отражения».

«Биологический экран» человека, как об этом свидетельствует академик П. К. Анохин, «не отражает пассивно континуум внешнего мира. Внося в него «*потребности жизни*», обеспечивая *сохра-*

нение ее, он связал получение любых результатов с этими основными требованиями».[9]

Внесение «потребностей жизни» в творимую художником, выступающим рупором стоящего за ним общества, «модель мира» с особой наглядностью демонстрируют самые первые шаги искусства в эпоху палеолита. Выделяя в силу практического побуждения определенный объект действительности, подлежащий изображению, первобытный художник (впрочем, как и современный в большинстве случаев) акцентировал и внутри создаваемого им зрительного образа данного объекта соответствующие своему побуждению детали. В результате в изображении оказывается подчеркнутым нечто имеющееся в объекте и одновременно с этим значимое для творца. Эта экспрессивная выразительность детали целого образа нередко делает ее композиционным центром, будь то в наскальных росписях или в круглой скульптуре. Таковы часто встречающиеся в искусстве палеолита и преследующие магические цели обеспечения удачи охотнику изображения умирающих животных, акцентированное изображение чисто женских признаков в статуэтках этой эпохи и т. д.

В большинстве случаев, первобытный художник, освобождаясь от второстепенного, случайного в изображении зверей, с поразительной точностью улавливал зрительную сущность объекта, его красоту. Эти изображения как бы покоряли зверя, утверждали силу охотника и творца. Создатель произведения и его первые зрители не могли не испытывать тогда соотносимого с «потребностью жизни» особого чувства, которое, если и не было эстетическим в современном его понимании, но уже во всяком случае являлось его прямым прообразом. В нем отображалось по меньшей мере два диалектически взаимосвязанных момента, которые закреплялись в искусстве периода зарождения форм общественного сознания.

Во-первых, в этом чувстве, которое материализовывалось в образах искусства, конденсировались радостно-волнующие и отрицательные эмоции художника, связанные с тем, что в природе, в окружающей его общественной среде затрагивало его коренные интересы и было наиболее выразительным. Эмоциональная реакция — уже образ оценки, причем оценки не только индивидуальной, но и общественной, ибо эмоционально-оценочное отношение к себе и к действительности у индивида, безусловно, не могло не быть в ту пору в большей или меньшей степени пусть даже неосознаваемой коллективистской оценкой.

Позже, как мы знаем, эстетическая оценка включит в себя, хотя и ограниченное рамками класса в классовом обществе, но уже своего рода коллективистское социальное чувство, соотносимое с преходящим, всегда идущим впереди конкретного общественного развития эстетическим идеалом. По отношению к каждому творческому акту вне за-

---

[9] П. К. Анохин. «Химический континуум мозга и отражение действительности». «Вопросы философии», 1970, № 6, стр. 118.

висимости от его диапазона и возможностей такой идеал как раз неизбежно служит и «моделью потребного будущего».

Во-вторых, в ходе исторического развития эстетическое чувство совершенствовалось, взаимодействуя с тем, что в силу «потребности жизни» и обеспечения ее сохранения в биологической природе человека, в его эмоциональной сфере было направлено на познание образного, выразительного в действительности. В этот эмоционально окрашенный познавательный процесс, разумеется, входило и все расширяющееся, диалектически соотносимое с познанием мира самопознание человека.

Так, отталкиваясь от биологической потребности в процессе трудовой деятельности по освоению объективно существующего мира, через эту деятельность и для нее рождалось и развивалось эстетическое чувство человека. От распознания полезного, приятного, радостного человек шел к постижению и к материализации красоты.

Проблема отражения в искусстве нуждается в капитальных исследованиях, свою задачу в данном случае мы сознательно ограничили анализом природы наиболее общих закономерностей отображения мира в искусстве. Тем не менее даже произведенный здесь анализ, нам представляется, показывает неразрывную связь между познавательной, эстетической и общественной функциями как художественного образа, так и искусства в целом. Кроме того, на наш взгляд, он вплотную подводит к определению с позиций теории отражения критериев анализа и оценки искусства. Эта важная проблема, что вполне очевидно, должна стать предметом специального углубленного исследования.

4. Ленинская теория отражения и модернистские течения в искусстве

Марксистская концепция искусства вовсе не сводится к пониманию его как процесса простого отражения действительности. Когда говорят или пишут об искусстве и его произведениях, часто характеризуют его как воспроизведение или воссоздание действительности, иногда добавляя, что оно является творческим. Если критически рассмотреть подобные формулировки в свете ленинской теории отражения, то они окажутся недостаточными. И действительно, если бы искусство и его творения представляли собой только воссозданную, воспроизведенную, хотя и творчески интерпретированную действительность, то вряд ли оно имело бы такое существенное значение в жизни и деятельности человека. Рождаясь на основе первичного жизненного материала, искусство создает что-то совершенно новое, другое. Это новое и другое хотя и берет свои истоки из самой действительности, представляет собой ее отражение, тем не менее не является ее прямым, зеркальным отражением. Создание художественного образа есть создание новой «действительности».

Известно, что В. И. Ленин относился одобрительно к фейербаховскому высказыванию о том, что искусство не выдает свои произведения за действительность. Не выдает потому, что подлинные произведения искусства всегда содержат также и глубокое осмысление, оценку этой дей-

ствительности, отражение эпохи, художественного опыта данного народа и всего человечества. Одна из самых существенных особенностей искусства заключается в особой значимости субъективной стороны художественного отражения действительности. С этой точки зрения мы могли бы определить искусство как специфическое, субъективное отражение реально существующей действительности и создание на этой основе новой действительности по законам красоты.

Именно в этом субъективном характере художественного отражения скрывается возможность его отрыва от объекта, от реально существующей действительности. Преувеличение, абсолютизация, одностороннее развитие субъективного момента в художественном отражении действительности являются гносеологической основой появления и развития модернистских течений нового и новейшего искусства.

Двадцатый век иногда называют веком модернизма в искусстве. И в этом есть большая доля истины. Действительно, никогда раньше во всей многовековой истории искусства мы не могли бы наблюдать такую пестроту различных модернистских художественных школ и школок, как в наш двадцатый век. Изходя из этого, многие буржуазные современные эстетики и искусствоведы утверждают, что именно модернизм выявляет основные и самые существенные черты современного художественного процесса, его будущность. Это конечно не верно, но тем не менее возникает ряд вопросов, на которые нужно ответить, и прежде всего вопросы: чем объяснить заметное распространение модернизма в наше время? Вносит ли модернизм что-нибудь новое и перспективное в развитие искусства?

Модернизм в искусстве представляет собой довольно широкое, разнообразное и пестрое явление. Это мешает его определению, и вместе с тем является в какой-то степени причиной недостаточно точного и гибкого отношения к разнообразным проявлениям модернизма. Общее для всех модернистских течений искусства состоит в том, что в них субъективная сторона художественного отражения действительности сильно доминирует, абсолютизируется, переходит в прямой субъективизм. Художник абсолютизирует некоторые черты действительности, делает их единственным объектом своего творчества, пренебрегая всеми другими. В некоторых своих проявлениях модернизм, например в абстракционизме или поп-арте, доходит до последней грани субъективизма, сознательно порывая с каким бы то ни было отражением реально существующей действительности. При этом, если рассматривать историю развития модернизма, то можно отметить тенденцию усиления субъективизма, все более открытого разрыва всех связей с реально существующей действительностью. Возьмем, к примеру, изобразительное искусство. Первоначальные течения модернизма — символизм, фовизм, кубизм, футуризм, экспрессионизм — еще не порывают с конкретно-реальным изображением действительности. Действительность, хотя уже и сильно, иногда до неузнаваемости измененная согласно тем или другим эстетическим принципам субъективистского толка, все-таки еще является основой художественного образа. Субъективизм здесь проявляется в одностороннем, однобоком отражении

реального мира, в абсолютизации одних или других сторон человеческой жизни, духовного мира человека. Конечно, каждое из вышеуказанных первоначальных модернистских течений изобразительного искусства представляет собой тоже сложное явление, в особенности если рассматривать его в историческом плане. В ряде случаев связь с реалистическим принципом изображения остается иногда довольно существенной, например, в фовизме и экспрессионизме.

Иное дело символизм. Символизм в изобразительном искусстве, как и в поэзии,означает более серьезный шаг к разрыву с действительностью. Замыкание художника в своем внутреннем сугубо индивидуальном мире, презрение к прозе жизни, к действительности, поиск выхода в каких-то смутных мечтаниях духа, нашедших выражение в символике, — то более или менее ясной, то заумной,—вот основные черты символизма.

В кубизме налицо стремление изобразить прежде всего саму конструкцию вещей, притом изобразить их не такими, какими мы видим их, а такими, какими мы их знаем, т. е. показывать все их стороны, видимые и невидимые. Отсюда в кубизме наблюдается особенное увлечение натюрмортом и даже определенными видами натюрморта, например гитарой. Проблема колорита, а значит и изображения цветового богатства реального мира, отходит на задний план.

Футуризм, как известно, акцентирует свое внимание на изображении быстроты, движения, взятых сами по себе. Стремительность движения поезда, вихрь танца — вот что стремились передать художники-футуристы. Они абсолютизировали изменение, движение. Для них все— и в самой действительности и в душе человека — является не только изменчивым, непостоянным, но и неуловимым, непознанным, загадочным. Кредо футуризма — это в конце концов кредо бессилия человека на фоне триумфа техники, но в то же самое время это и страстное желание и попытка преодолеть бессилие и отчаяние человека. При этом, как при кубизме, так и при футуризме мы сталкиваемся с интересным самим по себе парадоксом. Представители этих течений претендуют на самое верное изображение реального мира, его сущности. Но в этом своем стремлении они доходят до субъективистского, крайне одностороннего выявления только одних сторон реального мира, выдавая их при этом за его существо: кубисты — до упрощения вещей, до раскрытия их однобоко понятой конструкции; футуристы — до выражения движения, взятого само по себе. Таким образом, и те и другие обедняют реальный мир, пренебрегая богатством его проявлений, в том числе и его колоритным богатством. Это само по себе сильно суживает возможности их искусства, ведет к созданию малокровных, бесцветных художественных образов.

Фовизм, который выявился только в живописи, представляет собой одностороннее подчеркивание и развитие декоративно-цветового начала, присущего живописи как искусству. Большие художники-фовисты, и в первую очередь Матисс, создали замечательные полотна, которые притягивают наш взор своими дивными симфониями красок. Но их творчество избегает насущных проблем жизни, оно сводит воз-

можности искусства живописи преимущественно к его декоративно-эстетизирующим функциям.

В истории развития экспрессионизма вплоть до сегодняшних его проявлений можно наблюдать множество самых противоречивых тенденций. Общее, что объединяет их, слишком расплывчато: основой творчества всех этих художников является сильно выраженная экспрессия, т. е. их отношение к жизни, их внутренний мир. Но эта экспрессия совершенно различна по своей направленности и по своему выражению. В одних случаях это экспрессия беспросветного отчаяния, тоски или религиозного экстаза, в другом случае — преувеличение эротики и эротического начала в человеке и т. д. В одних случаях — это экспрессия боли честного художника, стихийно негодующего против тягот капиталистического мира; в других же—это экспрессия упадочных настроений, неприкрытого цинизма, издевательства над человеком и всем человеческим. Но бывает и экспрессия совершенно иного рода—как сильный протест, как пощечина ненавистной капиталистической действительности, как поиски путей к изменению этой действительности. Известно, что ряд больших художников, начавших свой творческий путь как экспрессионисты, нашли свое место в рядах революционного рабочего и коммунистического движения и стали крупными художниками современного реализма.

Из последующих модернистических течений искусства наиболее распространенными являются сюрреализм и абстракционизм. Сюрреализм и абстракционизм, хотя и совершенно по-разному, основываются на крайне субъективистском видении мира, доходящем до одностороннего самовыражения художника, а нередко даже и до неосознанного, подсознательного и даже биологического самовыражения (такой была, например, абстракционистская нью-йоркская «живопись действия», как и некоторые проявления так называемого искусства иной формы и др.).

Известно, что закат абстракционизма сопровождается появлением и особенно заметным выдвижением поп-арта. Это самое натуралистическое модернистское течение в искусстве. Здесь реальный предмет не изображается, а очень часто дается таким, каким является в своем натуральном виде, становится главным центром, основным, а иногда и единственным материалом построения художественного произведения. В других же случаях господствует метод прямого цитирования обычно самых шаблонных изображений из иллюстрированных журналов, комиксов, рекламных плакатов торговли и т. д. Роль художника сводится в сущности до простого аранжера предметов, т. е. почти полностью упраздняется.

Субъективизм и формализм, с одной стороны, и натурализм, особенно в его сегодняшнем проявлении поп-арта — с другой, являются как бы двумя метафизическими противоположностями, чьи концы смыкаются и образуют основание всех модернистических течений в искусстве. Конечно, натурализм сам по себе — гораздо более широкое явление и не все виды натурализма можно отнести к модернизму. Совершенно естественно, что никак нельзя причислять к модернизму такие, на-

пример, проявления натурализма, в которых натуралистический принцип изображения выступает в различных сочетаниях с реалистическим принципом изображения, где художник не всегда изображает только то, что видит и наблюдает, но многое привносит и от себя, делает отбор и иногда поднимается к вершинам художественного обобщения.

Но крайние проявления субъективизма и натурализма, образующие основу модернизма во всех его проявлениях, противоположными путями приводят к одним и тем же результатам. И действительно, субъективизм путем замыкания художника в себе, путем отрыва от реальной действительности лишает его самого богатого источника впечатлений и идей, каким является реальная действительность, жизнь. Таким образом художник сильно обедняет тематический и идейно-художественный кругозор своего творчества, теряет специфическую познавательную художественную функцию, что самым серьёзным образом отрицательно сказывается и на других функциях искусства. Вместе с тем таким путем художник доходит до заметного ограничения самой субъективности в искусстве, своего личного творческого «я», неповторимости художественного мира. Абстракционизм, например, привел именно к таким результатам, когда художники, которые субъективно очень хотели и стремились всеми силами быть самыми неповторимыми, самыми оригинальными, по неумолимой логике самих эстетических принципов абстракционизма, превратились в художников очень похожих друг на друга. Именно тогда появилось так называемое явление академического абстракционизма.

В самом крайнем натурализме, например, в поп-арте, деятель искусства уже не стремится к художественному постижению действительности, он просто берет цитаты в натуре или из других, существующих, обычно довольно обыденных, изображений. Здесь сводится на нет сама сущность искусства, призванного не просто цитировать и фотографировать жизнь, а давать свое отношение к ней, создавать на этой основе оригинальные и неповторимые художественные образы. Художник, который ограничивает себя только простым цитированием того, что видит, не размышляя над ним и не заставляя также размышлять и зрителя, тоже, в сущности, поворачивается спиной к реальной действительности, к ее богатству, к полноте жизни, к человеческому миру. Вместе с тем сильно ограничиваются, и даже сводятся к нулю его возможности субъективного отношения к действительности, т. е. создания полнокровных и полноценных художественных образов.

В силу этого модернизм как эстетическую позицию во всех его самых разнообразных и противоречивых проявлениях нельзя рассматривать иначе, как явление упадка, декадентства в искусстве. Другое дело, когда речь заходит о конкретной оценке тех или других модернистских течений или отдельных талантливых художников. В этом отношении мы должны избегать всякого огульного охаивания. Как мы уже отмечали, в первоначальных проявлениях модернизма связь с

реалистическим принципом изображения еще более или менее сохранялась и нередко проявлялась у некоторых крупных художников, таких, например, как Пикассо, Матисс, Лежэ. Конечно, это вовсе не означает, что мы должны принимать все в этих художниках. Наше отношение должно быть именно внимательным, разборчивым, т. е. критическим, что включает в себя и раскрытие ошибок, заблуждений и неудач этих художников, а не только рассмотрение того, что является их удачей, их вкладом в развитие современного искусства. Тем более, что при конкретном рассмотрении оказывается, что этот вклад является результатом не их увлечения одним или другим модернистским течением, а прежде всего — результатом нарушения художниками строгих ограничительных эстетических принципов модернизма, свидетельством торжества над ними огромного таланта художников.

Что касается современных самых крайних модернистских течений искусства, то в них не осталось и в помине какой бы то ни было связи с реалистическим принципом изображения. Они всецело отмечены печатью упадка, деградации.

Однако не модернизм, а реализм и прежде всего социалистический реализм, все больше определяет мировой художественный процесс, его близкие и далекие перспективы. Сила и жизненность нашего метода социалистического реализма в искусстве состоит прежде всего в том, что он всецело зиждется на основе ленинской теории отражения. Это означает, что главное для художника, овладевшего этим методом, — пристальное изучение нашей современности в ее революционном развитии к социализму и коммунизму, изучение этого всемирно-исторического процесса не только в его основных проявлениях и тенденциях, но совершенно конкретно, в его самых обычных и повседневных явлениях, в постоянном накоплении свежих впечатлений в собственном личном художническом осмыслении этого процесса. Это — неизменное условие для создания художественных образов, исключительно разнообразных по своей сущности и тенденции в зависимости от наклонности и таланта художника, могут быть критически-сатирические или романтически-приподняты, пластически-реальные или же крупно-монументальные произведения искусства — это путь к созданию, говоря словами Маяковского, как можно больше художников, хороших и разных.

И действительно, искусство социалистического реализма имеет большие творческие достижения не только в литературе, но и в других видах и жанрах искусства и не только в Советском Союзе и других социалистических странах, но и во многих иных странах мира. Оно превратилось в мировое художественное явление, выдвинуло таких художников-гигантов нашего двадцатого столетия, как Максим Горький, Михаил Шолохов, Бертольд Брехт, Леонид Леонов, Эйзенштейн, Довженко, Пудовкин, Шостакович, Бехер, Арагон, Диего Ривера, Сикейрос, Неруда и другие.

Социалистический реализм сегодня представляет собой основу, силу и жизненность современного реализма. Преимущества и будущность этого реализма заключаются в его неразрывной связи с самыми передовыми революционными силами современности.

ГЛАВА 13

ОТРАЖЕНИЕ И РЕЛИГИЯ

В современную эпоху формирования и ускоренного развития мировой социалистической системы, совершающихся в условиях научно-технической революции, происходит интенсивный процесс преодоления и отмирания религии. Этот процесс протекает в противоборстве с теми силами, которые стремятся задержать, затормозить и даже предотвратить отмирание религии. На первом плане среди этих сил мы находим церковь, буржуазное государство и даже некоторых представителей науки.

Важнейшим орудием борьбы с религиозными воззрениями и предрассудками является марксистско-ленинское учение о религии. Марксистское понимание религии как иллюзорного, фантастического и мистического отражения действительности помогает снять с нее ореол «святости» и «божественности», понять религию как общественно-историческое явление, генезис, функционирование и тенденции развития которого можно познать научными методами.

В противовес марксистско-ленинскому учению о религии богословские и буржуазно-религиеведческие концепции отрицают отражательную природу религии как одного из явлений общественного сознания. Развитие их идей идет в двух основных направлениях. Первое сводится к отрицанию возможности научного познания религии и в особенности факторов, обусловливающих религиозность людей. Второе направление признает такую возможность, но в такой форме, которая, по сути, отрицает отражательную природу религии.

Уже французский буржуазный философ и видный представитель спиритуалистического позитивизма Эмиль Бутру (1845—1921) утверждал, что наука, конкретнее,психология, может уловить только внешнюю сторону религиозного феномена, но никак не улавливает то, что он, может быть, содержит в себе[1]. К аналогичным выводам приходит и основатель французского персонализма Эммануель Мунье. Пытаясь объединить в единое целое христианство, экзистенциализм и некоторые элементы марксизма, Мунье утверждает, что личность наделена двумя группами идеалов и потребностей: одни реальные и земные, другие же связаны со «сверхчеловеческим миром абсолютных ценностей». На этой основе он отрывает религию от земных идеалов, рассматривает ее лишь как какое-то стремление к трансцендентному. Научное познание якобы не в состоянии постигнуть и объяснить это стремление.

[1] См. Э. Бутру. Наука и религия. Перевод с французского, М., 1910, стр. 151.

Фрейдизм и неофрейдизм предлагают несколько иной подход к пониманию природы религиозного феномена. Фрейдизм выводит сущность человека и его поведение из неосознанных инстинктов и влечений, в основу которых он кладет сексуальные переживания. В связи с этим, в частности, он рассматривает религию как продукт, выражение и отражение главным образом психических факторов и причин, полностью отрывая религию от определяющих ее социально-экономических условий.

Попытки современных фрейдистов или, точнее, неофрейдистов, преодолеть классический фрейдизм путем социологизации психологии, поисков научного объяснения религии и религиозности людей тоже не дают положительных результатов. Социальная детерминация Эриха Фромма и культурная детерминация Е. Кардинера объясняют социальные явления, в том числе и религию, как вызываемые психологическими и духовными потребностями, рождающимися в процессе взаимоотношений между людьми, оставляя в стороне их потребности, возникающие в производственной жизни общества.

Из всего этого следует один вывод: какие бы направления буржуазной философии или религии мы ни взяли, все они сводятся к отрицанию марксистско-ленинской теории отражения при объяснении происхождения и сущности религии и религиозности людей.

Отрицание религии, не сопровождающееся научным анализом природы объекта религиозного отражения, простое отрицание реальности объекта религиозного почитания не дает содержательной интерпретации идей бога, ангелов, дьявола, рая, ада и других сверхъестественных существ и сил, не объясняет и не может объяснить причины жизненности этих идей. Если исходить только из того факта, что объекты религиозного почитания не существуют, то из этого следует отрицание отражательного характера религии, ее сведение к полной бессмыслице, к результату болезненной фантазии, преодоления которой можно добиться с помощью просвещения или лечения. Такой подход к религиозному феномену формулировали и защищали многие философы-материалисты XVIII века.

Научное познание объекта религиозного почитания основывается на признании того обстоятельства, что «религия сама по себе лишена содержания, ее истоки находятся не на небе, а на земле, и с уничтожением той извращенной реальности, *теорией* которой она является, она гибнет сама собой»[2]. Бог как таковой не существует. Не существуют ни ангелы, ни дьяволы, ни «прелести рая», «потусторонней жизни», ни вечные мучения и страдания в «аду» и т. д. В этом смысле, и только в этом, объекты религиозного познания и религиозного почитания не являются реальными. Это касается всех объектов веры и почитания, как тех, которые изображаются верующими в позитивном плане, так и тех, которые изображаются в негативном плане.

Однако констатация иррациональности объектов религиозного

---

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 252.

почитания — это лишь одна сторона процесса изучения, исследования и определения этих объектов. Другой стороной этого процесса является объяснение реальных, земных истоков религии. Образ и атрибуты «положительных» и «отрицательных» сверхъестественных существ и сил выведены особенным (религиозно-отражательным) способом из природы, из общества и из самого человека. Именно реальное существование и реальные атрибуты человека, но только в фантастической, сверхъестественной, несоответствующий их реальной форме и сущности отражены в религиозной идее об образе и атрибутах несуществующего бога.

Уже Гераклит сумел уловить отражательную природу образа бога. На этом основании он сформулировал афоризм: «Люди — смертные боги, а боги — бессмертные люди»[3].

Все сказанное относительно образа и атрибутов бога касается и остальных сверхъестественных существ и сил: ангелов, дьяволов, рая, ада и др. За ними тоже стоят существующие в действительности природные или общественные вещи, явления и процессы, отраженные в религии в формах и сущностях, не адекватных объективной действительности. Не случайным является тот факт, что еще в начале XVI в. Томас Мюнцер проповедовал: «Подобно тому как не существует потустороннего рая, не существует и потустороннего ада и вечного проклятия. Точно так же не бывает никакого другого дьявола, кроме дурных страстей и вожделений человека»[4].

В этом отношении очень интересны анализ и интерпретация объектов религиозного познания и религиозного почитания, которые принадлежат Фейербаху. Они имеют важное значение для религиеведения, хотя и не дают полного решения этого вопроса. Л. Фейербах утверждает, что «человек, особенно религиозный человек, есть мера всех вещей, всякой реальности. Он возводит на ступень божества все, что ему импонирует, все, что производит особенное впечатление на его душу. . . Сущность и сознание религии исчерпывается тем, что заключается в сущности человека, его сознании и самосознания. У религии нет собственного, особого содержания»[5].

Фейербах исследует процесс превращения существенных качеств человека в идею бога: эти качества отделяются в религиозном сознании от самого человека, абсолютизируются и наделяются самостоятельным существованием в религии. «В религии, — пишет он, — человек раздваивается в самом себе: он противопоставляет себе бога, как нечто противоположное ему. . . Бог — бесконечное, человек — конечное существо; бог всемогущ, человек бессилен; бог свят, человек греховен. Бог и человек составляют крайности. Бог — понятие поло-

---

[3] Цит. по соч. Дицгена «Против идеализма и поповщины». М.—Л., 1925, стр. 249.

[4] Цит. по соч. Маркса и Ф. Энгельса. т. 7, стр. 370—371.

[5] Л. Фейербах. Избранные философские произведения, т. 2, М., 1955, стр. 52.

жительное, совокупность всех реальностей, человек — понятие отрицательное, совокупность всего ничтожного»[6].

Такое раздвоение человека, при котором все положительное в абсолютизированном виде приписывается богу, а все отрицательное — человеку, принижает человека, отвлекает людей от борьбы за утверждение разумного мира для самих себя.

«Христианство, — пишет Фейербах, — поставило себе целью осуществление неосуществленных желаний человека, но именно поэтому оно оставило без внимания достижимые человеческие желания; посулив людям вечную жизнь, оно лишило их жизни временной; внушив доверие к помощи бога, оно лишило их доверия к собственным силам; внушив веру в лучшую жизнь на небе, оно отняло веру в лучшую жизнь на земле и стремление осуществить подобную жизнь. Христианство дало человеку то, чего он желает в своем воображении, но именно не дало ему того, в чем он по-настоящему, в действительности нуждается и чего он желает»[7].

Иллюзорный, мистический характер религиозного отражения, неспособность религии давать людям верные знания об окружающей их действительности, исключают возможность использования ее в борьбе за социальный прогресс. Религиозное отражение является искаженным, превратным представлением о природе, обществе и человеке, реальный смысл и содержание которого можно дешифровать только с позиций научного познания.

Наиболее полное и глубокое решение вопрос о происхождении и сущности религии получил в трудах Маркса, Энгельса, Ленина.

Как известно, религия является прежде всего социально обусловленным феноменом, играющим огромную роль в жизни людей на определенном этапе истории общества. Естественно, эта социальная обусловленность имеет различный характер в различных обществах — первобытнообщинном, классово-антагонистических и на низшей фазе коммунизма (при социализме). Религия — это продукт социальной беспомощности, а вместе с тем и социальной подавленности людей. Поскольку религия представляет собой превратно-фантастическое отражение этой беспомощности и подавленности, она не может служить борьбе трудящихся масс за освобождение от эксплуатации.

Но хотя появление религии и социально обусловлено, оно было бы невозможно, если бы человеческое познание не создало предпосылок для этого. «Раздвоение познания человека и *возможность* идеализма (=религии) *даны* уже, — как отмечает Ленин, — *в первой, элементарной* абстракции»[8].

Религия становится возможной тогда и постольку, когда и поскольку человеческое сознание оказывается в состоянии порождать

---

[6] Там же, стр. 64.

[7] Там же, стр. 805.

[8] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 330.

фантазии, создавать иллюзорные представления об окружающей человека природной и общественной действительности. Конечно, в данном случае речь идет не вообще о создании иллюзорных представлений, не вообще о творческом воображении, а о создании таких иллюзорных представлений и о такой фантазии, когда, как говорил Маркс, земная основа отрывается от самой себя и превращается в самостоятельное царство в облаках.[9]

Способность человеческого сознания порождать фантастические представления не исчерпывается религиозной фантазией. Не всякую фантазию можно и нужно идентифицировать с религиозной фантазией. Научное познание тоже не лишено фантазии. Один из ведущих способов развития науки есть гипотеза. А всякая гипотеза, поскольку она включает в себя предположения, содержит и «элемент фантазии»[10]. Этот «элемент фантазии» в научном предположении помогает воспроизвести действительную картину мира, основанную на научном методе познания и формируемую в соответствии с правилами и законами логики. Религиозная фантазия, религиозное воображение «создает чувственно-созерцаемую картину, искажающую реальные отношения, и не выдерживает никаких логических критериев. . .»[11]

С точки зрения диалектического материализма познание не является зеркальным, фотографическим отображением объективной действительности. Оно содержит и субъективные элементы. Однако их наличие не исключает возможности достижения объективной истины, то есть выполнения познанием его основной функции в обществе.

В противоположность этому в идеалистических системах субъективным элементам придается преобладающее значение и отводится главная роль в познании. В идеалистических системах, как говорит Тодор Павлов, субъективность перерастает в субъективизм. Это перерастание субъективности в субъективизм делает идеализм неспособным научно объяснять природную и общественную действительность, а следовательно, и выступать в роли эффективного орудия ее прогрессивного изменения и развития.

Идеализм не совпадает с религией. Несмотря на наличие бесспорной близости и родства идеализма и религии, между ними нет и не может быть полного тождества. Идеализм стремится обосновывать свои положения, он использует логический аппарат и т. д., то есть приемы, характерные для научной формы мышления, научной формы исследования и объяснения мира. Именно по этой причине, как удачно отмечает П. В. Копнин, «усваивая форму науки, идеализм не может не усваивать ее содержания, в результате чего идеалистические системы могут наполняться материалистическими положениями, а сам идеализм иногда превращается в перевернутый материализм»[12].

---

[9] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 2.

[10] П. В. Копнин. Диалектика как логика. Киев, 1961, стр. 415.

[11] Там же, стр. 417.

[12] Там же, стр. 13.

Иначе обстоит дело с религией, где речь идет не о преобладании субъективных элементов, как это имеет место в идеалистических системах, а о почти полном субъективизме. В религии не только субъективность перерастает в субъективизм, но сам субъективизм приобретает особую форму, характеризующуюся иллюзорностью, фантастичностью, мистичностью.

Субъективные элементы в религии, как пишет Т. Павлов, «не только преобладают над объективными, но и обладают ярко фантастическим, антиопытным, духовно-метафизическим характером. Каждая идея «бога» или «духа», даже и тогда, когда она связывается с тотемом, кумиром, иконой, обрядами и др. вещами и процессами, является идеей чего-либо «не из мира сего», идеей чего-то «сверхземного, духовного», какой-либо частичной «духовной силы», «разума», «судьбы» и т. д.»[13].

Это разграничение религии и науки открывает большие возможности для изучения специфики религиозных чувств, символов, идей и для установления существенной разницы и родства между религией и идеалистическими системами.

Идеализм по-своему отражает реальную действительность и реальные связи и отношения, складывающиеся между различными ее компонентами, — отношения бытия и сознания, «общественного бытия» и «общественного сознания». Принимая сознание за нечто самостоятельно существующее и стоящее над бытием (материей), а также выводя развитие бытия из развития сознания, идеализм объективно создает теоретико-гносеологическую основу для обоснования и защиты религиозных концепций.

Религиозная фантазия отличается также от народной мифологии и различных форм искусства. В народной мифологии и искусстве образы являются фантастическими лишь по своей конкретной форме выражения, а не по их глубокой сущности, бытию, атрибутам и т. д. Они представляют собой или своеобразное обобщение реальных фактов и явлений, изображенных в сознательно преувеличенном виде, или же обобщение заложенных в человеке потенциальных сил и возможнестей, которые в будущем он сумеет развернуть во всем их могуществе и прелести.

В этом отношении интересные положения о народной мифологии и ее судьбе в ее историческом развитии высказывает Т. Павлов. Опираясь на классиков марксизма, он выдвигает тезис о том, что «первоначальная народная мифология испытывает двоякое диалектическое изменение и переходит либо в сознательно-научное и художественное творчество, либо в антинаучное и антихудожественное мистическо-метафизическое «мифотворчество»[14]. При первом диалектическом изменении народная мифология «умирает», но умирает не бессмысленно и бесполезно, а заменяясь наукой и искусством, реализующими «даже самые смелые догадки, предчувствия, мечтания прелестно-наивные

---

[13] Тодор Павлов. Избрани произведения, т. 6, стр. 351.

[14] Там же, стр. 348.

народно-фантастические мечтания летать, слышать, видеть и действовать «за тридевять морей и лесов», идей о чудодейственных бальзамах и магических палках и словах, человеческих действиях, которые воскрешают, возрождают и делают человека мудрым, сильным, прекрасным и счастливым»[15]. Во втором случае народная мифология не «умирает», но лишается «всего того, что было до некоторой степени научным, художественным и морально ценным, всего того, что было истинно народным и творчески-человеческим в ней, и становится мифотворчеством определенных общественных классов и слоев, чьи сознательно поставленные цели и задачи можно «обосновать» и «переводить» с помощью мистической метафизики, алогичного интуитивизма и иррационального актуализма»[16]. Поэтому одно лишь указание на способность человеческого сознания порождать фантазии и абстрактная гносеологическая интерпретация этого факта еще не раскрывают специфики религиозного отражения.

Специфика религиозного отражения не в том, что оно просто является неверным и фантастическим — и сложность вопроса заключается именно в выявлении религиозно-неверного и религиозно-фантастического. Эта специфика состоит в том, что в религии человек стремится установить «связь» с несуществующей, выдуманной, фантастической, мистической, сверхъестественной силой, с которой он пытается поддерживать «отношения» — тоже нереальные, иллюзорные, мистические, сверхъестественные, поскольку речь идет о выдуманных «положительных» и «отрицательных» сверхъестественных существах и силах. Короче говоря, здесь речь идет не о «связи» или «отношении» вообще, а об особенном, специфическом характере тех вещей, установлению связей с которыми религия учит человека, равно как и об особенном, специфическом характере самой связи (отношения).

Именно специфический характер объектов религиозного почитания, а также и особенный характер «связей» («отношений»), которые религиозные люди устанавливают с этими объектами, раскрывают специфику религиозного чувства и религиозного сознания. Это сознание есть отражение несуществующих («положительных» или «отрицательных») сверхъестественных существ и сил, отражение нереальных «связей» («отношений») религиозных лиц с этими существами и силами.

Характеристика религиозного сознания, однако, не исчерпывается лишь указанием на наличие в нем представлений о несуществующих сверхъестественных существах и силах, с которыми религиозные лица устанавливают нереальные «связи» («отношения«), хотя именно в этом и выявляется интимная, специфически-собственная сущность религии вообще. В религиозном сознании отражаются отношения человека к реальной природе, к обществу и выражается отношение к самому себе. Однако отражение этих отношений в сфере религии также носит искаженный характер, ибо несуществующие сверхъестественные существа и

---

[15] Там же, стр. 348.

[16] Там же.

силы выступают здесь необходимым посредствующим звеном в реальной системе отношений человека к окружающему миру и самому себе.

Именно этим обусловливается тот факт, что в каждой религии наряду с теологическими концепциями бога и «связей» с ним — так называемом ядром учения — существуют и отдельные элементы учения о природе, обществе и человеке, моральные, правовые и др. социальные доктрины, которые мы называем полем учения. Иначе говоря, в религиозном сознании по содержанию выделяются две группы «знаний». Одна группа содержит учения о сверхъестественном и о «связях» («отношениях») между верующими и богом. Она и составляет ядро религии или религию в «чистом виде». Другая группа знаний, хотя и исходит из учения о сверхъестественном и о «связях» («отношениях») между людьми и богами, объясняет природу, общество и человека. Эту вторую группу структурных компонентов религии можно условно назвать неспецифически-собственной, или полевой. Между ядром и полем религиозного сознания существуют, функционируют и развиваются сложные связи координации и субординации. Изучение этих связей показывает, что религию нужно исследовать и определять как относительно самостоятельный и единый комплекс идей, представлений, взглядов.

Структурное разделение религиозного сознания на ядро и поле, а также выделение существующих между ними связей являются выражением того обстоятельства, что у религии нет и не может быть своего собственного реального объекта, который существовал бы вне и независимо от естественной природы, человека и общества. Появление, существование и развитие религии связано с процессом познания явлений окружающего мира.

Значительный интерес в этом отношении представляют идеи Иосифа Дицгена о сущности религии. «То, что язычники почитали в своих многочисленных богах, пишет он, в Вакхе — вино, в Венере — любовь и т. д.; то, что ценили в боге израильтяне — его наказание, его повеления; то, чему поклоняются в своем божестве христиане — богочеловечество, страдание и смерть для других, безграничная любовь и милосердие, аскетизм, воздержание и безбрачие, — все это мы ценим в зависимости от условий времени и места, но мы никогда и ничего не обожествляем. Необходимо решительно отвергать не вещи в качестве объектов религиозного почитания, но саму сущность религии, которая заключается в абсолютном почитании».

Сущность религии состоит в том, что она олицетворяет те явления в жизни природы и человека, которые в зависимости от условий, времени и определенных обстоятельств имеют особенно большое значение, и возводит их в такую степень, что они выходят за пределы временного и конкретного.

«Религиозная истина — это естественная истина, поставленная на голову»[17].

---

[17] И. Дицген. Против идеализма и поповщины М.—Л., 1925, стр. 189.

Религиозное сознание не лишено вообще какой бы то ни было истины или истин. Однако они в нем поставлены с ног на голову, оторваны от того временнòго и конкретного, которое они отражают, и представлены в мистифицированной, абсолютизированной форме, что и превращает их в «неизменные»,в «вечные»истины.А задача ученого, как утверждает видный английский ученый Джон Бернал, состоит в том, чтобы искать новые истины, а не находить удовлетворение в установленных истинах, религия же охраняет «вечную» истину[18].

Конечно, религиозное сознание является прежде всего продуктом общественно-исторических условий, в которых человек живет и творит в определенный период истории человечества. Именно поэтому, по словам Маркса: «Религиозное отражение дествительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое, туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным, планомерным контролем. Но для этого необходима определенная материальная основа общества или ряд определенных материальных условий существования которые представляют собой естественно выросший продукт долгого и мучительного процесса развития»[19].

Теория отражения по-новому осветила проблему основной идеи религии. Среди религиоведов-марксистов существует единое мнение по вопросу о том, какая идея занимает основное, центральное место в комплексе религиозных идей. В принципе все они согласны с тем, что именно идея сверхъестественного, божественного является основной, центральной в каждой религии при всем различии в способах ее выражения в сознании отдельных групп религиозных людей.

Эта традиция соблюдается и в «Краткой болгарской энциклопедии», где религию определяют как «одну из форм общественного сознания, характерная отличительная черта которой есть вера в нереальные, сверхъестественные или божественные силы»[20]. Это традиционное определение религии, однако, не раскрывает еще полностью природы религии, а тем самым снижает эффективность атеистической пропаганды, направленной на освобождение трудящихся от религиозных заблуждений.

На самом деле главное, определяющее в каждой религии необходимо искать не в одном, а в двух основных направлениях. Религия, конечно же, есть больше всего и прежде всего вера в реальное существование нереальных, мистических или божественных сил. Однако, если сводить главную,определяющую характеристику религии лишь к идее

---

[18] Дж. Бернал. Наука в истории общества. М., 1956, стр. 27.

[19] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения,т. 23,стр. 90.

[20] Кратка българска енциклопедия, т. 4, София, 1967, стр. 370.

сверхъестественного, то становится невозможным обозначить границу между религией и религиозностью людей. К этой главной, основной характеристике религии обязательно нужно прибавить вторую, без которой основная идея религии и религиозной веры вообще была бы представлена неполно, искаженно и в конечном счете неверно. Речь идет о том, что кроме идеи и веры в реальное существование нереального, сверхъестественного, божественного основная идея религии содержит также веру в реальную возможность религиозного человека установить непосредственно или косвенным образом «личный контакт», «связь», «отношение» с богом. Без этой второй стороны основной, главной и определяющей идеи религии реализация последней в религиозности невозможна. Без этого религия не могла бы стать той силой, которой она была в истории общества.

Двуединую сущность религиозной веры вообще и основной религиозной идеи в частности улавливают и хорошо оценивают и сами богословы. «Если бы религия требовала лишь теоретических запросов мышления, то она сводилась бы к простому теоретическому констатированию бога, к богосознанию, т. е., иными словами, фактически не было бы религии, потому что религия есть не только богосознание, но и богообщение. Нам надо не только сознавать бытие бога, мыслить его как реально существующего, но и чувствовать потребность в слиянии с ним и требовать реализации этого слияния, чтобы удовлетворить эту потребность»[21].

Идея реального существования нереальных, мистических, сверхъестественных и в этом смысле божественных существ и сил, которая не приводит к идее, содержащей возможность религиозного человека установить «личный контакт», «связь», «отношение» с этими существами и силами, «выпросить» у них то или иное положительное или отрицательное «действие», еще не есть религия, которую мы рассматриваем в строгом ее определении как форму общественного сознания, порождающую соответствующую ей религиозную практику (религиозное поведение).

Религия реализуется в религиозности и имеет существенную значимость в истории человека и общества только тогда, когда она предстает в своей двуединой сущности — как вера в реальное существование нереальных, мистических божественных существ и сил и как вера в реальную возможность религиозного человека поддерживать «личный контакт», «связь» и «отношение» с этими существами и силами, просить или требовать у них помощи или наказания и т. п.

Только в этой двуединой своей сущности религия приобретает способность устанавливать свою (религиозную) структуру отношений между религиозным человеком и сверхъестественным существом, обладающую относительной самостоятельностью в отношении общей социальной структуры. Религия выводит человека «из реально существующей

---

[21] «Глас на пастирското сърце», ч. 2, София, 1937, стр. 270.

социальной структуры — общества. Религия стремится включить его (человека — *Н. М.*) в несуществующую теоцентрическую структуру «царство божие» с изолированной от других людей связью по вертикали «человек-бог»[22], — пишет С. С. Слободянюк.

Только в реализации и развитии связи «человек-бог» идеологи и сторонники религии видят «настоящее» выявление и развертывание самой глубокой природы и предназначения человека. Они пытаются не только доказать реальное существование и функционирование этой «связи», но и раскрыть ее структуру.

Так, например, Р. де-ла Грассери утверждает, что в системе связи «человек-бог» устанавливаются, функционируют и развиваются реально три вида «общения»: а) одностороннее, направленное от нисходящего к восходящему уровню: от человека к богу[23]; б) тоже одностороннее, но направленное от восходящего к нисходящему уровню: от бога к человеку[24]; и в) двустороннее, называемое Грассери еще и «нормальным», которое направлено одновременно от человека к богу и от бога к человеку[25].

В основе подобных взглядов по вертикали «бог-человек» лежит и разделение богословия на догматическое и нравственное. «Учение о боге и его отношении к человеку, — пишет болгарский богослов Ив. Панчовски, — является предметом догматического богословия. А учение об отношении человека к богу предлагает и обосновывает нравственное богословие»[26].

Вряд ли необходимо доказывать, что как в первом, так и во втором случае мы имеем дело с искусственно сконструированными схемами, не соответствующими реально существующим отношениям в системе религиозной жизни людей. Реально только отношение религиозного человека к выдуманным им самим сверхъестественным существам и силам. Но оно не имеет ответной реакции в силу того элементарного факта, что в мире нет и не может быть какой бы то ни было нереальной, мистической, сверхъестественной силы или существа.

Однако несмотря на свою односторонность связь «человек-бог» выражает имманентную природу религии как религиозности. Констатация этого факта имеет определяющее значение для правильной интерпретации сущности, роли и значения религии как в жизни отдельного человека, так и в истории общества. Факт этот прежде всего показывает, что религия стремится объективно увести человека в сторону от борьбы

---

[22] С. С. Слободянюк. Личность как ценность (марксистская и православно-христианская концепция), Сб. «Человек, общество, религия». М., 1968, стр. 19.

[23] Р. де-ла Грассери. Психология религии. Перевод с французского. СПб., 1901, стр. 151.

[24] Там же, стр. 160.

[25] Там же, стр. 163.

[26] Иван Панчовски. Методология на нравственото богословие. София, 1962, стр. 68.

классов, от проблем социального развития и социального прогресса. Таким образом, взятая с точки зрения ее имманентной природы и специфически-собственной сущности, религия формирует и утверждает целостную и строгую систему изоляции трудящихся от борьбы против строя эксплуатации и угнетения. Физические и особенно духовные силы людей она расходует на «постижение» сверхъестественного, подставляет на место реальных потребностей стремления к достижению райских блаженств в потустороннем мире.

Тот факт, что в системе связи «человек-бог» реально существует и функционирует лишь только первая подсистема (религиозный человек), тогда как вторая (сверхъестественное, божественное) подсистема есть фиктивная, нереальная, выдуманная, мистическая, фантастическая, свидетельствует о том, что религия, взятая с точки зрения ее имманентной, специфически-собственной и самой глубокой природы, не может превратиться из ненаучной и консервативной в научную и прогрессивную силу.

Известно, что основные формы общественного сознания, формирующие систему идеологии — философия и искусство, политика и право, мораль и т. д., — могут развиваться и до сих пор развиваются в двух противоположных направлениях, первое из которых является научным и прогрессивным, а второе — ненаучным и консервативным и даже реакционным. Возможность упомянутых идеологических форм общественного сознания развиваться в диаметрально противоположных направлениях, взятая со стороны ее гносеологической интерпретации, объясняется тем обстоятельством, что они отражают (правильно или неправильно, научно или ненаучно — это зависит от направления в них) реально существующие объекты познания и оценки.

Положение религии принципиально иное. Она тоже является одной из основных форм общественного сознания, одной из форм идеологии. Однако религия лишена возможности развиваться в указанных двух основных направлениях. По своей природе она может развиваться лишь в одном направлении — как ненаучная, консервативная и даже реакционная форма идеологии.

Более конкретно речь идет о следующем. Нерелигиозные идеологические формы общественного сознания отражают, как уже было упомянуто, реальные объекты познания и оценки. У религии нет реального объекта познания и оценки, если рассматривать этот объект в его собственном смысле — бога как бога, ангелов как ангелов, дьяволов как дьяволов и т. д. Именно это важное различие между религией и другими идеологическими формами общественного сознания и определяет неодинаковые возможности их развития. Только определенный реально существующий объект можно отражать двояко — верно или неверно. Но нельзя отражать ни верно, ни неверно несуществующий, нереальный объект. Любое представление о нем всегда и во всех случаях противостоит верному, научному отражению того элементарного факта, что объект не существует.

Неспособность религии правильно, научно отражать и объяснять действительность уже предопределяет и другую ее основную характе-

ристику: невозможность служить теоретической основой прогрессивных и революционных движений. Прогрессивность и революционность могут быть связаны лишь с борьбой за реализацию чего-то действительного, а не мнимо реального. Религия же связывается с чем-то мнимым, фантастическим, неестественным, то есть с нереализуемым, вследствие чего борьба за его «реализацию» не обладает чертами прогрессивности и революционности.

Но следует видеть принципиальную разницу между религиозным и нерелигиозным утопизмом. Возьмем утопизм социалистов-утопистов. У социалистов-утопистов идеал тоже нереализуемый. Но они исходят из ряда верных предпосылок, их усилия направлены на уничтожение (или преодоление) старого общества, они мечтают о новом обществе. Их утопизм не является полным, безграничным, он относится главным образом к определению путей, общественных сил и средств реализации идеи нового общества. Для религии характерен полный, безграничный утопизм, начиная от предпосылок и кончая конечными целями, которые она выдвигает перед человеком.

Исходя из всего сказанного, можно сформулировать следующие основные положения.

Первое. Нельзя рассматривать религию лишь как одну из основных идеологических форм общественного сознания. Она качественно отличается от других основных идеологических форм общественного сознания, если последние рассматривать со стороны их научного, прогрессивного и революционного содержания, сущности и значения в системе познания и в общественном развитии.

Второе. Тезис о способности религии познавать и оценивать верно природу, общество и человека и тем самым служить прогрессивным, демократическим и революционным социальным движениям, невозможно сформулировать и защищать, исходя из природы религии.

Однако нельзя забывать, что религия как относительно самостоятельная система не исчерпывается полностью и без остатка своей специфически-собственной сущностью. В действительном и очень сложном историческом процессе своего развития религия не ограничивается и не может ограничиться лишь объяснением, оценкой и регуляцией связи «человек-бог». Она пыталась и пытается предложить объяснение, оценку и регуляцию и реально существующих связей между людьми как членами социальных (микро и макро) коллективов.

Сегодня даже богословы признают невозможность религии оставаться лишь в специфически-собственных пределах. Так, например, православный епископ д-р Николай пишет: «Жизнь христиан протекает в двух направлениях — по вертикали и по горизонтали. Вертикальное осуществляется в стремлении к богу, в общении с ним, в любви к нему. А горизонтальное осуществляется в любви к человеку, к ближнему»[27].

---

[27] Макариополский епископ д-р Николай. «Гласът на благочестието». София, 1971, стр. 214.

Констатируя этот факт, богословы хотят немедленно использовать его в интересах религии, в связи с чем они уверяют своих читателей в том, что «хотя эти два направления кажутся противоположными, но в сущности они вполне согласованы между собой: они сходятся в одной точке, подобно тому, как сходятся радиусы в центре круга, или подобно тому, как оба катета прямоугольного треугольника (один катет отвесный, а другой горизонтальный) сходятся у вершины прямого угла. Равнодействующая линия (биссектриса) этих двух направлений приводит к вечной жизни»[28].

Как видно, богословы пытаются представить в качестве религиозной не только связь «человек-бог», то есть специфически-собственную религиозную связь, но и реально функционирующие взаимоотношения между людьми как членами социальных (микро и макро) коллективов. Однако, будучи верными своим богословским позициям они все-таки возводят связь «человек-бог» в главную и определяющую, а взаимоотношения людей вне рамок этой связи — во второстепенные, подчиненные и производные.

На взаимоотношения людей вне рамок связи «человек-бог» богословы обращают внимание постольку, поскольку они могут синхронизироваться и подчиняться в той или иной форме и степени связи «человек-бог». В действительности же функционирующие взаимоотношения между людьми как членами социальных (микро и макро) коллективов не являются и не могут являться специфическим объектом религиозного познания предметом, религиозной оценки, религиозной регуляции. Они зарождаются раньше религии, существуют параллельно с ней, развиваются без нее, а во многих отношениях и в противоположность ей. Эти отношения находятся вне рамок специфически-религиозной связи «человек-бог» и обладают непосредственной социально-функциональной нагрузкой.

Сказанное не означает, что функционирующие взаимоотношения между людьми как членами социальных коллективов являются чуждыми какой-либо религиозной интерпретации. Такая интерпретация существует, но она носит производный характер и занимает вторичное, подчиненное место в системе религиозного познания, оценки и регуляции, потому что в системе этих взаимоотношений вопрос о вере в бога или в богов не решается прямо и непосредственно.

Включение функционирующих взаимоотношений между людьми как членами социальных коллективов в орбиту религии, их возведение во вторичный производный объект религиозного познания, оценки и регуляции имеет исключительно важное значение для изучения, исследования и определения социальной роли и значения религии в истории человечества. Именно этот вторичный, производный и в определенной мере произвольный характер религиозной интерпретации нерелигиозных отношений между людьми объясняет, почему идеологи религии и тем более ее последователи из народа могут формулировать, развивать

---

[28] Там же, стр. 214.

и защищать в значительной степени различные взгляды на объяснение, оценку и регуляцию взаимоотношений между людьми как членами социальных коллективов.

Здесь все зависит не столько от характера религиозной веры, которую исповедуют богословы или обыкновенные люди, сколько от их социально-классовой ориентации, социально-классовой принадлежности и социально-классовых целей, которые они субъективно или объективно преследуют. Именно по этой причине во той области исторической реализации и развития религии, которую следует отличать от ее имманентной, специфически-собственной природы как таковой, существует возможность формулировать, развивать и защищать те или иные относительно верные идеи, имеющие объективно прогрессивную значимость.

Эти относительно верные идеи, имеющие объективно прогрессивную значимость, хотя и формулируются религиозными людьми и поддерживаются религиозными аргументами, не вытекают из специфически-собственной природы религии. Они являются не продуктом и принадлежностью религии, если рассматривать ее как веру в сверхъестественное, как познание, оценку, регуляцию связи «человек-бог», а продуктом и принадлежностью «религиозной интерпретации» взаимоотношений людей, находящихся вне этой связи.

Относительно верные идеи, имеющие объективно прогрессивную значимость, в религии можно определить как неспецифически-собственные элементы религии, поскольку они не вытекают из специфически-собственной природы религии как таковой. Вместе с тем они стали собственными элементами религии, так как религия не может существовать без них, если она хочет сохранить жизненность, продлить свое собственное существование.

Формально-теоретически религия может существовать, функционировать и развиваться в «чисто» собственных границах — как познание, оценка и регуляция единственной связи «человек-бог». Однако практически рассматривать религию лишь в ее специфически собственных границах, в «чистом» виде невозможно. Без религиозной интерпретации нерелигиозных взаимоотношений между людьми религия лишается социально-функциональной роли и предназначения, становится менее привлекательной для широких слоев народа, утрачивает свою жизненность. Все это обрекает ее на гибель.

Религия рассчитывает на продление своего существования не столько благодаря своей имманентной, специфически-собственной природе, сколько благодаря наличию второй формы своей исторической реализации, поскольку религия является продуктом условий, факторов и причин, находящихся вне ее самой.

Конечно, все сказанное не означает, что религия не обладает никакой способностью к относительно самостоятельному существованию и развитию. Религия развивается как социально-обусловленный и как относительно саморегулирующийся феномен в жизни людей в определенный период истории общества. Она может в известных преде-

лах реагировать по-своему и своими средствами даже на неблагоприятную для ее существования социальную среду, может обеспечить себе временное существование и без наличия соответственно определяющих ее социальных факторов, условий, причин. Однако гибель религии в процессе дальнейшего прогрессивного развития общества неотвратима.

РАЗДЕЛ III

ПОЗНАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

ГЛАВА 14

ЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Особенностью новой эры, открываемой социалистической революцией является вовлечение все более широких масс в процесс сознательного творчества истории. Строительство и развитие социалистического общества есть одновременно становление этого нового типа общественного развития. Социализм еще использует целый ряд социально-экономических механизмов (товарно-денежные отношения, государство и т. д.), возникших в предшествующих формациях, наполняя их качественно новым социальным содержанием, и несет на себе отпечатки, следы, пережитки старого общества, из которого он вырастает. В то же время формируется и развивается принципиально новая социальная реальность: на базе всё более укрепляющейся государственной (общенародной) собственности на основные средства производства, на базе коллективных форм жизни начинают возникать и действовать общественные закономерности, характерные именно для коммунистической общественной формации.

Теоретически осмыслить этот колосальный поворот в истории человечества, связанный с рождением нового мира и его собственных законов, отношений, культуры, новых форм действия общих социологических закономерностей, — огромная задача, которая решается марксистской общественной наукой. Научное знание, социальное знание в том числе, служит рождению нового мира и становится обязательным компонентом процесса функционирования и развития коммунистической общественной системы, выступая в качестве одного из важнейших детерминантов исторического процесса, средством стимулирования инициативы масс, предпосылкой и условием сознательности исторического творчества.

Из всего этого следует, что нельзя понять диалектику развития социалистического общества, не учитывая при этом роль научного социального познания, не исследуя формы участия общественных наук в решении возникающих проблем.

Идейно-теоретической основой политики коммунистических партий на всех этапах борьбы за коммунизм служит учение Маркса, Энгельса, Ленина. Опыт свидетельствует о том, что с развитием социалистического общества расширяется и тот комплекс общественных наук, который используется для руководства обществом, вследствие чего ви-

доизменяются и задачи этих наук и требования к ним. Попытаемся очертить круг возникающих в связи с этим философско-социологических проблем в порядке их общей постановки.

1. Проблема внутреннего разграничения социального знания

Социальное познание есть разновидность познания вообще. Марксизм не устанавливает каких-либо принципиальных граней между естественнонаучным и общественнонаучным знанием. Последнее подчиняется общим закономерностям развития знания. Но в то же время оно имеет свои особенности, вытекающие как из особенностей его предмета и условий развития, так и из тех функций, которые социальное знание выполняет в обществе.

Бурное развитие общественных наук и все более широкое их использование для решения практических задач, сложные процессы дифференциации и интеграции, происходящие как в самом обществознании, так и в точках его соприкосновения с математикой, кибернетикой, естествознанием и даже техническими дисциплинами, а также с вненаучными формами сознания, прежде всего с искусством, нравственностью и т. д., выдвигают ряд методологических проблем, относящихся не к той или иной отдельной общественной науке, а ко всей области общественнонаучного знания. В плане нашей темы теоретический и практический интерес представляет анализ внутреннего разграничения в сфере социального знания, точнее некоторые аспекты его.

Известно, что дифференциация и интеграция наук — закономерные и внутренне связанные процессы, происходящие в развитии научного знания. При исследовании этих процессов мы сталкиваемся с разнообразными гносеологическими, социологическими и чисто классификационными проблемами[1].

Но разграничения, происходящие в сфере социального знания, не сводятся к дифференциации наук. Будучи заданы целой совокупностью обстоятельств и причин (а не одним каким-либо основанием), они являются весьма существенными, сказываются на всем развитии социального знания и выражают его специфику.

Можно выделить различные основания для разграничений внутри социального знания: а) связанные с тем, что развитие общественных наук происходит в условиях борьбы классов, борьбы противостоящих друг другу социальных систем (идеологические); б) связанные со спецификой различных сфер (типов) социального знания; в) обусловливающие дифференциацию социального знания, выделение различных общественных наук (то есть предмет, метод и цель познания); г) различия между научным и вненаучным, в том числе обыденным социальным знанием.

---

[1] См. Б. М. Кедров. Классификация наук, т. 1 и 2. М., «Наука», 1961—1965.

Эти линии, бесспорно, пересекаются между собой и образуют сложное переплетение. Мы рассмотрим несколько подробнее лишь первые два указанных нами основания[2].

Если в сфере естествознания идеологические различия проявляются главным образом как различия философско-методологической и мировоззренческой интерпретации естественнонаучной эмпирии и теории, то в общественных науках идеологические различия носят более глубокий характер, касаются их социальных функций, проникают в самую ткань этих наук, их собственную теоретическую сферу, в их понятийный аппарат. В обществознании партийная позиция ученого, совокупность ценностей, на которые он ориентируется, существенным образом влияют на результаты и выводы, к которым приходит та или иная общественная наука, и даже определяют самую возможность научного подхода к обществу, его объективного теоретического анализа. В обыденном знании это различие мировоззренческих ориентаций тоже имеет место, но здесь оно теоретически неосмысленно и потому носит более аморфный характер.

Социалистическое общество использует для решения возникающих проблем совокупность общественных наук, которые опираются на марксистскую социально-философскую концепцию, раскрывающую диалектику общественного развития, обосновывающую идеалы и ценности коммунизма. Диалектика человеческой истории проявляется прежде всего в смене одной общественно-экономической формации другой, более высокой и более прогрессивной. Современная эпоха с этой точки зрения представляет собой эпоху прогрессивного перехода от капиталистической к коммунистической формации во всемирно-историческом масштабе. Такова идейная мировоззренческая позиция, исходя из которой марксизм и вся марксистская общественная наука оценивают историю, исследуют современность. Следовательно, марксистская идеология связывает конкретно-научное социальное познание с общественным сознанием, мировоззрением, социальными и нравственными ценностями, гуманистической культурой, с общей ориентацией процесса сознательного исторического творчества, с лучшими традициями прогрессивных и революционных социальных движений.

В самом общем виде можно выделить два плана взаимоотношения марксистской общественной науки с немарксистской. Во-первых, это идеологическая борьба, то есть критика тех взглядов и идеологических установок, на которые опирается буржуазная общественная наука и влияние которых приводит к тому, что социальная действительность изображается ею, как правило, в искаженном виде. Во-вторых, кри-

[2] Проблема дифференциации общественных наук рассматривалась нами: см. В. Келле и М. Ковальзон. О классификации общественных наук. «Вопросы философии», 1964, № 11. Некоторые аспекты взаимоотношения научного и обыденного социального познания рассмотрены в статье В. С. Швырева. К проблеме специфики социального познания. «Вопросы философии», 1971, № 3.

тическое использование отдельных конкретных достижений немарксистской общественной науки, имеющих место главным образом в тех ее областях и отраслях, которые непосредственно не связаны с политической или экономической апологетикой капитализма и заняты решением конкретных практических задач, требующих привлечения объективных данных.

В настоящее время на Западе происходит процесс своеобразной «ревальвации» общественных наук[3], который выражается в быстром росте этих наук и по объему публикаций и по численности ученых, в росте престижа обществознания, в росте ассигнований на эти науки и, наконец, во все более усиленном внимании к развитию этих наук со стороны буржуазного государства, предпринимающего меры для организации, координации и централизации исследований в области обществознания. Учитывая рост престижа науки в условиях научно-технической революции, буржуазия пытается шире, чем раньше, использовать общественное познание для укрепления системы капитализма, для борьбы против социализма, ставя тем самым общественную науку в ложное положение. Буржуазия стремится «онаучить» идею и методы своего господства, то есть заставить общественную науку заниматься не только апологетикой капитализма, но и использовать социальное знание в «технических» целях, для достижения определенных прагматических выгод: манипулирования людьми в корыстных интересах правящих классов, урегулирования и сглаживания социально-классовых конфликтов, разработки методов «социальной инженерии», — то есть целей, отнюдь не гуманистических.

Поэтому столь важны отстаивание и защита марксистских идейных позиций в обществознании, непримиримая борьба с буржуазной идеологией. Но эта борьба вовсе не тождественна огульному отрицанию данных обществознания, развивающегося вне рамок марксистской идеологии.

Подчеркивая всю непримиримость отношения к буржуазной философии и идеологии со стороны марксистов, формулируя принцип партийности и последовательно руководствуясь им, Ленин категорически возражал, как известно, против сектантского подхода к буржуазной общественной науке, требовал находить и использовать ее достижения и результаты в интересах развития марксистского обществознания.

Принципиальное значение имеют, по нашему мнению, различия сфер (типов) социального знания. Типология социального знания — проблема не новая. Общественные науки отличаются друг от друга не только тем, какую область общественной жизни они изучают, но и характером (типом) знания, которое в них представлено. Кроме того, границы сфер социального знания не совпадают с границами отдельных наук: целые комплексы наук могут давать знание одного типа, и в рамках одной науки могут сочетаться различные типы знания.

---

[3] См. об этом А. А. Анисимов. Ревальвация обществоведения. «Вопросы философии», 1971, № 9.

Нам хотелось бы обратить внимание также на необходимость разграничения социально-гуманитарного знания и того типа социального знания, которое возникает в результате интенсивного проникновения в обществознание формализованных количественных методов, системных, структурных, кибернетических подходов. Нет необходимости доказывать прогрессивность и научную плодотворность применения этих методов, давших научно значимые результаты, в частности при исследовании различных экономических, социальных, демографических массовых процессов, при изучении различных структур в обществе, при обработке эмпирического материала конкретных социологических исследований и т. д. Это тем более важно подчеркнуть, что общественная наука переживает начальные стадии данного процесса, а математический аппарат, применяемый к изучению социальных явлений, еще весьма несовершенен. Здесь открывается необозримое поле для исследования, и было бы неразумно и методологически неверно ставить какие-либо априорные границы этому процессу. Но в то же время при попытках теоретического осмысления рассматриваемого процесса вновь возрождаются в той или иной форме старые, давно известные методологические альтернативы. Одни резко противопоставляют типы социального и естественнонаучного знания, другие их фактически отождествляют. Среди некоторых «гуманитариев» раздаются голоса о том, что формальные методы, системные идеи и т. п. органически чужды обществознанию, что их проникновение в общественные науки извращает их природу, ведет к потере их собственного лица и т. п. Использование системных, кибернетических, а также математических идей и методов объявляется позитивизмом и формализмом. Даже среди представителей экономической науки, в которой применение статистических и других количественных методов развито больше, чем в какой-либо другой общественной науке, встречаются противники «математизации».

Противоположной крайностью является довольно широко распространенное убеждение, присущее и некоторым математикам, лингвистам, естественникам, экономистам, социологам, что «подлинной» наукой и в изучении социальных явлений можно считать лишь ту, которая применяет «точные» количественные методы, что наука якобы только там, где есть математика, статистика.

Разрешения этой проблемы, видимо, следует искать на пути выделения различных типов социального знания, а именно знания социально-гуманитарного и социального знания, приближающегося по своему типу к знанию естественнонаучному, требующему для уяснения своего социального смысла соответствующей качественной интерпретации. В гуманитарном знании, конечно, также применяются не только качественные, но и количественные характеристики, формализованные схемы, абстрактные модели. Но они играют в нем подчиненную, служебную роль. И в конкретных исследованиях возникают различные сочетания этих типов знания. В своей совокупности они направлены на то, чтобы описать деятельность человека в истории, раскрыть ее существенные стороны, понять исторический смысл исследуемых событий и явлений.

Выделение типов социального знания не означает принижения одного и возвеличения другого, ибо каждый из них необходим и выполняет определенные социальные функции в процессе теоретического исследования и практического применения этого знания. Поэтому марксистская методология выступает за признание ценности различных общественных наук и типов социального знания и необходимости их взаимодействия в интересах целостного решения социальных и человеческих проблем[4].

2. Диалектика сознательного исторического творчества и социальное знание

Марксизм с самого начала увидел в науке силу, способную не только преодолеть иллюзорные формы сознания и на их место поставить «действительное знание» (Маркс), но и стать орудием революционно-практического преобразования социальной действительности. Наука с этой точки зрения выступает не просто как форма теоретического созерцания мира, в том числе общественной жизни, но и как момент самой преобразовательной деятельности, условием ее сознательного осуществления. Поэтому для марксистов несомненна возможность научной постановки широких социальных целей человеческой деятельности, связанных с решением кардинальных проблем человеческого бытия в борьбе человека за свободу, за лучшее будущее.

Марксистская наука выявила три кардинальные задачи, стоящие перед человечеством, разрешение которых обусловливает достижение подлинной свободы человека. Это — господство человека над природой, господство над своими собственными общественными отношениями и господство над самим собой. Термин «господство» применяется здесь в смысле возможности использования ранее неподконтрольных человеку сил в интересах его собственного развития.

Средством господства человека над природой являются производительные силы, производство. Современная научно-техническая революция открывает в этом отношении новые огромные возможности и позволяет уже сейчас представить общие контуры той материально-технической базы, с помощью которой человек сможет в принципиально новых масштабах поставить себе на службу силы и законы природы. Вместе с тем развитие производительных сил с полной очевидностью обнаружило, что чем более могучими становятся силы современной науки и техники, тем больше опасностей они таят в себе, тем больший ущерб они могут нанести человеку и обществу, если их применение ускользнет из-под контроля общества. Поэтому условием господства над природой становится создание социальной организации, которая, способствуя прогрессу науки и техники, сможет обеспечить контроль

---

[4] См. П. Ф. Федосеев. Коммунизм и философия. М., 1971, стр. 411.

над применением техники и знаний и гарантировать их использование лишь в интересах человека. Диалектика заключается в том, что человечество оказывается способным контролировать «обмен веществ между собой и природой» (Маркс), лишь ставя под контроль социальные силы, лишь овладевая общественными закономерностями, а регулирование общественных отношений оказывается возможным только на основе сознательного контроля над процессом взаимодействия общества и природы. Таким образом, задача установления контроля человека над своими собственными общественными отношениями содержит в снятом виде решение задачи овладения человеком силами природы.

Коммунистическая общественная формация и представляет собой ту социальную организацию, в рамках которой становится возможным устранение неконтролируемых социальных сил и социальных процессов, представляющих угрозу для человека, овладение им своими собственными общественными отношениями. Капитализм не в состоянии справиться с этой проблемой, и это признают даже сторонники буржуазного образа жизни. «Можно ли жить в обществе, которое не повинуется человеку?» —такой риторический вопрос ставит американский социолог А. Тоффлер в своей нашумевшей книге «Future shock» и отвечает: «Это именно то положение, в котором мы находимся. Если бы только одна техника сорвалась с цепи, то и тогда наше положение было бы достаточно трудным. Смертельная опасность состоит, однако, в том, что другие социальные процессы сбросили узду и бешено мчатся в неизвестном направлении, отказываясь подчиняться всем нашим попыткам управлять ими.

Урбанизация, этнические конфликты, перенаселение, преступность — можно привести тысячу примеров того, что наши попытки как-то урегулировать ход перемен оказываются все более неудачными и бесплодными»[5]. Признание А. Тоффлера фактически свидетельствует еще раз о справедливости марксистского анализа капиталистической системы, уже более ста лет тому назад выявившего эту специфическую особенность капитализма, которая сохранилась и поныне несмотря на огромное развитие государственно-монополистического капитализма с его системой организации производства и наличием мощных средств социального и идеологического контроля.

Следует, конечно, сказать, что полное, абсолютное устранение стихийности невозможно. Речь идет о том, чтобы поставить под контроль экономические и социальные процессы, определяющие направление исторического развития, влияющие на судьбу общества. И с этой всемирно-исторической задачей может справиться только социализм. Необходимость перехода к социализму становится все более настоятельной, ибо только он в конечном счете устраняет те угрозы, которые несет с собой стихийное развитие экономики, не контролируемое обществом использование достижений науки. Решение задачи овладения

---

[5] A. Toffler. Future shock. N. Y. 1970, p. 395.

общественными отношениями явится новым, имеющим всемирно-историческое значение шагом человечества на пути достижения свободы.

Третья задача — господство человека над самим собой. Она решается в процессе овладения человеком силами природы и своими собственными общественными отношениями, но к ним не сводится. Иначе говоря, лишь опираясь на высокое развитие производительных сил и коммунистические общественные отношения, человек достигает позитивной свободы в смысле возможности всестороннего развития своих способностей и проявления своих сущностных сил в творческой деятельности. Развитие общества — предпосылка свободы человека, условие этой свободы, ее основа. Однако, лишь ассимилируя эти условия, развивая свои собственные силы и способности, формируя личностную структуру поведения, человек реализует те возможности, которые предоставляет ему общество, и сам делает свою свободу реальностью. Это высшая задача, которую решает человечество, ибо развитие самого человека является конечной целью общественного прогресса.

Какова же роль социального знания в решении всех этих проблем?

Прежде всего следует отметить, что все эти три проблемы органически взаимосвязаны. Социализм на современной стадии своего развития в возрастающей степени использует достижения научно-технической революции. XXIV съезд КПСС поставил перед советским народом задачу исторической важности: «*Органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства*»[6]. Ее решение предполагает дальнейшее совершенствование социалистических общественных отношений, системы организации и управления, развитие самого человека. Социальное знание — марксистская общественная наука — участвует в решении всех этих задач.

С развитием социализма все в большей мере проявляются созидательные и творческие потенции общественного познания, а общественная наука выступает как творческая сила, выполняющая многообразные социальные функции. На нее возлагается задача научно определять цели социальной деятельности больших масс людей, всего общества, осуществлять предвидение в широких исторических масштабах и прогнозирование конкретных социальных процессов, определять средства, необходимые для решения возникающих социальных проблем и осуществления поставленных целей.

Соотношение знания и социальной деятельности наполняется в условиях социализма во многих отношениях новым содержанием. Впервые возникает возможность осуществлять деятельность на основе знания в масштабах всего общества как в плане целеполагания, так и в плане выбора средств, выработки соответствующей стратегии и тактики. В связи с этим существенно возрастает роль «субъективного фактора» и тем самым ответственности социального субъекта за приня-

---

[6] «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 57.

тие компетентных решений, основанных на всей сумме имеющегося и необходимого знания, включая ответственность науки за тот объем и уровень фактических и теоретических знаний, которые получает от науки общество для постановки конкретных задач и принятия определенных решений.

В истории существуют и действуют объективные экономические и социальные законы. Действуют они и в развитии социалистического общества. Социальная наука, дающая знание этих законов, становится необходимым моментом «сознательного творчества», посредствующим звеном, позволяющим людям осуществлять свою деятельность в соответствии с законами. И глубина знания и недостаток этой глубины в определенной степени детерминируют будущее, поскольку экономические и социальные законы не действуют автоматически.

Но имеется еще и другая сторона проблемы. Будущее предвидимо, но не предопределено. В любых конкретных условиях объективно заключены различные возможности, а следовательно, и различные варианты дальнейшего движения. И здесь многое зависит от выбора, в определении которого знание также выступает одним из детерминантов. Видимо, следует стремиться к тому, чтобы как можно больше повысить удельный вес знания в комплексе факторов, определяющих выбор способа действий. Но наука не может исключать влияния политических, нравственных, эстетических, правовых и других факторов. В этом смысле сциентизм — утопия.

С другой стороны, недооценка значения науки в условиях социализма ведет к субъективизму. Пренебрежение наукой может принимать различные формы. Одной из этих форм является канонизация положений науки, превращение их в систему догм, закрепляемых авторитетом, что препятствует ее развитию, лишает ее творческой инициативы, по существу, делает ее предметом веры. Тем самым извращается творческая природа самой науки, она отрывается от реальности, и ее положения становятся чисто идеологическими символами, не имеющими познавательного значения. Такое выхолащивание реального содержания марксистской науки, ее фальсификация, канонизация высказываний Мао как высшего авторитета имеют место в Китае, пример которого лишний раз доказывает, что субъективизм, волюнтаризм, система культа не нуждаются в науке и с ней несовместимы.

Принижает значение науки в целом, в развитии общества в том числе, правый ревизионизм, противопоставляющий «сциентистской» «антропологическую» интерпретацию марксизма. Ревизионисты представляют дело таким образом, что ориентация на науку в решении социальных проблем якобы ведет к «сциентизму», то есть порождает пренебрежение человеком, открывает дорогу антигуманизму, забвению нравственного начала и т. п. Задачу философии они сводят к тотальной — независимо от характера общественного строя — критике существующего, руководствуясь идеалом неотчужденной, «аутентичной» личности. Эта так называемая «гуманистическая критика» социализма является изменой науке, ибо фактически ведет к отрыву от

реальности, к утопическому прожектерству, а следовательно, возрождает иллюзорное сознание.

Итак, марксизм, признавая объективные законы и вытекающую отсюда роль общественной науки в деятельности людей, отрицает фаталистическую заданность будущего. И это единственно научная диалектическая позиция, раскрывающая и обосновывающая идею сознательного творчества будущего человеком и его ответственности за это будущее, ответственности, которую человек не может снять с себя, не может переложить ни на законы, ни на условия, обстоятельства, незнание и т. д.

Сознательное историческое творчество — это сложный диалектический процесс, теоретический анализ и осмысление которого имеют важное методологическое и практическое значение.

3. Социальное познание и социальное управление

Важнейшей сферой практического использования социального знания при социализме является социальное управление.

Под социальным управлением мы понимаем не просто руководство деятельностью тех или иных предприятий, учреждений, коллективов, а сознательное воздействие на ход развития страны, научное познание и использование в практической деятельности объективных законов общественного развития. Социальное управление при социализме осуществляется во взаимодействии деятельности руководящих органов общества и деятельности народных масс. В этой сфере общественные науки, во-первых, используются для принятии руководящими органами общества (коммунистической партией, социалистическим государством) социально значимых решений и, во-вторых, служат воспитанию и просвещению трудящихся масс, повышению уровня их компетентности при обсуждении и решении проблем, возникающих в развитии социалистического общества. Органическое единство этих двух аспектов является одним из важнейших условий и факторов устранения дилеммы науки и демократии, в которой запутываются буржуазные идеологи, и выражает противоположность социального управления в условиях социализма манипулированию массами и личностью в буржуазном обществе.

Социальное управление при социализме немыслимо без применения данных общественных наук. Все более широкое использование общественных наук для целей социального управления в различных сферах общественной жизни является здесь объективной необходимостью. «Подобно тому как в промышленности и в сельском хозяйстве мы не можем теперь делать буквально ни шагу вперед без помощи новейших достижений науки, — отмечал Л. И. Брежнев в докладе о 50-летии СССР, — так и в нашей общественной жизни развитие науки —

необходимая база для принятия решений, для повседневкой практики»[7].

Каково же то знание, которое наиболее оптимальным образом может служить целям социального управления? Прежде всего, конечно, это — знание объективных экономических и социальных законов.

Закон устойчив и относительно постоянен, но подвижны формы его проявления, механизм его действия. Они зависят от условий, включающих в себя всю совокупность многообразных обстоятельств, придающих исторической реальности конкретный характер. Знание социальных законов само по себе имеет теоретико-идеологическое значение, но для целей практических оно должно сочетаться со знанием механизмов действия законов, условий и обстоятельств их реализации, то есть массы конкретных данных, которые должна доставлять наука. Поэтому без знания всех этих данных одно лишь знание законов недостаточно для целей его практического применения. Например, без ленинского анализа империализма как новой стадии в развитии капитализма, создающей новые условия для классовой борьбы пролетариата, существенным образом модифицирующей механизмы действия законов капитализма (замена свободной конкуренции монополей и др.), было бы невозможно успешное использование в революционной борьбе знания общих закономерностей перехода от капитализма к социализму, открытых марксизмом.

Возьмем закон планомерного и пропорционального развития социалистической экономики, так сказать, «в чистом виде». О чем он говорит? О том, что надо планировать, соблюдать пропорции в экономике. Конечно, это знание очень важно. И достижение самой возможности планирования в масштабах всего народного хозяйства страны — великое достижение. Но без конкретного знания огромной совокупности обстоятельств научно-технического, экономического и политического характера научная с и с т е м а экономического планирования налажена быть не может. Подобные примеры можно было бы умножить. Все они свидетельствуют о правильности далеко не нового, но весьма важного положения. Однажды полученное социальное знание теряет свою практическую ценность, если оно не сочетается с постоянным, непрерывным, систематическим исследованием, изучением подвижной, изменчивой, динамичной социальной реальности, осмыслением и теоретическим обобщением новых явлений и т. п. Значит, сама постановка задачи сознательного исторического творчества автоматически приводит к тому, что на социальную науку возлагается историческая ответственность за качество, глубину и своевременность того знания, которое она дает обществу.

Следует отметить, что социализм создает объективные предпосылки для получения такого рода знаний, ибо объективные условия их приобретения, возможности познания при социализме значительно

---

[7] Л. И. Б р е ж н е в. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. Политиздат. М., 1972.

расширяются по сравнению с предшествующими формациями. Это связано с ликвидацией антагонистических классов, частнособственнических интересов, преодолением господства извращенных форм сознания, заинтересованностью общества в объективном познании и т. д.

Четкая марксистская идейная ориентация, систематичность исследовательской работы, все более широкое использование современных научных методов исследования, всесторонний анализ и обобщение полученных данных с марксистских позиций, свободное и принципиальное теоретическое обсуждение результатов, изучение и своевременное обобщение тех новых явлений, которые рождаются в жизни, осмысление опыта предшествующего развития и прогнозирование будущего и т. д. — все это требуется от общественной науки, чтобы она могла эффективно обслуживать потребности социалистической социальной практики. Формы связи, обеспечивающие своевременное «подключение» данных общественных наук к планированию и организации социальной деятельности, подлежат с развитием социализма дальнейшему совершенствованию, что явится частью общего процесса совершенствования системы управления социалистического общества. В этой области имеется много нерешенных задач. В их решении могут помочь, видимо, обобщение и учет имеющегося в различных странах опыта организации связи науки и производства, обеспечивающей использование данных фундаментальных исследований для создания новых технических устройств и технологических процессов и их внедрение в производство.

Эту систему организации, конечно, нельзя целиком переносить в обществознание, но некоторые аналогии здесь провести можно. Например, и в общественных науках проводится различие между фундаментальными и прикладными исследованиями, ставится проблема развития поисковых исследований и вместе с тем более широкого использования методов прогнозирования как необходимой предпосылки экономического планирования, систематического исследования реальных процессов для принятия конкретных решений. Поэтому вопрос о системе организации, обеспечивающей доведение результатов научных изысканий до практических результатов, является актуальным. Проблема эффективности такой системы имеет важное значение для развития социалистического общества.

Рассматривая вопрос о практическом использовании данных общественных наук, мы уже не можем игнорировать наличие внутренней дифференциации в сфере социального знания. Совершенно очевидно, что для целей социально-экономического прогнозирования первостепенное значение приобретает комплекс общественных наук, исследующих экономические и социальные процессы, и тот тип знания, к которому можно применить необходимые критерии количественной точности и в рамках которого используются математические методы, системные представления, способы формализации. Знание чисто гуманитарное тоже участвует в осуществлении прогнозов, ибо при социализме использование социального знания подчинено решению гуманисти-

ческих задач, реализации социальных ценностей коммунизма. В формировании идейной убежденности, в развитии личности особая роль принадлежит социально-гуманитарному знанию, хранителю гуманистических и революционных традиций. Для подъема идейного и теоретического уровня трудящихся, их коммунистического воспитания первостепенное значение приобретает повышение общего уровня культуры и прежде всего культуры гуманитарной. Особенно важна в этом плане общетеоретическая сфера общественных наук, имеющая мировоззренческое значение.

Таким образом, для целей социального управления используется весь комплекс общественных наук. Следует вместе с тем иметь в виду, что различные науки, входящие в этот комплекс, выполняют специфические функции и что для понимания этой специфики важное значение имеет разграничение типов социального знания. При этом развитие социализма вовлекает в сферу практической потребности все новые области общественного знания, необходимые для управления и систематического самопознания общества. Развитие этого комплекса — часть общего дела строительства коммунизма.

ГЛАВА 15

СООТНОШЕНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА

Отражение действительности в научной теории всегда осуществляется на основе практической деятельности.

Единство теории и практики — основное условие развития всякой, в том числе и общественной, науки. Одна из особенностей социальной науки состоит в том, что проверка ее положений, как и обогащение ее новыми данными, достигается, с одной стороны, применением этой теории к анализу общественной жизни (так, например, истинность исторического материализма была доказана марксовым анализом развития капиталистической формации) и, с другой стороны, воплощением теории в практику изменения общественной жизни (революционной борьбы со старым и созидания нового общества).

Октябрьская революция открыла эпоху практического претворения в дело строительства нового общества марксистско-ленинской теории. Уже в первых послеоктябрьских статьях В. И. Ленин подчеркивал, что «наступил именно тот исторический момент, когда теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой»[1]. В такую историческую эпоху роль научной теории особенно ответственна. Если, по мысли В. И. Ленина, без революционной теории не может быть революционного движения, то после победы революции, после того, как начинается грандиозное строительство нового общества, значение научной теории еще более возрастает.

1. Научная теория социализма и практический опыт строительства нового общества

Одна из слабостей революций прошлого, предшествовавших возникновению марксистских партий, состояла в том, что их творцы не были вооружены научной теорией, способной стать основой революционной политики. В. И. Ленин отмечал, что в истории бывали примеры, когда революционный класс, политические партии брали власть в руки, но не умели ею распорядиться. Например, во время французской бур-

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 20.

жуазно-демократической революции конца XVIII века якобинский конвент, провозглашая широкие социальные мероприятия, не знал даже, на какой класс, на какие общественные силы надо опираться для их проведения.

«Мы стоим в условиях неизмеримо более счастливых, — говорил В. И. Ленин на VIII съезде РКП (б). — Благодаря целому веку развития мы знаем, на какой класс мы опираемся. Но мы знаем также и то, что практического опыта у этого класса очень и очень недостаточно. Основное для рабочего класса, для рабочей партии было ясно: свергнуть власть буржуазии и дать власть рабочим»[2].

Теория марксизма намечала общие пути решения этой задачи, но конкретные формы ее осуществления мог подсказать только практический опыт. И можно сказать, что пролетариату России, его классовым союзникам — первооткрывателям нового мира — пришлось идти буквально по неизведанному пути.

Величайшее преимущество Октябрьской революции по сравнению со всеми предшествующими в том, что ее возглавила партия, с самого начала разрабатывавшая свою политику на прочной научной основе.

Научная теория способна играть опережающую роль по отношению к общественной практике прежде всего благодаря тому, что она дает возможность предвидеть развитие событий. Теория — не пассивное отражение действительности, практики сегодняшнего дня. Она содержит в себе о б о б щ е н и е исторического опыта, проникает в с у щ н о с т ь явлений, обнаруживает их з а к о н о м е р н о с т и. Это и позволяет предвидеть ход событий, помогает находить правильный путь решения социальных задач, избегать блужданий, непоправимых ошибок.

В то же время сама теория способна выполнить свою функцию лишь при условии обогащения ее практическим опытом. На практике конкретизируются общие теоретические положения. Теория развивается тогда, когда она отвечает на новые вопросы, которые ставит практика.

Это ярко видно на примере обогащения практикой теоретических представлений о социализме.

Поэтому разработка основ, путей и методов социалистического строительства — вот главные проблемы, приковывавшие к себе теоретическую мысль В. И. Ленина после победы Октябрьской революции, в развитие которых он внес огромный вклад, определив новую экономическую политику, выработав план строительства социализма в Советском Союзе.

Конкретизация и развитие теории научного коммунизма осуществляются по мере практического продвижения к коммунизму, на основе тесного взаимодействия ее с практикой. Такова закономерность развития самой теории, подтвержденная всей ее историей. Известно, что в

---

[2] В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 195.

противоположность утопическому ссциализму научный коммунизм никогда не пытался определить заранее до мельчайших подробностей все черты будущего общества, вплоть до устройства его быта и т.п. Он ограничивался определением основных, главных черт того, что можно было предвидеть научно. Поэтому основоположники марксизма-ленинизма всегда выступали против утопических попыток решать такие вопросы, для которых жизнь еще не дала достаточно материала. Когда, например, Каутский занялся сочинением подобных утопических проектов регулирования общественной жизни при коммунизме, Энгельс отвечал ему: «Во всяком случае, люди в коммунистическом обществе сами решат, следует ли применять для этого какие-либо меры, когда и как и какие именно. Я не считаю себя призванным к тому, чтобы предлагать им что-либо или давать им соответствующие советы. Эти люди, во всяком случае, будут не глупее нас с Вами»[3]. Так же подходил к решению вопросов о будущем и Ленин. На VII съезде РКП (б) он возражал против предложений Бухарина внести в программу партии развернутую характеристику социализма и коммунизма, провозгласить отмирание государства как ближайшую цель. «Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится, — говорил Ленин. — . . . Когда еще государство начнет отмирать? . . . Заранее провозглашать отмирание государства будет нарушением исторической перспективы»[4].

Научное предвидение в общественной жизни имеет свои особенности. Оно строится на определении основных тенденций развития и в силу большой сложности общественной жизни, складывающейся из переплетения множества различных факторов, не может претендовать на то, чтобы предусмотреть все частные ссбытия. Но дело не только в этом. Историю творят миллионные массы людей, которые постоянно вносят в нее нечто новое. «История вообще, история революций в частности, — разъяснял Ленин, — всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в моменты оссбого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов»[5].

Отсюда вытекает высокая оценка марксизмом-ленинизмом значения творчества и опыта масс для дальнейшего развития теории. Ленин не раз подчеркивал, что теория указывает основное направление движения, основные пути построения нового сбщества, но конкретные формы его экономической и политической организации определит практи-

---

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 35, стр. 124.

[4] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 66.

[5] В. И. Ленин. Полное ссбрание сочинений, т. 41, стр. 80—81.

ческий опыт миллионных масс трудящихся, когда они возьмутся за дело его строительства.

Особенность новой исторической эпохи, открытой Октябрем, состояла в том, что многие вопросы, которые раньше были только теоретическими, стали непосредственно практическими. Определение основных черт социализма, данное классиками марксизма, было еще по необходимости сравнительно общим, сделанным в порядке научного предвидения. Но научное предвидение охватывает всегда лишь основные тенденции развития и черты будущего и обогащается в ходе практической деятельности, направленной на его осуществление. И теоретические споры с правым и «левым» ревизионизмом, которые пришлось вести партии в предоктябрьский период, теперь, в эпоху революции, решались уже самой жизнью, революционной практикой трудящихся масс. Достаточно вспомнить, какое огромное значение приобрела борьба партии против врагов ленинизма, особенно троцкистов, «левых коммунистов», отрицавших возможность победы социализма в советской стране. Даже после того, как свершилась Октябрьская революция, эти слепцы, не веря в ее внутренние силы, настаивали на разжигании мирового пожара путем «объявления империализму революционной войны». В этом они видели единственное спасение для революции. В действительности то была капитулянтская политика, прикрытая «левой» фразой; если бы удалось навязать ее партии, она неминуемо привела бы молодую Советскую республику к гибели. Разгромленная идейно еще Лениным, эта политика возрождалась троцкистами и после его смерти в виде теорий о невозможности построения социализма в одной стране.

В борьбе с оппортунистами партия отстояла свое главное идейное достояние — революционную перспективу, без которой нельзя было бы ни совершить революцию, ни построить социализм. Практическая работа по строительству социализма была бы невозможна, если бы партия и руководимые ею массы трудящихся не имели уверенности в возможности решения поставленных задач. А такую уверенность могла дать лишь научная теория благодаря свойственной ей способности научного предвидения.

В новых условиях научное предвидение уже не могло ограничиваться определением основных тенденций развития объективных общественных процессов. Теперь наряду с этим особое значение приобретает правильное определение возможностей и результатов преобразующей деятельности партии. Научное предвидение становится основой для решения важнейших практических вопросов созидания нового общества.

Сколь сложные задачи это ставит перед теоретической мыслью, можно видеть на примере разработки плана социалистического строительства в СССР. Основные звенья выработанного В. И. Лениным плана — индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция — охватывали в органическом единстве пути преобразования как экономики и социальной структуры, так и духовной жизни общества. КПСС пришлось решать вопрос о том, как осуществить индустриализацию на путях социализма, коренным образом отличающихся от путей, которыми шло индустриальное развитие ка-

питалистических стран. Теоретически и практически в упорной борьбе с правыми оппортунистами, тянувшими страну назад, был решен самый трудный после завоевания власти вопрос пролетарской революции — о том, как вовлечь в строительство социализма, перевести на социалистические рельсы многомиллионное крестьянство. КПСС разработала также пути приобщения интеллигенции к строительству социализма и благодаря этому смогла успешно решить задачи формирования социалистической культуры, бережно сохранив все богатое культурное наследие прошлого и вместе с тем заложив основы новой культуры.

Сложность теоретического и практического решения этих вопросов состояла не только в том, что их приходилось решать впервые, но и в том, что это надо было делать в условиях острой классовой борьбы внутри страны, в обстановке жесточайшего натиска со стороны капиталистического мира. Диктатура пролетариата была важнейшим оружием в этой борьбе. Разработка теории диктатуры пролетариата, обоснование ее роли в ликвидации эксплуататорских классов, в обеспечении прочного союза пролетариата с трудовым крестьянством были необходимым условием определения правильной, научно обоснованной политики в социалистическом строительстве.

На базе теоретического обобщения опыта первой страны социализма получила конкретную разработку наука о строительстве социалистического общества, имеющая в своей основе всеобщее значение. Конечно, в опыте Советской страны было немало и исторически своеобразного, такого, что не повторится в развитии других стран. В книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин разграничил международное значение Октябрьской революции в широком смысле слова, имея в виду ее воздействие на другие страны, и в узком смысле, означающем неизбежность повторения другими странами открытых ею путей. В. И. Ленин отмечал, что если в первом смысле международное значение имеют все основные и многие второстепенные черты социалистической революции в России, то во-втором оно принадлежит лишь некоторым основным ее чертам. Особенности исторических условий строительства социализма в стране, находившейся в капиталистическом окружении и не имевшей возможности получить прямую государственную поддержку пролетариата других стран, унаследованная ею от прошлого технико-экономическая и культурная отсталость — все это наложило своеобразный отпечаток на развитие революции, формы классовой борьбы, диктатуры пролетариата в СССР.

В. И. Ленин всегда отвергал абсолютизацию опыта отдельной страны, догматически шаблонные попытки навязать его другим странам. Вместе с тем им подчеркивалось огромное, непреходящее значение опыта первой страны социализма. Теперь он во многом обогащен и дополнен опытом других стран, строящих социализм, и КПСС внимательно учитывает в своей теоретической и практической деятельности достижения зарубежной марксистско-ленинской мысли. В свою очередь, братские коммунистические и рабочие партии используют богатейший опыт Советского Союза — страны, которая первой построила социализм и ныне первой прокладывает путь к коммунизму.

Одна из важнейших особенностей научной теории социализма, отличающих ее от всякого рода утопических теорий, состоит в том, что она развивается в неразрывной связи с практическим революционным опытом рабочего класса различных стран. В отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии было отмечено значение коллективного опыта социалистических стран, взаимное изучение которого дало возможность уточнить общие закономерности строительства социализма и полнее раскрыть черты уже построенного социализма.

Необходимость тщательного учета опыта различных стран диктуется не только глубоким уважением к творчеству народов и интернациональной солидарностью с братскими коммунистическими партиями. Она вытекает из самого существа научной теории социализма и связана прежде всего с двумя обстоятельствами.

Во-первых, с тем, что научный подход к изучению социализма и коммунизма требует их анализа под углом зрения марксистско-ленинской теории общественно-экономической формации.

Как отмечал В. И. Ленин в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», для партии, которая хочет строить свою политику на научных основаниях, необходим учет опыта других стран, особенно если они переживают или недавно пережили сходный период развития. При оценке этого интернационального опыта чрезвычайно важно отделить общее от особенного, повторяющегося от неповторимого. Принципы такого выделения дает марксистско-ленинская теория общественно-экономических формаций. Когда, например, идет речь о капитализме как формации, то путем научной абстракции выделяются черты, общие для всех капиталистических стран. Понятие общественно-экономической формации, которое разъяснял еще в первых своих теоретических трудах В. И. Ленин, позволяет применить к общественным отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, возможность которого в социологии отрицали субъективисты. Вместе с тем оно служит мерилом и для оценки своеобразия отдельных стран в рамках каждой формации.

Применительно к социализму это означает признание того, что первая фаза коммунистической общественно-экономической формации имеет коренные черты и закономерности, присущие всем социалистическим странам. . . Вместе с тем эти черты и закономерности своеобразно проявляются в развитии каждой отдельной страны. Учет этих моментов — важное условие проведения интернационалистской политики, которая требует, по словам Ленина, не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий, а умелого применения основных принципов коммунизма к национальным и национально-государственным различиям.

Ныне на путь социализма встала значительная группа стран, что вместе с ростом мощи СССР содействовало коренному изменению международной обстановки. Теперь есть мировая система социализма, накоплен опыт ряда стран, который должен быть также учтен при дальнейшей разработке теории социализма.

Выделение общих черт и критериев социализма имеет большое значение не только для правильного понимания его сущности, но и для

критики всякого рода извращений принципов социализма, которые преподносятся ревизионистами под видом так называемых национальных «моделей социализма».

2. Роль научной теории в руководстве строительством социализма и коммунизма

В развитии социалистического общества научная теория играет особую роль, она является необходимой предпосылкой выработки обоснованного плана его созидания.

Возрастание роли теории, науки в развитии социалистического общества вытекает прежде всего из того, что оно не может строиться и развиваться без сознательно намеченной перспективы. Одной из важнейших черт его экономической жизни является планомерность, что резко отличает коммунистическую формацию от предшествующих, экономика которых разивалась преимущественно стихийно. Сама природа экономических законов социализма, выражающих отношения производителей, объединенных господством общественной собственности на средства производства, требует сознательного применения их в интересах всего общества.

Значение сознательного начала в развитии экономики возрастает вместе с расширением масштабов обобществления производства. При современных масштабах обобществления объективная необходимость регулирования экономики в какой-то степени пробивает себе дорогу даже при капитализме, хотя частная собственность на средства производства предопределяет стихийность его развития. Социализм же создает условия для того, чтобы в полной мере реализовать эту необходимость: частная собственность заменяется общественной, производство развивается в соответствии с интересами всего общества. А это впервые делает возможным сознательное управление народным хозяйством как единым целым.

В таких условиях правильная теория и умелое ее использование в целях эффективного руководства экономикой и всей социальной жизнью крайне необходимы для общества. Вот почему КПСС и другие коммунистические партии уделяют такое большое внимание разработке экономической теории социализма. На базе этой теории определены научные принципы организации, управления народным хозяйством, получившие свое практическое воплощение в осуществляемой ныне экономической реформе.

Текущие вопросы хозяйственного строительства не могут решаться в условиях социализма вне связи с основной перспективой движения к коммунизму. Как отразятся изменения в производстве на экономических и других социальных отношениях, на быте, психологии, морали людей — все это имеет первостепенное значение для общества, строящего коммунизм.

Марксистская теория социального развития дает прочную научную базу для предвидения будущего. Это предвидение опирается на знание

законов общественного развития, на анализ путей разрешения противоречий современности, на выяснение тенденций развития действительности. Характеризуя предвидение Марксом основных черт социализма и коммунизма, В. И. Ленин отмечал, что у Маркса не было ни тени попыток сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя, что он ставил вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, если известно, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется.

Для коммунистической партии, руководящей строительством нового общества, научный подход к определению перспектив общественного развития — это не только общетеоретический, но и непосредственно практический вопрос, связанный с планированием развития народного хозяйства и культуры. И практика планирования в СССР показала, что в целом удается правильно определять основные линии развития общества. При этом в планах непременно, начиная с первой пятилетки и вплоть до нынешней, рассматривались в органическом единстве развитие производства и изменение социальных отношений.

КПСС решительно выступала и выступает против попыток оторвать развитие социальных отношений от их материальной базы. Она вскрыла, например, несостоятельность мелкобуржуазных представлений о «введении» коммунизма до создания соответствующей материально-технической базы, на основе уравнительного распределения, всеобщей бедности, нивелировки личности. Вопрос о материально-технической базе, необходимой для перерастания социализма в коммунизм, впервые получает конкретное решение. Коммунистическая партия Советского Союза теоретически разработала пути совершенствования социалистических общественных отношений и перерастания их в коммунистические в зависимости от развития производительных сил и роста культурного уровня общества.

Научный подход к строительству социализма и коммунизма потребовал выработки целостной концепции социалистического общества. Это было весьма сложной задачей, которая могла быть решена лишь в ходе самого исторического развития.

Основы научной концепции социализма были заложены К. Марксом и Ф. Энгельсом. Они предвидели, что социализм ликвидирует частную и установит общественную собственность на средства производства, установит планомерное развитие производительных сил в интересах всего общества, обеспечит каждому производителю удовлетворение его потребностей в размерах, соответствующих его трудовому вкладу в развитие общества. В «Критике Готской программы» Маркс дал то, что можно назвать «анатомией социалистического общества». Он показал, в частности, как будет распределяться при социализме совокупный общественный продукт: одна часть его должна идти на общие, главным образом производственные нужды (возмещение потребленных средств производства, расширение производства), другая часть — на совместное удовлетворение потребностей, содержание нетрудоспособных, и, наконец, третья — на личное потребление. Глубокий историзм позво-

лил Марксу научно определить возможную для первой фазы коммунизма меру достижения социального равенства и перспективу дальнейшего устранения остатков неравенства, связанную с переходом к высшей фазе коммунизма, которая осуществит принцип: каждый по способностям, каждому по потребностям.

Прозорливо проникая в будущее, Маркс и Энгельс учитывали, что исторический опыт обогатит научные представления о социализме.

В. И. Ленин тщательнейшим образом изучал идеи Маркса и Энгельса о социализме и коммунизме и целиком опирался на них. Вместе с тем В. И. Ленин во многом конкретизировал черты социализма. В книге «Государство и революция», написанной накануне Великой Октябрьской социалистической революции, он всесторонне раскрыл значение учета и контроля за мерой труда и потребления как условия нормального функционирования социалистического общества, показал роль социалистического государства в охране общей собственности на средства производства, в организации всей хозяйственной жизни. В своих послеоктябрьских трудах В. И. Ленин на основе анализа опыта первых лет социалистического строительства разработал вопросы, связанные с принципами организации социалистической экономики, значением хозяйственного расчета, материальной заинтересованности, кредита, денег и т. д.

В органической связи с практическими потребностями социалистического строительства КПСС после Ленина разрабатывала дальше его идеи о социализме как первой фазе коммунизма и о путях перерастания социализма в коммунизм.

Из множества проблем, получивших в связи с этим дальнейшую разработку, выделим для примера лишь некоторые. Известно, что марксисты всегда исходили из того, что для перехода к социализму необходимо преобразование частной собственности в общественную. Еще Маркс и Энгельс определили в общих чертах решение этой задачи: национализация крупной частной собственности и кооперирование мелкой. Однако только практика строительства социализма в СССР показала, что и в условиях победившего социализма сохраняются различные формы собственности: государственная и кооперативно-колхозная. Затем возник новый вопрос — о путях дальнейшего развития и сближения этих форм в процессе движения к коммунизму. КПСС пришлось исправить немало ошибочных представлений (предложения о «совхозозации» колхозов, о форсированном превращении колхозной собственности в государственную, о сужении сферы товарного обращения и введении прямого продуктообмена между колхозами и государством и т. д.), которые вели к игнорированию необходимости развивать и укреплять обе формы собственности, мешали использованию всех возможностей для развития производительных сил, заложенных в обеих формах. Вместе с прогрессом социалистического общества идет процесс сближения двух форм собственности, что находит, например, свое выражение в развитии аграрно-промышленных комплексов, межколхозных объединений и т. д. Теоретическое и практическое решение этой проблемы — серьезный вклад в теорию социализма.

Глубокую теоретическую разработку на основе нового исторического опыта получили также вопросы, связанные с развитием социалистической государственности. Исходные позиции для их решения были определены Марксом и Энгельсом, затем Лениным. Несомненно, что жизнь внесла в теорию много нового. Она подтвердила предвидение классиков марксизма-ленинизма о многообразии форм социалистической государственности и показала ее новые проявления. Более длительное время, чем можно было предполагать раньше, потребует процесс отмирания социалистического государства. Это объясняется прежде всего существованием внешнего капиталистического мира, обусловливающим необходимость укрепления армии и других органов социалистического государства. Далее, нужно учитывать наличие целой системы социалистических стран, отношения между которыми строятся на началах дружбы и взаимопомощи, но остаются отношениями государственными. Необходимость государства обусловлена и внутренними причинами: в социалистическом обществе еще остаются классовые различия, требуется охрана общественного достояния и общественного порядка, государственное регулирование распределения по труду и т. д. КПСС пришлось решить много новых вопросов: о функциях социалистического государства, его роли в организации хозяйства и развитии культуры, о путях развития социалистической демократии, о наиболее эффективном соотношении централизации и местной инициативы и т. д. Она доказала, что будущее коммунистическое самоуправление вырастает — при соответствующих внутренних и внешних условиях — из самой политической организации социалистического общества, а не помимо нее, что Советы депутатов трудящихся, представляющие собой основу государственности в СССР, должны развиваться и укрепляться. Процесс этот тесно связан и с ростом коммунистической сознательности у тружеников социалистического общества, с решением коренных задач коммунистического воспитания, пути которого также определены партией.

Этот перечень новых проблем, разработанных на основе идей Ленина, разумеется, далеко не полон. Но и приведенных примеров достаточно, чтобы видеть, что мы имеем дело не с отдельными, разрозненными вопросами, а с различными звеньями *общей теории социализма*. Разработка этой теории — прямой ответ на жизненные потребности нашего общества, которое не может успешно идти вперед, к коммунизму, не опираясь на научную теорию.

Важным вкладом в теорию социализма явилась разработка Коммунистической партией Советского Союза и братскими партиями других стран положений *о развитом социалистическом обществе*.

В. И. Ленин в 1918 году говорил о нем как о будущем. Теперь в Советском Союзе категория развитого социалистического общества служит для характеристики той ступени, которая уже достигнута, а во многих других странах социализма она используется для определения непосредственных задач в строительстве нового общества, того ближайшего рубежа, которого они должны достигнуть. Так была поставлена

эта проблема на XXIV съезде КПСС и на съездах ряда братских партий стран социализма.

Постановка этого вопроса продиктована самой жизнью, ибо исторический опыт показал, что завершение переходного периода еще не означает сразу создания развитого социалистического общества. Последнее требует более или менее длительного времени, в течение которого общество проходит определенные ступени своей социально-экономической зрелости. В Советском Союзе социализм победил и был в основном построен во второй половине 30-х годов. Но прошло три десятилетия прежде, чем мог быть сделан вывод о том, что в СССР уже создано развитое социалистическое общество. Этот вывод был впервые сформулирован в документах КПСС в 1967 году, в связи с подведением итогов 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции; он был затем подтвержден и обобщен XXIV съездом КПСС (1971 г.), отметившим, что «самоотверженным трудом советских людей построено развитое социалистическое общество. . .»[6]

Развитый социализм — это закономерный этап в становлении нового общества, который означает достижение им определенной степени зрелости. Эта ступень предполагает, что все стороны жизни общества — экономическая, социально-политическая и духовная — находятся в соответствии друг с другом. В связи с этим при определении критериев зрелого социализма необходимо учитывать степень развития, во-первых, производительных сил, во-вторых, экономических отношений, в-третьих, социально-политических отношений, в-четвертых, духовной жизни общества. Только критерии, охватывающие все эти важнейшие сферы общественной жизни, могут дать о нем целостное представление.

Развитое социалистическое общество — это целостная система общественных связей и отношений, предполагающая быстрый рост производства и всестороннее развитие самих людей, создание широких возможностей для еще более значительного подъема их благосостояния и культуры, для решения крупных социальных задач.

В разработке проблем развитого социализма воплотились результаты большой теоретической работы, которая жизненно необходима для успешного руководства практикой социалистического строительства.

Исторический опыт показывает, что без правильной теоретической концепции нельзя успешно строить социализм. Известно, например, какие трудности и противоречия рождало неправильное понимание взаимоотношения между централизованным планированием и товарно-денежными отношениями. Попытки правых ревизионистов ослабить экономическую роль социалистического государства и предоставить главное место в регулировании экономики стихийно действующему рыночному механизму, вели к обострению экономических и социаль-

---

[6] См. 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. М., Политиздат, 1967, стр. 157, 164. «Материалы XXIV съезда КПСС» стр. 38.

ных противоречий, к подрыву главного экономического устоя социализма — общенародной собственности. К столь же пагубным результатам вела и внешне противоположная позиция «левых» ревизионистов — игнорирование товарно-денежных отношений, отрицание значения хозяйственного расчета, личной материальной заинтересованности и т. п. Такая линия в руководстве экономикой вела к хаосу в хозяйстве, к подрыву стимулов к труду, тормозила развитие производительных сил.

Опыт показывает, что нельзя успешно строить социализм на одном энтузиазме, без ясных представлений о том, какова должна быть экономическая, политическая и культурная организация общества на стадии социализма. Поэтому особенно важна и необходима теоретическая разработка принципов, черт и форм организации социализма. И если В. И. Ленин писал о том, что в «Капитале» Маркса капиталистическая общественно-экономическая формация показана как живая, то мы можем сказать, что в нашу эпоху перед марксистами-ленинцами встала задача показать как живую первую фазу новой, коммунистической общественно-экономической формации, дать ее теоретический анализ как целостного социального организма. Эта задача успешно решается на основе обобщения практического опыта социалистического строительства.

3. Диалектика взаимодействия теории и практики

Практический опыт партии и руководимых ею широких масс является источником развития теории. Но было бы неправильным ставить знак равенства между опытом и теорией. Нужно прежде всего учитывать, что сами массы, творящие новое, не всегда могут осознавать до конца его историческое значение; для этого требуется руководство партии, вооруженной научной теорией. И в условиях социализма, где непрерывно растет уровень сознательности масс, не исчезает различие между повседневным, обыденным сознанием и научной теорией.

В эпоху строительства социализма и коммунизма единство теории и практики становится все более тесным, но они, разумеется, отнюдь не сливаются целиком друг с другом и никогда, даже при коммунизме, не могут стать тождественными. Функцией теоретической деятельности остается познание действительности, выявление ее сущности, закономерностей, тогда как практическая деятельность направлена на ее непосредственное освоение и преобразование. Практический опыт не тождествен теории и по той причине, что он всегда ограничен условиями времени и места и может приобрести общее значение только тогда, когда осмыслен, обобщен теоретической мыслью.

Задача научного анализа общественных отношений, социальных процессов не может быть никогда снята, так как ни на какой стадии общественного развития явление не совпадает непосредственно с сущностью. Общественные отношения социализма, свободные от товарно

го фетишизма, от мистификации, свойственной капиталистическим отношениям, становятся, как предвидел Маркс, «прозрачно-ясными». Однако это отнюдь не означает, будто закономерности общественных процессов при социализме лежат на поверхности явлений и не требуют научного анализа. Уже В. И. Ленину приходилось выступать против подобных упрощенческих представлений. Напомним хотя бы замечания В. И. Ленина по адресу Бухарина, который утверждал, что в организованном общественном хозяйстве исчезают все основные проблемы политической экономии, что вместе с концом капиталистически-товарного общества наступает конец и политической экономии. Подобные рассуждения Ленин расценил как шаг назад от определений Энгельса. Даже при коммунизме сохраняются, по мысли Ленина, такие проблемы экономической науки, как, например, установление пропорций между I и II подразделениями общественного производства, между накоплением и потреблением и т. д. Что же касается социализма, то В. И. Ленин показал, что здесь остаются необходимыми и товарные отношения, отличающиеся коренным образом по своей сущности от товарных отношений при капитализме.

По мере того как социализм строился, становилось все более ясным, что это — общество с очень богатой и многобразной системой экономических и других общественных отношений, имеющих свои законы функционирования и развития. Познание этих отношений и практическое овладение законами развития общества — сложнейшая задача, решение которой и поныне еще нельзя считать завершенным.

Поэтому крайней вульгаризацией марксизма-ленинизма было пропагандировавшееся одно время утверждение, будто практика и есть теория, будто каждое новое практическое мероприятие, независимо от степени его научной обоснованности, означает в то же время и новый шаг в развитии теории. При таком подходе теории отводилась весьма жалкая роль: только обосновывать и подтверждать принятые на практике меры. Теория лишалась своей важной функции: критически обобщать и анализировать практику.

Эта функция нисколько не противоречит марксистскому тезису о том, что практика — критерий истинности теории. Таким критерием служит практика человечества в целом, и притом взятая в развитии. В. И. Ленин разъяснил в книге «Материализм и эмпириокритицизм», что критерий практики одновременно и относителен и абсолютен. Он дает возможность отграничить истину от заблуждения, но не может подтвердить или опровергнуть п о л н о с т ь ю какое-либо человеческое представление. Дело в том, что сама практика развивается, и то, что подтверждается практикой сегодня, может еще быть уточнено или оказаться ограниченным в свете более широкого практического опыта.

Принижение роли теории — спутник субъективизма. Наука по своей природе требует объективного и всестороннего анализа явлений, что несовместимо с субъективизмом, который выхватывает отдельные, кажущиеся на первый взгляд выигрышными стороны вопроса и игнорирует другие, остерегающие от поспешно намеченных мероприятий.

Преимущества социализма как общественной системы не могут быть

выявлены без целеустремленной деятельности общества; их реализация зависит от того, в какой степени они научно познаны и практически учтены обществом. Поэтому Коммунистическая партия Советского Союза придает большое значение научному руководству экономическими и социальными процессами.

Научное руководство развитием общества возможно лишь при объективном познании социальных процессов и выработке наиболее эффективных средств воздействия на их развитие. Успешному решению этих задач способствует правильная, свободная от каких-либо субъективных пристрастий информация (статистическая и иная). Информация должна быть обобщена, теоретически осмыслена с тем, чтобы выявить реальную связь общественных явлений. Любое общественное явление, будь то распределение трудовых ресурсов страны или состояние и уровень развития общественного сознания, испытывает на себе воздействие множества факторов и, в свою очередь, влияет на другие стороны жизни общества. Распределение трудовых ресурсов по территории страны зависит, например, от исторически сложившегося размещения населения, направлений миграции, от ряда демографических факторов, уровня доходов населения в различных районах, степени удовлетворения его материальных и культурных потребностей и т. д. Какие из этих факторов наиболее существенны, как можно повлиять на них — подобные вопросы невозможно решать, не опираясь на данные науки, без серьезных научных исследований. С расширением масштабов коммунистического строительства возрастает потребность в научном руководстве обществом, а в связи с этим повышаются ответственность общественных наук и требования к ним. Теоретическая работа, неразрывно связанная с практикой, призвана обеспечивать научный подход к определению политики партии во всех областях общественной жизни.

При этом важно учитывать, что общество — это целостная система, которая включает в себя различные сферы жизни — экономику, политические отношения, духовную культуру и т. д., образующие в рамках целого особые подсистемы. Поэтому руководство общественной жизнью требует учета как общих закономерностей социального организма, говоря конкретнее — данной общественно-экономической формации, так и специфических закономерностей отдельных сфер общественной жизни, на которые воздействует политика партии. Нельзя осуществлять воздействие на ту или иную сторону жизни общества изолированно, не учитывая его влияния на другие стороны жизни, на которые воздействует политика партии при развёрнутом коммунистическом строительстве. Так, например, осуществляя хозяйственную реформу, партия учитывает не только ее воздействие на развитие материального производства, на рост производительных сил, но и ее социальные последствия:возрастание требований к эффективности управления экономикой, необходимость дальнейшего развития демократических начал в управлении производством, усиления стимулов к труду, связанные с этим изменения в психологии людей и т. д.

Возрастание масштабов коммунистического строительства, характерное для современного этапа развития СССР, повышает требования к научности руководства обществом. Как говорил тов. Л. И. Брежнев, мы теперь должны продвигаться дальше и быстрее, более широким фронтом, чем прежде. «Жизнь учит, что чем шире этот фронт, чем больше задач приходится решать одновременно, тем настоятельнее потребность решать их во взаимной увязке, систематически и целенаправленно, принимая во внимание сложные и многообразные зависимости между отдельными районами страны, между отраслями народного хозяйства, между всеми сферами общественной жизни. Словом, необходим комплексный, системный подход к выработке ответственных решений. Мы приняли такой подход на вооружение и будем последовательно проводить его в жизнь»[7].

Такой подход к руководству обществом требует широкого развития социальных исследований. Их роль особенно возрастает в связи с развертывающейся научно-технической революцией, социальные последствия которой должны быть тщательно учтены и в сфере производственной жизни, и в сфере быта и общественных отношений вообще.

С проблемами прогнозирования сталкивается ныне и капиталистическое общество. Не случайно все большее внимание буржуазных социологов и экономистов привлекают вопросы о том, как отразится дальнейшее развитие техники на условиях жизни человека, на судьбах личности. В капиталистических странах получает распространение претендующая на роль новой науки «футурология», которая занимается составлением прогнозов на тот или иной срок, скажем, на 2000 год. Но их авторы опираются главным образом на догадки, аналогии, иногда одностороннюю экстраполяцию уже проявившихся тенденций. Лишенные научной теории, они большей частью молчаливо исходят из сохранения в неизменном виде современных капиталистических отношений. Вследствие этого подчас смелые научно-технические прогнозы сочетаются с самым закоренелым социальным консерватизмом.

Преимущество нашего общества в том, что, во-первых, оно располагает научной базой для социального прогнозирования. Такую базу обеспечивают, как уже сказано, марксистско-ленинская теория общественного развития и комплексное использование данных естественных и общественных наук. А во-вторых, вытекающие из социального прогнозирования рекомендации в социалистическом обществе не остаются благими пожеланиями. Оно имеет возможность концентрировать необходимые средства для их реализации.

В последнее время в СССР довольно широко проводятся исследования проблем труда и быта, использования свободного времени, изменений условий жизни в городе и на селе и т. д. Эти исследования дают

---

[7] Л. И. Брежнев. Интересы народа, забота о его благе — высший смысл деятельности партии. Речь на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы, 11 июня 1971 г. М., Политиздат, 1971, стр. 13.

много ценного материала и для развития науки и для практики руководства социальными процессами. Однако, как было отмечено в постановлении ЦК КПСС о развитии общественных наук, их научно-методическая основа оставалась весьма эмпиричной. Конкретные социальные исследования могут быть эффективными лишь при условии, если ведутся на основе марксистско-ленинской методологии, а не просто копирования узкоэмпирических исследований буржуазных социологов. Между тем порою вместо того чтобы использовать анкетный метод наряду с другими полезными способами исследования, его превращают чуть ли не в единственный и универсальный метод. Игнорируются нередко и объективные данные социально-экономической статистики, так как центр тяжести переносится на методы исследования субъективной стороны — мнений людей путем анкетного опроса, интервью и т. д. В целях развития конкретно-социальных исследований следует, очевидно, использовать весь арсенал средств, которым всегда умело пользовались марксисты, весь опыт КПСС, которая, определяя курс своей деятельности, подготовляя те или иные решения, тщательно изучала и изучает как объективные процессы жизни, так и настроения масс.

Теоретически выявленная связь общественных явлений служит основой для выработки практических рекомендаций. Если эта связь не учитывается достаточно всесторонне, то намеченные мероприятия могут остаться либо неосуществленными, либо их реализация может принести с собой наряду с предвиденными последствиями неожиданные, стихийные, отрицательные результаты. Чтобы избежать этого, необходимо последовательно осуществлять проверенные опытом партии принципы руководства строительством коммунизма, органически сочетающие в себе научность и демократизм. Учитывать данные науки и опыт масс, по-деловому обсуждать принимаемые решения, строго соблюдать принцип коллективного руководства — все это условия, необходимые для того, чтобы обеспечить всесторонний анализ положительных и отрицательных последствий намечаемых практических мер.

В числе средств, позволяющих испытать на практике эффективность тех или иных мер, следует назвать социальный эксперимент. Он дает возможность проверить их целесообразность сначала на более или менее ограниченных участках (как это делалось, например, при разработке экономической реформы), а уже затем с учетом накопленного опыта и после внесения коррективов проводить в общегосударственном масштабе.

Вместе с тем испытание практикой в своем полном объеме выходит за рамки социального эксперимента, оно продолжается в течение всего процесса осуществления намеченных мероприятий. Так, скажем, в ходе экономической реформы проверяется ее эффективность.

Таким образом, взаимодействие теории и практики — это, по существу, непрерывный процесс, который продолжается на всех этапах развития науки и ее применения к строительству нового общества.

Развитие наук об обществе требует последовательного осуществления принципов классово-партийного, конкретно-исторического подхода к общественным явлениям. Пренебрежение к вопросам мировоз-

зрения наносит ущерб развитию науки, ослабляет ее роль в жизни общества. Соединение передовой философии с конкретными науками, дальнейшее развитие теоретических исследований на базе широких эмпирических изысканий — таков путь расцвета науки, которая в современную эпоху оказывает все большее и большее влияние на жизнь общества. Это вместе с тем и путь формирования подлинно коммунистической идейности, что органически входит в поставленную КПСС величественную задачу воспитания у всех членов социалистического общества научного мировоззрения.

Ленинский принцип единства теории и практики представляет собою одну из славных традиций Коммунистической партии Советского Союза. Он находит живое воплощение во всей ее деятельности. Это позволяет партии соединять решение непосредственных практических задач с достижением генеральной перспективы — построением коммунизма.

ГЛАВА 16.

МЕСТО И РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

1. Субъект жизнедеятельности общества

Социальное познание является самопознанием общества. Оно рождается с возникновением человеческого общества и развивается на основе практических потребностей функционирования и развития конкретных социальных систем. Эти системы функционируют и развиваются в результате многосторонней деятельности социального субъекта. Поэтому познавательно-отражательную сущность, структуру и функции социального познания можно понять, лишь рассматривая его в неразрывной связи с потребностями и характером отношений определенного общества, с деятельностью социального субъекта.

Прежде всего необходимо определить содержание, которое мы вкладываем в это последнее понятие.

История общества тем отличается от истории природы, что первая творится людьми, есть результат деятельности людей. В процессе своей многообразной деятельности общественный человек создает предметный мир культуры (вторую природу), воспроизводит и преобразует общественные отношения, изменяет самого себя. Он является в этом смысле субъектом социальной деятельности, субъектом исторического процесса. Но этим субъектом не может быть изолированный индивид. Социально значимые действия — это действия больших масс людей, социальных групп, классов. Поэтому для обобщенной характеристики субъектов социальной деятельности целесообразно ввести понятие социального субъекта. Последний, конечно, состоит из индивидов, но не является их адекватной суммой. Объединение людей в процессе деятельности дает новое качество, что позволяет говорить о социальном субъекте как о чем-то едином, обладающем некоторой совокупностью интегральных свойств. Категория «социальный субъект» отражает творческую деятельную сущность социальных групп, классов, масс, движущую сторону (силу) функционирования и развития социальной системы.

Социальный субъект является также субъектом-носителем системы общественных отношений. Только социальный субъект — социальные группы, классы, массы — в результате своей деятельности и деятельности определенных институтов и организаций может сохранять или революционным путем преобразовывать социальную систему. Соци-

альный эффект деятельности социального субъекта (классов, масс и т. д.) достигается как результат, как интегральная совокупность действий отдельных индивидов.

К конкретному содержанию категории социального субъекта следует подходить диалектически, так как в ходе истории меняются классы, социальный состав народных масс и т. д. В классово-антагонистическом обществе субъектами социальной деятельности являются прежде всего антагонистические классы, борющиеся друг с другом. Поэтому здесь можно говорить о прогрессивном и о реакционном социальном субъекте. Категория социального субъекта позволяет подойти к выявлению конкретного субъекта в рамках исследуемой ситуации.

Деятельность социального субъекта как движущую силу функционирования и развития социальной системы нельзя противопоставлять определяющей роли способа производства в развитии общества, ибо характер этой деятельности также зависит от способа производства, определяется и объясняется его закономерностями.

В данной статье мы рассматриваем проблему социального субъекта как субъекта-носителя социального познания, анализируем вопрос о месте и значении социального познания в деятельности социального субъекта. Такая постановка вопроса оправдана тем, что позволяет исследовать социальное познание в органической взаимосвязи с процессом функционирования и развития общества как целостной системы. Кроме того, социальное познание связывается тем самым с деятельностью, выступает как момент социальной деятельности.

Мы полагаем, что в теории социального познания следует больше внимания обратить на категорию «деятельность социального субъекта». Категория «деятельность», по нашему мнению, является категорией исторического материализма. Она выступает как обобщенное отражение всех типов деятельности людей, социальных групп, классов (в классовом обществе), масс. Анализ ее в этой общей форме позволяет выработать некоторые методологические принципы для подхода к конкретным видам деятельности, к изучению их субординации, исходя из того, что в основе всех типов социальной деятельности лежит производственная деятельность трудящихся масс.

Реальность социального субъекта проявляется в его активности, в деятельности, приводящей к определенным социальным результатам. Сведение индивидуального к социальному, писал В. И. Ленин, происходит не только в познании, но и в самой практической деятельности, что дает право рассматривать совокупные и так или иначе упорядоченные действия индивидов как деятельность социального субъекта. Индивид как субъект познания и действия включен в структуру социального субъекта. Индивидуальный субъект в истории фактически всегда выступает в качестве составной части определенного социального субъекта.

Значение категории «социальный субъект» и ее место в системе философского (историко-материалистического) социального познания определяется также тем, что она выражает в обобщенном виде факт наличия субъекта действия в любом конкретном социальном процессе.

Носителями безусловно всех социальных явлений и процессов являются люди, классы, массы, и поэтому можно говорить, что во всех процессах присутствует социальный субъект в качестве их движущей силы, что они не являются «бессубъектными».

Категория «социальный субъект» не отражает специфику различных типов деятельности реального социального субъекта, не отражает всех его свойств. Указанная категория отражает только общее в различных типах деятельности реального социального субъекта. Она характеризует то, что реальный социальный субъект является носителем, движущей силой всех социальных процессов. Каковы же сами эти процессы — сознательные, целенаправленные, стихийные или же объективно упорядоченные, — в категории социального субъекта не фиксируется: все это отражается другими понятиями, в частности, категориями «субъект социального познания», «субъективный фактор», «субъект социального управления», «субъект объективно упорядоченной деятельности» и т. д.

Познавательная деятельность реального социального субъекта нашла свое отражение в гносеологическом понятии субъекта как познающего субъекта.

В сознательной практической регулятивной и социально-управленческой функции реального социального субъекта проявляется роль социального познания, его действенность. Этот тип деятельности социального субъекта, приводящей к определенным, заранее предполагаемым социальным результатам, отражен в категориях субъективного фактора и субъекта социального управления.

Среди социальных явлений и процессов выделяются две основные формы социального развития: объективные и субъективные (сознательные целенаправленные).

В объективных и первичных с гносеологической точки зрения социальных процессах их субъект-носитель обычно действует сознательно, целенаправленно лишь на уровне обыденного сознания в узкой сфере повседневного бытия. Так было, как правило, в прошлом и имеет место во многих случаях и в настоящем. Например, на своем рабочем месте в сфере производства люди действуют сознательно. Их трудовая деятельность — использование машин, орудий производства и т. д. — есть деятельность сознательная, целенаправленная. Однако на уровне способа производства как системы, определяющей развитие общества, деятельность людей включается в объективно упорядоченный социальный процесс, развивающийся согласно объективным законам, независящим от их сознания и воли. Люди могут познать указанные законы и овладеть ими при определенных социальных условиях, но это уже другой вопрос. Следовательно, то обстоятельство, что социальный субъект является субъектом-носителем также и объективно упорядоченных социальных процессов, не означает, что он сознательно детерминирует эти процессы.

В онтологических характеристиках реального социального субъекта выражается прежде всего его положение в объективных социальных

процессах. В них социальный субъект является, так сказать, обезличенным, поскольку отсутствует сознательная регуляция процесса в целом. На передний план выступают объективные законы, «объективно необходимая цепь» (Ленин) событий, которая в религиозном сознании отражается как «судьба», «божья воля» и пр.

В процессах сознательного исторического творчества активность социального субъекта представлена его социально-познавательной и целенаправленной регулятивно-управленческой социально-творческой преобразующей деятельностью.

Из всех типов деятельности социального субъекта для общества особенно важна сознательная деятельность, связанная с регуляцией и управлением как средствами развития различных социальных подсистем, а также всей системы общества как органического целого. В этой сознательной деятельности выявляются различные уровни и формы социального познания, и феномен сознания, имеющий особенно важное значение для социальной деятельности, — идеология.

Из сказанного видно, что понятие «деятельность» и «сознательная деятельность» не тождественны. Первое шире второго. Структура сознательной деятельности многопланова. Однако, если выделить главное, то можно сказать, что каждая сознательная практическая деятельность характеризуется двумя существенными моментами: а) наличием определенных социальных знаний (научных или ненаучных), на основе которых люди прогнозируют, моделируют, планируют свою деятельность, ставят перед собой определенные цели и б) практическим действием, совершая которое, люди руководствуются данным знанием и данной целью. Если отсутствует какой-то из этих двух элементов, то не может быть и речи о сознательной практической деятельности.

Социальное познание и его роль в функционировании и развитии социальной системы выявляется прежде всего в социально познавательной и целенаправленной регуляторно-управленческой деятельности субъективного фактора и субъекта социального управления. Последние являются структурными элементами социального субъекта и выразителями его основных интересов.

Главными элементами познания общественных процессов социальным субъектом в досоциалистических обществах являются идеология и некоторые научные элементы обществознания. С возникновением марксизма и развивающихся на основе марксистской методологии частных общественных наук на первый план выступают научные элементы социального познания, включающие и научную идеологию.

2. Уровни социальной жизни и сознательная деятельность

Выяснение роли социального познания в жизни общества требует, по нашему мнению, разграничения конкретно-эмпирического и сущностного уровней социальной системы.

Идея о двух уровнях социальной жизни—конкретно-эмпирическом (уровень явлений) и сущностном (уровень социальных законов)—содержится во многих местах произведений Маркса и Энгельса. Так, Ф. Энгельс писал: «Но где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам»[1].

Говоря об идейных побуждениях к действию отдельных людей в их повседневной жизни, Энгельс подчеркивает, что эти побуждения имеют только второстепенное значение для конечного результата и что поэтому необходимо «исследовать движущие причины, которые ясно или неясно, непосредственно или в идеологической, может быть, даже в фантастической форме отражаются в виде сознательных побуждений в головах действующих масс и их вождей, так называемых великих людей — это единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще и в ее отдельные периоды или в отдельных странах»[2].

Отсюда вытекает, что в обществе следует различать уровень явлений социальной жизни и уровень системы законов социальной жизни. Первый можно назвать предметно-чувственным, конкретно-эмпирическим уровнем, а второй — сущностным.

На предметно-чувственном уровне мы непосредственно имеем дело с конкретными видами деятельности в промышленности, сельском хозяйстве, искусстве, спорте и т. д. Под явлениями социальной жизни мы понимаем единичные действия людей, социальных групп в указанных социальных подсистемах.

На конкретно-эмпирическом, предметно-чувственном уровне социальной жизни деятельность людей, социального субъекта, всегда носит сознательный целенаправленный характер, выступает как активный фактор, вовлекающий предметный мир культуры в социальные процессы.

В системе «человек—орудие производства—предмет труда» человек-субъект в процессе своей производственно-технической деятельности сознательно управляет функционированием этой системы. Иными словами, здесь осуществляется сознательное управление производственным технологическим процессом. В структуре указанной системы сознательная регулирующая деятельность человека представляет собой один из необходимых и важных ее элементов. Но сознательную регулирующую и управляющую функцию субъекта нельзя отождествлять с фактическим функционированием соответствующей социальной системы или подсистемы и прежде всего с функционированием объекта этой сознательной регуляции. Это различие является очень важным.

С гносеологической точки зрения сознание является *отражением* соответствующих объективных вещей и процессов.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 306.

[2] Там же, стр. 308.

Рассматриваемое же с функционально-социологической точки зрения сознание (его познавательные, эмоциональные и волевые стороны) представляет собой *необходимый элемент* социальной деятельности, необходимое звено в социальных процессах конкретно-эмпирического уровня социальной жизни, без которого эти процессы не могут протекать.

Функционирование общественной системы не сводится к сознательной деятельности людей, социальных групп, классов, масс,социального субъекта на конкретно-эмпирическом уровне, поскольку конкретно-эмпирический уровень социальной жизни имеет свою объективную основу — сущностный уровень, систему социальных законов, в которой главным и определяющим компонентом является подсистема экономических законов.

В ходе исторического развития деятельность социального субъекта постоянно дифференцировалась. Главными подсистемами социальной жизни современного общества являются экономическая, социальная, политическая и духовная. Крайние точки этой дифференциации — идеологический аспект духовной жизни и система экономических законов.

Одной из важных характеристик экономических законов является их объективность и первичность. В структуре экономических законов не содержится сознание.Эти законы не обусловливаются сознанием ни прямо, ни косвенно. И до тех пор пока люди не проникли в сущностный уровень, не познали объективные законы и не научились их использовать, развитие общества в целом не может быть сознательно-регулируемым процессом, хотя на предметно-чувственном уровне люди и действуют сознательно.

На предметно-чувственном уровне социальной жизни непрестанно возникает множество неповторимых и преходящих социальных явлений, главным двигателем которых является сознательная, целенаправленная деятельность людей.

Этот уровень преходящих и неповторимых явлений диалектически снимается сущностным уровнем социальной жизни, устойчивой системой социальных законов, основой которых является подсистема экономических законов.

Стихийное функционирование системы социальных законов, действующих в досоциалистических обществах, является диалектическим отрицанием сознательного характера деятельности на конкретно-эмпирическом уровне, осуществляемой на основе обыденного сознания.

При социализме и коммунизме научное управление функционированием и развитием общества как целостной системы диалектически отрицает (отрицание отрицания) стихийный характер функционирования и развития социальной системы, характерный для досоциалистического общества. Научное управление всей социалистической системой как будто бы повторяет сознательное регулирование социальных явлений, характерное для деятельности, рассматриваемой в рамках предметно-чувственного уровня социальной жизни, но фактически возвышается над ним, поскольку опирается уже на научное познание сущ-

ностного уровня общественной системы. Научное управление социалистическим обществом развивается и совершенствуется на основе отражения требований системы социальных законов и использования знания в деятельности субъекта.

3. Субъективный фактор и его роль в обществе

В первом параграфе мы подчеркнули, что субъективный фактор и субъект социального управления являются структурными элементами социального субъекта. Как таковые они выступают главными факторами развития социального познания и использования научного знания.

Субъективный фактор на уровне социальной системы есть одновременно и часть социального субъекта и функционально обособленная, относительно самостоятельная подсистема.

В функционировании и развитии общества как целостной системы действуют две главные и противоположные детерминанты. Первая — это способ производства, который в конечном счете определяет остальные сферы социальной жизни. Вторая — социальное познание и в особенности идеология. Между ними возникают очень сложные диалектически-противоречивые взаимоотношения.

В сфере социального познания, в идеологии происходит сложный процесс переработки социальной информации. Органы практической сознательной регуляции и управления (соответствующие организации и учреждения) используют результаты этой переработки и реализуют ее в своей деятельности.

Деятельность в сфере идеологии является вторичным и непосредственным отправным пунктом сознательной саморегуляции и управления на уровне социальной системы. В детерминирующей роли идеологии в надстроечных социальных процессах (в политической, юридической и т. п. практике) выражается ее действенность.

Становление субъективного фактора на уровне общественной системы начинается с формирования соответствующей идеологии, которая отражает определенные интересы.

В становлении, функционировании и развитии социального субъекта экономика выступает в качестве определяющей основы. В этом проявляется первичная и определяющая роль способа производства. Социально-экономическая природа социального субъекта определяет в конечном счете характер и направленность его социального поведения и в особенности осуществление его сознательно-регуляторной и управленческой деятельности, т. е. деятельности субъективного фактора.

Но объективная детерминация не осуществляется автоматически. В становлении и функционировании субъективного фактора на уровне социальной системы в качестве мобилизующей силы выступает

идеологическая детерминанта. Она существенно влияет на действия субъективного фактора, направленные на удовлетворение основных материальных потребностей и интересов социального субъекта.

Идеологическая детерминанта способствует функционированию субъективного фактора и его главных структурных элементов — политических партий и государства. Без этого субъективный фактор не смог бы осуществить свою роль в структуре деятельности социального субъекта.

В сознательной саморегуляции взаимодействия современного общества с природой участвует все расширяющийся комплекс наук. Это, однако, не отменяет того, что в различных подсистемах общества выделяются в качестве ведущих то одни, то другие науки, то одни, то другие аспекты, уровни и формы общественного сознания. Но для защиты существующего строя или его революционного преобразования важное значение имеет идеология и прежде всего политическая идеология.

В классово-антагонистическом обществе антагонистические отношения пронизывают и духовную сферу, поскольку в ней происходит непримиримая борьба прогрессивной и реакционной идеологии.

Духовная сторона исторического процесса сама по себе еще не является субъективным фактором в полном смысле этого слова. Она становится компонентом субъективного фактора постольку, поскольку начинает направлять деятельность активных носителей (партии, государства, общественных организаций) сознательной регулятивной и управленческой функции социального субъекта.

Действенность идеологии проявляется в определенной социальной практической деятельности — в политической практике людей, партий, классов, масс, в их юридической практике, в нравственных отношениях людей к общественным и классовым интересам, в деятельности людей искусства и в восприятии и переживании произведений искусства, в деятельности средств массовой информации и т. д.

В современных условиях главным и ведущим компонентом субъективного фактора являются политические партии. Именно партии осуществляют сознательно-регулятивную, а иногда и управленческую функцию соответствующего социального субъекта.

К субъективному фактору на уровне всей социальной системы относятся, кроме политических партий и государства, и различные общественные организации, которые проявляют идеологически значимую социальную активность, а также массы, поскольку они идут за теми или иными партиями и осуществляют под их руководством определенную и идеологически сознательную практическую деятельность.[3]

Такое понимание субъективного фактора, безусловно, относится прежде всего к современности. Оно включает и прогрессивный, и

---

[3]. См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 24—26.

реакционный субъективный факторы. Подчеркивая в этом определении роль идеологии, мы выделяем не все в духовном содержании субъективного фактора, но лишь главное.

В классово-антагонистических формациях социальный субъект раздваивается, поляризуется. Основными социальными субъектами в масштабах общества являются классы-антагонисты. Как правило, вокруг борющихся классов-антагонистов группируются (на более или менее длительное время) другие классы и социальные слои, интересы которых так или иначе совпадают с интересами основных классов. Это отражается на структуре, на характере и на социальных функциях соответствующего субъективного фактора.

При определяющем значении объективных социальных условий, на их основе и в границах объективных возможностей прогрессивный субъективный фактор приобретает решающую роль* в процессе превращения объективных возможностей в действительность. Эту идею выдвинул Т. Павлов еще в первом издании «Теории отражения».

Решающая роль прогрессивного субъективного фактора в социалистическом переустройстве общества проявляется не только в период самой революции, но и в дальнейшем развитии общества по пути строительства социализма и коммунизма.

Теоретическое положение исторического материализма об о п р е д е л я ю щ е й роли социально-экономических условий и р е ш а ю щ е й (при определенных объективных социальных условиях) роли прогрессивного субъективного фактора — отражает диалектическое единство объективной и субъективной сторон общественно-исторического процесса. Это положение отражает специфику общественного детерминизма. Оно направлено и против волюнтаристской недооценки роли объективных условий и против вульгарного «экономического материализма», отрицающего роль субъективного фактора в общественном прогрессе.

Правильное понимание роли прогрессивного субъективного фактора имеет огромное значение, прежде всего, для практической деятельности коммунистических партий, ибо при наличии объективных условий именно от сознательной деятельности руководимых ими классов и масс зависит, перейдет ли страна на новую, более высокую ступень в своем развитии или не перейдет, будут решены назревшие социальные проблемы или не будут.

Объективные условия борьбы против капитализма, задачи строительства социализма и коммунизма обусловливают формирование качественно нового субъективного фактора общественного развития, какого в прошлом не существовало и не могло существовать.

Речь идет об органическом единстве следующих элементов: во-первых, — это революционный рабочий класс — сознательная ведущая сила в процессе социалистического переустройства общества, вокруг

---

* Понятия «решающее» и «определяющее» нельзя отождествлять.

которой объединяются и сплачиваются широкие слои трудящихся. Во-вторых, — это марксистско-ленинская идеология, внутренне, органически соединяющая в себе научность с революционностью, партийностью, являющаяся теоретическим выражением коренных интересов рабочего класса, интересов строительства нового общества. В-третьих — это роль коммунистической партии как главной силы, под руководством которой формируется марксистско-ленинская сознательность и организованность рабочего класса, являющегося политическим руководителем трудящихся масс в их борьбе за социализм и коммунизм.

В условиях строительства социализма и коммунизма роль прогрессивного субъективного фактора осуществляется на качественно новой объективной основе. Она постоянно расширяется и возрастает, приобретая новые черты и функции: марксистско-ленинская идеология становится господствующей, возникает и развивается социалистическое государство, рабочий класс и его партия становятся руководящей и ведущей силой всего общества и могут опираться на развивающуюся социалистическую экономику и т. д.

Руководящая роль марксистско-ленинской партии в переустройстве общества на коммунистических началах возлагает на нее большую историческую ответственность. Поэтому коммунистические партии социалистических стран уделяют столь больше внимание развитию марксистско-ленинской теории, общественных наук, а также всестороннему использованию их данных для дальнейшего развития и совершенствования всей структуры субъективного фактора для целей социального управления и сознательной социальной активности масс в новых исторических условиях.

Как мы уже отмечали, субъект социального управления входит в состав субъективного фактора, но не исчерпывает его. Поэтому субъект социального управления составляют лишь те элементы субъективного фактора, которые принимают управленческие решения и обеспечивают их выполнения и контроль за их выполнением.

Как субъективный фактор функционально обособляется и отделяется от социального субъекта, так и субъект социального управления функционально обособляется и отделяется от субъективного фактора в качестве относительно самостоятельной подсистемы — системы специфического субъекта управления обществом.

В условиях социализма объект и субъект социального управления взаимодействуют на основе закономерностей развития социального объекта и в определенных пределах и отношениях влияют на формирование структуры друг друга. Это можно видеть на примере влияния субъекта социального управления на формирование структуры социалистической экономики.

Сущность и направление развития социалистической экономики объективно обусловлены, они не зависят от сознания и воли людей. Но конкретный вариант строительства социалистической экономики (и социализма как целостной системы) в каждой отдельной стране зависит в определенной степени от сознания и от социального познания субъекта социалистического переустройства и управления. Например,

вопрос о том, где, когда и какие предприятия необходимо строить, как должна координироваться и субординироваться их производственная связь и т. д., решается субъектом социального управления. Это определяется не только тем, что строительство социалистической экономики осуществляется сознательно, планомерно под руководством субъекта управления, но и тем, что общий и обязательный для каждой страны путь развития социалистической экономики реализуется лишь в связи с особенностями каждой отдельной страны, которые субъект должен учитывать.

Конкретный вариант развития экономики, принятый в той или иной социалистической стране, является одним из возможных вариантов. Этот вариант может приближаться к оптимальному, но может и отличаться от него в большей или меньшей степени.

Он может также существенно отклоняться от общих и обязательных для всех стран закономерностей развития социалистической экономики. Это зависит от верности субъекта социального управления рабочему классу, от классового подхода субъекта, от научной обоснованности управления, которое субъект проводит при построении и функционировании социалистической экономики, от внутренней структуры самого субъекта социального управления и т. д.

Именно в этом смысле субъект социального управления при социализме участвует в формировании структуры социального объекта. Со своей стороны, объект и главным образом социально-экономические процессы определяют структуру субъекта, поскольку обусловливают сущность его управленческих функций, характер их реализации, возможности использования социального познания и т. д. Таким образом, объект и субъект не только взаимосвязаны функционально как стороны единого общественно-исторического процесса, но и взаимно обусловливают друг друга, диалектически проникают друг в друга на базе объективных законов социально-экономических процессов.

При социализме нераздельность субъекта и объекта социального управления как единой функциональной структуры проявляется в особенности в процессе овладения объективными экономическими законами. Положение о том, что социалистическая экономика возникает, функционирует и развивается *планомерно*, выражает наличие двух взаимно связанных процессов: а) научного познания экономических законов социализма и б) сознательного овладения этими законами и их использования в деятельности субъекта управления.

В механизме действия познанного и сознательно применяемого экономического закона содержится объективная и субъективная стороны. Объективная — это сам закон. Овладение законом означает сознательное осуществление экономических мероприятий (субъективная сторона) в соответствии с содержанием закона, с его требованиями. Определяющим в этом случае является экономический закон, а не соображения субъекта социального управления.

Сознательная экономическая деятельность субъекта управления и объективные экономические законы социализма как стороны социаль-

ного целого представляют единство противоположностей. Но в функциональном отношении они составляют единую структуру.

Сказанное раскрывает (положительную и отрицательную) роль, которую может играть субъект социального управления в функционировании и развитии социалистической экономики. Когда управленческие решения научно обоснованы, т. е. соответствуют требованиям объективных экономических законов, их системе, тогда экономика социализма функционирует, более или менее приближаясь к своему оптимальному варианту. Когда же управленческие решения существенно противоречат требованиям объективных законов, то есть, когда имеют место субъективистские и волюнтаристские управленческие решения, возникают нарушения и несогласованность в функционировании экономики социализма.

Овладение субъектом социального управления экономическими законами социализма — продолжительный и трудный процесс; степень этого овладения соответствует степени научного познания этих законов, познания особенностей их проявления в данной стране и научной обоснованности проводимых экономических мероприятий.

При социализме и в процессе строительства коммунизма возрастает значение управленческой деятельности субъекта социального управления, так как усложняются задачи, стоящие перед обществом, повышаются требования к уровню сознательности и организованности социального субъекта — субъекта исторического процесса строительства нового общества.

ГЛАВА 17

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ НАУЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ

Методологической основой научного управления обществом является марксистско-ленинская философия, диалектический и исторический материализм.

Особенно большое, можно сказать основополагающее, значение для понимания сущности управления имеет положение исторического материализма о соотношении объективных условий и субъективного фактора в функционировании и развитии общества.

1. Диалектика объективных условий и субъективного фактора — ключ к пониманию управления

Как известно, под объективными условиями исторический материализм понимает реально существующие явления, отношения и процессы, не зависящие от воли и сознания людей. Именно объективные и прежде всего экономические условия, объективные закономерности определяют в конечном счете цели и намерения людей, направление и формы их деятельности.

Совокупность объективных закономерностей общества, их система представляет собой объективный «механизм» регулирования общества, управления его развитием. В том случае, когда эти законы не познаны или не могут быть использованы людьми, они действуют как стихийная сила, довлеют над людьми, навязывают им свою «волю». Таковы в целом, к примеру, законы движения капиталистической экономики, капиталистического общества, и в частности, закон стоимости, который проявляется в рыночной стихии, анархии и конкуренции и являет собой главную силу, управляющую экономическим, а на этой основе и социально-политическим и духовным развитием капитализма. Овладеть стихией рынка человеку не дано, он может только приспособиться к рыночной конъюнктуре и в случае благоприятных условий использовать ее в своих интересах. Что касается широко проводимых сейчас в развитых странах капитализма мер по государственно-монополистическому регулированию, программированию экономики, то они способны лишь в какой-то степени ограничить действие стихийных факторов, замедлить или ускорить процесс стихийного развития, но не в состоянии отменить его.

Раскрывая определяющую роль объективных условий, их роль как «механизма» управления обществом, марксизм-ленинизм, исторический материализм подчеркивает в то же время огромное значение в историческом процессе субъективного фактора — сознательной деятельности людей, классов, партий, их инициативы, организованности и энергии в достижении тех или иных целей.

«Марксизм, — писал В. И. Ленин, — отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвенности в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий. . .»[1]

Из положения исторического материализма о единстве объективных условий и субъективного фактора в истории следуют, по крайней мере, три вывода, которые, на наш взгляд, чрезвычайно важны для понимания сущности управления обществом.

Вывод первый. Обществу наряду со стихийным «механизмом» управления, представляющим собою взаимосвязь непознанных и сознательно не используемых человеком объективных условий, объективных закономерностей, присущи и сознательные факторы управления, связанные с целенаправленной деятельностью людей, общественных институтов, которые составляют в совокупности субъект управления.

Вывод второй. Возможность превращения сознательного управления в научное управление возникает только с возникновением марксизма, исторического материализма, раскрывшего закономерности общественного развития и создавшего тем самым теоретические предпосылки для научного управления.

Вывод третий. Научное управление обществом представляет собой такую деятельность людей, такое революционное творчество масс, которое опирается на научный анализ объективного положения вещей и объективного хода эволюции, иными словами, на *научное познание* объективных условий, закономерностей развития общества.

В соответствии с этими положениями мы определяем научное управление обществом как сознательное воздействие людей, общественных институтов на общественную систему в целом или ее отдельные звенья (подсистемы) на основе *научного познания* и использования присущих ей объективных закономерностей и прогрессивных тенденций в интересах обеспечения ее оптимального функционирования и развития, достижения поставленной перед обществом цели.

Управлять обществом научно — это значит познавать, выявлять закономерности, выявлять прогрессивные тенденции общественного развития и направлять (планировать, организовывать, регулировать и контролировать) его движение в соответствии с этими тенденциями.

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 23.

Управлять обществом научно — это значит своевременно вскрывать противоречия общественного развития и разрешать их, выявлять и преодолевать препятствия на пути к цели. Управлять обществом научно — это значит обеспечивать сохранение и развитие структурного и функционального единства системы, способности последней ассимилировать или нейтрализовать негативные воздействия как внутри системы, так и вне ее. Управлять обществом научно — это значит проводить правильную, реалистическую политику, основанную на строгом учете объективных возможностей, соотношения социальных сил, политику, неразрывно связанную с экономикой и с духовным развитием общества.

Научное управление обществом становится возможным только с утверждением социализма. «Только социализм, — писал В. И. Ленин, — дает возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния»[2]

В социалистическом обществе в силу господства общественной собственности перестает действовать присущий капитализму стихийный регулятор производства, всей общественной жизни — рыночные отношения, анархия и конкуренция. Важнейшим регулятором социалистического производства, всей совокупности общественных отношений становится субъективный фактор — сознательная, планомерная деятельность людей, системы государственных и общественных учреждений и организаций, возглавляемых Коммунистической партией. Стихия рынка, анархия и конкуренция сменяются научным, планомерно организованным управлением, основанным на познании и использовании закономерностей общественного развития.

Функционирование и развитие социализма — естественно-исторический процесс, совершающийся на основе объективных законов. Однако сама природа законов социализма такова, что они могут быть не только познаны, но и использованы людьми в своих интересах. Более того, само познание и использование законов при социализме составляют историческую необходимость. Цели отдельных личностей, членов социалистического общества в основном, главном совпадают с общественным результатом, а потому последний не довлеет над ними как слепая чуждая сила, а выступает как заранее запрограммированный результат, достигнутая цель. Социально-политическое и идейное единство общества позволяет людям вырабатывать общую цель и совместными усилиями добиваться ее достижения. В результате законы социализма проявляются не в делах, поступках разобщенных друг от друга личностей, как это имеет место в капиталистическом обществе, не в борьбе антагонистических классов, а через совместные действия всех членов

---

[2] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 381.

общества, состоящих в отношениях сотрудничества и взаимопомощи. Отсюда невиданное в истории возрастание роли субъективного фактора, расширение рамок его деятельности, повышение роли науки, научного познания, результатами которого люди руководствуются, организуя общественную жизнь. Управление обществом Коммунистическая партия и социалистическое государство осуществляют в тесном единстве с широкими массами трудящихся. Они владеют средствами производства, им принадлежит государственная власть, а потому они располагают всем необходимым для воздействия на общественные процессы.

Объективной основой научного управления социалистическим обществом является *общественная собственность* на средства производства, объединяющая, сплачивающая людей, позволяющая мобилизовать трудовые, материальные и финансовые ресурсы для решения поставленных перед обществом задач. На базе общественной собственности действует закон планомерного, пропорционального движения экономики, общества в целом, который в совокупности с другими присущими социализму законами создает возможность для планомерного, централизованного управления. При этом планомерное, пропорциональное движение охватывает не только экономику, но и всю совокупность общественных отношений. «. . . Мы теперь, — отмечал В. И. Ленин, — получили довольно редкий в истории случай устанавливать сроки, необходимые для производства коренных социальных изменений. . . »[5]. Социализм, таким образом, расширяет границы управления до масштабов всего общества. Речь идет здесь об управлении всеми сферами общественной жизни — производственной, социально-политической, духовной, об управлении обществом в целом. Мы имеем в виду здесь *системный, комплексный* подход к познанию и управлению обществом. Поскольку социалистическое общество представляет собой систему неразрывно связанных друг с другом компонентов, подсистем различного уровня, различной степени сложности и организации, задача субъекта управления состоит в том, чтобы обеспечить всестороннее познание и комплексное, скоординированное во времени и пространстве функционирование и развитие различных звеньев единого общественного организма.

Системный, комплексный подход к управлению особенно важен в развитом социалистическом обществе, которое способствует гармоническому развитию всех сфер общественной жизни, решает в единстве и взаимосвязи проблемы экономические, социально-политические, идеологические, учитывает условия и последствия научно-технических и экономических преобразований.

Стремление руководить обществом системно, комплексно всегда было присуще Коммунистической партии Советского Союза. Особенно отчетливо системный, комплексный подход к управлению выступает

---

[5] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 385.

в решениях XXIV съезда партии. Как известно, основное внимание на съезде было уделено вопросам управления экономикой. И это не случайно, ведь материальное производство — основа общественной жизни, а потому управление производством — ключ к управлению всей системой общественных отношений. Однако особо следует подчеркнуть, что вопросы управления экономикой рассматривались и решались на съезде в неразрывном единстве с вопросами управления развитием социальных отношений, духовной жизни советского общества. «Речь идет, по существу, о том, — отмечается в Отчетном докладе ЦК КПСС съезду партии, — как нам лучше организовать деятельность общества по ускорению экономического и социального развития, обеспечить наиболее полное использование имеющихся возможностей, еще теснее объединить сотни тысяч коллективов, десятки миллионов трудящихся вокруг главных целей партийной политики. Следовательно, вопросы управления затрагивают не только узкий круг руководителей и специалистов, но и все партийные, советские, хозяйственные организации, все коллективы трудящихся»[6].

В принятых съездом Директивах по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг. наряду с экономическими задачами и на их основе предусмотрено решение важных социальных задач: рост народного благосостояния, улучшение условий труда и быта советских людей; повышение уровня образования и квалификации трудящихся, их культурно-технического уровня; сближение условий и уровня жизни населения города и села; дальнейшее сближение и развитие наций.

Решение этих задач явится вкладом в достижение главной цели социального управления в социалистическом обществе: преодоления социальных различий, достижения социальной однородности общества. На это, как известно, и направлена социальная политика партии, составляющая основной элемент партийного руководства, которое мы понимаем как наиболее общий, существенный и ответственный уровень научного управления обществом. Политика партии, говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС съезду партии, направлена на то, чтобы содействовать сближению рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции, постепенному преодолению существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Это — один из главных участков строительства бесклассового коммунистического общества.

Задача научного управления обществом состоит в конечном счете в том, чтобы *привести субъективную деятельность людей в соответствие с требованиями объективных закономерностей и прогрессивных тенденций*. Для этого необходимо прежде всего научное знание законов и их требований, умение выполнять эти требования и тем самым использовать законы в интересах общества.

Естественно, исчерпывающе познать и использовать всю совокуп-

---

[6] «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 65.

ность объективных условий и требований всех без исключения законов практически невозможно в связи с тем, что постоянно изменяются объективные условия, что познание людей исторически ограничено, что люди не всегда располагают необходимыми научными и техническими средствами. Задача субъекта управления и прежде всего партии и государства в этой связи состоит в том, чтобы в данных условиях познать и использовать возможно больший круг объективных обстоятельств, законов, познать и использовать их как всех вместе, в системе, так и каждый из них в отдельности возможно глубже и полнее. При этом неизбежно, что какая-то часть объективных условий, какие-то законы и их требования остаются не познанными, не использованными субъектом управления и действуют на общество как стихийные регуляторы. Таковы, к примеру, некоторые явления природы, для познания и овладения которыми общество еще не располагает соответствующими научными и техническими средствами, цены на колхозном рынке, в определенной степени складывающиеся стихийно, под влиянием спроса и предложения, некоторые массовые стохастические процессы.

Научность управления предполагает активный процесс познания закономерностей, тенденций и обязательный учет тех из них, которые познаны и для использования которых есть соответствующие средства. По мере развития социализма объем и глубина познания и использования объективных закономерностей и тенденций возрастают. Все новые и новые закономерности и механизмы их действия познаются и используются, вовлекаются в сферу научного управления, сознательного воздействия на общественную систему. Соответственно сокращаются объем и значение стихийных регуляторов.

Возьмем, например, закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Хотя в процессе социалистического и коммунистического строительства используются все новые и новые его грани, однако до сих пор возможности этого закона далеко не исчерпаны. Наши народнохозяйственные планы не носят еще оптимального характера. Конечно, было бы весьма желательно иметь оптимальный план уже сейчас, но это не возможно пока из-за ограниченности технических и научных средств (электронно-вычислительных машин, соответствующих моделей, единой системы связи и т. д.), а также отсутствия достаточного количества кадров специалистов. Принимаются все необходимые меры к преодолению этой ограниченности, к оптимизации наших планов.

Вопрос о совершенствовании планирования, которое, как отмечено на XXIV съезде КПСС, является сердцевиной руководства народным хозяйством, всегда был предметом постоянной заботы партии и государства. Задачей первостепенного значения, говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС съезду, становится дальнейшее повышение научного уровня планирования. «Назрела необходимость совершенствования методов планирования. Оно должно опираться на более точное изучение общественных потребностей, на научные прогнозы наших экономических возможностей, на всесторонний анализ и оценку различных вариантов решений, их непосредственных и долговременных

последствий. Чтобы решить эту ответственную и сложную задачу, необходимо раздвинуть горизонты экономического планирования»[7].

Самая общая и самая основная цель управления развитым социалистическим обществом — эффективное использование закономерностей социализма, его перерастания в коммунизм, организация и мобилизация человеческих, материальных и финансовых ресурсов для решения задач коммунистического строительства. Социалистическое общество обладает огромными возможностями и большими преимуществами перед капиталистическим обществом. Задача состоит в том, чтобы раскрыть, реализовать и полнее использовать преимущества социализма, обеспечить его эффективное функционирование и развитие, успешное движение к коммунизму.

2. Интеграция общественных и естественных наук в решении управленческих проблем

Чтобы эффективно управлять, необходимо *глубоко научно* знать общество с его многочисленными и разнообразными компонентами и отношениями, чертами и характеристиками в его функционировании и развитии. Теоретической основой познания, а соответственно и научного управления обществом является, как мы только что отметили, исторический материализм, марксистская социология.

Однако марксистско-ленинская теория, марксистская социология — не набор застывших, раз и навсегда данных выводов и положений, законов и категорий. Это наука творческая, постоянно развивающаяся на основе обобщения новейших достижений революционной борьбы и практического созидания социализма и коммунизма, новейших достижений обществознания и естествознания. Марксистская социология вообще, теория социального управления в частности, не могут ограничиться рамками раз и навсегда выработанных методов и средств. Чтобы служить надежной основой научного управления социалистическим обществом, социология призвана использовать новые, наиболее точные методы исследования. Необходимым условием научного управления является подход к общественным явлениям со столь же точными и строгими критериями, как и к явлениям природным. Не случайно поэтому в познании общественных процессов и управлении ими в настоящее время все большее значение приобретают методы наук, изучающих природные процессы, методы точных, естественных и технических наук.

Прогрессирующий процесс сближения обществознания и естествознания — характерная черта развития современной науки, в том числе и науки управления. «Могущественный ток к обществоведению от естествознания, — писал В. И. Ленин, — шел, как известно, не толь-

---

[7] Материалы XXIV съезда КПСС, стр. 67.

ко в эпоху Петти, но и в эпоху Маркса. Этот ток не менее, если не более, могущественным остался и для XX века»[8].

Исторические события показали, насколько глубоко прав был В. И. Ленин. Научно-техническая революция, начало которой подметил и величайшие последствия которой предвидел Ленин, ныне развертывается с необычайной силой, исключительно высокими темпами. Она оказывает огромное воздействие на все стороны жизни общества — производство и социальные отношения, духовную жизнь, науку, в том числе и обществознание. Она оказывает непосредственное влияние и на теорию и практику управления обществом, обогащая их новыми методами и средствами.

Область научного управления — это преимущественно предмет изучения общественных наук. Строго говоря, теорией научного управления обществом в широком смысле слова является вся совокупность общественных наук, марксизм-ленинизм в целом. Проблема управления обществом — комплексная проблема, заключающая в себе философские, экономические, социологические, социально-психологические, правовые, эстетические и многие другие аспекты, и потому она может быть решена лишь совместными усилиями представителей различных наук об обществе и практических работников.

Не случайно в постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (август 1967 г.), в решениях XXIV съезда КПСС отмечено, что важной задачей наук об обществе является разработка теоретических проблем научного управления и выработка соответствующих практических рекомендаций.

В области экономических наук, к примеру, решено сосредоточить внимание на таких вопросах управления экономикой, как выработка научных рекомендаций по осуществлению новых принципов экономической политики на современном этапе, повышение эффективности общественного производства, рациональное размещение производительных сил и использование трудовых ресурсов страны; разработка теории и методов оптимального планирования и функционирования социалистического народного хозяйства, проблем товарно-денежных отношений при социализме; широкое использование вычислительной техники в планировании и управлении. В области научного коммунизма внимание уделяется разработке методов научного управления социальными процессами. В области правовых наук — исследованию актуальных проблем государственного строительства, разработке научных основ государственного управления, правового регулирования хозяйственной жизни и общественных отношений.

Научное управление предъявляет новые, повышенные требования к общественным наукам, как иногда требует применения в них точных методов исследований, подготовки выводов и предложений до такой степени обоснованности и точности, чтобы обеспечить надежные ре-

[8] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 41.

комендации, помогающие партии и государству вырабатывать и принимать оптимальные решения.

Выполнить эти, в сущности, новые и сложные задачи общественные науки способны только в тесном союзе с науками естественными. Теперь уже не может быть никаких сомнений в том, что прогрессирующий процесс интеграции наук происходит не только в рамках собственно естественных или собственно общественных наук, но и между общественными и естественными науками. И общественным наукам присущ процесс формализации, математизации знания, их достоянием во все большей степени становятся естественнонаучные методы исследования.

Эта интеграция, стыковка обществознания и естествознания особенно характерна для области социального управления. Решение теоретических и практических задач научного управления обществом неотделимо от поисков и применения новых методов исследования экономических, социальных и духовных процессов, от использования в теории и практике управления современных достижений естественных и технических наук, самых совершенных научных и технических средств.

«Мы часто говорим, — пишет академик М. В. Келдыш, — что естественные науки составляют основу научно-технического прогресса, основу создания материальной базы коммунизма, а общественные науки — основу руководства развитием общества. Однако в действительности положение значительно сложнее, потому что развитие естественных наук оказывает влияние и на идеологию,и на процессы управления обществом, а результаты общественных наук воздействуют на материальное производство.

Хотелось бы отметить, что на современном этапе трудно провести резкую грань между естественными и общественными науками. Развитие науки вступает в такую фазу, когда взаимосвязи между ними, взаимопроникновение и взаимовлияние наук все более усиливается»[9].

Велика, к примеру, роль кибернетики в решении многочисленных задач по совершенствованию управления социалистическим обществом.

Кибернетика собственным языком выражает идеи о системном характере общества, об обществе как целостной саморегулирующейся системе и тем самым фактически дает новые свидетельства истинности историко-материалистического подхода к обществу как сложной социальной системе. Мало того, она обогатила теорию социального управления новыми выводами и положениями.

Кибернетика сама по себе является сложной, комплексной наукой. Одно из ее направлений разрабатывает общие вопросы управления, вопросы организации информации в различных системах. Другое — связано с электроникой, электронно-вычислительной техникой и автоматизацией производства и управления. Третье — со специфическими раз-

---

[9] М. Келдыш. Естественные науки и их значение для развития мировоззрения и технического прогресса. «Коммунист», 1966, № 17, стр. 29.

делами математики и теоретической физики. И каждое из этих направлений в той или иной мере «работает» на теорию и практику социального управления. «Кибернетика, — отмечает академик А. И. Берг, — это ответ человеческого познания и технической практики на социальную потребность в решении точными средствами проблем управления и организации».[10]

Заслуга кибернетики состоит прежде всего в том, что она, опираясь на достижения социологии, математики, биологии, ряда технических и других наук, сформулировала некоторые общие черты, признаки управления в биологических, социальных и технических системах. она показала, что процессы управления в этих системах обусловлены сложной сетью нелинейных причинных зависимостей; что управление имеет антиэнтропийный в своей сущности характер и призвано противодействовать возмущающим систему внешним и внутренним факторам; что управление целесообразно по своей направленности, причем конечной целью, сверхзадачей управления является оптимизация функционирования системы; что управление неразрывно связано с информацией; что используемая в управлении информация носит сигнальный характер, причем сигнальный характер информации базируется на принципе обратной связи, который являет собой один из основных принципов всякого управления.

Вне всякого сомнения, эти общие закономерности и принципы присущи и управлению системами социального порядка, и их необходимо обязательно учитывать в теории и практике научного управления обществом. Социальное управление немыслимо и без таких понятий теоретической кибернетики, как «информация», «обратная связь», «сигнал», «возмущающие факторы», «оптимизация управленческих процессов» и многие другие.

Кибернетика дает теории социального управления точные количественные методы анализа процессов управления и в особенности анализа социальной информации, являющейся непременным атрибутом процессов социального управления.

Социальные системы и присущие им процессы управления содержат определенные кибернетические характеристики, связанные со сбором, хранением, переработкой, передачей и использованием информации. Выделить и изучить эти характеристики, использовать информацию в целях оптимизации процессов управления невозможно без кибернетики. Но это только одна сторона дела. Другая же состоит в том, что рационально организовать информационные процессы в управлении обществом столь же невозможно без марксистско-ленинского социологического анализа. Только марксистская социология способна дать качественную оценку информации, раскрыть ее классовую сущность, назначение, цели, в которых она используется, и т. д. Область социальной информации выступает, таким образом, средоточием социологического и кибернетического знания.

---

[10] См. «Ленин и современное естествознание». М., 1969 стр. 342.

Кибернетика является несравненным средством преодоления все углубляющегося противоречия между быстрорастущим объемом информации, а соответственно возрастающими трудностями в ее переработке, и все более острой необходимостью информационного обслуживания всех сфер человеческой деятельности и в особенности процессов и систем социального управления.

В обществе имеется масса объектов и субъектов управления (отрасль, город,район, предприятие и соответствующие им органы управления), весьма сходных в структурном и функциональном отношениях. Поэтому кибернетический анализ помогает разработать некие общие научно обоснованные схемы,алгоритмы управления, выявить оптимальные размеры объектов с точки зрения их управляемости, определить штаты и другие важные параметры, подходя к ним с точной количественной меркой, а не «на глазок».

Важнейшей чертой современной научно-технической революции является, как известно, автоматизация производства, которая основывается на принципах кибернетики и немыслима без разрабатываемых в ее рамках средств современной электроники, особенно электронно-вычислительной техники. Кибернетика «дает и развивает мощные средства и орудия анализа, установление связей и зависимостей между самыми различными по своей физической природе формами и методами управления, в том числе между формами и методами, специфически характерными именно для разных общественных видов саморегулирования»[11].

Отмечая огромную роль кибернетики в дальнейшем совершенствовании системы и процессов социалистического управления, не следует забывать, что кибернетика — наука частная, она изучает процессы управления с определенной, структурно-функциональной количественной стороны безотносительно к качественной природе, содержанию системы, в которой эти процессы протекают. Вполне понятно, что кибернетика не может, не в состоянии исчерпать всех знаний о социальном управлении, а тем более служить его методологической и теоретической основой.

Попытки кое-где на Западе выдать кибернетику за общеметодологическую основу управления обществом, подменить ею марксистско-ленинскую методологию несостоятельны и основаны на непонимании или искажении существа как кибернетики, так и марксизма-ленинизма. Кибернетика, хотя и дает необычайно широкий охват процессов управления, раскрывает их количественные характеристики, не в состоянии дать их глубокий качественный анализ. Вот почему кибернетический анализ процессов управления должен быть обоснован методологией марксизма-ленинизма, существенно углублен, дополнен социологическим, содержательным анализом. Процессы управления в обществе не могут быть поняты без глубокого социологического анализа, без вы-

---

[11] Э. Кольман. Предисловие к книге В. И. Черныша «Информационные аспекты в обществе». М., 1968, стр. 3.

явления качественной специфики систем социального порядка, которая и определяет содержание, принципы, границы и средства управления.

В настоящее время наука ведет интенсивные поиски в направлении «кибернетизации» управления, использования достижений кибернетики в теории социального управления[12].

Буквально на наших глазах рождается новая наука — социально-экономическая кибернетика[13], которая представляет собой органический синтез общественных, естественных и технических наук. Эта наука призвана сыграть огромную роль в совершенствовании управления экономикой. Применяя математические методы и современные электронно-вычислительные машины, она будет способствовать наилучшему использованию материальных, трудовых и финансовых ресурсов, территориальному размещению различных производств, материально-технического снабжения, измерению затрат и получаемых результатов в народном хозяйстве.

Математизация, все более глубокое и широкое проникновение математических методов в самые различные науки, в том числе и в социологию, теорию социального управления — еще одна характерная черта современного знания.

Проникновение математики в социологию объясняется единством природы и общества, наличием в общественных явлениях не только качественных, но и количественных характеристик, огромной степенью абстракции, необычайной широтой принципов математики, которые делают возможным их применение и в обществознании. Исключительно большое значение в организации управления принадлежит математической дедукции. Если имеются более или менее сходные системы управления (а их среди социальных объектов немало), то математика позволяет отыскать общую формулу, алгоритм управления и широко использовать его в управлении всеми объектами сходного типа.

Изучение количественных характеристик различных социальных объектов и выражение их средствами математики дают возможность глубже понять качественные особенности общественных явлений, осмыслить их теоретически и тем самым эффективнее практически воздействовать на них, управлять ими. Следует отметить также, что количественные показатели — не обязательно числовые показатели. Математика обладает целым арсеналом средств (модели, матрицы, функ-

---

[12] См. В. И. Черныш, Информационные процессы в обществе. М., 1968; П. Н. Лебедев. О соотношении кибернетики и теории социального управления. «Методологические проблемы кибернетики», т. 20, М., 1970; Л. Ф. Потова. Управление обществом и социальная информация, «Научное управление обществом», вып. 4, М., 1970; Э. П. Седова. Кибернетика и управление обществом. Вып. 6, М., 1972.

[13] См., например, А. С. Ахиезер. От экономических моделей к экономической кибернетике. «Вопросы философии», 1965, № 17.

ции, графики, формы, отношения, символы и т. д.), которые способны выражать наряду с количественными определенные качественные черты общественных явлений, раскрыть сложнейшие взаимозависимости множества социальных факторов.

Научное управление обществом предполагает строгий учет взаимодействия самых различных, нередко противоречивых факторов, воздействующих на течение общественных процессов, их не только качественный, но и количественный анализ, определение известных численных показателей (сроков, темпов, результатов, уровней степени интенсивности и др.). Решить эти задачи без применения математических методов, без выработки и использования специфической методики, путей и средств выражения социальных процессов в количественных показателях невозможно. Отсюда необходимость настойчивой и широкой разработки методики перевода общественных явлений на язык математики, методики формализации, измерений, квантификации, шкалирования и т. д.

Конечно, немыслимо выразить языком математики все явления общественной жизни. В этом, впрочем, и нет необходимости. Самое главное состоит в том, чтобы выразить математически те параметры систем социального порядка, которые необходимы для эффективного управления, то есть массовые, устойчивые, повторяющиеся отношения и функции.

Выработка понятийного аппарата, пригодного для математического описания объектов социального плана, — дело новое, сложное, поскольку современная математика развивалась применительно к природным процессам. Однако уже сейчас в рамках математики имеется ряд дисциплин (теория исследования операций, теория массового обслуживания, теория статистических игр, линейное и динамическое программирование, теория оптимальных процессов, математическая статистика и др.), которые с успехом могут быть использованы и используются в социальном управлении.

Возрастает роль в планировании, управлении *моделирования* с применением математических методов и современной вычислительной техники. Известно, что проводить реальные эксперименты в области управления, особенно в крупных масштабах, весьма затруднительно, поскольку они обязательно затрагивают интересы подчас огромных масс людей, требуют много средств и времени. Поэтому бывает целесообразнее сначала провести математический эксперимент, так сказать, на бумаге, а затем, в случае успеха, реализовать результаты этого эксперимента в действительной жизни.

Математическое моделирование процессов управления позволяет решать вопросы оптимизации размеров и структуры управляемых и управляющих систем, режимов и критических значений их основных параметров, течения информационных процессов и т. д. Моделирование позволяет разрабатывать различные варианты систем управления, сравнивать их и выбирать наилучший. Короче говоря, математическое моделирование — важное средство отработки систем управления.

Разумеется, применение математических методов в социальном

управлении возможно только при соблюдении определенных условий. По крайней мере необходимо:

достаточная разработанность той области общественной науки, в которой используются математические методы;

наличие достаточного количества и надежного качества информации о системе, процесс управления которой обрабатывается математическим путем, программ для ее отработки;

наличие унифицированной, легко обрабатываемой математически документации, подготовленность системы для точного количественного анализа и описания;

наличие определенного «набора» математических средств — моделей, графиков, уравнений и т. д., пригодных для имитации управленческих процессов или хотя бы прочных исходных позиций для построения этих моделей;

наличие специалистов-организаторов, социологов, экономистов, правоведов, владеющих математическими методами, инженеров по конструированию, установке и эксплуатации электронно-вычислительных машин, используемых для отработки управленческих систем.

Говоря о необходимости все более широкого применения в управлении современных естественнонаучных и технических средств, в частности математических методов, следует предостеречь против их абсолютизации, против стремления лишь одними этими средствами решать весь комплекс проблем управления. Надо помнить, что естествознание и техника — лишь вспомогательные средства, облегчающие человеку решение управленческих задач, что они должны применяться в органическом единстве с качественным, социологическим анализом общественных систем, на основе строгого учета закономерностей функционирования и развития общества, раскрываемых марксистско-ленинской наукой.

3. Социальное управление и информация

Еще одним важным и методологическим, и методическим вопросом социального управления и планирования является вопрос о социальной информации.

Управление и информация неразрывно связаны. Особенно велико значение информации в управлении обществом, социальными процессами. Как общество в целом, так и любая подсистема в его рамках исключительно сложны и многообразны по количеству и качеству образующих их компонентов, для которых характерны столь же многообразные взаимодействия, взаимосвязи, по своему месту в общественной системе, по выполняемым функциям, по характеру взаимодействия с исключительно большим количеством различных внешних факторов. Не обладая сведениями (информацией) о состоянии самой системы в каждый данный момент времени, а также внешней среды, с которой система взаимодействует, невозможно эффективно управлять системой,

обеспечить ее рациональное функционирование и успешное развитие, достижение целей, которые поставлены перед системой.

Отсутствие надежной информации — источник субъективизма, волевых необоснованных решений и действий, несовместимых с научным управлением. Естественно поэтому, что сбор и переработка информации, ее эффективное использование являются необходимой, существенной чертой управления, пронизывающей все его функции, все уровни.

Информация, используемая в управлении обществом, социальна по своей природе, она — *социальная информация*. И это потому, что формирующий и использующий ее человек, главный объект и субъект управления, является существом общественным, социальным в своей сущности, обязательно принадлежащим к тому или иному обществу, классу, нации, социальному коллективу. Социальная информация несет на себе глубокий след классовых, национальных и иных отношений, отпечаток потребностей, интересов, психических черт социального коллектива, отношения в котором информация отражает и который пользуется информацией. В этом специфика социальной информации. В этом — водораздел, отделяющий социальную информацию от всех других типов информации. Выходит, что социальной информацией является информация, касающаяся отношений людей, их взаимодействия, их потребностей, интересов и т. д.

Социальная (в широком смысле слова, как отражение общественных отношений и взаимодействий любого типа и уровня) информация является высшим, наиболее сложным и многообразным типом информации.

И это потому, во-первых, что она используется в *обществе — самой высокой форме движения материи*. При ее помощи люди общаются между собой, обмениваются мыслями. Люди используют ее для целесообразного воздействия на общество, иначе говоря, в управлении обществом, которое является высшим типом управления.

Во-вторых, ее использование связано *с высшим типом целесообразности — осознанной целесообразностью*, присущей только человеку, мыслящему целенаправленно, осознанно действующему существу. Ни один тип информации не подвергается столь глубокой, всесторонней переработке, не используется в столь многообразной форме, как социальная информация.

В-третьих, ее содержанием является *логическое мышление — самый высокий тип отражения действительности*. Ее материальным носителем, сигналом, ее несущим, является слышимое или видимое слово, речь, которая представляет собой высший из известных типов сигналов («сигнал сигналов» по выражению И. П. Павлова). Слово и есть тот универсальный сигнал, который позволяет облечь логическое содержание человеческой, социальной информации в материальную форму, благодаря которой она может формироваться, восприниматься, храниться и передаваться, может использоваться людьми в их разнообразной деятельности, в том числе и деятельности управленческой. При этом не существенно, что содержание информации, используемой в уп-

равлении, нередко шифруется, кодируется с целью ее переработки в вычислительных или аналоговых машинах в виде знаков, символов, ибо в конечном счете она используется человеком в декодированном виде, то есть в форме понятного человеку видимого или слышимого слова.

Первоисточник социальной информации — общество, различные сферы и стороны общественной жизни. Однако это не значит, что человек, социальный коллектив получают непосредственно от общества всю социальную информацию, которой он располагает. Несомненно, часть ее — результат общественного опыта, познавательного и практического, собственного непосредственного общения с людьми, социальными коллективами, соприкосновения с различными сторонами общественной жизни. Другую же часть, по объему гораздо большую и более глубокую по содержанию, субъект получает через систему обучения, воспитания, массовых средств информации и пропаганды.

Производство и воспроизводство социальной информации осуществляется, таким образом, двумя основными путями. Во-первых, путем непосредственного отражения субъектом, человеком, коллективом, общественной действительности. Во-вторых, опосредованно — через определенные источники, в которых сконцентрированы результаты отражения все той же общественной действительности, но полученные другими субъектами.

Социальная информация, используемая в управлении, весьма разнообразна. В зависимости от основания, взятого для классификации, имеются различные виды информации.

Если за основу классификации информации берется отражаемый *объект*, сфера общественной жизни, данные о которой содержатся в информации, то различают экономическую, социальную (в узком смысле слова), политическую, научно-техническую, идеологическую и др. информацию.

В зависимости от *субъекта* (источника) информации различают партийную, государственную и т. п. информацию.

Социальную информацию классифицируют и в зависимости от того, какую *функцию* управления она обслуживает. Такова исходная информация, необходимая для выработки и принятия решений; организационная информация; регулирующая информация; информация учетно-контрольная.

Информация выражается в различных *материальных формах*, циркулирует по различным каналам. Отсюда такие виды информации, как устная и письменная, радио- и телеинформация, газетная и другая печатная информация, информация, воплощенная в художественных произведениях, и т. д.

В зависимости от *направленности* информационных потоков информация выступает как прямая, директная (от субъекта к объекту управления), и обратная, осведомительная (от объекта к субъекту).

И, наконец, различают *внутреннюю* (о данной системе) и *внешнюю* (об окружающей систему среде) информацию. Здесь основой для различения являются границы циркуляции информации.

Разумеется, предложенная классификация видов информации весьма относительна. Все виды информации неразрывно связаны друг с другом, мало того, «заходят» друг за друга, вкладываются, переплетаются и превращаются друг в друга. Одна и та же информация порой выступает в различных видах. Для успешного управления необходима комплексная информация.

В странах социализма сложилась развитая система каналов получения информации: конкретные социальные исследования; социальный эксперимент; изучение различных документов, материалов, сообщений; обзор и изучение статистических данных, отчетов; непосредственная связь с массами; изучение положения дел на месте, непосредственно.

Марксизм-ленинизм, вся совокупность общественных наук дает, как известно, главным образом качественную картину общества, социальных процессов. Используя результаты качественного изучения общества, обобщая и обрабатывая эти результаты, общественные науки служат базой для раскрытия «поведения» социальной системы в целом или ее конкретных звеньев, присущих им закономерностей и тенденций. Это позволяет управлять социальными процессами, прогнозировать их течение на определенный обозримый период.

Задача состоит в том, чтобы качественный анализ существенно дополнить, обогатить *количественным* анализом, в результате чего научное управление обретает точную количественную основу. «Анализируя наш исторический опыт, — писал академик В.С. Немчинов,— можно показать, как качественный прогноз Маркса и Ленина послужил главной вехой и теперь воплощен и реализован в социалистической системе. В настоящее время социалистическая система нуждается еще в одном, дополнительном качестве — точности качественного руководства в управлении народным хозяйством»[14]. Мы добавили бы к этому: не только хозяйством, но и всеми другими общественными, в частности, социальными и духовными процессами.

Социальные системы обладают исключительной сложностью, которая проявляется в частности в том, что в каждой системе взаимодействует огромное множество элементов, находящихся в самых различных состояниях, каждое из которых характеризуется переменной. Переменные выражаются в форме вектора, скаляра, матрицы, логической или математической функции, распределения вероятностей и т. д.

Элементам, состоянию элементов, а соответственно переменным, их выражающим, присуща вариативность, причем степень их вариативности неодинакова. Наряду с высокой степенью вариативности имеет место и относительно малая или средняя. К этому следует добавить многообразие отношений объектов и состояний, что при вариативности этих последних в огромной степени увеличивает количество переменных, отражающих состояние системы.

Все факторы, выражаемые переменными, взаимосвязаны, между

---

[14] В. С. Немчинов. Экономическая информация. «Системы экономической информации». М., 1967, стр. 10.

ними имеют место многочисленные коррелятивные зависимости, содержащие отношения координации и субординации, а также генетические зависимости, при которых один фактор, определяющий, вызывает к жизни другой, определяемый. При этом в силу нелинейного характера причинных связей в социальном объекте подчас весьма нелегко выделить определяющий (определяющие) фактор, а также меру воздействия каждого фактора на каждый другой и систему в целом. Иными словами, провести измерение или соизмерение воздействий факторов в силу различий их природы, интенсивности и характера взаимосвязи весьма затруднительно.

Все компоненты, их состояния, процессы, отношения в социальных объектах связаны с делами и поступками людей, каждый из которых индивидуален, специфичен, и лишь в своей массе, взаимных связях, единстве и противоречиях они находят свое выражение в общей тенденции, социальном законе. Все это накладывает на течение общественных процессов печать известной неопределенности. К тому же дела, поступки людей, а тем более их отношения и мысли не имеют не только численных, но и порядковых шкал.

К этому следует добавить, что собственно человеческие методы восприятия и пользования информации (фильтрация и оценка, выбор альтернатив, неоднозначность процедур поиска, ассоциативность, использование модельных и цифровых форм, а также форм простого счета и т. д.) не поддаются точной количественной характеристике.

Где же выход? Выход, по-видимому, только один: четко сформулировать задачу, которую призван решить данный субъект. Только четкая, недвусмысленно поставленная задача позволяет отобрать из подчас огромного массива информации те переменные, которые имеют отношение к поставленной задаче, необходимы и достаточны для ее решения. Значения этих отобранных переменных в своей совокупности и составят ту информацию, которая необходима для управления, точнее, для решения поставленной управленческой задачи.

Именно таким образом и развивалась система количественных показателей общественной жизни, без которых функционирование и развитие общества, в особенности современного, невозможно. Общество не может нормально функционировать и развиваться, не проверяя, не контролируя себя, не выражая результатов своей деятельности четким и точным языком цифр, языком математики. Так в процессе развития общества, труда и общения людей зародились первые системы социальной информации, которые с той или иной степенью точности отражали в математических величинах состояние общества, итоги деятельности людей в различных сферах и прежде всего в сфере экономической. Еще в средние века возник бухгалтерский учет и методы двойной бухгалтерии. Позднее возникли системы статистической и демографической информации, отображающие различные стороны функционирования общества. Особенно быстро развивался важнейший из видов социальной информации — экономическая. И это не случайно; экономическая, производственная деятельность была и остается основой общественной жизни. Жизнь общества невозможна без производства, распределения

и потребления, организация которых обязательно предусматривает создание системы учета и контроля, системы экономической информации.

С прогрессом производства все большее значение начинает приобретать техническая, технологическая информация — система технических чертежей, технологических карт, различного рода нормативов, проектная информация, используемая в строительстве разнообразных производственных, транспортных, культурных и иных объектов. Развивается и система социальной (в узком смысле слова) информации, содержащая данные о количественных параметрах качественно различных социальных общностей, классов, объединений, коллективов и групп.

В нашей стране впервые в мире стали разрабатываться и применяться количественные методы в области организации экономической информации, экономико-математические методы. В 1963 году состоялся Всесоюзный симпозиум по системе экономической информации. С тех пор разработка экономико-математических методов продвинулась далеко вперед. На их теоретической основе успешно создаются системы экономической информации, обслуживающие самые различные уровни управления экономикой — от предприятий до союзных министерств и ведомств[15].

Накоплен известный опыт использования ЭВМ и современных средств связи для обработки не только экономической, но и собственно (в узком смысле слова) социальной информации[16]. Сектором применения ЭВМ и математических методов Института экономики и организации производства Сибирского отделения АН СССР исследована информация относительно мобильности трудовых ресурсов, бюджета свободного времени, подбора и расстановки кадров, использования трудовых ресурсов[17].

Центральным научно-исследовательским институтом судебных экспертиз достигнуты серьезные успехи в применении счетно-перфорационной, электронно-вычислительной техники и математических ме-

---

[15] См. «Исследование потоков экономический информации». М., 1969; Н. П. Федоренко. О разработке системы оптимального функционирования экономики. М., 1968, стр. 206—214; Ю. И. Черняк. Анализ и синтез систем в экономике. М., 1970, и др.

[16] См. В. А. Устинов. Применение вычислительных машин в исторической науке. М., 1964; В. А. Устинов, А. Ф. Деев. Опыт применения ЭВМ в социалистических исследованиях. Новосибирск, 1967.

[17] Моделирование социальных процессов. М., 1970. Следует заметить, что в книге немало недостатков и ошибок. Не все статьи согласуются с основными принципами исторического материализма, заметно некритическое заимствование некоторыми авторами положений и терминов из буржуазной социологии, отсутствие классового подхода к решению отдельных вопросов и т. д. Тем не менее стремление принять математические методы в исследовании социальных процессов заслуживает внимания и поддержки.

тодов в области автоматизации справочно-информационной службы и судебно-экспертных исследований, механизации обработки криминологической и другой социально-правовой статистической информации. Созданы принципы и методы автоматизированной системы поиска социально-правовой информации (нормы, права, нормативных актов, юридической литературы), ведутся широкие исследования по разработке методов решения отдельных правовых задач с помощью ЭВМ.

Ставится задача с помощью ЭВМ и вероятностно-статистических методов создать единую систему накопления и обобщения организационно-правовой, статистической, криминологической, судебно-экспертной и другой социально-правовой информации в масштабах всей страны, организовать учет всех нормативных актов, принятых со времени создания Советского государства, учет, классификацию, хранение и обработку всевозможных законодательных предложений, поступающих от различных организаций и лиц и т. д.

Применение математических методов и моделей позволяет не только успешно обрабатывать имеющуюся социальную информацию, но и на ее основе прогнозировать развитие общественных процессов. На Украине, к примеру, проведены интересные социально-демографические расчеты и исследования. Рассчитана численность населения республики на 1965—1975 гг.,составлены таблицы средней продоложительности жизни.На основе этих расчетов разрабатываются генеральные планы развития городов и сел, определяется спрос и потребление населением продуктов и различных товаров, проведены расчеты к перспективным и годовым планам развития социально-культурного строительства. Большое социальное значение имеет разработанная здесь методика учета влияния технического прогресса на содержание труда и профессионально-квалификационный состав рабочих. Эта методика позволит успешно планировать решение такой важной социальной задачи, как стирание существенных различий между людьми умственного и физического труда, успешно учитывать социальные последствия научно-технической революции.

В советской стране созданы сотни автоматизированных информационных систем на предприятиях, в учреждениях, институтах. Положено начало созданию подобного рода систем в масштабах территориальных единиц, отраслей хозяйства. XXIV съезд КПСС решил «развернуть работу по созданию и внедрению автоматизированных систем планирования и управления отраслями, территориальными организациями, объединениями, предприятиями, имея в виду создать государственную автоматизированную систему сбора и обработки информации для учета, планирования управления народным хозяйством на базе государственной сети вычислительных центров и единой автоматизированной сети связи страны»[18].

Необходимо отметить, что, как показала, в частности, научная конференция по экономико-математическим исследованиям, проходившая в

---

[18] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 298.

г. Таллине (январь 1968 г.), в организации этой работы наряду с успехами есть немало и препятствий: несовершенство математического аппарата, ограниченные возможности вычислительной техники, трудности в определении надежных исходных показателей, отсутствие должной заинтересованности министерств в разработке и внедрении оптимальных планов.

Важно преодолеть административный подход в решении проблем оптимального планирования и управления, заинтересовать в применении современных методов исследования все звенья нашей экономической системы — от предприятия до министерства, причем заинтересовать и материально, и морально, переориентировать соответствующие отделы проектных и отраслевых научно-исследовательских институтов, укрепить научные подразделения, занимающиеся решением этих проблем, вести большую пропагандистскую работу с тем, чтобы преодолеть все еще имеющиеся непонимание их важности, тот «психологический барьер» в сознании некоторых руководящих работников, который стоит на пути экономико-математических исследований и использования результатов этих исследований на практике.

Опираясь на теоретическую базу марксизма-ленинизма и материальную базу современных научно-технических достижений, в настоящее время, видимо, возможно говорить о первых шагах специфической науки — социальной кибернетики, предметом которой и явится прежде всего исследование и организация социальной информации, необходимой для управления общественными процессами. Будучи ядром социальной кибернетики, теория социальной информации, вероятно, охватит совокупность проблем, касающихся сущности социальной информации, точнее говоря, количественных аспектов ее качественного содержания, совокупности методических и технических средств ее сбора, переработки, хранения и использования, специфический математический аппарат и «набор» языковых средств, способных адекватно отразить определенные количественные, причем важные для управления параметры социальных систем различного уровня.

Вопрос о возможности создания общей теории социальной информации в настоящее время обсуждается и в нашей стране и в особенности за рубежом[19]. Причем речь идет о том, что эта теория явится обобщением информационных процессов, протекающих как в социалистическом, так и буржуазном обществах. По-видимому, подобного рода общая теория, формализующая определенные аспекты социальной информации, возможна, и речь идет, в сущности, о ее формировании уже сейчас.

Однако не следует забывать, что содержание социальной информации имеет четко выраженную классовую направленность. Классы стремятся максимально использовать информацию в своих интересах; противоположные классы используют ее в противоположных целях.

---

[19] См. И. А. Фидякин. К вопросу об общей теории социальной информации. «Современные буржуазные теории журналистики». М., 1967.

Отсюда необходимость партийного, классового анализа социальной информации.

Создание научной социальной информации, включающей в себя вопросы ее содержания и ценности, сбора, хранения, переработки, передачи и использования, критериев и средств оптимизации информационных процессов в общественной жизни — одно из центральных звеньев комплексных исследований проблем научного управления социальными процессами.

На первый взгляд может показаться, что это практически невыполнимая задача, ведь социалистическое общество заключает в себе огромное множество социальных объектов, каждый из которых специфичен, во многом индивидуален. Однако решение этой задачи в значительной мере облегчается тем, что все множество социальных объектов возможно классифицировать на основе присущего им структурного и функционального сходства. В самом деле, разве мало общего, сходного в таких объектах территориального членения общества, как союзная республика, автономная республика, край, область, район, город, село и т. д. Много общего и в объектах отраслевого членения: министерствах, комитетах, производственных и иных объединениях, трудовых коллективах и т. д.

Отсюда самой первоначальной, исходной задачей в создании научной теории социальной информации является классификация социальных объектов, выделение различных их классов, типов, выявление сходных черт, параметров и отыскание количественных значений тех параметров, которые необходимы для управления. Создание типовых информационных схем позволит разработать типовые системы управления сходными объектами и практически реализовать их, учитывая, разумеется, при их использовании и специфические, индивидуальные черты того или иного конкретного социального объекта. Иными словами, речь идет о создании взаимосвязанной системы социальных моделей, алгоритмов, типовых схем управления, позволяющих организовать эффективное функционирование и развитие различных звеньев социального организма.

Создание научной теории социальной информации обязательно предполагает также разработку эффективных методов и средств получения и обработки данных социального порядка, измерения количества информации, содержащейся в социальных документах, создание таких форм документации, которые содержали бы оптимум информации в самой экономической форме, документов, удобных для их обработки и использования в управлении.

Стройная и строгая теория социальной информации явится той основой, которая позволит выработать практические рекомендации с целью выбора эффективных средств связи, документов, носителей информации, знаковых систем и языков, различного рода машин и механизмов, рациональных нормативных систем и т. д.

Теория социальной информации не располагает пока соответствующим математическим аппаратом. Поэтому необходимо использовать самые различные уже имеющиеся методы, математические понятия.

Для прогнозирования потоков социальной информации возможно использовать математическую статистику; для измерения информации в задачах управления при их четкой постановке и единообразном языке — теорию игр и теорию обучения автоматов; там, где задачи комплексны, а языки различны (количественные шкалы, порядковые шкалы, номинативные шкалы и отсутствие шкал), решение принимается с использованием методов опознания образов; при поисках нужной информации в огромных массивах при ограниченности пропускных каналов для предотвращения потерь информации применима теория массового обслуживания; при решении задачи передачи информации по каналам связи и их обработки на ЭВМ — классическая теория информации Шеннона. Для изучения проблемы информационных языков используется математическая лингвистика и структурно-типологический анализ; для проектирования систем обработки данных — теория слежения и т. д.[20].

В условиях небывалого роста объемов информации, в том числе и информации, используемой в управлении, огромное значение приобретает интенсификация информационных процессов. Цель интенсификации — обеспечить оптимум информации, то есть ее количественный объем и качественное содержание, необходимые и достаточные для эффективного управления, добиться прохождения максимума необходимой и достаточной информации в минимальное время. Иными словами, суть интенсификации информации сводится к экономии времени при ее сборе, хранении, переработке и использовании.

Средствами интенсификации информации являются использование в информационном деле новейших достижений науки и техники; научная организация управления информационными процессами; подготовка и совершенствование специалистов, обслуживающих информационные службы системы управления.

4. Информация и решение

Выработка и принятие решений — одна из основных функций управления; она пронизывает весь управленческий процесс, все функции управления. Не случайно управление в самой общей форме являет собой процесс выработки, принятия решений (программ, директив, законов, планов, нормативов, распоряжений, проектов и т. д.) и их реализации. Эффект функционирования системы, достижение поставленной перед нею цели в значительной мере предопределяется качеством решений — их научной обоснованностью, компетентностью, своевременностью. В свою очередь, качество решений в значительной мере определяется прежде всего полнотой и добротностью исходной информации.

Бурный прогресс знания, научно-техническая революция наклады-

[20] См. «Системы экономической информации», стр. 60—62.

вают глубокую печать на процесс выработки и принятия решений, предъявляют к решениям исключительно высокие требования. Эта революция, приводя ко все большей концентрации производства, вызывает к жизни сложнейшие системы социального порядка, в которые интегрируются огромные массы людей, техники, материалов. Но чем сложнее, объемнее, многокачественее система, тем больше решений в ней принимается, тем труднее и ответственнее эти решения принимать, ведь по мере усложнения системы увеличивается количество и разнообразится качество ее компонентов, ее внутренних связей, равно как и коммуникаций с внешней средой, растет число переменных, которые субъект управления, руководитель должен учитывать, принимая то или иное решение. Увеличивается и количество возмущающих систему внутренних и внешних воздействий, нейтрализация или адаптация которых должна быть предусмотрена решением.

Решение призвано согласовать, скоординировать и субординировать функции компонентов, увязать внутренние и внешние связи и отношения системы. Естественно, чем сложнее система, тем труднее это сделать. Подсчитано, например, что трудность сбалансирования экономических связей возрастает в квадрате по отношению к числу элементов народного хозяйства, а трудность оптимизации — примиримо в кубе к их числу. И это потому, что возрастают объем и содержание информации, необходимой и достаточной для принятия решений, возрастает число возможных альтернатив.

В условиях научно-технической революции усилиями больших коллективов ученых, конструкторов, специалистов и рабочих создаются грандиозные научные, технические и другие проекты, требующие огромных затрат материальных, трудовых и финансовых ресурсов. Естественно, что даже небольшая ошибка в решении может привести к большим потерям, неоправданным затратам. От точности решения, его обоснованности в значительной мере зависят темпы научно-технического прогресса.

Научно-техническая революция оказывает глубокие воздействия на всю систему общественных отношений. Отсюда настоятельная необходимость учитывать социальные последствия тех или иных решений в области производства, науки и техники. Скажем, принимая решение о строительстве нового предприятия, необходимо учитывать наличие свободной рабочей силы, жилья, предприятий и учреждений культуры и быта. Пуская в оборот новую технику и технологию, важно позаботиться о современной подготовке рабочих, специалистов нужного профиля. Механизируя или автоматизируя производство, важно заранее определить, куда будут направлены работники, освобождающиеся с прежнего места работы, и т. д.

Решения, принимаемые в классовом обществе, идет ли речь об экономических решениях, о решениях, касающихся прогресса науки и техники, о собственно социальных решениях, с необходимостью приобретают классовую направленность и принимаются в конечном счете в интересах господствующего в обществе класса. Так, решения, принимаемые в социалистическом обществе, своей конечной целью и назна-

чением имеют благо народа, возможно более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей трудящихся.

Главная задача субъекта управления — органа или руководителя — принять решение, удовлетворяющее критериям оптимальности, обеспечить реализацию решения в возможно более короткий срок и с наименьшими затратами. Для решения этой задачи необходима достоверная информация, которая в конечном счете является результатом научного познания и практики.

Теория информации, возникшая в 40-х годах нашего века, явилась обобщением вероятностных принципов, переходом науки от построения логических схем, основанных на жесткой детерминации, к схемам более гибким, включающим в себя как необходимый элемент случайность. Это особенно ценно для исследования процессов управления в обществе, где отсутствует жесткая однозначная детерминация, где господствуют многозначные нелинейные причинные зависимости. Не без влияния теории информации в науке и практике управления все более утверждается вероятностный «информационный» стиль. Этот стиль позволяет полнее и всестороннее раскрыть внутреннее богатство систем социального порядка, которое не определяется какими-то внешними обстоятельствами; исследовать относительную самостоятельность подсистем в единой целостной системе, учитывая статистическую природу внутренних и внешних возмущающих воздействий; выявлять тенденции процесса возмущений и учитывать их при формировании корригирующих воздействий; выявлять различные варианты решений и выбирать из них наилучший и т. д. Одним словом, статистический «информационный» стиль придает управлению подлинно научный характер, учитывающий величайшую сложность социальных систем и процессов управления ими, способствует тому, чтобы управление было гибким, подвижным, соответствующим быстротечности и изменчивости социальных событий.

Управление социальными системами выступает как постоянное возникновение и решение *проблемных ситуаций*, вызываемых возмущающими воздействиями как изнутри, так и извне системы.

Разумеется, объем и содержание проблем, их острота, конкретные формы и способы их решения в социальных системах, стоящих на различных ступенях общественной организации, неодинаковы. Чем выше стоит система на лестнице социальной организации, чем она сложнее, тем больше объем и разнообразие проблемных ситуаций, тем важнее и ответственнее решение.

От чего же зависит способность систем к решению проблемных ситуаций?

Если рассматривать этот вопрос в свете теории отражения, то прежде всего от информационного состояния системы. В свою очередь информационное состояние означает, во-первых, степень информированности субъекта управления системой; причем информированность здесь понимается и как наличие опыта в решении проблемных ситуаций и как наличие необходимой и достаточной информации о состоянии системы и ее внешних взаимодействиях в каждый данный отрезок времени. Во-

вторых, — степень организованности системы, под которой имеется в виду информированность в смысле антипода энтропии, дезорганизованности, как способность системы перестраиваться с тем, чтобы, ассимилировав или нейтрализовав возмущающие воздействия, она не только сохраняла свою качественную специфику, нормально функционировала, но и совершенствовалась, развивалась.

Всякая социальная система, разумеется, ставшая, какое-то время функционировавшая, обладает запасом информации, в которой воплощен ее опыт, в том числе и опыт управленческий, опыт разрешения проблемных ситуаций. Этот запас — не что иное, как сгусток того опыта внутренней организации и взаимодействия со средой, который система приобрела за время своего бытия. На основе этого опыта сформировалась данная структура, совокупность взаимодействий внутренних компонентов системы, особый тип ее внутренней целостности, качественной определенности, а также столь же целостный тип взаимодействий системы с внешним окружением. Структура системы несет в себе, таким образом, информацию, воспроизводящую собственную историю, равно как и структуру факторов внешней среды, воздействовавших на систему в ходе ее исторического движения.

Тот факт,что всякая данная социальная система обладает определенным запасом информации, приобретенной собственным опытом,избавляет ее от необходимости заново согласовывать функции своих компонентов, способы взаимодействия со средой, в условиях которой система сформировалась и функционирует. Сущность движения системы в этом плане состоит в том, чтобы преобразовывать информацию, полученную в собственном опыте, в систему внутренних и внешних связей, обеспечивающих ее функционирование и развитие в данное время, и использовать эту информацию для решения новых проблем. В самой системе, в ее опыте, воплощенном в запасе информации, заложены, таким образом, средства решения определенных проблемных ситуаций, запрограммированных в ее опыте. Естественно, что высокоорганизованные («высоко информированные») системы, поскольку они прошли сложный и разносторонний опыт развития, обладают большей по объему и разнообразию информацией, нежели менее организованные, а значит и более широкими возможностями для решения встающих перед ними проблем.

Важно подчеркнуть, что «старый», исторически приобретенный запас информации служит и основой для совершенствования, гармонизации внутреннего состояния системы, а также ее внешних коммуникаций. Изменения во внутренней и внешней среде улавливаются системой в виде потока дополнительной информации, которая обогащает ее прошлый опыт, делает систему более совершенной с точки зрения внутренней структуры, взаимодействия с внешней средой, возможностей решения проблем.

В результате функционирования и развития системы происходит таким образом аккумуляция, накопление информации, рост ее объема и обогащение содержания за счет все нового и нового опыта решения проблем. В массиве информации, которой располагает система, запечат-

леваются все новые внутренние и внешние взаимодействия. Накопление информации тем больше, чем разнообразнее взаимодействия изнутри и извне системы.

Характерно, что система аккумулирует не всю поступающую в нее информацию, а только ту ее часть, которая явилась результатом решения какой-то важной проблемы для жизнедеятельности системы.

При достаточно однообразных, устойчивых условиях внутренней и внешней среды системы происходит своеобразная стагнация информации. Функционирование системы приобретает характер определенного автоматизма, поскольку имеющегося запаса информации достаточно, чтобы адекватно отвечать на возмущающие воздействия. Проблем, как таковых, по сути дела не возникает.

Однако подобное «беспроблемное» функционирование системы существует только в абстракции, поскольку системы социального порядка необычайно подвижны, многофакторны и противоречивы. Возмущающие воздействия в них носят непрерывный характер, а потому постоянно возникают проблемы, постоянно действует необходимость управления, то есть разрешения этих проблем.

Управленческое решение статистично по своей природе. Оно детерминировано внутренней и внешней средой не жестко, не однозначно, а является, как правило, результатом перебора различных вариантов, коррекции, подгонки, выбора наиболее приемлемого варианта соответственно потребностям системы. Решение — реакция на сложную совокупность различных, случайных в своей единичности воздействий и, естественно, статистичность стимулов (возмущающих воздействий) не может не придать известной статистичности и решениям. Решения, управляющие воздействия, вызываемые возмущениями извне и изнутри, в силу статистичности этих последних могут быть различными. Столь же различными могуть быть изменения в системе, являющиеся результатами управляющих воздействий. Полезность этих изменений, их право на жизнь определяются в конечном счете практикой, соотнесением результатов с целями, стоящими перед системой. В результате совершенствуется, развивается способность системы к решению проблем в разнообразных ситуациях, способность к управлению.

Процесс аккумуляции информации — определенный, поскольку он детерминируется в конечном счете историческим опытом системы. Но этот процесс в то же время неопределенный, статистический, поскольку статистичны решения проблемных ситуаций, за счет чего информация системы и обогащается.

Управление социальной системой есть непрерывный процесс возникновения проблемных ситуаций и их разрешения. Поскольку управление немыслимо без социальной информации, то решение проблемных ситуаций связано с формированием в управляющей подсистеме (субъекте управления) *подвижной информационной модели.*

Каждый управленческий акт (операция) представляет собой средство решения или, по меньшей мере, попытку решения определенной задачи. Естественно, что полезное, соответствующее цели, стоящей перед системой, управляющее воздействие не может быть осуществле-

но, если субъект управления не разработал для этого направляющей предпосылки в виде модели, предвосхищающей будущее. В этой модели запрограммированы не только управляющие воздействия, но и их ожидаемый результат. Эта модель не носит жесткого характера, она динамична, поскольку система сталкивается с переменной, столь же динамичной ситуацией, предусмотреть которую во всех ее деталях практически невозможно. Поэтому перед субъектом управления постоянно встает необходимость вероятностного прогноза, а затем выбора наиболее целесообразного в данной ситуации действия. Характерно, что прогнозирующая модель являет собой не само действие, а решение действовать вместе с результатом, который ожидается. Модель-решение программирует определенный режим функционирования системы в данной и следующей за ней ситуации, а также возможности контроля и переключения этого режима соответственно предполагаемым изменениям ситуации. При этом модель имеет четкую направленность — достижение стоящей перед системой цели, обеспечение сохранения заданных параметров.

Модель-решение — это исходный, самый верхний уровень управленческого процесса, его «матрица», ведущая программа. Она подвижна,потому что система постоянно сталкивается с такими возмущающими воздействиями, которые сбивают, сталкивают ее с пути, определенного программой (решением). Если невозможно или нецелесообразно преодолеть эти дезорганизующие воздействия посредством корректировки управляющих влияний, направленных на восстановление заданной программы, то происходит ее перестройка или принимается новое решение. Диапазон корректировки решения достаточно велик: от незначительных коррективов, не затрагивающих или почти не затрагивающих программу, до глубокой реорганизации программы или принятия новой. Модифицированная или новая программа и осуществляет дальнейшее движение системы к цели. При этом изменение программы и корректировка движения системы происходят «на ходу» без прекращения ее жизнедеятельности.

Наряду с общей для системы программой, моделью предвосхищения будущего, которая принимается на высшем (для данной системы, разумеется) уровне, в системе имеются другие, ниже лежащие уровни управления, управляющие образующими систему подсистемами. Эти, ниже лежащие, уровни обладают относительной самостоятельностью. Притом чем ниже уровень, тем выше степень его самостоятельности по отношению к высшему «программирующему» уровню, поскольку по мере движения «сверху вниз» связи уровней с ведущим уровнем приобретают все более опосредованный характер.

Как видно, формирование целенаправленного действия системы — не разовый, а многоэтапный акт, постепенно корректируемый, поэтапно подгоняемый, отвечающий потребности выхода из данной проблемной ситуации результат. Корректировка осуществляется посредством заглядывания субъектом управления в будущее, сравнения текущего действия, текущих параметров с заданными, определения отклонений от заданной программы, которые и служат сигналом для корректиров-

ки. Социальная система функционирует, движется «с упреждением», постоянно всматриваясь в будущее, заглядывая в него. Недаром говорят, что руководить, это значит предвидеть. В результате предвидения субъект управления еще раньше, чем решение принято, представляет себе и оценивает предполагаемый результат его выполнения.

Решение как модель проблемной ситуации возникает тогда, когда эта ситуация расходится с прошлым опытом, когда имеющегося запаса информации недостаточно для осуществления адекватного действия. Здесь обязательно возникает проблемная ситуация, а соответственно и ее модель-решение. При этом острота проблемы зависит от степени расхождения данной ситуации с прошлым опытом системы: чем больше расхождение, тем острее проблема. Соответственно и неодинакова информационная структура модели-решения, что выражается в различном соотношении долей информации, приобретенной в опыте, и информации о данной конкретной ситуации. Чем больше расхождение, тем больше доля информации о данной ситуации и соответственно меньше доля информации, приобретенной в прошлом. При этом возможен и крайний вариант, когда данная проблемная ситуация ни в малейшей степени не соответствует прошлому опыту. В этом случае модель-решение разрабатывается только на основе информации о данной ситуации, поскольку мобилизация прошлого опыта, запечатленного в информации, по существу, бессильна помочь системе в решении задачи.

Итак, управление социальными системами всегда связано с решением проблем в конкретных ситуациях, с формированием информационной модели этих ситуаций.

ГЛАВА 18.

ОТРАЖЕНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

К. Маркс и Ф. Энгельс на основе изучения объективных законов и тенденций исторического развития первые дали научно обоснованное представление о перспективах общественного развития и начертали (разумеется, в самом общем плане) основные контуры будущего коммунистического общества. В этом смысле марксизм представляет собой научно-теоретическое предвидение социального развития.

Развитие социальной практики, победа социалистической революции в СССР, а затем и в других странах, условия перехода к коммунистическому строительству поставили задачу управления процессами социального развития социалистического общества. Непосредственной информационной основой планирования и управления процессами развития является научное прогнозирование[1].

Широкое развертывание теоретической и практической деятельности по прогнозированию социальных процессов и явлений диктует необходимость соответствующего философско-гносеологического анализа.

В связи с этим встает целый ряд вопросов, которые имеют важное значение в проблематике теории отражения и познания. Это такие вопросы, как вопрос об отношении прогнозирования и отражения, прогностического и познавательного отражения действительности, вопрос о месте прогнозирования среди других форм познавательного отражения природной и общественной действительности. Каково, например, отношение прогностического познавательного отражения к познавательному отражению прошлого и настоящего общества? Каково значение

---

[1] См. А. К. Белых. Управление и самоуправление. М., 1972; А. Бауер и др. Философия и прогностика. М., 1971; Г. Эделинг. Прогнозирование и социализм. М., 1970; Д. М. Гвишиани, В. А. Лисичкин. Прогностика. М., 1968; Г. М. Добров. Прогнозирование науки и техники. М., 1969; И. В. Бестужев-Лада. Окно в будущее. М., 1970; В. В. Косолапов. Информационное обеспечение и прогнозирование науки. М., 1970; А. Д. Смирнов. Моделирование и прогнозирование. М., 1970; Н. Стефанов, Н. Яхиел, Ст. Качаунов. Управление, моделиране и прогнозиране. София, 1970; А. Ефимов, В. Кириченко. Научное прогнозирование экономики СССР. «Коммунист», 1967, № 5; Н. Лебединский. Социализм, научно-техническая революция и долгосрочное прогнозирование. «Вопросы философии», 1968, № 9.

такой дифференциации познавательного отражения объективной действительности для вскрытия специфики и предмета гносеологии? Существуют ли какие-либо существенные различия между формами и средствами реализации этих трех категорий познавательного отражения? Далее, каково отношение прогностического познавательного отражения к категории общественной практики? Решение этих и ряда других аналогичных вопросов бесспорно обогатит наши представления как о прогнозировании, так и о познании вообще.

1. Особенности прогностического знания

Прогнозирование представляет собой явление исключительной сложности. Оно не поддается однозначному определению. Его можно характеризовать с самых различных сторон, с помощью самых различных категорий и с самых различных точек зрения, например, таких как точка зрения логики, теории информации, кибернетики, семиотики, теории моделирования и др. В этой связи возможны логическое, кибернетическое, семиотическое и другие определения прогноза. В частности, в логическом плане прогноз есть суждение (или система суждений) о будущем состоянии данного явления, основывающееся на знании о прошлом и настоящем этого явления[2]. Прогнозирование можно охарактеризовать также как процесс получения информации о будущем состоянии данной системы в результате преобразования наличной информации относительно прошлого и нынешнего состояния этой системы. Прогнозирование представляет собой своеобразную форму преобразования информации. Нам кажется весьма удачным то определение, согласно которому прогнозирование есть идеальная модель реально возможных будущих процессов и явлений[3]. Разумеется, речь может идти только о научно обоснованной модели будущих процессов и явлений, служащей информационно-теоретической предпосылкой планирования, социального управления и общественной практики.

Вместе с тем не может быть никаких сомнений в том, что предельно общее и всеохватное определение понятия прогноза возможно только на основе марксистско-ленинской теории отражения или марксистско-ленинской гносеологии. Это вполне оправдано, ибо прогнозирование представляет собой высшее проявление научного отражения действительности, творческого мышления общественного человека. Прогноз — это научно обоснованное знание о тенденциях будущего развития[4]. Он представляет собой познавательный образ, точнее, систему образов, реально возможных будущих явлений и процес-

---

[2] См. W. Thimm. Die Prognostikals Bestandteil Führungswissenschaff DZfPh, 1968, № 2, S. 193.

[3] См. Y. Shermer, Prognostik und Hipotese, DZfPh, 1968, № 3, S. 3 2.

[4] См. G. Schürer, Prognostik und Strukturpolitik, «Einheit», 1968, № 12, S. 1464.

сов[5]. Конечно, в данном случае мы имеем весьма специфическое — опосредованное и исключительно сложное отображение — отображение таких вещей и явлений, которые еще не обнаружили себя в действительности и которые не обладают наличным бытием в настоящем. Иначе говоря, прогнозирование представляет собой сложную, самую высшую форму проявления того самого свойства живой природы, которое видный советский ученый П. К. Анохин назвал опережающим отражением[6]. Наибольшее развитие опережающее отражение получает у человека. Здесь оно обнаруживается именно как способность к прогнозированию.

На первый взгляд может показаться, что эта специфическая форма проявления опережающего отражения как будто противоречит законам теории отражения. Как известно, основной закон отражения гласит, что отображение не может существовать без отображаемого, следствие — без причины. Между тем прогностическое познавательное отражение опережает отображаемый объект. Отсюда можно прийти к выводу, что прогностический образ является не отражением, а неким «чистым» продуктом разума или некой другой идеальной силы.

Если прогноз действительно опережает объект, то выходит, что будто бы следствие — прогностический образ — предшествует причине (объекту). Правда, и диагностическое познание прошлого, например, не имеет своего реального объекта. Речь идет о познании, объект которого больше не существует. Объекты прогнозирования и познания прошлого в равной мере лишены реального бытия в настоящем. Однако все дело в том, что явления прошлого когда-то существовали. Отражение может быть сохранено в форме следа и после того, как вызвавший его объект перестал существовать. Отражение формируется и тогда, когда его объекту присуще реальное бытие в настоящем, но он не воздействует непосредственным образом на субъект познания. Закон отражения не нарушается в обоих случаях, ибо здесь отображение явилось результатом прошлого или опосредованного воздействия отображаемого объекта.

При прогнозировании объект вообще не существовал, но тем не менее его образ налицо. Кроме того, прогноз оказывает обратное воздействие на объект. Прогноз не только опережает свой объект (свою причину), но и при определенных условиях сам является фактором становления этого объекта. Возникший до оригинала прогностический образ становится фактором его реализации. Выходит, что следствие (отражение) не только опережает объект, но и в некоторой степени способствует порождению этого объекта (отображаемого). Разве это не говорит против теории отражения, не опровергает основной закон отражения?

Разумеется, нет! Мы имеем все основания считать прогнозирование отражением, хотя и необходимо отметить своеобразие прогноза как

---

[5] См. W. Eichorn. Prognostik und Planung als Philosophische Problem. DZfPh. 1968, № 1, S. 45.

[6] См. П. К. Анохин. Психическая форма отражения. — В сб. «Ленинская теория отражения и современность». София, 1969, стр. 130—136.

отражения. Отражение, равно как и его основной закон, правда весьма специфически, все же обнаруживаются и в прогнозировании. Прогностическая модель есть опосредованное отображение результата сложных процессов преобразования и анализа информационного отображения прошлого и настоящего. И прогностическая информация извлекается извне; она является продуктом объективного мира. Более того, само будущее представлено в настоящем как реальная возможность и тенденция. Его можно рассматривать как своеобразное (разумеется, не механическое) продолжение настоящего.

Наличие определенной общности между прошлым, настоящим и будущим служит объективной предпосылкой прогностического отражения. Объективными предпосылками его являются также относительная повторяемость и устойчивость социальных процессов, законы и тенденции развития, диалектика причины и следствия, возможности и действительности, необходимости и случайности и др. Будущее следствие, например, может быть отражено в прогнозе на основе его изоморфного соответствия с причиной. Прогностическое отражение представляет собой своеобразную экстраполяцию на будущее реальных возможностей, заложенных в настоящем. Оно вырастает как своеобразное продолжение в будущем возможностей и тенденций развития действительности.

В этом смысле прогностическое отражение является отражением определенных сторон и аспектов настоящего. Разумеется, целостное создание прогностического образа предполагает в какой-то мере выход за пределы настоящего, идеальную экстраполяцию конкретных контуров будущего.

Знание законов и тенденций развития не дает возможности создать полный образ прогнозируемого явления. При прогнозировании нас интересует не закон, взятый сам по себе, а его конкретное проявление в будущем. Из знания законов и условий их действия в настоящем и прошлом можно вывести будущее соответствующего явления как его логическое следствие. Конкретный объект прогноза не существует в настоящем. В настоящем даны только его объективные предпосылки. Однако они вполне достаточны, чтобы воспроизвести, хотя и приблизительно, образ объекта прогноза в голове исследователя.

В конце концов, как и всякое другое познавательное отражение, прогноз не выходит за рамки получаемой из внешнего мира и преобразованной (проанализированной) информации. Только на основе полученной извне и преобразованной информации может быть объяснена специфика и сила прогностической деятельности. И в сфере прогнозирования мощь человеческого интеллекта измеряется количеством получаемой и преобразованной информации. В отношении прогнозирования справедливы слова видного кибернетика У. Росс Эшби о том, что разум ограничен количеством получаемой и обрабатываемой информации[7].

---

[7] См. У. Росс Эшби, Что такое разумная машина? — В сб. «Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная». М., 1968, стр. 38—47.

Этим измеряется и обратное воздействие прогностического познавательного образа. Прогностическая модель способствует реализации своего оригинала постольку, поскольку адекватно отражает его закономерности. Лишь как отражение материального мира прогноз может затем стать программой (планом) его преобразования. Сила обратного воздействия прогноза определяется его соответствием объективным тенденциям и возможностям. Даже в этой своей крайне своеобразной форме познавательное отражение может способствовать действительному изменению мира постольку, поскольку оно является его аналогом. И здесь в полной мере проявляется сила марксистского принципа, согласно которому практически-преобразующая мощь познания измеряется степенью адекватности его действительности.

Выяснение сущности и специфики прогнозирования предполагает анализ его отношения к остальным формам и проявлениям познавательного, идеального отражения действительности. Это особенно касается тех из них, которые близки прогнозированию. Прежде всего прогнозирование следует отграничивать от других форм идеального познавательного опережения будущего, например, таких, как утопические, искаженные, мистические образы будущего (пророчество, ясновидение гадание и т. п.), или же утопические догадки, эмоциональные образования и представления (надежды, желания, стремления и т. п.), разного рода проекты, программы, планы о будущем. Далее, прогноз следует отграничить от таких форм и методов научного познания, как моделирование, гипотеза, экспериментирование и т. п.

По своей природе прогноз существенным образом отличается от ненаучных мыслительных опережений будущего. Это отличие состоит прежде всего в объективной и теоретико-познавательной обоснованности прогноза. Он основывается на объективной аналогии между прошлым, настоящим и будущим. Устойчивость, повторяемость и преемственность делают прогноз принципиально возможным как знание о будущем. Наряду с этим прогноз находит свою информационно-теоретическую предпосылку в достаточно полном знании законов прогнозируемого явления и в их конкретных проявлениях в прошлом и настоящем. Все это позволяет достаточно уверенно утверждать о том, что прогноз является знанием о реально возможных процессах. Фантастические, ненаучные конструкции не учитывают реальных объективных возможностей развития, и в силу этого они носят произвольный характер. Несколько иное дело — утопические представления относительно будущего развития общества. Утопические образы основываются на субъективных желаниях и стремлениях отдельных социальных групп и личностей. Они могут правильно отражать будущее развитие объекта, но не учитывая реальных, конкретно-исторических возможностей общественного развития, остаются в рамках желаний, стремлений, надежд. Сказанное равным образом относится и к догадкам. В них, как и в самых гениальных озарениях великих мыслителей, не отражены в достаточной степени реальные возможности. Они отличаются от прогнозов своей недостаточной объективно-научной обоснованностью. Поэтому они не могут служить основой сознательного строительства будущего.

Своими желаниями, стремлениями, идеалами и т. п. люди ставят себя в определенное отношение к будущему. Главную роль в фантазиях, утопиях, догадках играют эмоциональные элементы и представления. Между тем, как мы убеждаемся, прогноз есть познавательный образ. Он служит той основой, на которой формируются реальные и обоснованные желания, стремления, надежды и т. п. Прогноз может определить, какие идеалы, желания, надежды являются реальными, а какие нет. О планах, проектах и программах речь пойдет ниже.

В чем состоит отличие прогноза от остальных форм и методов научного познания и мышления, таких, например, как модель, эксперимент и гипотеза? Будучи идеальной теоретической моделью или, по крайней мере, процессом, включающим в себя некоторый момент моделирования, прогноз, естественно, отражает в себе общие признаки различных видов моделей. Он также являет собой образ - «заместитель» действительного объекта (будущего явления) в процессе его исследования. Исследование предмета осуществляется с помощью теоретических моделей. Затем полученные результаты переносятся на оригинал. Таким образом будущее явление становится объектом исследования еще до своей реализации. Подобно моделированию, прогностическое познание носит гипотетический характер. Тем не менее между прогностической моделью и остальными моделями имеются существенные различия. Они состоят в том, что оригинал прогностической модели не обладает реальным бытием в настоящем. Прогностическая модель опережает свой оригинал. Благодаря изучению этой модели становится возможным «выбрать» оптимальный вариант соответствующего социального явления до его реализации в действительности. На этом общество выигрывает время, экономит средства, силы, ресурсы. Эти особенности прогностического познания обусловливают его значимость и в ряде случаев делают его незаменимым научным методом.

По своему не вполне достоверному характеру прогностическое познание приближается к гипотезе. Между ними много общего и в ряде других отношений. Сравнительно часто гипотеза выступает исходным пунктом прогноза. Таким образом гипотеза входит в прогнозирование как его теоретическая предпосылка. Естественно, она усиливает неопределенность и снижает научную и практическую значимость прогностического знания. Однако при полном отсутствии достаточно совершенной теории относительно закономерностей прогнозируемого явления гипотеза является единственной предпосылкой прогноза.

Гипотеза и прогноз отличаются друг от друга в онтологическом, гносеологическом, логическом и прагматическом отношениях. Прогноз направлен единственно на будущее, тогда как гипотеза — на прошлое, настоящее и будущее. Некоторые авторы[8] полагают, что прогноз ориентируется и на прошлое и на настоящее. В таком случае он утрачивает свою специфику как опережающее отражение, идеальное опережение.

---

[8] См. G. Kröber. Prognose, Hjpotese, Gesetz-logisch-metodologische Bemerkungen. DZfPh, 1967, № 7, S. 777—778.

Очевидно, что модель явлений прошлого и настоящего не опережает эти события. В. Эйгорн определяет прогноз как знание о реально возможных явлениях и в то же самое время связывает его с прошлым, настоящим и будущим[9]. Но если прогноз есть знание о реально возможных явлениях, то он касается только будущего. Ведь реально возможные явления принадлежат будущему, а не настоящему и прошлому. Это — те процессы, для которых в настоящем существует достаточное количество условий, чтобы они могли в будущем осуществиться, реализоваться. Вместе с тем гипотеза отличается от прогноза и тогда, когда она направлена на будущие процессы и явления. Мы уже указали на то, что между ними существуют не только онтологические, но и гносеологические, логические и прагматические различия[10]. В плане логическом и гносеологическом гипотеза есть движение познания от особенного и единичного к общему, от анализа конкретных фактов и данных к установлению закона. Она призвана объяснить процесс; здесь логический вывод является конечным результатом соответствующих мыслительных и познавательных операций. Речь идет преимущественно об индуктивных умозаключениях, или системе таковых. Прогнозирование же исходит из общего, из знания законов прогнозируемого явления. На знании законов и условий их действия в прошлом и настоящем основывается прогностическое знание их будущих конкретных явлений[11]. В плане логическом прогноз представляет собой вывод из синтеза знания законов и знания их конкретных проявлений в прошлом и настоящем[12]. Прогноз начинает с того, чем кончает гипотеза. Именно поэтому гипотеза может служить предпосылкой прогноза.

Следует принять во внимание также существующие между ними различия и в прагматическом отношении. Во всех случаях социальный прогноз обнаруживает вполне определенную и непосредственную практическую направленность. Он тесно связан с общественной практикой, будучи непосредственной основой планирования и социального управления. На основе прогноза вырабатывается первый идеальный вариант, сообразно которому реализуется будущее явление. Прогноз представляет собой приблизительно точную модель-образец прогнозируемого явления. Между тем гипотеза не всегда направлена непосредственно на практику. Зачастую в рамках определенной научной системы она имеет только логическое и теоретическое значение. В подавляющем большинстве случаев она выступает исходным пунктом развития теоретической системы данной науки.

---

[9] См. W. Eichorn. Prognostik und Planung des philosofische Problem, DZfPh, 1968, № 2, S. 44—45.

[10] См. A. Bauer, H. Kosin, Probleme der Geselschaftsprognose und der Politik in Deutschland, DZfPh, 1967, № 1, S. 5—9.

[11] См. H. Edling. Die marksische-leninistische Geselschaftsprognostik. «Eincheit», 1968, № 12, S. 1456—1457.

[12] См. W. Eichorn. Prognostik und Planung, S. 46.

Важное значение для раскрытия специфики прогноза и установления его отличия от вышеуказанных явлений имеет его вероятностный характер. Этот существенный признак прогноза обнаруживается в двух формах в зависимости от природы связи между прошлым, настоящим и будущим и от степени истинности (достоверности) прогностического познания.

Как правило, будущее состояние некоторой системы (кроме динамической системы ньютоновой механики) не определяется однозначно ее настоящим состоянием. Сложные системы обнаруживают не одно, а множество возможных будущих состояний. На функционировании и развитии социальных систем сказываются многочисленные факторы, в том числе факторы случайные. Поэтому вообще невозможно однозначно вывести будущее из настоящего. Социальный прогноз, естественно, должен учитывать это обстоятельство. Он представляет будущее явление в его возможных проявлениях, определяет лишь в первом приближении границы поля возможных его реализаций и степень их вероятности.

Из вышесказанного следует, что прогноз характеризуется некоторой неопределенностью, которая обнаруживается различно в зависимости от распределения вероятностей прогнозируемого явления. Она достигает своего максимума при структурах, обладающих одинаковой вероятностью. Поэтому здесь прогноз несет больше информации, чем в тех случаях, когда он направлен на структуры с различной вероятностью. И вполне справедливы требования формулы Шенона относительно количества информации. В первом случае, когда речь идет о структурах, обладающих одинаковой вероятностью, прогноз снимает бóльшую неопределенность, чем во втором случае, когда структуры обладают различной вероятностью. Вследствие этого и информация, снимающая бóльшую неопределенность, является в количественном отношении большей, а в прагматическом отношении более ценной, чем информация, снимающая меньшую неопределенность. Чем больше неожиданность и случайность данного явления, тем больше его познавательная и практическая значимость. События, обладающие наименьшей вероятностью, несут наибольшее количество информации и, наоборот, наступление максимально вероятного события несет с собой минимальное количество информации. Все это имеет важное значение для выяснения информационного содержания прогнозирования.

Прогнозирование в собственном смысле слова (прежде всего социальное прогнозирование) осуществляется в определенных границах. В частности, прогнозированию нет места там, где изменение данного явления в прошлом и настоящем не приводило к возникновению нового. Далее, отсутствие всякой возможности развития в будущем, естественно, исключает и возможность прогнозирования.

Прогноз возможен только на основе достаточного количества информации. Будучи сложной формой творчества, прогноз предполагает существование и взаимодействие двух основных потоков информации — информации о прошлом и информации о настоящем. Его научная и практическая значимость определяется количеством и «качеством»

имеющейся информации о прошлом и настоящем, а также эффективностью анализа и методов моделирования и экспериментирования. Без диагностики, то есть выявления характерных симптомов, признаков и закономерностей проявлений прогнозируемого явления в прошлом и настоящем, не может быть и речи о прогнозировании. Прогнозирование начинается со сбора и анализа необходимой информации относительно прошлого и настоящего. Прогностическая информация — результат преобразования диагностической информации. Таким образом обеспечивается один из основных потоков информации, составляющий теоретическую предпосылку научного руководства обществом. В один ряд с информацией относительного прошлого и настоящего становится и информация о будущем. В определенном смысле социальное управление условно можно рассматривать как своеобразное взаимодействие указанных выше трех основных потоков информации.

2. Прогноз — важное звено в системе социального управления

Информационно-отражательная функция прогноза тесно связана с его прагматической функцией. Связь прогноза с трудовой деятельностью и социальным управлением обнаруживается в *двух* относительно самостоятельных функциях: *информационно-ориентирующей и регуляторно-«созидательной»*. В первом случае прогноз обеспечивает ориентирующую информацию относительно будущих тенденций развития. Таким образом создаются условия для сведения к минимуму действия отрицательных факторов и максимального развертывания положительных сторон прогнозируемых явлений. Регулирование, в основе которого лежит ориентирующая информация, обеспечивает максимальное приспособление людей к будущему развитию. Это имеет место в тех случаях, когда люди не могут воздействовать на прогнозируемые явления. Характерный тому пример — прогнозирование некоторых природных процессов, протекание которых не зависит от воздействий субъективного фактора. В лучшем случае человек может лишь приспособиться к таким явлениям и процессам на основе адекватного познания их будущих следствий. Здесь прогноз не играет роли обратной связи. Его регулирующее воздействие исчерпывается способностью ориентировать и обеспечивать «приспособление» людей к будущим процессам и событиям.

Иное дело, когда прогнозируемые процессы в той или иной мере зависят от общественной практики, в частности, когда речь идет о прогнозировании социальных процессов. В принципе осуществление будущих социальных явлений зависит в определенной степени от сознательной и целенаправленной деятельности людей. Здесь будущее «вырастает» из общественной практики, даже «создается» ею. Социальный прогноз определенным образом воздействует на прогнозируемое явление. Он ставит свой объект в определенную зависимость от его осуществления, реализации. Тем самым прогноз начинает играть роль

информационной обратной связи. Именно как информационная обратная связь прогноз вскрывает дополнительные возможности для сознательного и планомерного управления обществом.

В каком смысле прогноз оказывает воздействие на прогнозируемое явление? Он может ускорить или затормозить реализацию, осуществление прогнозируемого явления, может способствовать оптимальному осуществлению одних и предотвратить наступление других будущих явлений или событий. Прогноз может также способствовать открытию новых возможностей и факторов, упраздняющих действие неблагоприятных для человека будущих явлений. Он позволяет людям не только «выбрать» оптимальный вариант данного будущего явления, но и ускорить его реализацию. При одинаково вероятных возможностях положение может быть изменено в сторону благоприятной для общества возможности. При возможностях с различной вероятностью можно затормозить или приостановить полностью осуществление наиболее вероятной,но неблагоприятной для общества в целом возможности. Вместе с тем можно ускорить осуществление менее вероятной,но более благоприятной для общества возможности. Разумеется, для всего этого одной прогностической информации явно недостаточно. Для этого необходимы также соответствующие материальные, экономические, социально-политические и другие условия.

Все это отнюдь не говорит о неком произволе и субъективизме. Люди не в силах отменить историческую необходимость. Они лишь используют эту необходимость и видоизменяют возможные ее проявления сообразно своим целям и в свою пользу. Именно существование различных объективных возможностей позволяет людям «выбирать» наиболее значимые из них. Этот «выбор» осуществляется не произвольно, а в рамках поля возможных конкретных проявлений объективной необходимости. Некоторые представители буржуазной философии склонны на этом основании отрицать вообще значимость прогноза[13]. Если объект прогнозирования, рассуждают они, зависит от самого прогноза, то нельзя говорить о каком-либо объективно истинном знании. Прогнозируемое явление является чуть ли не продуктом самого прогноза. Разве это не произвол и не субъективизм!

Свое обратное воздействие, то есть свою прагматическую функцию, прогноз «выполняет» в качестве *модели* не только будущего явления, но и способов и методов его практического осуществления. Прогноз определяет в первом приближении как проблемы, которые должны быть решены на практике, так и методы их решения, равно как и основные тенденции будущего развития и вытекающие отсюда задачи, способы и направления общественной практики, посредством которой и через которую следует решать эти задачи. Прогноз характеризуется не только информационно-ориентирующей и регуляторно-«созидательной», но и *стратегической* функцией. Можно говорить, следовательно,

---

[13] См. F. F i e d l e r. Zukunftdenken im Kampf der Ideologie — eine Kritik der «Futurologie», Deutsche Zeitschrift für Philosophie, 1967, № 3.

и о стратегическом прогнозе, который определяет в первом приближении будущую стратегию действия по осуществлению того или иного явления в ходе общественной практики.

Обратное воздействие прогноза опосредовано рядом промежуточных звеньев, прежде всего таких, как планирование и план. Только через посредство плана осуществляется непосредственно регулирующая функция прогноза. Поэтому выяснение отношения и взаимодействия между *прогнозом* и *планом* имеет важное значение. Вообще говоря, прогноз предшествует плану и служит его информационно-познавательной предпосылкой. В то же время социалистическое планирование (краткосрочное и в особенности долгосрочное) невозможно без прогнозирования. Без частных и комплексных прогнозов относительно основных тенденций будущего социалистического общества и в особенности относительно его основных сфер—развития производительных сил, научно-технической революции, экономических и других общественных отношений, изменений сырьевой и энергетической базы, демографических изменений, повышения культурного и образовательного уровня трудящихся и т. д. — нельзя говорить о научно обоснованном и высокоэффективном социалистическом планировании.

Социалистическое планирование на современном этапе нуждается в развернутой программе, которая охватывала бы собой все возможные виды, средства и методы прогнозирования и которая могла бы быть осуществлена на всех уровнях. Необходимы также комплексные и частные, краткосрочные и долгосрочные, общетеоретические и конкретно содержательные прогнозы. Они должны охватывать не только экономическую,но и все остальные сферы общественной жизни.Почему бы не создать, скажем, общетеоретическую модель-прогноз (различные варианты таких моделей) основных структурных элементов и этапов развития нашего социалистического общества? Каким будет оно к 1990 или 2000 г. На этот вопрос можно дать научно обоснованный ответ с помощью современных средств прогнозирования. Подобные общие модели-прогнозы можно было бы создать и для таких, например, основных областей общественной жизни, как производительные силы, экономические отношения, культура, семья, быт и т. п.

Прогнозирование и планирование образуют в принципе неразрывное диалектическое единство, предполагающее их постоянное взаимодействие. Прогнозирование подготавливает почву для оптимального планирования и обеспечивает необходимую для составления плана исходную информацию. Результаты прогнозирования находят свое определенное выражение в плане. Прогнозирование, по сути дела, утрачивает всякий смысл, если его результаты не используются в планировании, а через это и в социальном управлении. Разумеется, между планом и прогнозом существуют определенные различия. Прогноз отвечает на вопрос, *что можно* сделать и *как*. В то же время план решает вопрос о том, *что надо* сделать и *как надо* делать. Прогноз неизбежно содержит некоторую долю неопределенности, тогда как план стремится к тому, чтобы исключить неопределенность, свести ее к минимуму.

Прогноз вскрывает множество альтернатив, намечает возможные решения, тогда как план есть выбор наиболее оптимального из всех возможных решений, предусмотренных прогнозом. Он представляет собой систему норм, требований, директив, носящих обязательный характер. Специфическая информационно-познавательная задача прогноза состоит в том, чтобы обеспечить информацию относительно будущих явлений и действий. Прогноз — форма познания. Непосредственная функция плана — обеспечить объективизацию знания, поставляемого прогнозом (и диагнозом). Единственная и основная функция плана — прагматически-регуляторная.

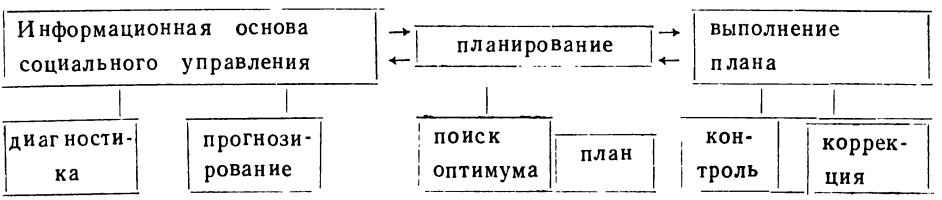
Как прогноз, так и план представляют собой своеобразную модель будущего. Эти два вида моделей отличаются и в познавательном и в прагматическом отношении. Прогностическая модель воссоздает прежде всего приблизительный образ, главные контуры будущего явления в первом приближении. План-модель сравнительно точно отображает будущее явление, причем, по возможности, в его оптимальном варианте. Он стремится снять неопределенность прогностической модели. Прогноз является моделью прежде всего в собственном смысле этого слова, то есть «*заместителем*» будущего явления в процессе его исследования. План можно охарактеризовать как модель в несколько ином смысле, а именно как *модель-образец*, по «образу» и «подобию» которого будущее явление воспроизводится непосредственно на практике.

В кибернетическом отношении различие между прогнозом и планом состоит в следующем. Прогноз можно рассматривать как входящую (прямую и обратную) информацию, тогда как план является программой, системой сигналов-команд, непосредственно запускающих действие. Прогноз есть входящий сигнал, а план — командный сигнал. Подобно любой кибернетической программе, план строится на основе входящей информации. На базе прогностической входящей информации составляется план-программа. Как любая кибернетическая программа, так и план не может быть составлен, а значит и осуществлен, без заранее полученной, сохраненной и соответствующим образом преобразованной информации. Разумеется, входящая информация не исчерпывается одной лишь прогностической информацией. Будучи системой сигналов-команд, план основывается на всесторонней информации, состоящей не только из прогноза, но и из диагноза. Научная организация общества требует информации не только относительно будущего (прогностической информации), но и относительно прошлого и настоящего (диагностической информации). Это обусловлено еще и тем, что собственно прогностическая информация извлекается из диагностической. Большое значение прогностической информации для планирования определяется тем, что сам план, будучи основным фактором регулирования, направлен преимущественно на будущее. Из вышесказанного следует, что прогностическая информация и ее регуляторная функция тесно связаны с планом и планированием. На этой основе информационная структура социального управления приобретает следующий вид.

Социальное управление есть информационный процесс с многочисленными прямыми и обратными связями, структуру которого составляют следующие относительно обособленные элементы: 1) Сбор, передача, сохранение, преобразование информации: а) диагностика — информация о прошлом и настоящем; б) прогнозирование — информация о будущем; 2) Планирование: а) поиск оптимума, то есть выбор наиболее оптимального из всех возможных решений, предложенных прогнозом; б) составление плана; 3) Непосредственная организация выполнения плана: а) контроль и б) коррекция плана.

Последние три элемента могут быть объединены в один, а именно в процесс составления и непосредственного выполнения плана. Таким образом, информационную структуру социального управления можно изобразить с помощью следующей схемы:

ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ



Социальное управление начинается со сбора и обработки информации относительно прошлого и настоящего планируемых и регулируемых процессов. Следующим его звеном является получение информации о будущем состоянии этих процессов путем анализирования диагностической информации. Прогностическая информация — второе звено информационной структуры социального управления. На этом в целом завершается информационно-исследовательский этап управления. Разумеется, сюда надо отнести и поиск оптимума, если его обособить в самостоятельную информационную стадию социального управления. С этой точки зрения поиск оптимума является высшей формой преобразования и анализа диагностической и прогностической информации. В этом случае информационно-исследовательский аспект социального управления, состоящий в сборе, преобразовании и анализе необходимой информации, включает в себя три основных этапа: диагностику, прогнозирование и поиск оптимума. Этим завершается информационно-теоретическая исследовательская работа по составлению плана и подготовке к осуществлению социального управления. Здесь можно говорить о познавательном процессе в собственном смысле слова. Каждый из указанных трех этапов имеет своим результатом получение новой информации о процессах, подлежащих регулированию.

Далее следуют те этапы, цель которых состоит в том, чтобы придать извлеченной информации соответствующую форму, могущую обеспечить непосредственную регуляцию. Тем самым осуществляется переход

от познавательных, точнее исследовательских, стадии к собственно прагматическим стадиям социального управления. Составление плана является следующим этапом информационной структуры социального управления. Именно с него начинаются прагматические этапы регулирования. Составление плана есть процесс выработки программы для непосредственной практической реализации полученной в первых трех этапах информации. Затем следует этап осуществления плана путем его конкретизации с учетом специфики соответствующих объектов управления. Составление конкретных программ, в которых находят отражение пути, средства, показатели, сроки выполнения задач, поставленных перед отдельными отраслями, сферами и предприятиями общегосударственным планом, имеет исключительно важное значение для повышения эффективности планирования и нормального функционирования соответствующих систем социального управления. Затем следует контроль и коррекция — последнее информационное звено социального управления.

Вышеуказанное разграничение элементов, или звеньев, информационной структуры социального управления является относительным. Оно справедливо прежде всего для различения информационно-познавательного и прагматического этапов управления. В действительности же как составление плана, так и его непосредственная реализация, в том числе контроль и коррекция, сопряжены с познавательной деятельностью в собственном смысле этого слова. Почти на всех этих этапах имеет место получение новой, дополнительной информации относительно будущего явления, относительно способов и средств его практического осуществления и т. д. Собственно познавательная функция этих этапов, особенно контроля и коррекци, состоит в первую очередь в том, что они сопровождаются обратной информацией, информацией о степени выполнения норм, требований плана. Эта информация интегрируется с имеющейся диагностической и прогностической информацией.

* * *

Любое научное предвидение является опережающим теоретическим отражением. Как специфическое проявление опережающего отражения, прогнозирование выполняет роль связующего звена между теоретическим знанием и его практическим применением в сфере планирования и управления общественными процессами. В этом отношении прогнозирование отличается от остальных форм научного предвидения. Оно представляет собой научное предвидение, которое является непосредственной информационной основой планирования и программирования, а через них и социального управления.

НАУКА, ОРГАНИЗАЦИЯ, СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Марксизм-ленинизм, творчески развивающийся и обогащающийся коллективными усилиями всего международного коммунистического движения, является теоретическим основанием углубленной разработки проблем социального управления.

В современных условиях обогащение и творческое развитие марксистско-ленинских идей в области социального управления является насущной задачей. Строительство социализма и коммунизма, бурный научно-технический прогресс, требования современной эпохи перехода от капитализма к социализму обусловливают необходимость дальнейшего совершенствования сферы социального управления. Это будет способствовать еще более полному выявлению преимуществ социализма перед капитализмом.

1. Организация и социальное управление

Общественная закономерность не имеет абсолютного характера, т. е., как правило не проявляется однозначно в каждом конкретном явлении, а пробивает себе дорогу через массу случайных явлений и множество отклонений, причем изменение отдельного факта в детерминированном законом направлении имеет лишь вероятный характер. Законы общества определяют главное направление в развитии данного социального процесса.

Это обстоятельство имеет важное значение для правильного определения возможностей и функций социального управления. Требования общественных закономерностей в зависимости от условий могут быть реализованы в различных конкретных формах. Изучение отдельных вариантов развития социальных процессов создает возможность для творческого подхода к проблемам управления социальной деятельностью, способствует тому, чтобы в каждом конкретном случае была выбрана такая форма реализации объективной необходимости, которая в данных условиях могла бы обеспечить получение оптимального результата. Смысл социального управления при социализме состоит именно в том, чтобы полноценно использовать возможности, вытекающие из особенностей исторического процесса, в интересах прогрессивного развития общества, победы социализма и коммунизма.

Узловое значение для теории и практики социального управления имеет марксистско-ленинский анализ взаимоотношений между объективными социальными законами и сознательной деятельностью людей.

В самом факте функционирования социального управления выражается стремление субъекта сознательно регулировать и направлять развитие социальных процессов и явлений. Научный ответ на вопрос о возможностях и объективно обусловленных границах социального управления составляет одну из основных предпосылок успешной деятельности в этой области социальной практики.

Деятельность социального управляющего субъекта детерминирована. Но эта детерминированность не требует однозначности и стереотипности действий. Напротив. Человек как субъект исторического процесса всегда поставлен перед необходимостью сопоставлять различные возможности выбирать, отдавать предпочтение тому или иному варианту социального поведения. Свобода выбора проявляется и в отношении форм, методов и средств реализации данного исторически необходимого действия. От качества выбора зависит эффект этой деятельности, ее способность ускорять или замедлять развитие общества в целом или отдельных его компонентов.

Марксизм-ленинизм дал непревзойденный по глубине и многосторонности анализ структуры, социальных функций и истории развития сферы управления деятельностью людей. В качестве примера такого анализа можно привести марксистско-ленинское учение о государстве, анализ основных органов управления во всех классовых общественно-экономических формациях, а также марксистско-ленинский анализ общественного сознания и его регулятивных функций.

Эффективность социального управления в максимальной степени зависит от познания сущности, структуры и интегральных свойств социальной системы и от способности субъекта социального управления найти и применить методы и средства, адекватные объекту управления.

Методологические принципы анализа социальных систем, разработанные марксизмом-ленинизмом, нашли выражение в учении об общественно-экономической формации.

В основе развития общественной системы лежит способ производства, представляющий собой единство производительных сил и производственных отношений. Последние образуют экономическую базу, над которой возвышается надстройка общества, включающая определенные общественные взгляды, отношения и институты.

Однако такое общее рассмотрение структуры социальной системы в целом не является единственным «этажом» социального познания, необходимого для формирования оптимальной структуры социального управления. Чем конкретнее анализ, тем более разнообразно и многолико отражается социальная жизнь. Изучение этого многообразия, раскрытие специфических структурных закономерностей отдельных социальных сфер является одним из условий совершенствования системы социального управления.

Принципиально важное значение для создания и функционирования системы социального управления при социализме имеет исследование степени «управляемости» компонентов общества, различных социальных явлений. Классификация социальных процессов и явлений

по признаку управляемости является одной из основ разработки принципов и методов управления различными группами явлений.

При этом следует учитывать следующую закономерность. Степень управляемости данного явления тем больше, чем ближе это явление непосредственно к материально-вещественным основам общественной жизни. Так, в сфере духовного производства мы сталкиваемся с неизмеримо более сложными объектами социального управления и регулирования. Здесь сильнее проявляются и более определенно сказываются качества, предпочтения, вкусы и проч. отдельной личности. Именно в силу этого здесь важное значение имеют определенные стихийные регуляторы, которые не поддаются в такой же степени планированию и предвидению, как это возможно при управлении вещами, техническими системами, отраслями экономики и пр. Однако познание специфики этих явлений дает возможность управлять протекающими в них процессами посредством создания соответствующих социальных условий и предпосылок.

Одна из наиболее важных особенностей общественной системы заключается в том, что это самая сложная и непрерывно усложняющаяся система в реальном, известном человеку мире. По степени сложности, по многообразию связей, отношений и процессов, по богатству тенденций и возможностей развития общество превосходит все природные объекты. Отдельные «этажи» многоэтажной структуры общества имеют определенные функции и цели, которые находятся в сложных отношениях между собой. Различные уровни и звенья социальной системы связываются по принципу координации и субординации и могут быть представлены в виде некоторой иерархии.

Главный вывод для организации эффективного социального управления, который вытекает из указанной черты, связан с необходимостью создания такой системы управления, которая обеспечивала бы оптимальные взаимоотношения между различными иерархическими уровнями, их согласованность и однонаправленность. В этом отношении социализм заключает в себе широкие возможности. Иерархическая организация общества при новых социальных отношениях теряет свое классово-антагонистическое содержание. Отдельные звенья системы, хотя и относительно обособленные, не противостоят одно другому. Разумеется, однонаправленное действие этих звеньев не появляется автоматически как следствие социалистического общественного строя, а достигается в результате серьезной и целенаправленной работы по совершенствованию управления.

Анализ социалистической общественной системы с точки зрения процессов управления предполагает также уяснение сущности и взаимосвязи между функционированием и развитием общества.

Разграничение понятий функционирования и развития социальной системы имеет важное теоретическое и практическое значение. Дело не только в том, что при этом обогащается понятийный аппарат и развивается и дифференцируется наше познание социальной действительности. Учет реальной разницы между этими двумя характеристиками дает возможность более конкретно и обоснованно намечать задачи и осу-

ществлять функции социального управления. Однако такое разграничение общественных процессов может иметь место только в теории.

Строительство социализма и коммунизма представляет собой единый, научно направляемый коммунистической партией процесс. Отсюда вытекает необходимость создания единой организационной системы, компоненты которой были бы внутренне связаны друг с другом, а их деятельность направлена на достижение общей цели. Эффективность этой системы в решающей степени зависит от того, насколько успешно в ней отражены научные принципы управления, сформулированные классиками марксизма-ленинизма и развиваемые на основе практического опыта строительства социализма.

Каждая страна имеет более или менее единую в структурном и функциональном отношении организационную систему. Она могла бы быть названа национальной или генеральной. Но поскольку отдельные социальные уровни и сферы являются относительно самостоятельными компонентами социальной системы, то для их управления формируются частные, региональные и специализированные (отраслевые) организационные системы. В этом смысле можно говорить об организационной системе экономического управления, а также об управлении отдельными экономическими отраслями и видами деятельности. Создаются и соответствующие организационные системы управления социально-политической жизнью, культурой, идеологическими процессами и т. д.

Основное назначение организационных систем в социалистическом обществе — это осуществление функций управления. Организационные системы социалистического общества наряду с другими свойствами должны обладать способностью своевременно и правильно перерабатывать циркулирующую в обществе информацию и трансформировать ее в эффективные управленческие решения. В современных условиях, когда требования научности управления приобретают решающее значение, правильное построение организационных систем не может быть осуществлено лишь на основе интуиции или элементарного опыта. Необходимо, чтобы весь процесс построения и усовершенствования организационных систем осуществлялся на основе научно обоснованных принципов.

Организационные системы создаются и функционируют, чтобы удовлетворять определенные социальные потребности. Эти потребности не являются какой-то неизменной величиной, а меняются и модифицируются сообразно изменениям в характере развития общественных отношений. Отсюда вытекает необходимость при создании или усовершенствовании организационных систем всегда учитывать специфику общественных отношений, направления и тенденции их развития.

Важным вопросом в этой области является разработка научных методов совершенствования организационных систем. Неправомерным является допущение оторванных, не связанных между собой и основанных лишь на интуиции действий по совершенствованию организационных систем. На этом пути, которого и сейчас во многих случаях придер-

живаются, неизбежны палиативность, несогласованность, необоснованность.

Разработка научных принципов совершенствования организационных систем диктуется многими причинами и обстоятельствами и прежде всего динамикой современной жизни, быстрым темпом социальных, экономических, политических и культурно-идеологических преобразований.

Разработка научных принципов усовершенствования организационных систем предполагает:

Во-первых, создание ясной и максимально обоснованной концепции о структуре, функциях, направлениях развития, целях и задачах системы управления, определение прав и компетенций основных организационных звеньев как по линии государственной власти, так и по линии общественно-политических организаций. Такая концептуальная разработка позволяет правильно определять направления исследований в области организационных систем, а при проектировании этих систем полнее учитывать потребности общественного развития. В решениях Июльского Пленума и в новой Программе партии концепция управления на этапе построения развитого социалистического общества приобрела известную завершенность.

Во-вторых, наличие хорошо подготовленных специалистов, занимающихся изучением проблем управления на различных иерархических уровнях.

В-третьих, разграничение на предварительном этапе работы исследований по совершенствованию организационных систем и текущей практической работы соответствующих органов. Этот вывод следует из практики, которая сейчас повсеместно принята. Наблюдения показали, что при различного рода усовершенствованиях организационных систем без достаточной научной разработки вопроса допускается много серьезных недостатков.

После теоретической разработки принципов национальной организационной системы социального управления логически возникает еще одна важная проблема — проблема факторов и механизмов, обеспечивающих оптимальное функционирование системы социального управления и достижение ожидаемого эффекта от ее создания и развития.

Социальной науке предстоит решить большую и сложную задачу: конкретизировать и развить общие принципы социального управления применительно к специфическим требованиям различных социальных сфер и компонентов общественной системы.

Трудность решения этой задачи не нуждается в особых доказательствах. Принципы управления отдельными компонентами социальной системы не могут быть непосредственно выведены только из общей теории, так же как они не могут быть получены только на основании опыта.

Проблема трансформирования абстрактных теоретических принципов в конкретно-прикладные, операционные и осуществление на этой основе соответствующих разработок для непосредственной прак-

тической деятельности представляет собой исключительно важную и перспективную проблему. Ее разработка дает возможность укрепить единство теории и практики, поднять роль науки в социалистическом строительстве.

Плодотворность идеи трансформирования знания и трудность ее реализации мы сочли целесообразным показать исходя из некоторых основных, на наш взгляд, соображений об управлении тремя главными компонентами общественной системы — экономикой, общественными отношениями, идеологией. Выбор именно этих объектов сделан не произвольно, а сообразован с главными задачами, которые решаются в ходе социалистического и коммунистического строительства и записаны в новую Программу Болгарской коммунистической партии.

Народное хозяйство представляет собой цельный, взаимосвязанный, крайне сложный и постоянно усложняющийся организм. Каждая из входящих в него подсистем (отрасли, территориально-производственные комплексы, объединения, предприятия и т. д.) нуждается в специфической организационной и информационно-логической структуре управления. Наряду с этим вполне возможным и оправданным является формулирование общих принципов и правил создания и совершенствования организационных систем в экономике.

Процесс научного управления экономикой включает в себя несколько основных внутренне связанных между собой видов деятельности. Сюда относятся прежде всего сбор информации, прогнозирование, экспериментирование и выработка концепций и программы, а также, разумеется, их осуществление. Одно из наиболее существенных достоинств решений июльского, сентябрьского и других пленумов ЦК БКП после Девятого съезда заключается в том, что в них были обозначены главные звенья в едином управленческом цикле. В этих решениях деятельность органов социального управления была направлена также на более полное овладение закономерностями самого процесса управления. Большое внимание проблемам совершенствования системы управления уделил и XXIV съезд КПСС.

Важное место при решении этих задач в едином управленческом цикле — от сбора информации до практического осуществления программ и планов — отводится науке. Последовательное проведение этой линии — надежный путь оптимизации связей между познанием и развитием социалистического общества.

Главная задача научного управления общественными отношениями — обеспечить их оптимальное функционирование и развитие в соответствии с объективными закономерностями и таким образом создавать все более благоприятные условия для всестороннего развития человека, что является высшей целью социалистического и коммунистического строительства.

Между общественными отношениями и управлением существует сложная взаимосвязь. При анализе общественной системы в целом прежде всего обращают внимание на регулятивные функции общественных отношений. С другой стороны, общественные отношения сами являются объектом управления. Исследование этих двух аспектов интересую-

щей нас проблемы имеет важное теоретическое и практическое значение, так как они выражают взаимосвязь и взаимодействие между объективными регуляторами и субъектом управления при социализме.

Важным моментом современного этапа коммунистического строительства является проблема коммунистического воспитания и разработки методов и средств повышения эффективности идеологической работы.

Мировоззрение и поведение человека формируются под воздействием широкого круга социальных факторов и обстоятельств: производственных отношений, системы материального и духовного стимулирования, степени развития форм социалистической демократии, массовых средств информации, образования, деятельности общественных организаций и пр. При социальном управлении необходимо внимательно изучать и регулировать все эти факторы, обеспечивать их правильное функционирование. Одним из критериев оптимального функционирования и развития социальной системы в целом должно быть выяснение того, насколько эта система способствует формированию у членов общества коммунистических убеждений и норм поведения.

Борьбу с отрицательными явлениями в развитии социалистического общества следует рассматривать именно с этой точки зрения. Давно доказано наукой и практикой, что люди формируют свое отношение к миру под непосредственным воздействием окружающей среды. Человек, индивид не всегда может подняться до теоретических обобщений. И тогда оценку правильности функционирования социальной системы он проводит по непосредственной оценке микросреды, в которой он живет, а также коллектива предприятия, на котором работает. Отрицательные явления в функционировании и развитии общественных отношений как в масштабах всего общества, так и в микросреде, в которой он живет, вносят особенно неблагоприятные изменения в его сознание и поведение. Поэтому борьба за то, чтобы сделать обстоятельства жизни каждого гражданина в высшей степени гуманными, создавать для людей адекватные социализму условия жизни и деятельности, имеет важное идеологическое значение.

Основной принцип подхода к проблемам коммунистического воспитания основывается на марксистско-ленинском выводе о том, что воспитание — это процесс изменения людей в трудовой и общественной деятельности и посредством этой деятельности. Выработка цельной концепции научного управления идеологическими процессами предполагает необходимость сделать все выводы из этого кардинального принципа теории воспитания.

Изучение психологии нашего современника, системы ценностных ориентаций, мотивирующих его поведение, дает возможность повысить эффективность идеологической работы. Но это отнюдь не означает, что пропаганда и агитация должны примиряться с ретроградными чертами национальной, групповой и индивидуальной психологии. Наоборот, прямая их задача — бороться с рутиной и косностью, с примитивизмом и духовной бедностью, воспитывать новые ценностные ориен-

тации, соответствующие требованиям и принципам социалистического общественного строя.

Важным условием повышения эффективности нашей идеологической работы являются: изучение общественного мнения, точная оценка социально-психологической почвы, на которой будет осуществляться то или иное социальное решение или действие; научный прогноз и модель возможной психологической реакции на его проведение.

2. Наука и социальное управление

Узловым вопросом социального управления является реализация рекомендаций науки. Недостаточно просто разрабатывать определенные вопросы, формулировать концепции. Главное уметь осуществить достижения науки на практике. Одним из коренных принципов историко-материалистического учения является признание важной роли субъективного фактора в процессах общественного развития.

В период крупных поворотов в истории субъективный фактор — деятельность масс, классов, партий, отдельных личностей — приобретает решающее значение в преобразовании общественных отношений, если его действие соответствует объективным закономерностям.

Особенно велика роль субъективного фактора в процессах социалистического и коммунистического строительства. Коммунистическая общественная формация возникает и развивается в результате сознательной и творческой деятельности масс под руководством марксистско-ленинской партии, деятельность которой является важнейшей составной частью субъективного фактора.

Анализ этой деятельности требует раскрытия прежде всего руководящей и направляющей роли партии в научном управлении обществом.

Место коммунистической партии в системе научного управления обществом определяется ее социально-политической природой и ролью. Партия является высшей формой классовой организации рабочего класса. Вооруженная марксистско-ленинской идеологией, она выступает самым последовательным борцом за дело коммунизма. В условиях социализма партия является руководящей и направляющей силой. Она разрабатывает генеральную линию и общую политику социалистического строительства, определяет основные направления развития экономики, общественных отношений и культуры, внешней политики страны. Партия призвана изучать и охватывать комплексно, системно все общественные явления и процессы, научно определять главные задачи и перспективы социалистического развития страны, организовывать и вдохновлять трудящихся на борьбу за социализм и коммунизм.

В системе социального управления партия выполняет две основные задачи: во-первых, она является решающей идейной силой, способной видеть перспективу развития общества, и, во-вторых, она является

основным организующим фактором, способным организовать, мобилизовать и вдохновить трудящихся на активное участие в борьбе за построение социализма и коммунизма. Эти две стороны ее деятельности неразрывно связаны между собой.

На основе марксистско-ленинской теории научного определения исторических целей и задач партии на различных этапах перехода от классово-антагонистического к коммунистическому обществу обеспечивается разработка основных вопросов партийной работы в различных сферах деятельности, а также задач пропаганды марксизма-ленинизма и политики партии. В идейно-теоретической деятельности партии можно выделить следующие основные моменты:

Во-первых — на основе всестороннего объективного анализа социальной системы, степени развития общественных отношений и других компонентов общества коммунистическая партия определяет основное содержание конкретного этапа развития общества и место этого этапа в общем процессе создания коммунистической общественной формации. Это дает возможность правильно ставить задачи как перед обществом в целом, так и в отдельных областях жизни.

Во-вторых. Опираясь на научный анализ соответствующего этапа развития общества, партия определяет основные направления развития производства, социальных отношений, культуры, образования и других социальных сфер. Это — ответственная теоретико-аналитическая деятельность, в которой проявляется и проверяется способность партии творчески применять общие принципы марксизма-ленинизма в специфических условиях страны.

В- третьих. Теоретический анализ современного этапа развития общества и его основных компонентов по своей сущности является конкретно-прикладной теорией, формируемой на основе марксизма-ленинизма как общей теории социального развития. Конкретно-прикладная теория является чрезвычайно важным посредствующим звеном, с помощью которого связываются идейные функции партии с системой социально-управленческих решений.

Важное значение среди них имеет трансформация дескриптивной (описывающей) в проспективную (предписывающую) информацию. Эта процедура абсолютно необходима для перевода конкретно прикладной теории в соответствующие управленческие решения.

В-четвертых. Трансформацией конкретно-прикладной теории в управленческие решения, разработкой планов и программ действий создаются предпосылки для научно обоснованной и целенаправленной практической деятельности.

Для выявления в полной мере роли партии в научном управлении обществом, необходимо под ее руководством организовать исполнение Программы партии и вытекающих из нее решений. Воззрение, согласно которому роль партии ограничивается лишь идейно-теоретическими функциями, формулирование целей и задач социалистического развития является несостоятельным. Партия не может встать на позиции «невмешательства» в реальный исторический процесс. К силе идей она добавляет

силу организации, органически сочетает идейно-теоретическую работу с организационной.

Своей деятельностью партия решает важнейшую узловую проблему социального управления, проблему единства теории и практики.

Прогресс в области теории и практики управления возможен лишь при всесторонней марксистско-ленинской разработке как общей концепции управления, так и узловых элементов управленческого цикла. Особенно большое значение в этом смысле имеет разработка проблемы решения. В определенном смысле управление можно рассматривать как процесс выработки, принятия и осуществления решений как глобального, так и оперативного характера. Это одна из основных функций каждого руководителя и каждого руководящего органа независимо от его места в служебной иерархии. Достижения науки и практики управления дают теперь возможность углубить анализ проблемы решения, более полно раскрыть сущность решения и его структуру, более конкретно наметить требования к субъекту управления.

Наша задача в этом случае состоит в раскрытии структуры этого вида деятельности, в указании последовательности теоретико-логических операций, которые необходимо провести для формулирования научно-обоснованных управленческих решений, в описании теоретических операций, при помощи которых проводится трансформация конкретно-прикладной теории (буквенное обозначение: КПТ) в соответствующие управленческие решения и программы их выполнения.

На основе наличных знаний и конкретного анализа процесса или явления, являющегося объектом управления, вырабатывается модель или система моделей. Модель является орудием познания и более глубокого раскрытия существенных особенностей и закономерностей развития процесса или явления. Познавательная значимость модели (М) повышается с помощью прогнозов (П), раскрывающих будущее состояние соответствующего объекта или явления. Модель, обогащенная и развитая на основе прогноза, совершенствуется, превращается в другую модель $М_1$. Указанные до сих пор логические действия можно обозначить следующей буквенной цепью: $М=П=М_1$.

Дальше научное познание приближается к практике путем выработки концепций (К), при помощи которых определяют самый общий подход к данной проблеме, намечают принципиальные направления деятельности субъективного фактора. Концепция, если это возможно, проверяется в научном эксперименте (Э), потом развивается и совершенствуется в $К_1$. Таким образом получается новая цепь: $К=Э=К_1$.

Формирование концепций и проведение социальных экспериментов дают возможность выработать максимально обоснованные управленческие решения (УР), на основе которых составляются планы (Пл) и программы действия (ПД). Этим заканчивается процесс трансформации описывающей информации в предписывающую. Эту группу логических действий можно обозначить следующим образом: $УР=Пл=ПД$.

В целом, процесс трансформации конкретно-прикладной теории в управленческие решения, планы и программу действия можно обозначить следующим образом:

$$КПТ = П \overset{М}{=} Э \overset{К}{=} УР = Пл = ПД$$
$$\qquad\qquad\quad M_1 \quad K_1$$

Решение обычно определяется как выбор способа действия в данных конкретных условиях осуществления определенной цели. Выбор является существенным компонентом каждого решения. Из всех возможных вариантов действия субъект управления выбирает тот, который по его оценке обеспечит получение наибольшего результата и будет содействовать реализации его цели.

Возможность выбора, а следовательно, и решения в качестве момента процесса управления вытекает из самой социальной действительности, из многовариантности исторического процесса, из диалектики необходимости и свободы. Социальные законы, как уже было подчеркнуто, имеют статистический характер и проявляются как объективно необходимые тенденции в развитии общества. Одна и та же историческая необходимость может реализоваться в различных конкретных формах в зависимости от условий, места и времени, от степени зрелости объекта и субъекта управления и т. д. В своей социальной практике субъект всегда поставлен перед различными вариантами поведения, и, делая выбор, он принимает то или иное решение. Без наличия альтернатив нет решения.

Для того чтобы быть научным, управленческое решение должно основываться на соответствующем познании действительности, в особенности тех объектов, для которых оно принимается. Причем речь идет о познании во всем его объеме и многообразии.

Современное познание чрезвычайно быстро развивается, расширяет свои границы, завоевывает новые поприща, проникает в новые области. Теория управления является в этом отношении характерным примером. Отсюда вытекает наша обязанность научно разрабатывать актуальные проблемы, возникающие в ходе развития социалистического общества, в органической связи с потребностями практики социального управления.

Annotated Content of of the Volume "Theory of Reflection and Social Science"

Chapter 1

BASIC TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIAL SCIENCE

In its capacity of a living and creative theory, Marxism-Leninism is constantly developing on the basis of revolutionary practice and of the keen analysis and generalization of the urgent tasks of the building of communism and of the problems of international development, the problems of the world's revolutionary-liberational movement.

The elaboration of the problems of the developed socialist society is the fundamental general task facing workers in all social sciences.

One of the principal characteristics in the development of modern natural science is the need for comprehensive studies of the contemporary processes in the development of society.

The most general and complex trend which focuses the research efforts of workers in all fields of social sciences is the elaboration of the ideological foundations of the building of communism and of communist education.

One of the basic trends in this comprehensive research must be the study of the socio-economic and ideological problems of the scientific and technological revolution.

The current trend of scientific research which is closely connected with the problems of the scientific and technological revolution is the study of the changing correlation of forces in the struggle between the two opposing systems in the world.

Of great significance is the scientific treatment and the propagation of the ideas contained in the programme of peace pursued by the socialist countries which has won the recognition and support of all progressive mankind.

The problem of further improving the management of national economy acquires an increasingly greater significance and, parallel with it, the study of the problems of planning and management.

Among the central problems of social sciences are the inherent principles of the world socialist system, as well as the efforts to secure a profound study of modern Marxist thinking abroad, particularly the theoretical work and the experience of the ideological struggle in the socialist countries.

The author offers a further concrete treatment of the general trends in the development of modern social science, up to the tasks of the individual fields of social knowledge. The author discusses the problems of econom-

ic science and the problems of scientific communism, making a detailed analysis of the basic trends in the development of philosophy and of sociological research, as well as the problems of the development of historical science.

Chapter 2

THEORY OF REFLECTION AND CERTAIN PROBLEMS OF THE SPECIFICITY OF SOCIAL COGNITION (PROFESSOR PANAYOT GINDEV, DOCTOR OF PHILOSOPHICAL SCIENCES)

The Chapter deals with certain aspects of the specificity of social cognition in the light of the theory of reflection. The object of social cognition is society and human reality which is created by people and is in a state of uninterrupted change and development. Ensuing from the specific characteristics of the object of social cognition, the author throws light on the method and forms of its reflection. Social cognition is realized as scientific and extra-scientific cognition which differ in both form and content. He shows the creative-reflectory character of social cognition, its capacity of not merely correctly reflecting social reality but also of promoting its practical change. The author tries to explain the coincidence of social knowledge and social life, as well as the gnosiological opposition between them, the emergence and the overcoming of the contradiction between social cognition and social reality in the process of social practice. On the basis of the dialectics of „subjectivization" of the object and of „objectivization" of the subject in the cognitive process and in practice, the author explains the specificity of social cognition. The „subjectivization" of the object of social cognition is realized through the specific means and forms of sensory and logical cognition, which include ideological components in their cognitive content. The author explains the «objectivization» of the subject of social cognition on the basis of human activity and of social-historical practice, showing its soecific characteristics as well. One of the most important features of social cognition is its dependence on the social position of the subject in society. The author explains the components of the social position of the subject and the mechanism of determination of the social cognition through this position which attributes its class and party character.

Chapter 3

THEORY OF REFLECTION AND THE METHODOLOGY OF COGNITION OF SOCIAL PHENOMENA

The characteristics and the practical needs of the modern era of transition from capitalism to communism account for the increasing interest shown in the methodology of cognition of social phenomena.

The investigation of the nature of social knowledge in general, the finding out of the specificity of the cognition of social processes, and the confirmation of the genuinely scientific methodology of cognition of social phenomena, this is an important task of Marxist philosophy. In solving this problem Marxist philosophy is backed by the consistent introduction in life of the materialist principle of reflection.

The authors present various definitions of methodology existing in Marxist literature and examine them not as being mutually contradictory but as supplementing one another and describing different aspects of the broad phenomenon now designated by the one term of methodology.

Furthermore the authors point out that the methodological function of philosophy oblige it to substantiate theoretically the methods employed in cognition, including the properly philosophical ones, i. e. to come up in its capacity of a "teaching of methods".

In the case of Marxism this function is performed by the dialectic-materialist theory of cognition, the logic of science.

Examining the methodology of cognition of social phenomena as an aggregate of principles, means and methods of cognition, the authors differentiate between three systems within this aggregate, which differ by the degree of the community of their component methods of cognition and, respectively, by their capacities in the study of one kind of concrete objects or another: general philosophic ones, social-philosophic (or general sociological), and general-scientific.

Surveying the interrelation and the interaction of these types and levels of methodology in the process of social cognition, the authors point to the advantages offered by the method chosen by them of examining methodology and, in particular, of studying the specificity of the methodology of cognition of social phenomena.

Chapter 4

THE SOCIAL AND THE BIOLOGICAL IN THE EVOLUTION OF MAN

The formation of man, with its entire natural charncter, is a gigantic leap in the history of life.

The study of social inheritance is one of the cornerstones in understanding the evolution of man and in understanding the qualitative differences of man from the animals. In his discussion of the prehistory of man and of the history of the appearance of homo sapiens, the author substantiates the teaching of social inheritance and formulates the task of studying the essence of the transmission of the social programme which is backed by the genetic characteristics of each man.

The author remarks that the genetic programme serves only as a basis and as an opportunity for the development of man's properties. The interaction between the social and genetic programmes — therein lies the nature of the formation of the uniqueness in the spiritual indi-

viduality of man. The road followed is that of creative work. In his creative development man overcomes or, alternatively, successfully develops the characteristics of his biological individuality.

Are we not in the manner endangering the future genetic programme of man? Is it not more reasonable for us, instead of occupying ourselves with the theory of the transformation of the biological foundations of man, to engage in the practice of social transformation of the environment by creating conditions corresponding to the biological nature of man? These are questions asked by the author.

Drawing the attention of scientists to their social responsibility, the author warns against the dangers of a hasty interference in man's genetics and he sets the task of safeguarding the heredity of man. Man's progress and his future is connected to the development of his social programme and to creative activities.

Chapter 5

THE NATURE OF INTERESTS AND THEIR ROLE IN THE DETERMINATION OF SOCIAL CONSCIOUSNESS

There are two types of cause-and-effect relations between social being and social consciousness. The first one is of a gnoseological nature. The second one expresses the social conditionality of social consciousness through social being. One of the principal shortcomings of vulgarized sociologism was the identification of these two elements in examining the problems of social cognition.

There is a certain objectively existing method of production. It determines the formation of the material necessities of men and of society as a system.

Material interests are formed on the basis of material needs. Before the material and spiritual needs of society and of classes (the material and spiritual interests, respectively)have been reflected in man's consciousness in one degree or another, they cannot become stimuli (motives) for action.

The reflection and realization of interests takes place both on the level of ordinary consciousness and on the level of theoretical consciousness. Personal interest is reflected to a greater extent on the level of ordinary consciousness. As regards public interests, it is impossible for them to be correctly realized on the level of ordinary consciousness. Public interests can be understood correctly only on the basis of a profound generalization of the social processes taking place in society.

Chapter 6

"FALSE" IDEOLOGY AND THE PRINCIPLE OF REFLECTION

The subject of the author's study is the reflection of reality in non-scientific ideology,the problem of determin-

ing the causes, conditions and symptoms of the false reflection of social being in social consciousness.

The false ideological consciousness is explained on the basis of its social and material practice, on the grounds of a materialist concept of history.

The author discusses the arguments of certain opponents of the materialist theory of reflection which deny the reflective character of ideology. Taking as example the examination of the problem of the treatment of false consciousness he demonstrates the eclectic and sophistic nature of the reasoning offered by the modern opponents of the theory of reflection.

At the same time, on the basis of the Marxist teaching about the gnoseological and social roots of ideology as a methodological prerequisite, the author presents an extensive analysis of illusory ideology, proving its reflective character and demonstrating both the necessity and the possibility of eliminating the illusory and false concepts from people's consciousness.

Chapter 7

ON THE METHOD OF ANALYZING THE STRUCTURE OF SOCIAL CONSCIOUSNESS

Examining social consciousness as a component of social life whose origin, functioning and development are explained on the basis of the scientific-materialist solution of the basic problem of philosophy applied to society, the author singles out three approaches in studying the structure of social consciousness, namely, historical-genetic, gnoseological and sociological.

In accordance with the first one, the historical-genetic aspect of the study of social consciousness, the specificities of three historically determined structural formations are distinguished and discussed, namely: 1) the consciousness of pre-class society; 2) the consciousness of class-antagonistic formations; and 3) the consciousness of the communist formations now emerging before our eyes.

In accordance with the second aspect of the investigation of the structure of social consciousness, the gnoseological one, in his treatment of social consciousness as reflection, the author sets apart and investigates two qualitatively different structural levels which in the character and depth is their reflection of reality.

The first level is the ordinary consciousness or the direct reflection of reality in the consciousness of social man. The second level is the systematized (theoretical and artistic-pictorial) consciousness, or the reflection of reality mediated by the precedent development of the entire spiritual culture.

By means of the third one, the sociological aspect of analyzing the structure of social consciousness, the author reveals and explains the social causes that have led to the internal differentiation of social consciousness and to the manifestation of a number of its forms such as science, ideology, and the arts.

Having examined the principle of historical-mate-

rialist analysis of the structure of social consciousness, and having referred to this structure, the author undertakes a concrete study of the interaction between the material and spiritual life of society, taking due account of the entire variety of forms of social consciousness.

This study enables the author to demonstrate the heuristic possibilities of the principles of investigating the structure of social consciousness proposed by him, and also to emphasize the dialectic interrelation and the impossibility of a real dismemberment of the three aspects of the analysis of this structure as brought forward by him.

The Chapter ends with a discussion of the problem of the unity and interdependence of all three aspects of the study of social consciousness.

Chapter 8

SOCIAL SCIENCE AS THE OBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

One of the characteristic features of the modern stage of social development is the rapid growth of the role played by social sciences.

The examination of science as a special type of social activity directed toward the production of knowledge makes it possible to reveal to a fuller extent the specificity of social sciences and to understand their capacities and place in the processes of social development.

Research activity in the field of social science is examined:a) as part of the overall activity of mankind, b) as professional activities, and c) as individual activity.

The specific characteristics of each one of the "sections" in the analysis of science, as well as their correlation and interaction, can be studied from the materials offered by the history of the formation and development of social science.

It is pointed out that, strictly speaking, social science as a complete and logically set concept explaining the processes of social development has been initiated by Marx.

On the basis of the change in the character of scientific activity which has taken place under the influence of the development of capitalist means of production, the essence has been shown of the turning point and crisis in the development of bourgeois social sciences after the emergence of Marxism and the triumph of the Great October Socialist Revolution.

The qualitative change in the character of the historical process, with the transition toward socialism and communism, brings about a change in the role of social sciences in the processes of social development.

A definite specificity appears both in production and in the application of social scientific knowledge. Parallel with the three trends in natural science which have appeared in the natural course of history, namely: the group of historical disciplines, the group of sciences studying the individual aspects and phenomena of social life, and the group of sciences which represent the knowledge

on society as a whole, there has also been the development of applied knowledge in the sphere of social sciences.

The Chapter examines the sources of the formation of this branch of social science, as well as its specificities and the prospects for its development.

Chapter 9

THE NATURE OF POLITICAL AND LEGAL CONSCIOUSNESS AS REFLECTION

The Chapter discusses several basic problems connected with the nature of political consciousness as reflection of economic relations through the prism of the basic interests of different classes. Parallel with that the author analyzes the interrelations between politics, political consciousness, and political relations. Political consciousness is a prerequisite for the formation of politics. Without definite political ideas and concepts politics cannot exist as a particular form of social practice. The author shows the profoundly class character of political consciousness, and then he offers a definition of political ideology as a system of social and political convictions of one class or another. An analysis is made of the specificity of political social psychics.

Legal consciousness is closely related to other forms of social consciousness, though it is first of all connected with the political consciousness.

The legal superstructure contains, in a unity, the necessary three elements of legal consciousness, legal norms, and legal relations.

The initial or starting elements in the reflection of legal consciousness are to be found by means of an analysis of the internal structure of legal consciousness. Legal consciousness has stemmed from the objective necessities of social development. Man acquires a realization for these necessities as interests of certain classes. That is why not only opinion or views but also social feelings and volition are required in order that legal consciousness may fulfil its cognitive function. In analyzing the process of cognition, sentiment and volition appear as elements of reflection. There exist political social feeling and the feeling of law and legality. Volition, in its capacity of an active aspect of consciousness, expresses a purposeful attitude toward life. Without volition there could be no practical realization of the needs in legal regulation. The presence of essential connections between the initial elements and the structure of legal consciousness is determined by the presence of a common specific object of reflection. There is a difference in the volume of social legal consciousness and the legal consciousness of the individual. Hence the concept of the social type, the spokesman for the manner of thinking and action of his class and of his social grouping.

The level of the legal consciousness of the working people is an important condition for the development of communist relations, for the active participation in the

management of the state and of society, for the observance of state discipline and law, and for the maintenance of the established legal order.

Chapter 10

OBJECTIVE FOUNDATIONS AND REGULATORY FUNCTIONS OF LAW

In the present era law embraces most spheres of human activities and life, accompanying people in their interrelations, as well as regulating, organizing and directing the processes of social being in any class-economic formation.

Production is the ultimate basis of man's activity. As it creates objects corresponding to the necessities, it is a determinant for the content of certain necessities, as well as of the concrete historical forms of their satisfaction. However, in the words of K. Marx, there can be no production without necessities and requirements. It is only in the existence of objective community in the system of necessities of the individuals belonging to the dominant class that law can emerge, exist and operate as a specific means promoting the satisfaction of their vital necessities.

Interest is the product and the result of objective necessities. Interest is a necessary property of the social nature of the individual, with objective necessity linking the individual with the other members of human society. Law reflects not individual but public interest and, in particular, the interest of the dominant class. Inasmuch as interest is realized through volition, it is necessary to analyze the category of volition not only as one of a psychological order but also of a social and, in particular, of class order.

One of the basic and most effective means of regulating social relations is the practice of "raising to the status of law", i. e. to the status of a normative-legal will of the dominant class which is called upon to safeguard the existing relations in society and to ensure the organization and the administration of the people in the interests of the class. The normative character is an internal property and an essential characteristics, a specific symptom of law. The effect and operation of normative prescriptions is a process of the existence of legal norms in time, in space, and among a broad circle of people.

Unlike the normative prescriptions, the non-normative instructions (orders) perform the function of regulating the concrete and individual relation on the basis of the existing legal norms.

The recognition of the normative character of law does not in the least diminish the role and significance of either legal consciousness or legal relations. Both the dominant and the non-dominant classes possess legal consciousness, while the specificity of regulating by law lies in the normative nature and in the universally compulsory character of the effect in the interests of the dominant class, and on that account it is ensured through

compulsion by the state. The non-normative act or legal relation has an obligatory though not universally obligatory effect on social relations.

Recognizing the normative character of law, the author is clearly opposed to the vulgarized sociological concept of law that is charac eristic of modern bourgeois reactionary jurisprudence which on many occasions attempts to justify arbitrariness and illegality in an absolutely overt and theoretically unequivocal manner.

Chapter 11

THE PRINCIPLE OF REFLECTION AND THE REGULATIVE FUNCTIONS OF MORAL CONSCIOUSNESS

In order to be able to operate, each social organism works out its own corresponding regulative mechanisms. This is the role performed by social standards, mass propaganda, training and education, social roles and functions, public opinion, and other factors. Moral consciousness, as a social and personified phenomenon, as a unity of method and prescription, as a valuating and required attitude, will be the more effective in performing its regulative functions the more adequately it reflects the social necessities, interests and purposes, the more successfully it develops as an information system of society. An objective analogue of the moral norm and of the moral criterion for valuation are the relative constancy and repeatability, the invariant processes in the moral life of people, and this makes it possible to reduce to the same denominator certain analogous situations and the same variants of behaviour. The information equivalent of social consciousness can be examined in two aspects, namely, a gnosiological one (as reflection of reality) and a functional one (as regulative mechanism). The theory of anticipative reflection is of great methodological significance to determining the specific aspects of the prescribing and prospective-valuating forms of reflection. They are instrumental in utilizing man's past experience for regulating his future behaviour. The functioning of moral information is related, more precisely, to its personification, i. e. to the formation of value orientation and conviction, of positions and aspirations of man in the moral field. The moral norms and criteria of valuation adopted by the individual become standards for his valuation and obligatory behaviour and assist in the assessment of his behaviour in a particular social environment.

Chapter 12

THEORY OF REFLECTION AND THE ARTS

Proof and substantiation is offered in this study on the fundamental problem of the reflective-creative nature of arts. It is emphasized that the status of the reflective nature of artistic creation does not rule out but rather presupposes and requires a profoundly differentiated

examination of all its aspects and a thorough study of its complex polyphonic nature. Furthermore it does not limit but rather expands the possibilities of substantiating the creative role of the subject-creator and of the artistic consumer.

The use of the theories of reflection and gnoseology as a basic methodological orientator does not in the least lead to a denial of the many-sidedness of the arts, to its "gnoseologization", and to its being treated only and solely as cognition. Gnoseology as a higher development of the theory of reflection does not reduce the reflective attitude of man to the world solely to his cognitive reaction, although he is primarily interested in it. Gnoseology takes account also of the emotional, of the hedonistic, of the educational, and of the purposeful reflective side of man's behaviour and activities.

These initial methodological positions have been presented in a concrete form in four paragraphs. It is demonstrated in the first one that reflection does not rule out creation but is realized by means of it. That is why the reflective relations in the process of artistic creation and aesthetic perception are at the same time creative as well, while the creative relations are built on the basis of the reflective ones. The second paragraph reveals certain basic characteristics of artistic imagery originating in the first place from the dialectics of the essence and phenomenon in the particular products of the arts. The enormous educational and socially-efficacious functions of the arts are shown in the third paragraph, and reference is made to the different roles played by the arts in the different social-historical and concrete political conditions. Demonstrated in the last paragraph is the impotence of the contemporary modernistic trends in arts to secure opportunities for a genuinely creative expression of the subject and for the development of his capacities. It also shows that the nature of the art of socialist realism is basically opposed to these trends.

Chapter 13
REFLECTION AND RELIGION

There are two groups of "knowledge" which can be distinguished in content in religious consciousness. One of the groups contains the doctrine of the supernatural and of the "connections" ("relations") between the believers and God. It also makes up the nucleus of religion, or religion in its "pure form". The other group of knowledge, though ensuing from the doctrine of the supernatural, reflects nature, society and man. This second group of structural components of religion can be conventionally called a nonspecifically proper group or field group. Of course, there are complex connections, co-ordination and subordination which exist, operate and develop between the nucleus and the field of religious consciousness.

Taken from the point of view of its immanent nature and of its specifically proper essence (in its "pure form"), religion is objectively trying to lead man away from the struggle of the classes and from the problems of social

development and social progress, so it cannot turn from an unscientific and conservative force into a scientific and progressive force.

Relations among people as individuals and as members of social (micro and macro) groups are not and cannot be specific objects-subjects of religious cognition, of religious valuation, and of religious regulation, because they are outside the frameworks of the specifically religious connection of "man-God" and possess a direct social-functional charge. What has been said does not imply that these interrelations are alien to any religious interpretation. Such an interpretation does exist, but it is of a derivative nature and holds a secondary and subordinate place in the system of religion,since in the system of these interrelations the problem of the belief in God or in the gods is not solved directly.

Nevertheless, it is precisely in the second field of historical realization and development of religion that the possibility exists of formulating, developing and upholding certain relatively true ideas which possess objectively progressive significance. These ideas, though formulated by religious people and supported by religious arguments, do not originate from the specifically proper nature of religion. They are not the product and property of religion but the product and property of the "religious interpretation" of relations among people and are extraneous to the "man-God" connection. Without religious interpretation of non-religious interrelations among people, religion is deprived of its social-functional role and purpose, and it becomes less attractive to the broad masses of the people and is deprived of its vitality.

In view of the fact that relations among people as individuals and as members of social (micro and macro) groups are increasingly in need of scientific knowledge, scientific valuation, and scientific regulation, the disappearance of religion in the process of expanding and vigorous progress is inevitable.

Chapter 14

SIGNIFICANCE AND FUNCTIONS OF SOCIAL KNOWLEDGE UNDER SOCIALISM

Examining the sphere of modern social science as something integral,the author establishes four different grounds for internal differentiation of this sphere, namely: ideological ones, differentiation of sciences, division into scientific and extrascientific social knowledge, and topological differentiation of knowledge into social-humanitarian and social knowledge, whose type approaches the natural-scientific one. Social cognition in its different forms and types plays a constantly growing part in the development of socialist society. Social sciences, backed by Marxist methodology, are among the necessary means of solving the world's historical problems — that of man's mastering his own social relations, of subordinating the spontaneous social processes to his own conscious control, and of the advancement of man himself, of human personality. In this connection there is an increase

in the significance of the practical functions of social sciences, and this in its turn presents new requirements also toward them in regard to the precision of the conclusions drawn, to the performance of systematic studies, to the efficacy of practical recommendations, etc. The connection between social sciences and practice and practical decision-making is realized mainly in the sphere of social management. That is why the setting up of a system of permanent connection between social sciences and the activities of organization which need their data for practical interests, is an important problem. Furthermore, social sciences and humanitarian knowledge play a most important part in the rise of the cultural standards of the masses and in the intellectual life of modern society.

Chapter 15

THE RELATION BETWEEN THEORY AND PRACTICE IN THE BUILDING OF SOCIALISM AND COMMUNISM

The reflection of reality in scientific theory is always realized on the basis of practical activity.

The unity of theory and practice is the basic condition for the development of every science, social science included.One of the specific characteristics of social science lies in that the test of its theses and its enrichment with new data can be attained, on the one hand, by the application of this theory to the analysis of social life and, on the other hand, by the incarnation of the theory into the practice of changing social life (revolutionary struggle against the old society and the erection of a new one).

Scientific theory contains the g e n e r a l i z a t i o n of historical experience, penetrating into the e s s e n c e of the phenomena and demonstrating their inherent l a w s. This precisely makes it possible to anticipate the course of events and it is instrumental in finding the correct road to be followed in the solution of social problems and in avoiding undue wandering.

On the basis of a theoretical generalization of the experience of the first country of socialism, the science of building a socialist society, which is basically of universal significance, received its concrete elaboration. Of course, the experience of the Soviet land contained a great deal that was historically specific, elements that are not apt to be repeated in the development of other countries.

V. I. Lenin has always repudiated any absolutization of the experience of an individual country and the dogmatically stereotype attempts to attach that to other countries. Parallel with that, however, he emphasized the enormous and intransient significance of the experience of the first socialist country. This experience has now been greatly enriched and supplemented by the experience of other countries which are building socialism; and the Communist Party of the Soviet Union, in

its theoretical and practical activities, is taking careful account of the achievements of Marxist-Leninist thinking abroad.

The report of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union to the 24th Congress of the Party contained a reference to the significance of the collective experience of the socialist countries, the mutual study of which has made it possible to specify the general principles involved in the building of socialism and to outline more fully the features of socialism whose building has been completed.

An important contribution to the theory of socialism is the working out, by the Communist Party of the Soviet Union and by the fraternal parties of other countries, of the fundamental principles of the advanced socialist society.

Organically linked with the practical requirements of the building of socialism, the Communist Party of the Soviet Union, on the basis of the ideas expressed by Marx, Engels and Lenin, provided further elaboration of the idea of socialism being the first phase of communism and about the road to be followed in the growth of socialism into communism.

The interaction between theory and practice is, essentially, a continuous process which accompanies all stages in the development of science and its application to the building of the new society.

Chapter 16

PLACE AND ROLE OF SOCIAL COGNITION IN THE ACTIVITIES OF THE SOCIAL SUBJECT

The cognitive-reflective nature, structure and function of social cognition can be correctly understood only by examining it as indissolubly linked with the necessities and with the character of the relations in a particular society, with the activities of the social subject.

The social subject consists of individuals but it does not represent their adequate sum. The unification of people in the process of their activities results in a new property which enables us to refer to the social subject as something unified, something possessing a certain aggregate of integral qualities. The category of "social subject" reflects the creative and active nature of social groups, classes and masses, the driving side (force) of the operation and development of the social system. In the class-antagonistic society the social subject is antagonistic.

The category of "social subject" reflects only that which is common in the different types of activities of the real social subject, namely, the fact that the real social subject is the bearer and the driving force of all social processes. The category of social subject does not determine just what these processes are — whether they are conscious, purposeful, spontaneous or objectively arranged; all that is reflected, in particular, through the categories of "subject of social cognition", "subjective

factor", "subject of social control", "subject of objectively arranged activity", etc.

A clarification of the role of social cognition in the life of society calls for a differentiation between the concrete-empirical and the essence level of the social system. From a gnoseological point of view, social cognition is reflection. From a functional-sociological point of view social cognition is a necessary link in the operation and development of the social system.

Just as the subjective factor is functionally differentiated and separated from the social subject, so also the subject of social control is functionally differentiated and separated from the subjective factor in its capacity of a relatively independent subsystem.

The object and subject of social control under socialism are not only functionally interconnected as sides of a common social-historical process but they are mutually determinant as well, dialectically penetrating into one another on the basis of the objective laws of socio-economic processes.

Chapter 17

ON THE METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE SCIENTIFIC MANAGEMENT OF THE SOCIETY

Methodological foundation of the scientific management of the society is the Marxist-Leninist philosophy, the dialectical and historical materialism.

Starting from this principle supposition, the author shows in a convincing way that the dialectic of the objective conditions and the subjective factors is the key to the right understanding of the essence of scientific management of the society.

The author gives a definition of the scientific management of society, enumerates the latter's tasks and stresses its importance for socialism.

The exact approach to the social phenomena by such precise and strong criteria as the ones of the investigation of natural phenomena is a necessary condition for the scientific management of society. Hence the unification of the humanities (the humanitarian sciences) with the natural sciences is of great importance for the decision of the problems of management.

Treating the problem of the management of society as a complex one the author points out that the humanities (the humanitarian sciences) are able to solve the problems of the scientific management of society only in close connection with the natural sciences. A detailed analysis of the role of the cybernetics for the management is made in the chapter. Also the great role of the mathematics, mathematical methods and the building of models for the theory of social management is underlined there.

The problems concerning the significance of information (in particular of the social information as a specia kind of the general information) for the social management is treated in details. The author proposes a classification of the social information according to various

features. He raises a question about the necessity of the unity of qualitative and quantitative analysis of society and founds the task about building a special theory of social information.

A special paragraph of the chapter is devoted to the investigation of the problem concerning the relation between information and decision, their peculiarities and their mutual connections. There is shown that the management of the social systems is closely related to the decision of a problem situation, in particular to the building of an informational model for this situation.

Chapter 18
REFLECTION AND FORECASTING

Forecasting is one of the most complex and specific forms of anticipative reflection. Its specificities may give rise to the impression of a certain contradiction in relation to the theory of reflection, more precisely with the basic principle of reflection according to which there exists no reflection without that which is reflected. Nevertheless, forecasting essentially appears as the result of the transformation of diagnostic information, of extraneous reality. Forecasting is the reflection of real trends and of the possibilities of development of the object of the forecasting.

Prognostic anticipative reflection differs from the unscientific forms of ideal anticipation by the degree of validity and adequacy of reflection. Unlike forecasting, the unscientific ideal anticipation is a non-adequate reflection of the future. There exists essential difference in the object and in the gnoseological functions also between forecasting and its related forms and methods of cognitive reflection such as hypothesis, modelling and experimentation.

The specificity of forecasting reflection is also expressed in its direct connection with planning, programming and social control. In its capacity of specific form of anticipative reflection, forecasting is one of the theoretical prerequisites of the planning and practice of social control. Parallel with diagnostics, it provides the information necessary for social control. Forecasting marks the end of what is properly the scientific-research stage in the preparation for social planning and control. Plans, programmes and drafts are likewise particular ideal cases of anticipative reality. However, their main task lies in the conveyance of the cognitive results obtained into a normative form in a form suitable for the purposes of practical realization.

Chapter 19
SCIENCE, ORGANIZATION AND SOCIAL CONTROL

Marxism-Leninism is a general and global theory of society, of its operation and development. Dialectical and historical materialism provides the most profound solu-

tion to these key problems of social development which are treated by the theory of control. This theory emerges on the basis of the Marxist analysis of the nature of social laws, of the polyvariance of historical process, and of the elation between the objective social laws and the conscious activities of men. The subject of the theory of social control includes in the first place a study of the control type of social relations.

The efficacy of social control depends to the maximum extent on the knowledge of the nature, structure and integral properties of the social system and on the capacity of the subject of control to apply adequate methods and means of control. The methodologically correct road of explaining the system of society has been indicated by Marxism-Leninism and has been expressed in the teaching of the socio-economic formation.

Science has been called upon to solve a big and complex task, namely, to render more concrete and to develop the general principles of the theory of control, indicating the specific requirements related to the activity of the subjective factor in the different social spheres and in relation to all components of the social system.

The functions of control are realized by the subject of control. It has a complex structure and incorporates different though interrelated organs and organizations. The principal section of this structure consists of two groups of organs of control — state and non-state ones. The Communist Party holds a fundamental position in the system of social management and control under socialism. It has been called upon to study and to embrace in a comprehensive manner all social processes and phenomena, to determine scientifically the principal aims and prospects of the socialist development of the country, and to organize and inspire the working people in the struggle for socialism.

Содержание

Раздел I

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ОТРАЖЕНИЯ

Глава 1

Основные направления развития современного обществознания 13

1. Основные направления комплексных исследований 14
2. Вопросы экономической науки 22
3. Вопросы научного коммунизма 26
4. Вопросы развития исторической науки. . . 31
5. Основные направления развития философии и социологических исследований 33

Глава 2

Теория отражения и некоторые проблемы специфики социального познания 37

1. Сущность и функции основных форм социального знания. 37
2. Диалектика объективного и субъективного в процессе социального познания 43
3. Зависимость социального познания от социальной позиции субъекта 48

Глава 3

Теория отражения и методология познания социальных явлений 57

1. Проблемы методологии и современность . 57
2. Методология и реальность. Типы методологии. 59
3. Теория и методология. Уровни методологии. 63
4. Специфика методологии познания социальных явлений 67

Глава 4

Социальное и биологическое в эволюции человека. 71

1. Введение 71
2. Предыстория человека 71
3. Появление человека разумного. 73

4. Биологические основы современного человека 77
5. Будущее генетической программы человека. 81
6. О социальной ответственности ученых в проблемах генетики человека 84

Глава 5

Природа интересов и их роль в детерминации общественного сознания 86

1. Два аспекта причинного отношения между общественным бытием и общественным сознанием и их взаимодействие 86
2. Понятие интереса в историческом материализме 93

Глава 6

«Превратная» идеология и принцип отражения 102

1. Предмет и метод исследования. 102
2. Возможно ли сознание, не отражающее бытия? 105
3. Гносеологические и социальные корни иллюзорной идеологии 109

Раздел II

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Глава 7

О методологии анализа структуры общественного сознания 117

1. Три подхода к изучению структуры общественного сознания. 117
2. Единство трёх аспектов анализа структуры сознания 129

Глава 8

Общественная наука как объект социологического анализа 132

1. Некоторые проблемы историко-социологического анализа общественных наук 133
2. Развитие общественных наук на основе практики коммунистического строительства . . 142

Глава 9

Сущность политического и правового сознания как отражения 147

1. Сущность политического сознания к отражения 147
2. Специфика правового сознания 153

Глава 10

Объективные основы и регулирующие функции права 164

1. Потребность, интересы и право. 164
2. Нормативность права и его регулирующая функция 182

Глава 11

Принцип отражения и регулятивные функции нравственного сознания 200

1. Основные характеристики нравственногосознания 200
2. Объективный аналог и информационный эквивалент нравственного сознания. . . . 205
3. Норма и оценочный критерий — специфические носители нравственной информации . . 212

Глава 12

Теория отражения и искусство 215

1. Единство художественного отражения и творчества 215
2. Образная природа искусства. 223
3. Принцип отражения и некоторые проблемы общественного значения искусства. . . . 227
4. Ленинская теория отражения и модернистские течения в искусстве 231

Глава 13

Отражение и религия 237

Раздел III

ПОЗНАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

Глава 14

Значение и функции социального знания при социализме 255

1. Проблема внутреннего разграничения социального знания 256
2. Диалектика сознательного исторического творчества и социальное знание 260

Глава 15

Соотношение теории и практики в строительстве социализма и коммунизма 268

1. Научная теория социализма и практический опыт строительства нового общества . . . 268
2. Роль научной теории в руководстве строительством социализма и коммунизма. . . 274
3. Диалектика взаимодействия теории и практики 279

Глава 16

Место и роль социального познания в деятельности социального субъекта 285

1. Субъект жизнедеятельности общества . . . 285
2. Уровни социальной жизни и сознательная деятельность 288
3. Субъективный фактор и его роль в обществе. 291

Глава 17

О методологических основах нау чного управления обществом 297
1. Диалектика объективних условий и субъективного фактора — ключ к пониманию управления 297
2. Интеграция общественных и естественных наук в решении управленческих проблем 303
3. Социальное управление и информация . . 310
4. Информация и решение 319

Глава 18

Отражение и прогнозирование 327

1. Особенности прогностического знания . . 327
2. Прогноз — важное звено в системе социального управления 334

Глава 19

Наука, организация, социальное управление . . 340

1. Организация и социальное управление . . 340
2. Наука и социальное управление 347

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ

Редакторы
Тодор Павлов, Ф. Т. Архипцев,
П. Гиндев, А. П. Шептулин,
Горский Д. П., А. Бынков,
Ст. Василев, Г. Гиргинов,
С. Смирнов

Стилов редактор
Г. А. Давыдова
Художник Жеко Алексиев
Художественный редактор
Румен Ракшиев
Технический редактор
Милка Иванова
Корректор Е. Й. Годунская
и Станка Янкова

Сдано в набор 28. III. 1973 г.
Подписано к печати
17 VII 1973 г.
Печ. л. 23,25 Уч.-изд. 23,25
Лит. группа II-2Изд. № 20925а
Тем. № 847 Формат 65/92116
Тираж 8000 Цена 2 р. 60 коп.

Государственное издательство
«Наука и изкуство» — София
бул. «Руски» № 6

Государственная типография
«Дим. Благоев» — София